

633 (2P) - 19 Тюм. - 2 Тюмень)
ПЗ1

АЛЕКСАНДР
ПЕТРУШИН

ТЮМЕНЬ БЕЗ СЕКРЕТОВ.

ИЛИ

КАК ПРОЙТИ НА УЛИЦУ ПАВЛИКА МОРОЗОВА

УВАЖАЕМЫЕ
СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ!
ПРИ ПОСЕЩЕНИИ
УЛИЦЫ П. МОРОЗОВА
ПОЖАЛУЙСТА
ВНИМАТЕЛЬНО
СЛУШАЙТЕ
УКАЗАНИЯ
ПРАВОСЛУЖИВЫХ
ОТДЕЛОВ
ПОЛИЦИИ

НЕ ВОЛТАЙ!

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

63.3 (2-й - 4-й Тром - 2 Тюмень)
ПЗ

Александр Петрушин

ТЮМЕНЬ БЕЗ СЕКРЕТОВ.

ИЛИ КАК ПРОЙТИ НА УЛИЦУ ПАВЛИКА МОРОЗОВА

- 108996 / 7 - ^

Тюмень
Мандр и Ка
2011

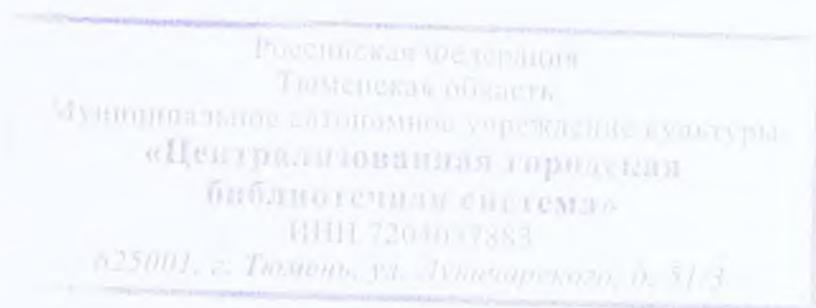
ББК 63.3

П 29

П 29 Петрушин А. А. Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова / Александр Петрушин. — Тюмень : Мандр и К^а, 2011. — 320 с. + ил. 16 с.

Тюмени — первому русскому городу в Сибири — исполнилось 425 лет. Сегодня в нем более семисот улиц, и у каждой, как у всякого человека, свое имя, своя судьба, своя тайна. Этим тайн за четыре с четвертью столетия накопилось немало.

Адресована читателю, интересующемуся историей края.

© Петрушин А.А., 2011.

© Мандр и К^а (оформление), 2011.

ISBN 5-93020-449-7

Об авторе

Александр Антонович Петрушин родился 15 марта 1950 года в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии, с 1975 года — в органах государственной безопасности. Был оперуполномоченным Управления КГБ по Тюменской области, заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу, заместителем начальника Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Полковник. С ноября 2003 года в отставке. Член Союза журналистов России. Автор книг: «Мы не знаем пощады...: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ» (1999), «На задворках Гражданской войны: исследование обстоятельств сокрытия в 1919–1922 годах в Среднем Приобье и на Обском Севере ценностей сибирского Белого движения», в 3-х томах (2003–2006), «Запрещенные солдаты: о тюменцах, попавших в плен в 1941–1945 гг.», в 4-х томах, в соавторстве с Р.С. Гольдбергом (2005–2010), а также документальных фильмов: «Приди и возьми» (о ссылке в Обдорск актеров МХАТа), «Мальчиш останется “мальчишом”», «Как убивали Павлика», «Главная тайна разведчика Николая Кузнецова», «Дивизии, пропавшие без вести», «“Цеппелин” над Югрой» и др.

*Наш век пройдет. Откроются архивы.
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.*

Николай Тихонов

Что в имени твоём, Россия?

*Масштабный телевизионный проект «Имя Россия»
завершился в декабре 2008 года. По результатам
зрительского голосования из 500 имен названы победители:
Александр Невский, Петр Столыпин, Иосиф Сталин.*

К святым почтения нету

Очевидно, что в основу проекта «Имя Россия» была заложена официально провозглашенная в 1830-е годы идеологическая формула многовековой российской государственности: «Православие, самодержавие, народность».

Среди 500 имен — 50 православных святых, включая св. Гермогена, патриарха Московского и всея Руси (с 1606 г.), которого отвыкшие за 70 с лишним лет государственного воинствующего атеизма от канонов православия прихожане посчитали за другого Гермогена — епископа Тобольского.

Того самого, кого утопил 30 июня 1918 года в реке Туре бывший кочегар линкора «Александр II» на Балтике Павел Хохряков, председатель исполкома Тобольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заместитель председателя Уральской облЧК, командир Тюменской речной флотилии. Тот, чье имя с ноября 1922 года носит в Тюмени бывшая Успенская улица.

В 2000 году на Архиерейском соборе Русской православной церкви епископ Тобольский Гермоген (Долганев) был канонизирован в числе 1090 новомучеников российских. В сентябре 2005-го его мощи, обнаруженные при реставрации Тобольского кремля, внесены в Покровский собор и покоятся рядом с мощами другого православного святого — Иоанна Тобольского.

В итоговом «списке пятидесяти» оказался лишь один святой — благоверный князь Александр Невский. Его среди двенадцати

финалистов представлял в телеэфире патриарх Кирилл, бывший в ту пору митрополитом-местоблюстителем Патриаршего престола. Интересно, что духовным наставником, сподвижником и другом Александра Ярославича (так звали князя в Новгороде до 1240 года) тоже был митрополит Кирилл. Благодаря сложенному им в XIII веке «Житию Александра Невского» мир узнал о победах русского полководца над шведами, немцами и литовцами.

Соединив своим прозвищем «Невский» святость православия перед экспансией католицизма, независимость Новгорода от иноземцев и дипломатию мирных отношений с ханом Батыем и его сыном Сартаком, канонизированный с 1547 года Александр Невский стал главным именем телепроекта.

Британская газета «Дейли телеграф» сразу после голосования 29 декабря 2008 года отметила: «Первое место досталось средневековому военному герою Александру Невскому, персонажу в большей степени мифическому, чем историческому».

Жизнь Александра Невского оказалась короткой. Князь умер 14 ноября 1263 года в Городце на пути из Орды, где был, как предполагают, отравлен монголами. Его похоронили в соборе Владимиро-Рождественского монастыря. В 1381 году, на следующий год после Куликовской битвы, он был причислен к лику святых. В 1491 году мощи святого почти полностью сгорели. В 1724 году мощи по повелению Петра I были перенесены в Петербург в Александро-Невскую церковь, а затем в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. Вслед за апостолами Петром и Павлом Александр Невский почитался покровителем нового города на Неве. После 1922 года мощи князя оказались в Казанском соборе, а серебряный саркофаг — в Государственном Эрмитаже. В 1989 году мощи выдающегося государственного деятеля и полководца возвращены в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

За давностью лет даже портретного облика святого благоверного князя не сохранилось. Все представления об Александре Невском сложились в массовом общественном сознании благодаря одноименному художественному фильму, снятому режиссером Сергеем Эйзенштейном в 1938 году. Князь произносит в этой кинокартине знаменитую фразу: «А кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!..».

Роль Александра Невского исполнил Николай Черкасов, который и олицетворяет образ полководца. Характерно, что художник Павел Корин и архитектор Алексей Телятников использовали в 1942 году для заказанного Сталиным портрета и ордена Александра Невского внешний облик актера Черкасова.

Учреждение полководческих орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова было далеко не случайным. Это, как и телепроект «Имя Россия», тонко продуманный элемент пропаганды.

Как известно, Сталин «вспомнил» имена великих русских полководцев непролетарского происхождения 7 ноября 1941-го, когда немцы стояли у стен Москвы. По воспоминаниям писателя Константина Симонова, «Он — Сталин — брал готовую фигуру в истории, которая могла быть утилитарно полезна с точки зрения современной идейной борьбы. Это можно проследить по выдвинутым им в кино фигурам: Александр Невский, Суворов, Ушаков, Нахимов...».

Орден Святого Александра Невского был учрежден в 1725 году — выше его в дореволюционный период считался лишь орден Св. апостола Андрея Первозванного. Одним из первых декретов новой власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) — «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», подписанным 10 ноября 1917 года, все военные и гражданские ордена, медали и другие знаки отличия упразднились.

Вновь учрежденный в 1942 году орден Александра Невского высоко ценился военными, так как его давали за личную храбрость и умение при проведении боевых операций.

Памятники в честь Александра Невского сооружены в Санкт-Петербурге, на берегу Чудского озера, в поселке Усть-Ижора, на месте Невской битвы. Даты побед князя входят в официальный перечень Дней военной славы. Православная церковь ежегодно отмечает несколько дат, связанных с именем одного из самых почитаемых русских святых. Во всех православных храмах в России и за рубежом Александр Невский на иконах изображен в военном облачении.

Думаю, что и в итогах зрительского голосования 2008 года изначально предполагалось первенство имени этого защитника Русской земли и победителя чужеземцев и иноверцев.

В Тюмени в отличие от того же Санкт-Петербурга, где имя Александра Невского носят улица, мост, площадь, станция метро и лавра, нет улицы с таким названием. Хотя после 1858 года городская топонимика формировалась здесь по принципу «бог или благодетель». По названиям расположенных на них церквей: Архангельская, Всехсвятская, Знаменская, Ильинская, Никольская, Спасская, Успенская... Или по фамилии проживавших в Тюмени купцов-меценатов: Воиновская, Подаруевская, Жернаковская, Трусовская, Серебряковская, Ядрышниковская... Но через пять лет после Октябрьской революции 1917-го эти улицы переименовали в честь новых святых и других героев: Урицкого, Свердлова, Володарского, 25-го Октября, Луначарского, Ленина, Хохрякова, Кирова, Семакова, Трудовая, Перекопская, Советская, Оловянникова (соответственно).

Не получившая своевременно директивных указаний об увековечивании памяти русских полководцев провинциальная далекая от фронтов Великой Отечественной войны Тюмень ограничилась названиями улиц, не носящими религиозной святости: Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Пожарского (но без Минина, считавшегося святым). Позднее к этим улицам добавились улицы покорителя Сибири Ермака, государственного и военного деятеля эпохи Екатерины II Потемкина и флотоводца Макарова.

Все эти имена вошли в первоначальный список пятисот участников телепроекта «Имя Россия», но в число пятидесяти второго тура конкурса переместились лишь Суворов, Кутузов, Ушаков (он канонизирован Русской православной церковью 5 августа 2001 года как святой праведный воин), Нахимов и Пожарский вместе с Мининым. А среди двенадцати финалистов оказался из полководцев только генералиссимус Суворов. В итоговом же голосовании этого тура зрители отдали предпочтение другому генералиссимусу — Сталину.

О «столыпинском галстуке» и «сталинском порядке»

Вторую идеологическую составляющую телепроекта «Имя Россия» — «самодержавие» — представляли 14 великих князей, 6 царей, 10 императоров от полулегендарного Рюрика до Николая II Романова, расстрелянного вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля

1918 года в Екатеринбурге. Если к Рюриковичам и Гедиминовичам (в русском государстве второй по знатности княжеский род) приплюсовать их фаворитов, таких как Александр Меншиков, Бурхард Христоф фон Миних, упомянутый выше Григорий Потемкин с братьями Алексеем и Григорием Орловыми... Да еще одного Григория — нашего земляка из села Покровского Ярковского района Распутина (Новых)... Не забудем титулованных государственных деятелей: Алексей Аракчеев, Александр Бенкендорф, Сергей Витте, Петр Столыпин, Виктор Кочубей, Георгий Львов, Александр Керенский... Добавим лидеров Белого движения: Лавр Корнилов, Александр Колчак, Антон Деникин, Петр Врангель, Николай Юденич. Не обойдем вниманием коммунистических вождей и красных командиров: Владимир Ленин, Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Николай Бухарин, Иосиф Сталин, Сергей Киров, Феликс Дзержинский, Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов, Георгий Маленков (странно, что нет Лаврентия Бери), Никита Хрущев, Леонид Брежнев, Юрий Андропов (почему-то отсутствует Константин Черненко), Василий Чапаев, Михаил Тухачевский (но нет Василия Блюхера), Семен Буденный, Клим Ворошилов (забыли Григория Котовского и Николая Щорса), Михаил Фрунзе...

Назовем ушедшего из жизни Бориса Ельцина (Михаил Горбачев еще здравствует, поэтому в телевизионный список не вошел) и получится самая большая категория телепроекта — более двухсот имен.

Во второй тур конкурса вышли 16 «самодержцев»: от Рюрика до Ельцина. Среди двенадцати финалистов их больше всех — восемь: Александр Невский, Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Александр II, Столыпин, Ленин, Сталин. Второе и третье призовые места достались Столыпину и Сталину.

Председателя Совета министров царской России времен Николая II Петра Аркадьевича Столыпина «пиарил» на телеэкранах возглавлявший жюри телепроекта «Имя Россия» кинорежиссер и общественный деятель Никита Михалков.

В отечественной истории Столыпин более известен не столько как аграрный реформатор, сторонник разрушения общины и создания мелкого частного крестьянского хозяйства как основы сельскохозяйственного производства, а также переселения малоземельных крестьян на свободные земли за Урал, сколько как «укротитель» революции 1905–1907 годов.

12 августа 1906 года бомба террористов уничтожила большую часть его дачи на Аптекарском острове — 27 человек убиты, в числе 32 раненых оказались сын и дочь Столыпина. «Не запугаете!» — бросил премьер с думской трибуны фразу, адресованную революционным силам... И продолжал выполнять свою главную задачу — подавление революции.

Апологеты Столыпина предпочитают не слишком распространяться о том, что именно он ввел военно-полевые суды, рассмотрение дел в которых ограничивалось 48 часами, а приговор приводился в исполнение в 24 часа. За восемь месяцев этими судами были приговорены к казни 1100 человек (всего за время премьерства Столыпина казнено около трех тысяч — для России, где полтора века смертная казнь была официально отменена, это огромная цифра). И после этого он обижался на то, что в стране широкое распространение получило понятие «стольпинский галстук». Именно Столыпин с помощью провокаторов подготовил «дело о заговоре» социал-демократической фракции во II Государственной думе, которая 3 июня была распущена, как и предыдущая. Депутаты, призывавшие к милосердию, отданы под суд (среди них представитель Тюмени купец и просветитель Степан Колокольников).

В ответ социалисты-революционеры начали охоту за Столыпиным, закончившуюся 1 сентября 1911 года в Киевском оперном театре выстрелом эсера Богрова.

«Счастливы умереть за царя», — сказал смертельно раненный Столыпин, осенив присутствовавшего здесь же Николая II широким крестом. Среди историков существует аргументированное мнение в пользу того, что собственного премьера «заказал» сам государь император, опасавшийся усиления его влияния. Эту версию подтверждает и «высочайшее» прощение организаторов и исполнителя убийства Столыпина.

Политика виселиц, названных в народе «стольпинскими галстуками», и колонизация восточных окраин России не идет ни в какое сравнение со сталинским террором.

Экономически самостоятельное, а потому потенциально опасное для диктаторской власти крестьянство, составлявшее к 1917 году четверть населения страны, было разорено и выслано в Сибирь. В ходе первой же перерегистрации «спецпереселенцев», проведенной органами ОГПУ в январе 1932 года, в

Западно-Сибирском крае выявлена «убыль 500 тысяч человек, умерших или сбежавших в тайгу».

Не собираюсь доказывать бесчеловечность сталинской политики: это сделал президент Российской Федерации Дмитрий Медведев 30 октября 2009 г. в День памяти жертв политических репрессий. Он убежден, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах... «Невозможно представить себе размах террора, от которого пострадали все народы страны... На протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия нашего народа. Было практически ликвидировано казачество. “Раскулачено” и обескровлено крестьянство. Политическими преследованиями подверглись интеллигенция, рабочие, военные и представители всех религиозных конфессий... Давайте только задумаемся: миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений — миллионы. Были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое погребение.

Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями.

Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий...».

Позицию президента Медведева разделяет и премьер-министр Владимир Путин. В такой же день скорби двумя годами раньше, будучи президентом России, он при посещении Бутовского полигона в Подмосковье, где закопано более 20 тысяч безвинно расстрелянных в 1937–1938 годах сограждан, сказал: «...Трагедия такого рода... случилась, когда привлекательную на первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей — человеческой жизни, ценности прав и свобод человека... Для нас это особая трагедия: масштаб ее колоссален — сосланы, уничтожены, расстреляны были десятки, сотни тысяч, миллионы человек. Причем прежде всего люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать... Уничтожались наиболее эффективные люди, цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Нам надо многое сделать, чтобы это никогда не забывалось...».

Но несмотря на четко выраженное осуждение первыми лицами Российского государства сталинских репрессий, отечественная телеаудитория назвала Сталина «именем Россия».

Иосиф Виссарионович теснит православных святых: в городе Стрельна Ленинградской области настоятель храма Св. княгини Ольги (она не вошла даже в список пятидесяти имен) Евстафий выставил для поклонения икону, на которой в полный рост изображен Сталин. Свою инициативу молодой священник объяснил так: «Чувство, что Сталин — отец народов, что он отчасти и мой отец, не покидало меня всю жизнь. У меня было два отца, кроме Отца Небесного: один — мой отец по плоти, а другой отец — это отец народов, который был строг, но справедлив. Который судил, может быть, ошибался, но все равно был отцом моей страны...».

В РПЦ все чаще звучат призывы причислить Сталина к лику святых, поскольку он якобы был глубоко верующим и праведным человеком. Некоторые иерархи церкви забыли, что к 1939 г. в стране закрыли все монастыри (их было в 1917-м более тысячи), что только в 1937–1938 годах арестовано 165200 священников? Из них расстреляно 106800, включая отбывавшего ссылку в Абалаке и в местечке Хэ (Надымский район) Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра Крутицкого (Полянского), не включенного почему-то в телепроект «Имя Россия». Тогда же в Загорске (Сергиевом Посаде) расстреляли бывшего настоятеля Троице-Сергиевой лавры слепого архимандрита Крониды, которому было за 70. Вместе с ним убили еще 16 бывших монахов, а 95-летний парализованный старец Ипполит умер во время следствия. Вел это «дело Ипполита» УНКВД Московской области, которым руководил свояк Сталина комиссар госбезопасности 1-го ранга Станислав Реденс.

В Тюмени никогда не было улицы Сталина, хотя попытки увековечить его имя в городской топонимике отмечались. Когда в соседнем Ишиме восстановили памятник Сталину, то эта новость прозвучала на всю страну. Какая-то часть населения Ишима гордилась таким решением, а местная власть предпочла занять позицию стороннего наблюдателя. Может, ишимцы, как другие голосовавшие за «имя Сталина», искренне считают, что современная Россия нуждается, главным образом, в наведении порядка, дисциплины и борьбе с коррупцией путем репрессий, а не глубо-

ких экономических, политических и социальных реформ? Поэтому таков их выбор. При этом они не хотят помнить, что для «наведения порядка в стране» и утверждения «идеалов добра и социальной справедливости», согласно документально подтвержденным ФСБ России данным, с 1918 по 1990 г. в Советской России и СССР по политическим мотивам было осуждено 3 миллиона 835 тыс. 990 чел., из них 827 тыс. 995 расстреляно.

А в Ишиме, еще до выхода 2 июля 1937 года постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о «массовых операциях», в ночь с 13 на 24 июня были арестованы и расстреляны все бывшие священники: 75 человек, и среди них епископ Серафим Звездинский.

Расстреляв веру, большевики взяли без жалости за население страны. И после такого святотатства возносить их кумира до уровня лика святых!

«В патриархии нет таких сил, которые могли бы прекратить это страшное по своей сути движение, — считает настоятель московского храма Царя-мученика Николая протоиерей Михаил Ардов. — Эти требования канонизации и то, что мы видим по телевизору, как зрители голосуют за Сталина, считая его символом России, как идут на какие-то демонстрации пожилые женщины и мужчины и несут одновременно портреты Сталина и православные иконы — знак ужасный, знак того, что люди совершенно потеряли ощущение правды и истины».

Телепроект «Имя Россия» не только поставил нашему обществу диагноз беспамятства и нравственного нездоровья, но и высветил пугающее незнание большинством россиян основных этапов отечественной истории. Кого же винить в бесчувственности и невежестве? Как принято в подобных случаях говорить, когда нечего сказать, — «Пушкина Александра Сергеевича».

Кто народу любезен

Великий русский поэт и гуманист, основоположник национального литературного языка в голосовании «Имен России» занял лишь четвертое место. Незадолго до своей гибели на дуэли с французским эмигрантом Жоржем Дантесом Пушкин написал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Но его имя современные россияне назвали не первым, не вторым, не третьим... Возвышены другие имена, пробуждавшие другие, не лучшие чувства иными, не лирическими методами.

Почему нынешнюю молодежь не привлекла личность поэта, острослова, задиры и дуэлянта, который, по воспоминаниям современников, не только сочинял прекрасные стихи, язвительные эпиграммы и удивительную прозу, но и «...вел самую рассеянную жизнь, танцевал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, участвовал в пирах тогдашней молодежи, посещал разные слои общества». Время другое? Но многое ли изменилось с тех пор?

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Разве XXI век добрее века XIX? Или призывы к милосердию потеряли свою актуальность: нет униженных, оскорбленных, зависимых, голодных? Почему из «500 знаменитых людей России» лишь около сотни мыслители, поэты, писатели, музыканты, художники, ученые, правозащитники? Все остальные — представители «православия» и «самодержавия».

И все-таки Пушкин сильнее диктаторов и палачей, заявляя:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Улица Пушкина есть в каждом городе. Тюмень не исключение. Только мало кто из тюменцев скажет, где эта улица, соседствующая с улицами Гоголя и Крылова. Они на задворках торгового центра «Гудвин» и автосалонов иностранных брендов. Как главная библиотека Тюмени — на улице Орджоникидзе (бывшая Ишимская).

Говорят, как улицу назовут, туда она и приведет. Когда-то тюменские улицы вели к храмам: на Спасской, переименованной в ноябре 1922-го в Ленина, находились православные церкви (Архангела Михаила и Спасская), мусульманская мечеть, иудейская синагога и католический костел.

Соратник Сталина Орджоникидзе писал в январе 1934 года еще одному товарищу по партии, Кирову (его именем названа Воиновская улица): «Кадры, прошедшие через ситуацию 32–33-х годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно будет построить государство, которого еще не знали». Пророческие слова. Глубоко верные. История России раньше такого не знала.

В Тюмени 62 улицы носят имена из «народной части» проекта — писателей, поэтов, публицистов, композиторов, живописцев...

Названиями тюменских улиц рамки телепроекта раздвинуты: Бажов, Булат Сулейманов, Габдулла Тукай, Гайдар, Демьян Бедный, Добролюбов, Ершов, Мамин-Сибиряк, Огарев, Фурманов, Чернышевский, Шевченко, Алябьев, Даргомыжский, Верещагин...

Достойные памяти имена.

Кто из тюменцев тюменцам ближе

По аналогии с телепроектом Второго канала «Имя Россия» Центральная городская библиотека Тюмени разместила на сайте <http://www.citylib-tyumen.ru> краткие сведения по 100 ушедшим из жизни тюменцам, «которые оказали позитивное влияние на развитие нашего города, его экономику и культуру».

Парни из нашего города

Тюменцам предложено с 1 сентября 2008 года до Дня города, который отмечается 29 июля, проголосовать за 10 наиболее популярных, по мнению горожан, представителей «всех сфер общественной жизни дореволюционной, советской и совсем недавней истории Тюмени». Не возбранялось также «добавлять к списку 100 имен Тюмени» других знаменитых земляков, не попавших по каким-либо причинам в этот перечень.

За десять месяцев интернет-выборов определились лидеры голосования и стали понятны условия их узнаваемости.

Казалось бы, самыми известными для горожан должны быть лучшие из лучших, то есть почетные граждане Тюмени: их в сотне знаменитых 14(!) из 42-х. Но голосовавшие тюменцы вспомнили лишь двоих — купца Андрея Текутьева и писателя Константина Лагунова.

Из включенных в «список 100» десяти Героев Советского Союза и военачальников, имевших отношение к Тюмени (родились, учились, служили, ушли отсюда на войну), назван только Иван Федюнинский — генерал армии, уроженец д. Гилево Тюменского уезда.

В общественном сознании и памяти тюменцев не закрепились имена 12 художников (из них вспомнили только Александра Митинского), 17 прозаиков, поэтов и публицистов (исключение — упомянутый Лагунов и поэт Александр Гришин).

Из пяти видных нефтяников и геологов горожане знают Виктора Муравленко и Юрия Эрвье.

Неприметны актеры, музыканты, этнографы, издатели, краеведы, ученые, изобретатели, историки, учителя и спортсмены, связавшие свою жизнь с нашим городом и краем.

В чем же причины их неузнаваемости?

В том, что эти имена не закреплены в городской топонимике: в названиях улиц, площадей, скверов, в почетных наименованиях учебных заведений, творческих мастерских, учреждений культуры, лечебных заведений, спортивных команд... В именных конкурсах, соревнованиях и премиях... В памятниках, мемориальных знаках и других произведениях монументального искусства. Таких, как таинственно исчезнувшая с площади у городской управы портретная галерея почетных граждан Тюмени (неудивительна поэтому их полная неузнаваемость).

Голосовавшие за «Имя Тюмень» вспомнили лишь те имена, которые проверенными временем пропагандистскими приемами, методами и способами прочно закрепились в их сознании и памяти.

По результатам голосования на первом месте оказался уроженец Тюмени певец Юрий Гуляев, чье имя носит концертный зал филармонии. Здесь и на здании школы № 25, где он учился, есть посвященные ему мемориальные доски. Популярности певца способствовали печатные материалы, документальные телефильмы, музейные выставки и публичные дискуссии о возможности и уместности назвать его именем еще и улицу, и бульвар.

За исполнителем известных советских песен следует талантливый и мужественный фотожурналист Александр Ефремов, трагически погибший в Чечне 12 мая 2000 года. Через объектив его фотоаппарата тюменцы увидели страшную правду о чеченской войне. В память о нем по инициативе его товарища Сергея Русанова и областного отделения РОСТО в Тюмени ежегодно проводятся региональные фотовыставки и чемпионаты по парашютному спорту. Радует, что для тюменской молодежи примером для подражания стал равнодушный к чужой боли парень, награжденный посмертно медалью «За отвагу».

Пока в Тюмени нет улицы Саши Ефремова. Но родная мне Нижняя Тавда увековечила в топонимике села имя начальника штаба местного РОВД подполковника милиции Людвиг Поперечного, разорванного в Грозном одним бандитским фугасом вместе с Сашей.

Тюмень толерантная

В первую десятку «заметных тюменских имен кроме Гуляева, Ефремова, Лагунова, Текутьева, Федюнинского, Муравленко, Эрвье, Гришина вошел единственный включенный в «именитую сотню» православный святой Филофей (Лещинский) — в 1702–1720 гг. митрополит Тобольский и Сибирский (для сравнения — среди 500 претендентов на «Имя Россия» было 50 святых).

Узнаваемости чудотворца Филофея способствовало чудесное обретение в октябре 2006 года его святых мощей, сокрытых в 1922-м прихожанами от осквернения большевиками. В июле 2007-го у стен тюменского Свято-Троицкого монастыря, куда внесены обретенные православные реликвии, открыт памятник Филофею Лещинскому как сибирскому просветителю, миссионеру, организатору каменного строительства, первых школ и любительских театров. Именем святого Филофея назван также прилегающий к монастырю сквер.

Группу лидеров голосования замыкают «основатели города Тюмени»: под таким общим именем выступают в проекте Центральной городской библиотеки воеводы Иван Мясной, Василий Сукин и письменный голова Данило Чулков, основавшие в 1586 году по указу царя Федора Ивановича Тюменский острог.

Узнаваемости этих служивых людей во многом способствовали приуроченные к Дню города краеведческие викторины, конкурсы и игры, в которых участвовало значительное количество тюменцев самых разных возрастов и занятий. Разработка проекта-памятника основателям Тюмени, о которых мы так мало знаем (нет даже их внешнего описания), способствовала бы взлету творческих фантазий и развитию толерантности, столь востребованной в наше кризисное время.

От узнаваемости имен знаменитых тюменцев всех национальностей — русских, украинцев, татар, евреев (Ирвин Берлин, композитор, автор одного из официальных гимнов США), немцев (Георг Стеллер, ученый-натуралист), шведов (Гектор Гуллет, инженер-судостроитель), поляков (Альфонс Поклевский-Козелл, предприниматель и общественный деятель) — зависит узнаваемость Тюмени на картах России и мира.

Как Сибирь Польшей прирастала

23 августа 1939 г. в Москве был заключен советско-германский договор о ненападении. Но никто тогда не знал, что к этому договору прилагались секретные протоколы, определившие раздел Восточной Европы на сферы влияния между СССР и Германией.

«Бывшие польские граждане»

1 сентября 1939-го Гитлер напал на Польшу, а через 17 дней Красная армия перешла советско-польскую границу и заняла территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, которую Варшава называла «Восточной Польшей».

Поляки продолжали сражаться с немцами — Варшава держалась до 27 сентября, но вступление в войну Советского Союза лишило их последней надежды на сопротивление.

С советской стороны на границе с Польшей было сосредоточено 54 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, 18 танковых бригад и 11 артиллерийских полков резерва Главного командования общей численностью около 600 тысяч человек. Их боевые действия обеспечивали 4 тысячи танков, 5500 орудий и 2 тысячи самолетов.

Гитлеровская Германия бросила против Польши 1,6 млн. солдат — 62 дивизии, из них 7 танковых, 4 моторизованные, около 2800 танков и 2000 самолетов.

В результате разгрома почти миллионной польской армии в сентябре—октябре 1939 года вермахт взял в плен более 18 тысяч офицеров и 400 тысяч солдат.

Другая часть польских войск сдала оружие Красной армии — более 180 тысяч солдат и примерно 10 тысяч офицеров.

22 сентября в Бресте в честь «советско-германского братства» был проведен совместный парад, который принимали комбриг Семен Кривошеев и немецкий генерал Хайнц Гудернан. На происшедшем поставил точку развеселой частушкой Лебедев-Кумач:

Панской Польши нету больше,
Хитрой ведьмы нет в живых,

Не захватит в лапы Польша
Наших братьев трудовых.

Вплоть до июня 1941 года по Москве ходили слухи о том, будто Сталин и Гитлер скоро объединят Германию и СССР в одно государство: мол, там, в Берлине, тоже социалисты, только с приставкой «национал».

Четвертый раздел Польши обернулся для Тюменской области, входившей тогда в состав Омской области, увеличением численности населения на 12717 человек¹.

В течение 1940–1941 годов органами НКВД СССР были проведены четыре последовательные депортации с восточных территорий довоенной Польши в Сибирь «бывших польских граждан»: поляков, украинцев, белорусов, евреев — всего 380 тыс. чел.

В списке оказавшихся в северо-западной части Омской области поляков, представленном в областной исполком уполномоченным главного правления Союза польских патриотов (СПП) Грубецким, названы 10 районов и населенных пунктов, в которых расселялись «бывшие польские граждане»: Велижанский, Нижнетавдинский, Новозаимский, Тобольский, Тюменский, Юргинский, Ялуторовский, Ярковский, города Тюмень и Ханты-Мансийск².

Высланные из западных областей Украины и Белоруссии поляки и евреи делились на три категории: «осадники», «беженцы» (бежавшие на восток с оккупированных немцами территорий) и «административно-высланные (члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, государственных служащих, помещиков).

Все депортации «бывших польских граждан» проводились с санкции Политбюро, ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров (СНК). После рассмотрения и одобрения письменных предложений НКВД тому же НКВД поручалась разработка нормативных документов и инструкций по переселению и порядку

¹ Предыдущие территориальные разделы Речи Посполитой происходили при участии России, которой правила Екатерина II, в 1772, 1793 и 1795 годах. После третьего раздела Польша прекратила свое существование в качестве суверенного государства более чем на 100 лет, вплоть до 1917 года.

² Для сравнения: Новосибирская область (в границах 1940 г.) приняла 19680, а Алтайский край 10056 «бывших польских граждан».

содержания спецпереселенцев, а также предоставление регулярных отчетов о проведении карательных акций.

Депортированные в Сибирь трудоспособные «бывшие польские граждане» были обязаны заниматься «общественно полезным трудом на работах, предоставляемых им предприятиями Наркомлеса». Условия и порядок оплаты труда для этого «спецконтингента» устанавливались НКВД «по согласованию с Наркомлесом». Спецпереселенцы из «Восточной Польши» не имели права выезда за пределы административных районов вселения. Отлучка из поселения или с места работы более чем на 24 часа допускалась лишь с разрешения коменданта.

Другая война

30 июля 1941 года, когда немцы уже захватили Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, и советские войска начали оставлять древние русские города — Псков, Смоленск, в Лондоне были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Польской республикой в лице председателя правительства в эмиграции генерала Владислава Сикорского. Так Польша стала союзницей Советского Союза по антигитлеровской коалиции. 12 августа 1941-го появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии польских граждан», в соответствии с которым начался процесс их освобождения из мест заключения и спецпоселков НКВД. Формально они перестали быть спецпереселенцами и обрели статус граждан дружественного государства. На территории СССР в районе Саратова началось формирование польской армии.

В декабре 1941 года в Москве Сталин и Сикорский подписали «Декларацию о дружбе и взаимной помощи». В 20 городах были открыты представительства польского посольства или делегатуры. Кроме того, посольство могло назначать в местах расселения польских граждан своих доверенных лиц — 421.

В «тюменской части» Омской области имелось шесть доверенных: Северин Бергталь (г. Ишим), Вацлав Вавельберг (г. Тобольск), Бернгард Платнер (г. Ялуторовск), Иосиф Тисловиц (г. Тюмень), Виктор Казакевич (спецпоселок Баярык Ярковского района), Юзеф Домарацкий (с. В.-Каменка Юргинского района).

Одной из приоритетных задач посольства, делегатур и доверенных лиц была забота о детях польских граждан. В отчете по-

сла Станислава Кота отмечено, что до июля 1942 года на территории СССР создано 175 детских садов для 5865 детей, 139 приютов для 9 тысяч детей, 116 пунктов дополнительного питания, 46 больниц, 30 интернатов для нетрудоспособных, 8 домов для престарелых. В Сибири было организовано 25 школ, которые посещало более двух тысяч детей, 31 приют и 9 детских домов.

Позитивное отношение советской власти к польским спецпереселенцам продолжалось недолго. Польское правительство в эмиграции допытывалось у советской стороны, куда делись более десяти тысяч офицеров, взятых Красной армией в плен в 1939 году? Сталин ответил, что исчезнувшие польские офицеры «убежали куда-то в сторону Китая».

Такой ответ не устроил командующего сформированной в СССР польской армии генерала Андерса. Он отказался выступить против немцев на советско-германском фронте и потребовал вывести его войска на Средний Восток через оккупированный к тому времени Советским Союзом и Англией Иран¹. Инструктивное письмо, подписанное 25 апреля 1942 года заместителем председателя СНК СССР и первым замнаркома иностранных дел Андреем Вышинским и адресованное исполнительным органам власти краев и областей, на территории которых работали делегатуры и доверенные лица польского посольства, обозначило переход советского руководства к тактике незначительных уступок к курсу на свертывание деятельности посольских структур и ужесточение контроля над ними.

Сталина и его окружение раздражали и тревожили непрерывающиеся попытки правительства Польши в эмиграции отыскать в Советском Союзе следы офицеров польской армии, взятых в плен Красной армией в сентябре 1939 года и содержавшихся в трех лагерях: Старобельском (Ворошиловградская область), Осташковском (остров Столбный, озеро Солигер) и Козельском (Смоленская область).

¹ Владислав Андерс (1892–1970) военную службу начал в армии царской России. Участвовал в боевых действиях против Красной армии в 1920 году. Командовал польской армией, сформированной на советской территории по соглашению между СССР и польским эмигрантским правительством. После вывода весной 1942 года возглавлял польский корпус в войсках союзников в Италии. С 1945 года был командующим польскими войсками в Западной Европе и одним из руководителей польской эмиграции.

13 апреля 1943 года уже два года как переставшие быть нашими друзьями немцы обнаружили в Катынском лесу под Смоленском массовое захоронение 4114 польских военнослужащих. Созданная в Германии «международная комиссия Красного Креста» дала заключение о том, что поляки расстреляны НКВД. Польское эмигрантское правительство в Лондоне выступило с заявлением, после которого Москва разорвала с ним отношения. 3 июля 1943-го при странных обстоятельствах британский военно-транспортный самолет, на котором летели Сикорский, его дочь и адъютант, упал в Гибралтарский пролив. Выплыл лишь пилот этого самолета, никогда до этого трагического случая не надевавший спасательного жилета.

Деятельность польских представительств в Сибири завершилась: сотрудники делегатур и доверенные лица были арестованы, обвинены в антисоветских настроениях, сборе разведывательных сведений и осуждены.

Сегодня доподлинно известно, что офицерский корпус польской армии — 14700 человек — по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года № П13/144 расстрелян НКВД в апреле—мае 1940-го в тюремных подвалах Харькова, Калинина и Смоленска¹.

О том, как это было, свидетельствуют показания Петра Сопруненко, генерал-майора в отставке, с 1939-го по 1944 год возглавлявшего Управление НКВД по делам военнопленных, и Дмитрия Токарева, бывшего начальника УНКВД по Калининской области (именно здесь размещался самый крупный Осташковский лагерь — 5963 человека).

Офицеров польской армии предстояло перевезти из Осташковского лагеря в Калинин, в здание Управления НКВД, в подвале которого находилась внутренняя тюрьма — место казни. «...Сверяли данные. Надевали наручники, вели в подготовленную камеру и били из пистолетов в затылок. Вот и все...». В

¹ 28 апреля 2010 г. по указанию президента России Федеральное агентство Российской Федерации (Росархив) впервые официально опубликовало на своем сайте ключевые документы по так называемому «катынскому делу»: записку Берии Сталину, в которой предлагалось расстрелять пленных поляков (на документе подписи «за» самого Сталина и его соратников); выписку из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) с постановлением о расстреле.

расстрелах участвовали около тридцати человек, командовали прибывшие из Москвы майор госбезопасности Синегубов, начальник Главного управления конвойных войск НКВД комбриг Кривенко и комендант НКВД капитан госбезопасности Блохин. Они привезли с собой целый чемодан немецких «вальтеров». Наши «ТТ» не выдерживали нагрузки и быстро изнашивались от стрельбы.

Перед первым расстрелом, вспоминал Токарев, «Блохин надел спецобмундирование — кожаную коричневую кепку, кожаный коричневый фартук, кожаные коричневого цвета перчатки с крагами выше локтей. Я увидел палача... Через второй выход во двор вытаскивали трупы, бросали в машины и вывозили (грузовых машин было 5 или 6)... Кровь с кузовов смывали каждый день... Хоронили расстрелянных в окрестностях села Медное. Это рядом с дачами УНКВД, с одной из моих двух дач... Сваливали всех в одну кучу, закапывали экскаватором «Комсомолец» — настоящая индустрия... В первый раз расстреляли 300 человек... заканчивали на восходе солнца, торопились, но не успевали. Тогда Блохин распорядился, чтобы больше 250 человек за один раз не привозили... Когда это грязное дело закончили, москвичи устроили в своем салоне банкет, настойчиво приглашали меня, но я не пошел...».

Подобный процесс уничтожения ни в чем не повинных людей происходил и в харьковской внутренней тюрьме НКВД. «Мы не управлялись работать, спали всего по три часа», — свидетельствовал Митрофан Сыромятников, старший по одному из тюремных корпусов. В 60-м квартале лесопарковой зоны Харькова, где также располагались дачи УНКВД, выкапывались экскаваторами большие ямы с таким расчетом, чтобы в них могли въехать задним ходом крытые грузовики. Маршрут конвоирам был знаком: из центра города по Белгородскому шоссе, затем поворот на грунтовку, издавна именуемую «черной дорогой». Не один год сюда свозили трупы расстрелянных в подвалах Харьковского УНКВД.

В начале 90-х годов прошлого века здесь провели эксгумацию трупов: в некоторых ямах оказались только кости и... калоши с маркировкой «красного треугольника». Это наши. Их перед расстрелом заставляли раздеваться, но резиновая обувь превратилась в вещественное доказательство.

Польских офицеров не подвергали унижительной процедуре раздевания — спешили убивать быстрее. В ямах нашли вещи с символикой, характерной для католиков, личные медальоны, обрывки газет, датированные декабром 1939 года и фрагменты персональных документов. По ним установили имена «исчезнувших» военнослужащих польской армии.

«За вашу и нашу свободу!»

Под таким девизом в мае 1943 года в селецких лагерях под Рязанью началось формирование 1-й Польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, позднее ставшей основой для создания Войска польского.

Согласно постановлениям Государственного комитета обороны (ГКО) от 6 мая № 3294 и 10 августа № 3906 военкоматы Сибири приступили к призыву поляков в возрасте 18–45 лет, объявленных... гражданами СССР. Выданные им в 1942 году польские паспорта и справки об освобождении со спецпоселения изымались. Тех польских граждан, кто отказывался возвращать документы добровольно, отправляли в лагеря НКВД.

12 октября 1943 года под селом Ленино (юго-восточнее Орши) в составе 33-й армии Западного фронта польская дивизия имени Костюшко под командованием полковника Берлинга вступила в бой с немцами¹. По мере продвижения советских войск на запад польские соединения пополнялись за счет мобилизации жителей освобождаемых западных областей Украины, Белоруссии и Восточной Польши.

С территории Тюменской области (до 14 августа 1944 года она входила в состав Омской) во 2-ю Польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко было отправлено около 600 оказавшихся здесь в результате депортации поляков².

¹ Зигмунт Берлинг (1896–1980) был в польской армии командиром полка. После сентября 1939 года оказался в СССР. В 1941–1942 гг. состоял в армии Андерса, после ухода которой в Иран выступил с инициативой о формировании новых польских воинских частей. Командовал польским корпусом, армией, Войском польским (до 1944 г.). Затем учился в Военной академии Генштаба Войска польского. С 1953 г. на гражданской службе.

² В соответствии с «моделью вооруженных сил Польши на 2009–2018 годы» дислоцированная в подваршавском городке Весола 1-я мо-

6 июля 1945 г. между Польшей и Советским Союзом было подписано соглашение о праве лиц польской и еврейской национальностей, проживающих в СССР, отказаться от советского гражданства и возвратиться в Польшу. Вслед за этим последовал процесс реэвакуации польских граждан: 23 марта 1946 г. первый эшелон с 925 репатриантами, среди которых было 70 воспитанников Тобольского детского дома, отправился из Тюмени в Варшаву.

тострелковая дивизия имени Тадеуша Костюшко как прообраз прежнего Войска польского и символ польско-советского боевого сотрудничества будет расформирована.

Незавидная область

14 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Тюменская область.

Это событие, как отмечено в «Очерках истории Тюменской области», «завершило в основном 20-летний период непрерывных изменений административно-территориальных границ в этой части Западной Сибири».

Однако действительные причины и обстоятельства принятия такого решения все еще неизвестны.

Екатерина Шестернина из первого состава Тюменского обкома ВКП(б) утверждала: «...Спецпоезд с партийным, советским и чекистским руководством, около 60 человек, прибыл в Тюмень из Омска 13 августа, то есть за день до принятия указа. А разговоры о разделении Омской области начались в кабинетах и коридорах обкома и облисполкома сразу же после Нового, 1944 года».

В партийном учебнике «Очерки истории партийной организации Тюменской области», изданном в 1965 г., указано: «Для улучшения работы партийных и советских организаций и их руководства промышленностью и сельским хозяйством... была образована Тюменская область с центром в городе Тюмени в составе 25 районов и двух национальных округов — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Были созданы 991 первичная партийная организация, два окружкома, четыре горкома и 43 районных комитета партии. До февраля 1945 года на руководящую работу только в областной партийный аппарат было выдвинуто около 500 коммунистов».

Такое же объяснение причин образования в феврале 1943 года Курганской области дано в соответствующей региональной партийной литературе: «Создание новой области из восточных районов Челябинской области позволило улучшить руководство сельским хозяйством, приблизить его к районам, колхозам и совхозам. В состав области вошли 32 района, два города, три поселка городского типа и 1784 сельских населенных пункта. Территория области составила 72 тысячи квадратных километ-

ров с населением 872,9 тыс. человек, из которых в сельской местности проживало 711,1 тыс., или 81,5%.

Отсутствие документального обоснования необходимости образования новых административно-территориальных единиц: Великолукской, Кемеровской, Курганской, Томской, Тюменской — привело к выдвижению версии о том, что такие преобразования проводились для трудоустройства после окончания войны высшего командного и политического состава Вооруженных сил.

Действительно, вопрос, куда деть, когда закончится война, 3000 генералов, «начал занимать управление кадров Красной армии с мая 1944 года». Предлагалось увеличить в мирное время число дивизий за счет сокращения их личного состава до 4000 чел., сделать генеральскими должности заместителей командиров корпусов, дивизий и гвардейских полков, снизить количество курсантов в военных училищах с 1000 до 300, а должность начальника сделать генерал-лейтенантской.

Входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) членов военных советов и начальников политуправлений фронтов и армий планировалось устроить в обкомах и облисполкомах освобожденных западных территорий (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдова, бывшая Восточная Пруссия) и вновь образованных восточных областей.

Но для Тюменской области такой кадровый маневр не характерен. Из всего первого состава нового обкома и облисполкома никто не был на фронте. Только председатель облисполкома К.Ф. Кошелев служил сначала санитаром в армии Колчака, а после ее разгрома в 1920 году пулеметчиком в Красной армии. За участие в штурме оборонительных рубежей белых у станций Волочаевка (февраль 1922) и Спасск (октябрь 1922) был награжден орденом Красного Знамени. В Тюмень Кошелева направили на повышение с должности зампреда Омского облисполкома.

Первый секретарь Тюменского обкома партии Ф.М. Чубаров и сменившие его И.И. Афонов (с 1949), Ф.С. Горячев (с 1951) и В.В. Косов (с 1955 по 1961) всю войну находились в тылу. Их партийная карьера началась после расстрельных чисток партии 1937–1938 годов с освободившихся должностей секретарей сельских райкомов и начальников политотделов машинно-тракторных станций (МТС). Выше других поднялся Горячев: после Тю-

мени был первым секретарем в Калинин (сейчас Тверь) и Новосибирске, избирался членом ЦК с 1952 года (еще при Сталине), депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР, получил звезду Героя Социалистического Труда, четыре ордена: Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. На пенсию вышел в 73 года, пережил «перестройку» и скончался в 1996 году в Москве.

Любопытно, что за всю историю нашего края в его руководстве (дореволюционном, советском и демократическом) не было местных уроженцев, за исключением Ю.К. Шафраника (Ишимский район) и С.С. Собянина (Березовский район).

Введение в научный оборот переданных в сентябре 1991 года на госхранение рассекреченных документов органов государственной безопасности в Тюменской области позволило предположить, что основанием для Указа ПВС СССР от 14 августа 1944 года была «справка об оперативной обстановке» на конкретной территории.

Эта же «справка» в октябре 1944 года «переоформлена» в совершенно секретный «паспорт Тюменской области» (рассекречен 14.04.2000). К нему приложены «политико-экономические характеристики городов и районов в количестве 41 экземпляра».

Не случайно автором этих по-своему уникальных документов стал переведенный из УНКВД по Омской области на должность заместителя начальника УНКВД по Тюменской области подполковник госбезопасности А.М. Лапицкий (р. 1910).

В «паспорте», кроме «общих» (территория 1777000 кв. км), содержатся сведения о географическом положении, растительном мире, погодных условиях, полезных ископаемых...

Даны административное деление, состояние промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, здравоохранения, образования и культуры, средств массовой информации...

Население Тюменской области по состоянию на 1 октября 1944 года составляло 917,1 тыс. человек, в том числе городское — 210 тыс., сельское — 707,1 тыс. Значительное место в «паспорте» и приложениях к нему занимает характеристика политической обстановки на местах, например, Березовский район: «...после Октябрьской революции является местом ссылки антисоветского элемента. В 1930 году в район выселено 2700 кулаков. С 1940 года в район направлены выселенцы из западных облас-

тей Украины. Общее количество ссылки в районе в настоящее время 2981 человек. Всего населения — 14527 человек, из них русских — 6054, других — 8473».

Казанский район: «...в период коллективизации было раскулачено и выслано на север около двух тысяч семей. Во время операции 1937–1938 гг. около 400 человек репрессировано органами НКВД. Отмечается сокращение посевных площадей и поголовья скота...»

Викуловский район: «...в период Отечественной войны в районе имеется большое количество дезертиров из действующей армии».

В результате политического, экономического и социального анализа оперативной обстановки сделан вывод: «За годы Отечественной войны промышленность в западной части Омской области (Тюмень) выросла в несколько раз, в ее состав влились заводы, эвакуированные из других районов страны (приведены наиболее крупные предприятия и номенклатура их продукции)».

Война ускорила появление самостоятельного административно-территориального образования — Тюменской области. Растущую самостоятельность Тюмени первыми оценили местные органы госбезопасности.

Специфика социально-политической структуры Советского Союза состояла в том, что органы госбезопасности занимали в ней гипертрофированно важное место. Помимо выполнения своих основных функций, свойственных спецслужбам всех государств, они играли активную роль в функционировании аппарата управления, в промышленности, образовании, культуре. Поэтому любые проблемы отечественной истории (история края не исключение) — политические, экономические, социальные — будут раскрыты односторонне без исследования присущего им «чеккистского» фактора. Этот фактор занимал не последнее место в процессе образования Тюменской области в августе 1944 года и постепенного превращения ее в нефтегазовую провинцию.

Гадание на секретной гуце

Эту сказку знает каждый ребенок: «Жили-были дед да баба. И была у них Курочка Ряба. Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое...».

В марте 1952 года сказка про золотонесушку стала былью. Правда, с грифом «секретно».

Тогда начальник Упоровского райотдела МГБ с громкой по тем временам фамилией Булганин направил в Тюменское областное управление МГБ такое спецсообщение: «Доношу, что 7 марта 1952 года председатель колхоза имени Шверника Красильников привез в РК ВКП(б) пять кусочков металла, по цвету и другим признакам золота, и рассказал, что этот металл добыт из желудков зарезанных петушков и курочек...»

Красильников считает, что этот металл (золото) оказался в птицах, потому что летом они паслись на наносном песке речки (ручья) Нерпа.

Против фермы имеется наносной песок, на котором летом паслись общественные куры, а в зимний период времени были случаи, когда брали этого песка с речки и рассыпали в курятнике».

Спецсообщение майора госбезопасности Булганина с приложением 14 кусочков, похожих на золотые самородки, отправили в Тюменский обком ВКП(б) «для принятия мер».

Этот документ сохранился в фондах бывшего партийного архива (сейчас ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). Но приложенный к секретной бумаге конверт пуст! И никто не знает, «принимались ли меры» по проверке этой информации, и куда исчез металл «по цвету и признакам золото», добытый из желудков колхозных курочек.

Деревня Новая Нерпа уже не существует. Лишь по торчащим кое-где из земли бревнам, кустам сирени, черемухи и обвиняющему их одичавшему хмелю можно догадаться, что когда-то здесь жили добрые и работающие дед да баба.

Речка Нерпа еще течет, лишь песчаные берега, по которым паслись петушки и курочки, сильно заболотились.

По методике кладоискательства любые слухи о спрятанных сокровищах проверяются путем опроса местных старожилов.

Зинаиде Фоминичне Инжаковой за восемьдесят. Живет она в небольшом, но еще крепком двухэтажном доме на краю деревни Нерпа — когда-то ее звали Старой в отличие от Новой. Приехала сюда в 1941 году после окончания второго курса Омского пединститута по распределению, не доучившись, потому что учителя-мужчины ушли на войну.

Школа — через дорогу от ее дома. Размещалась в каменном здании, построенном из кирпичей местного замеса глины зажиточным крестьянином, которого в 30-е годы «раскулачили» и сослали с семьей на Север.

Эти места издревле славились крепкими подворьями. В Гражданскую войну их хозяева поддержали Белое движение, а в 1921-м дружно выступили против продразверстки (здесь был один из центров крестьянского восстания), за что их кучно поставили перед карательными пулеметами. Уцелевших повстанцев, несмотря на амнистию, добились в 1937-м в тюменском чекистском подвале и тайно закопали вместе с другими жертвами массового террора на окраине городского кладбища.

Мобилизованных в 1941-м на войну упоровских мужиков отправили в Рыбинск на формирование 246-й стрелковой дивизии, которая три раза попадала в окружение на Калининском фронте. Это их непогребенные останки находят в лесах и болотах Тверской области юные тюменские поисковики.

Социальные катаклизмы, политические репрессии, войны и непродуманные экономические эксперименты истощили сибирскую деревню.

— Школу закрыли, — грустит старая учительница (она проработала в ней более 30 лет). — потом растащили ее стены по кирпичику. Да и нет в ней сейчас нужды: осталось пятеро школьников, которые учатся в соседнем селе Емуртле.

Мой рассказ о золотоносной речке Нерпе, которую местные жители величали Нерпушкой, не удивил Зинаиду Фоминичну.

— Да об этом вся деревня говорила. Из района милиция приезжала. Ходили по дворам, требовали сдать найденное в Нерпушке золото. Все ждали, что здесь фабрику золотодобывающую построят. Не дождались...

Новое яичко: не золотое, а... нефтяное

9 июля 1954 года в Москве состоялось заседание правительства. В решении было отмечено неудовлетворительное положение с поисково-разведочными работами в Сибири. Министерству нефтяной промышленности и геологии, Академии наук СССР предложено «рассмотреть существующее положение, дать ему оценку и наметить перспективный план по разведочным работам в Сибири».

В ноябре того же года в Москву вызвали специалистов из сибирских трестов и научно-исследовательских институтов для разработки трехлетнего плана поиска нефти в Сибири. Тогда начальник геологического управления Миннефтепрома М.Ф. Мирчинк признал: «Мы в разведочных работах в Сибири встретились с целым рядом трудностей не только организационного порядка. Те данные, которые уже получены в ряде районов, не являются обнадеживающими: это Кузбасс, Минусинская котловина, то же самое и в Восточной Сибири. Есть затруднения и в Западной Сибири... В основе этого лежит недостаточная региональная изученность территории».

Дискуссия разгорелась вокруг доклада главного геолога Главнефтегазразведки Миннефтепрома А.А. Шмелева, который представил итог геолого-разведочных работ в районах Сибири и перспективный план на 1955–1958 годы.

За 15 лет освоения Сибири (до 1954 года) «удалось пробурить 235 разведочных и опорных скважин, их общий объем составил 422 тысячи метров». Под Сибирью подразумевалась территория от Урала до Камчатки. Что касается Западной Сибири, которую выделили отдельной строкой и назвали «молодой впадиной, расположенной между восточным склоном Урала и Енисейским бассейном площадью 2 млн. квадратных километров», то здесь два треста — «Тюменнефтегеология» и новосибирский «Запсибнефтегеология» — пробурили 200 тысяч метров, или 116 скважин, из них 17 опорных. Стоимость всех геологоразведочных работ в Сибири составила 1,5 млрд. рублей.

Сибирские чекисты не остались в стороне от поиска «нового яичка» — нефтяного. Назначенный в июне 1954 года начальником Управления КГБ при Совете Министров СССР по Тюменской области подполковник А.Н. Северухин руководствовался принципом: «Нефть есть везде, где ее ищут» (такую же установку он давал и в отношении иностранных шпионов). Чекистским

методом поиска полезных ископаемых стали хорошо зарекомендовавшие в процессе выявления и разоблачения «врагов народа и других контрреволюционных и антисоветских явлений» политическая бдительность населения и «внутреннее осведомление».

Для проверки таких «заявок на нефть и газ» была создана специальная геологическая партия под руководством М.В. Вовка. До марта 1957 года геологи проверили 14 «заявок»: из них 12 на нефть, по одной на газ и железную руду. Все сформулированные в Тюменском УКГБ на основании агентурных донесений и архивных документов «заявки» проверялись, как отмечено в отчете Вовка, «с участием заявителей и представителей общественных организаций».

В качестве примера Вовк привел проверку «заявки» по Кротовскому сельсовету Аромашевского района, суть которой состояла в том, что в некоторых деревенских и лесных колодцах «на воде появлялась жирная нефтяная пленка, вода становилась горькой на вкус, с запахом нефтепродуктов».

В ходе опроса колхозников выяснилось, что из «подозрительных» колодцев воду брали своими ведрами, в которых могли остаться следы горюче-смазочных материалов. Тем не менее в четырех километрах от деревни Кроново одна из геологоразведочных партий треста «Тюменнефтегеология» пробурила колонковую скважину глубиной до 400 метров. Нефти не обнаружили.

Чаще всего за признаки нефти бдительные жители Тюменской области принимали железистую пленку на воде или разлитый бензин — такие сообщения поступали в различные инстанции, в том числе и в областное чекистское ведомство, десятками, если не сотнями. В УКГБ даже памятку разработали, как определить — пленка на болотной или речной водной поверхности нефтяная или нет: «При ударе по пленке палкой, если она разобьется на остроугольные кусочки, и они не будут сливаться вновь, это не нефтяная пленка...». Также рекомендовалось: «Собрать пленку на чистую бумагу или тряпку, и если останется жирное пятно, то она имеет отношение к маслянистым веществам, если грязное или ржавое — пленка не нефтяная».

Сегодня эта чекистская геология кажется наивной. Но если бы на некоторые спецсообщения УКГБ в партийные, советские и хозяйственные органы в свое время обратили более серьезное внимание, это, скорее всего, ускорило бы на 10–20 лет открытие крупнейших нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири.

Так, комендант Красноярского поселка спецпоселенцев Уватского района Т.И. Шавлов с 1939 года (!) сигнализировал: «...У берегов реки Алымки нефть выбрасывается на поверхность воды, а также сочится из берегов, откуда попадает в реку и быстро уплывает по течению... нефтепроявления наблюдались и на Красноярском озере».

11 сентября 1956 года Вовк в компании председателя Алымского сельсовета Самолова и бригадира местного колхоза (спецпоселение к тому времени было отменено) Губанова побывали на реке и на озере. Как доложил начальник партии Вовк в марте следующего года на совещании в тресте «Тюменнефтегеология», «они наблюдали ирризирующую железистую пленку и отобрали пробы». Вовк также отметил, что в этом районе работала Уватская нефтеразведка — бурила колонковую скважину, но никакой нефти не обнаружила.

Но через 50 лет после совещания в этом «медвежьем углу» в глубоких и потому пока еще малоизученных земных горизонтах нефть нашли. Компания ТНК-ВР добывает в пределах одного Уватского района примерно 1,5 миллиона тонн нефти, и эта цифра, по оценкам геологов, значительно возрастет.

Привет от старого моряка

Партия Вовка не проверила в 1956 г. единственную «заявку» о «газовом фонтане» в районе поселка Новый Порт на Ямале. В своем отчете Вовк сослался на то, что «необходимо бурить скважину, а денег на эту работу не было заложено, тем более что в тех широтах геологи треста “Тюменнефтегеология” еще не работали».

Основанием для этой чекистской «заявки» стало обращение в УКГБ пенсионера И.К. Деревянкина, который в 1922 году работал на строительстве дамбы Новопортского причала. «Бурили воротом шесть человек, в 150 метрах от берега с плавучего плота. На глубине 50 метров случилось что-то необыкновенное в природе. Что-то вроде взрыва: бур наш выбросило, сила газа разбила плот, как простой карандаш, и заработал фонтан газа до 50 метров в высоту, и такое продолжалось несколько суток.

С нашей стороны были вопросы: не является ли это явление признаком нефти и газа, но нам сказали, что в северных широтах по науке не может быть газа, и даже критиковали нас за такие высказывания.

В то время мы были технически неграмотными, но наше начальство — инженеры и начальники — это были люди бывшие, то есть капиталисты и Троцкому друзья.

Я только в 1934 году смог понять: они неправильно нам говорили, что на Севере не может быть нефтяных и газовых месторождений. Тогда нефть нашли на Таймыре, и нам пришлось ее эксплуатировать, когда я работал в Комсевморпути...».

Бдительный пенсионер приложил к письму план местности, где наблюдался выброс газа — южная бухта в районе Нового Порта. А подписался так: «С приветом старый моряк. А что такое газ? Это и жизнь, и культура».

Равнодушное отношение партийного руководства нового административно-территориального образования — Тюменской области — объяснялось отчасти лоббированием строительства Нижнеобской ГЭС, плотина которой, будь она построена у села Нарыкары в Ханты-Мансийском национальном округе (первый вариант) или в районе Салехарда (второй вариант), способствовала бы созданию искусственного моря, по площади в три раза превышающего озеро Байкал. Страшно представить, что случилось бы с поселками, примыкающими к Оби. Под водой оказались бы и будущие нефтяные месторождения.

Северухин, считавший, что «нефть есть везде, где ее ищут», поддержал руководство двух тюменских трестов — «Запсибнефтегеофизика» и «Тюменнефтегеология». Главный чекист края обратился в июле 1956 года в Тюменский обком КПСС с письмом, в котором утверждалось: «начатые в области геологоразведочные работы, их результаты дают основание утверждать, что газом и нефтью будут покрыты энергетические потребности Урала и Западной Сибири... Вопрос о строительстве Нижнеобской ГЭС и других очередей обского каскада гидроэлектростанций следует оставить открытым до завершения нефтепоисковых исследований на затопляемых территориях».

Историю поиска нефти в Зауралье Северухин изложил в докладной записке А.Н. Шелепину, назначенному 25 декабря 1958 года председателем КГБ.

До получения притока нефти 350 тонн в сутки из разведочной скважины № 6, заложенной бригадой мастера С.Н. Урусова из Шаимской партии глубокого бурения, оставалось меньше года.

Цифровой код Тюмени

До первого массового переименования в 1922 году тюменских улиц числительные в их названиях были лишь порядковыми номерами.

В отличие от Большой Монастырской (сейчас Коммунистическая) имелись 1-я и 2-я Монастырская (Димитрова и Свободы). Цареву улицу (Коммуны) дополняли 1-й, 2-й и 3-й Царевы проулки (улицы Красногвардейская, Розы Люксембург и Железнодорожная). 1-я и 2-я Казачьи улицы сейчас Кузнецова и Грибоедова, 2-я Острожная — Достоевского, а 2-я Овражная — Усиевича. 1-я и 2-я Заозерная стали Заозерной и Маяковского. 1-я и 2-я Поперечнобереговые — Игарской и Ангарской. Окраинные четыре Машаровские и столько же Кузнечных улиц получили персональные названия: Механическая, Кузнецовская, Водопьянова (местного революционера-речника, а не полярного летчика), Новоселова (предгубисполкома), Максима Горького, Мельничная, Кузнечная, Мурманская.

После 1922 года цифры в названиях улиц стали играть смысловую роль: двухзначные числительные свидетельствуют о важных событиях в истории Отечества.

25

Одной из первых была переименована Ильинская, где с 1836 года находилась Пророко-Ильинская церковь (закрыта в 1929 году). Пятилетнюю годовщину октябрьского вооруженного восстания в Петрограде закрепили в новом названии Ильинской улицы числительным 25-го Октября.

Этот день двумя годами позже пролетарский поэт Владимир Маяковский воспел в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

Когда я итожу
То, что прожил,
И роюсь в днях — ярчайший где,
Я вспоминаю одно и то же —
двадцать пятое, первый день.

Споры политиков и историков о том, как называть октябрьские события 1917-го — Великой социалистической революцией или государственным переворотом, — продолжаются. Хотя Ленин, Троцкий и Сталин слова «революция», «переворот», «восстание» и «захват власти» употребляли как синонимы.

Крупнейший русский теоретик марксизма Георгий Плеханов в открытом письме к петроградским рабочим предостерег: «Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф. Керенского, и власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают».

Плеханов не стал называть происшедшее ни революцией, ни переворотом... Просто и ясно счел это прискорбным явлением.

Другой вопрос: почему 25-е стало главным днем русской смуты XX века? Ответ на этот вопрос у Ленина: «24 октября будет слишком рано действовать — для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд приедут (Речь шла о II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. — *Авт.*). С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия съезда, так, чтобы сказать ему — вот власть...».

Такое признание самого Ленина дает повод думать, что настоящего сражения, сколько-нибудь кровопролитной схватки и штурма Зимнего дворца, как это показано в художественном фильме «Октябрь» режиссера Сергея Эйзенштейна, не было вовсе.

Свержение Временного правительства и победа большевиков объясняются не столько тем, что они смогли увлечь за собой народ, сколько умением использовать в своих целях анархические порывы солдат, матросов, рабочих.

Октябрьский переворот прошел удивительно легко и, можно сказать, естественно благодаря слабости власти, а не силе и авторитету большевиков. Существовавшая доселе государственная власть упала, как перезревший или подгнивший плод падает с ветки при малейшем порыве ветра. Комиссар Петроградского полка Ёлкин, принимавший участие в этом процессе, изложил его кратко: «К вечеру Зимний дворец был окружен революционными войсками. Ветер и ночь — очень темно. Холодно. Резкий ветер. Слышится перестрелка. Глубокой ночью Зимний дворец взят. Министры арестованы».

Судьбу государства слишком часто решают сравнительно немногие, подчас ничтожно малые группы. Вопрос лишь в том, какими явными и тайными целями они руководствуются и как их лозунги воспринимаются активным большинством народа. В октябре 1917-го крестьянской России пришлось по душе ясные большевистские лозунги: о мире, земле и хлебе. Власть — Советам? Значит — народу. В чем это конкретно будет выражаться, задумывались немногие.

В Тюмень известие о восстании в Петрограде пришло вечером 26 октября из Екатеринбурга. Срочно проведенное в ночь на 27 октября заседание исполнительного комитета Тюменского Совета при участии городского самоуправления, общественных организаций и политических партий к событиям в российской столице отнеслось отрицательно.

Свою политическую независимость от Петрограда и соседних Екатеринбурга и Омска, где сразу же была провозглашена советская власть, Тюмень сохраняла четыре месяца. Пока в город не ворвался с запада 1-й Северный летучий морской карательный отряд. Его возглавлял помощник секретаря технического отдела Петроградского военно-революционного комитета Запкус, именовавший себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири». Начальник тюменской уголовной милиции Кислицкий успел составить рапорт «об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, — дописали в рапорте его подчиненные, — сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса».

Приказом № 1 Запкус объявил о введении с 4 часов дня 28 февраля 1918 года военного положения в Тюмени. Пункт 10 приказа гласил: «Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в два счета на глазах всех уничтожаться».

Приказом № 4 Запкус наложил контрибуцию в размере двух миллионов рублей золотом на состоятельных горожан: А.М. Плотникова, А.Г. Колмакову, И.Я. Некрасова, А.Ф. Аверкиева, Мирсалимова, Г.А. Котовщикова, Плишина, А.П. Россонных, С.И. Колокольникова, И.О. Сергеева, В.А. Собенникова, Михалева, Г.Г. Иванова, Е.Д. Гусеву, В.Л. Жернакова.

В приказе оговаривалось: «Половина контрибуции пойдет на содержание отряда, а другая половина — в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов Тюмени». Причем «один миллион должен быть внесен 4 марта и один миллион — 6 марта».

Очевидец тех событий Дружинин вспоминал: «...Возвращаясь из депо, я увидел на станции около водонапорной башни группу людей. Тут же на запасном пути стоял поезд, состоящий из пассажирских вагонов. Это был штаб матросов во главе с Запкусом (видимо, латыш или еврей). Этот отряд занимался сбором контрибуции с купцов Плотникова, Гусевой, Колокольникова и других. При проведении обысков адъютант Запкуса Андреев из квартиры Колокольникова присвоил золотые часы. Запкус узнал об этом от матросов. Вот этот Андреев и стоял у башни, а Запкус объяснял зевакам вроде меня о случившемся. Тут же самолично у нас на глазах он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти».

Но для Запкуса дороже всех захваченных в Тюмени ценностей стал арест в доме Кривоногова на Спасской улице (ныне улица Ленина) «старика, одетого в черный пиджак, пимы и шапку с ушами» — князя Георгия Евгеньевича Львова, первого после отречения царя Николая II от престола председателя Временного правительства России. При Львове полиция и жандармерия были упразднены. Губернаторов заменили комиссарами. Принципиально отвергая насилие как способ управления государством, Львов 7 июля 1917 года ушел в отставку. «Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может», — объяснил он свое решение. Октябрьский переворот Львов встретил в Тюмени. Причину своего переезда из Москвы в наш город бывший премьер-министр так объяснил чекистскому следствию: «...Для изучения и использования природных запасов этого края я после ухода в отставку создал акционерное общество. Его центральное представительство находилось в столице по улице Тверской, 61, а “Сибирское бюро” — в Тюмени на Базарной площади в помещении “Конского запаса” (сокращенно “Земконь”)». (Сейчас в этом доме обосновался ресторан «Потаскуй». — А.И.)

«Вы не можете себе представить, — обращался Львов к следователям, — какие богатства таятся в Сибири. Этот край вызывает к культурным силам страны, чтобы они стали на стражу

местных сибирских интересов, а значит, интересов всей России... Сибирь и сибирская жизнь мне хорошо знакомы, я давно интересуюсь ею и люблю ее».

Конечно, князь Львов не случайно выбрал именно Тюмень. Здесь жил его самый близкий и верный друг и единомышленник Степан Иванович Колокольников, бывший член Государственной думы от Тобольской губернии.

По показаниям бывшего конторщика торгового дома Колокольниковых Алексея Некрасова, датированных июлем 1941 года: «...У Колокольникова Степана Ивановича были братья: Виктор Иванович, директор коммерческого училища в Тюмени, Антон Иванович, управляющий магазином, Виталий (Ювеналий) Иванович был не вполне нормального рассудка, работал продавцом в магазине, расстрелян в 1918 году по приказу красного комиссара Запуска за отказ выдать ценности... Степан Иванович имел высшее образование, был членом Государственной думы и примыкал там к социал-демократической (рабочей) фракции. Из Англии еще в 1913 году он привез жену, повара и первый в Тюмени автомобиль. К служащим, в том числе и ко мне, он относился по-доброму: к каждому празднику давал всем подарки. В общем, человек он был хороший».

Перебравшиеся вслед за Львовым из Москвы в Тюмень Н.С. Лопухин, известный общественный деятель, и князь А.В. Голицын, популярный московский врач, отмечали в своих письмах: «...Среди новых друзей у всех нас самые близкие — братья Колокольниковы. Это крупнейшие лесники и чайники (торговцы чаем. — А. П.), миллионеры и очень влиятельные люди, любезные свыше меры».

В своих тюменских друзьях они не ошиблись. На следующий же день после их ареста Колокольниковы «засвидетельствовали Запуску о личном знакомстве с Львовым, Лопухиным и Голицыным и выразили готовность взять их на поруки».

Их защиту доверили московскому присяжному поверенному Г.И. Хундадзе. В своем заявлении в Наркомюст адвокат писал: «Мои политические убеждения хорошо известны многим представителям Совета народных комиссаров, не исключая тов. Ленина, и мой правительственный долг не покрывать, а разоблачать контрреволюционеров». И далее: «...Объективное исследование организованного Львовым "общества" показало, что оно

не преследует никаких политических целей, и вся его деятельность не выходит за пределы чисто коммерческих задач...». Поэтому Хундадзе просил «освободить арестованных до суда».

Но «комиссар Северного района Европейской России и Западной Сибири» Запкус плевал на все процессуальные особенности демократического судопроизводства. Он не подчинялся никому: ни Тюмени, ни Екатеринбург, ни Москве — и не хотел ни с кем делиться своей «добычей».

«Меня, — вспоминал Львов, — схватили в Тюмени в конце февраля 1918 года. Толпа матросов и рабочих явилась в этот город встряхнуть старую сибирскую жизнь и завести новые порядки. Во главе стоял восемнадцатилетний большевистский комиссар Запкус. Началось с контрибуции — довольно увесистой, кончилось арестами и расстрелами. Для острастки в Тюмени он расстрелял без суда 32 человека и вывесил прокламацию с обещанием в дальнейшем расстреливать всех врагов коммунистической революции «в два счета»... Из-за меня в отряде начались споры. Матросы хотели везти меня в Кронштадт — заложником революции. Рабочие требовали передачи меня Екатеринбургскому Совету рабочих и солдатских депутатов...».

Установив в Тюмени советскую власть, Запкус 7 марта отбыл в Екатеринбург с награбленным золотом и именитыми заложниками.

«В пути было трудно, — продолжал Львов. — Мы жили в атмосфере убийств. У нас на глазах тащили людей из вагонов, ставили «к дровам» и расстреливали. На первых порах с нами обращались грубо, пугали, грозили. По несколько раз в день нас выводили на станциях к толпе раздраженных рабочих. Начиналось всегда с оскорблений и криков — на нас вымещали пережитые неправды. Каждый раз, выходя и слыша издевательские и злобные возгласы, мы не знали, вернемся ли в вагон... Скрепя сердце я снимал шапку, кланялся низко, желал им счастья в новой жизни, и разговор завязывался. В общем, это были все те же добрые и умные русские люди, хотя и возбужденные пропагандой. Их «классовая ненависть» привита была поверхностно и ассоциировалась с пережитыми в прежнее время невзгодами. Но доброе сердце брало свое: во время беседы злоба исчезала, лица принимали человеческое выражение, появлялись улыбки, и, расходясь, они снимали шапки и желали мне удачи...

Мы пробыли в вагоне около недели. Скоро и стража наша изменила свое отношение. Угрозы и ругань прекратились. Перестали и выводить к толпе. В Екатеринбурге, оставаясь в вагонах, мы пользовались всякими льготами: гуляли на воздухе, сколько хотели, получали газеты, имели свидания с родными, которые приехали за нами из Тюмени. Когда наша дружба со стражей дошла до ведома местного совета, приказано было перевести нас в тюрьму. Тюрьма Екатеринбурга была переполнена...

Мои друзья усердно хлопотали в Москве, и им удалось принудить Ленина послать телеграмму в Екатеринбург с предложением либо предъявить мне определенное обвинение, либо выпустить меня на свободу...».

4 июля 1918 года Львова, Лопухина и Голицына обвинили «в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженных выступлений против советской власти, выразившейся в обсуждении сообщений непосредственных участников подготовки добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия по выполнению их планов и в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки».

Сам Львов выразился куда яснее: «...Я обвинялся в работе на контрреволюционное сообщество, имевшее целью объединить в Сибири противников коммунистической власти. Обвинительный акт свидетельствовал, что ни самое общество, ни его непосредственные участники не могли быть обнаружены. Обвинения самим обвинителям казались столь слабыми и необоснованными, что они склонились на наши настояния и решили выпустить нас на свободу (меня и арестованного вместе со мною земца Лопухина и земского хирурга князя Голицына). К моменту суда мы обязаны были вернуться в Екатеринбург. Выйдя на свободу, мы выехали из города, не теряя ни минуты».

Когда в Москве узнали о решении Екатеринбурга, «в Тюмень был дан телеграфный приказ о новом аресте Львова». Но бывший премьер-министр Временного правительства России укрылся в окрестностях Тюмени — в загородном доме Колокольниковых, потом его назовут домом отдыха имени А.Н. Оловянного (секретарь Тюменского уездно-городского комитета РКП(б) убит при подавлении крестьянского восстания 23 февраля 1921 года у села Ярково. — А. П.). Здесь он дождался вступления в Тюмень чехов и белогвардейцев, затем вместе с С.И. Колокольниковым и

его женой Марией Николаевной перебрался в Омск, где обосновалось Временное Сибирское правительство. В сентябре 1918 года они отправились в США «по поручению Сибирского правительства для снабжения Сибирской армии».

Омский переворот 18 ноября 1918 года и установление диктатуры адмирала Колчака князь Львов не принял и в Россию уже не вернулся.

Дальнейшая судьба Запкуса неизвестна. По словам Львова, «...Запкус попался в каких-то нечистых делах и очутился в тюрьме. Его отряд распался...». Куда исчезли вывезенные им из Тюмени ценности, никто не знает. Скорее всего, они были спрятаны в полосе отчуждения железной дороги от Тюмени до Камышлова и ждут удачливых кладоискателей. Заниматься их розыском «по горячим следам» было некому и некогда: в Сибири и в России разгоралась Гражданская война.

О жертвах этой смуты напоминает другая цифра в названии улицы Тюмени.

26

Если верить советским историкам, столько бакинских комиссаров расстреляли в сентябре 1918 года на берегу Каспийского моря в Красноводске (сейчас Туркменбаши) белогвардейцы и английские интервенты.

Жертвам этой расправы поэт Сергей Есенин посвятил «Балладу о двадцати шести»:

В такую ночь и в туман —
Расстрелял их отряд англичан.

Но тогда в Закавказье, собственно, не было красных и белых, а Гражданская война здесь сразу же приобрела межнациональный характер. После октября 1917 года бразды руководства принял Закавказский сейм из представителей грузинских, армянских, мусульманских и русских партий, заседавший в Тифлисе (Тбилиси).

Большевики послали в этот регион Степана Шаумяна, объявившего себя «верховным комиссаром Закавказья». Он обосновался в Баку, создал там свой Совнарком («Бакинские комиссары»), но до поры до времени активно проявить себя не мог — в Бакинском совете большинство составляли эсеры и мусульмане.

После заключения в марте 1918-го Брестского мира Турция вторглась в Закавказье. Защищать Тифлис было некому, кроме грузинских и армянских партизанских дружин да малочисленного отряда русских добровольцев полковника Ефремова. Мусульманская часть сейма явно склонялась к туркам. Над грузинами и армянами нависла угроза резни.

В мае 1918-го сейм распался — вместо одной Закавказской республики стало три: Грузия, Армения, Азербайджан.

В Баку Совнарком под флагом «мусульманской угрозы» захватил власть, привлек на свою сторону полк армянского ополчения Амирова, возвращавшийся через Баку из Персии (Иран), поднял на нефтепромыслах «красную гвардию», с энтузиазмом воспринявшую возможность пограбить. Война пошла по мусульманским кварталам — началась резня татар (так тогда называли азербайджанцев). На помощь единоверцам выступили горцы — между Черным и Каспийским морями возникла кровавая неразбериха.

В Баку сложилась критическая ситуация. Начался голод — вместо хлеба выдавали орехи. Подвоза продовольствия из России не было, а окрестные жители — татары (азербайджанцы) — ничего не хотели давать «армянскому правительству». Ведь в составе «бакинской коммуны» было только двое мусульман — Азизбеков и Везиров, а большинство армяне: Шаумян, Корганов, Каринян, Саакян, Микоян, Авакян... Да и к власти пришел Совнарком в ходе антимусульманской кампании.

Авторитет комиссаров падал с каждым днем. Расстрелы недовольных политикой большевиков не помогали. Два наркома, левые эсеры Киреев и Покровский, даже пытались сбежать. Их поймали и расстреляли за дезертирство.

Из-за голода и угрозы турецкой резни рабочие бакинских нефтепромыслов требовали на митингах приглашения англичан.

30 июля 1918 года турецкие войска начали штурм Баку. На следующий день Совнарком сложил свои полномочия под предлогом: обращение к англичанам противоречит условиям Брестского договора. Комиссары стали грузиться на пароходы, намереваясь удрать в Астрахань. Попытка бегства вызвала взрыв негодования. Бакинских комиссаров арестовали, а потом отпустили: в Закавказье прибыли английские войска. Но Совнарком отказался сотрудничать с англичанами. Председатель Бакинской

ЧК Тер-Габриелян получил от Ленина секретную телеграмму: «В случае опасности сдачи Баку город нужно сжечь полностью».

Бакинские комиссары опять погрузились на пароходы и попытались сбежать. Канонерки Каспийской флотилии нагнали их у острова Жилого и вынудили вернуться. 15 августа членов Совнаркома снова арестовали.

Без них Баку держался еще месяц. 11 сентября по окончании следствия их постановили предать за дезертирство военно-полевому суду. Но бои уже шли на окраинах города. В суматохе комиссары сбежали из тюрьмы и вместе с остатками дружины Аморова на пароходе «Туркмен» оставили Баку, занятый английскими частями и мятежными азербайджанцами из «Мусавата».

Межпартийная грызня и политические игры стоили огромных жертв: в те дни мусульманами было вырезано в Баку свыше 30 тысяч армян.

А на пароходе «Туркмен» начались разногласия. Команда отказалась идти в большевистскую Астрахань, прослышав о тамошнем терроре Кирова. Капитан Полит сообщил пассажирам, что до Астрахани все равно не хватит топлива (за что в 1924 году был расстрелян вместе со своими матросами). Пошли в Красноводск.

Здесь, на окраине России, в Ашхабаде и Красноводске, был единственный островок победного восстания эсеров против Брестского мира с Германией. Только здесь эсеровские повстанцы во главе с рабочим-железнодорожником Фунтиковым и местные кадеты, возглавляемые графом Дюрером, смогли тогда свергнуть режим большевиков и взять власть в Закаспийском крае, опираясь на поддержку туркменских националистов.

До прибытия в Красноводск парохода «Туркмен» эсеры Фунтикова уже успели расправиться с местными девятью ашхабадскими комиссарами во главе с грузином Телией.

Именно закаспийские эсеры приговорили бакинских большевиков к смерти «за измену делу революции и социализма». Расправа с комиссарами Бакинского Совнаркома — это внутренняя разборка двух левых социалистических партий. Так что белогвардейцы, в их классическом определении, в расправе с пассажирами парохода «Туркмен» не участвовали.

Пришедшие сюда в 1919 году на смену «закаспийцам» настоящие белые из армии генерала Деникина эту бессудную казнь

не одобрили, провели следствие и выяснили, что эсеры расправились здесь с их общими врагами — большевиками.

В отличие от белогвардейцев эсеры из «Закаспийского правительства» не утруждали себя юридическими формальностями, никакими военно-полевыми судами себя не утомляли и убивали своих союзников-большевиков по приказу, без церемоний.

Следствие паровозного машиниста Фунтикова ограничилось одной бумажкой, найденной у наркомвоенмора Корганова. Это был список, составленный еще в бакинской тюрьме. 25 фамилий в списке были помечены крестиками. Сидевшие в бакинской тюрьме комиссары, чтобы составить «общий котел» из передач, тщательно отбирали, кого принять в компанию. Эти 25 крестиков и стали основанием смертных приговоров. 26-м стал командир дашнакской дружины Амиров.

При таком «следствии» уцелел бакинский нарком Анастас Микоян, которого из-за его скупости сокамерники не взяли в «общак» и в продуктовый список не включили. Зато под расстрел попали далекие от руководства охранники, которые оказались в злосчастном списке. В число 26 не вошел и первый бакинский чекист Тер-Габриелян. Он успел сбежать из Баку между первым и вторым арестами комиссаров и послужил советской власти еще до 1937 года, когда его ликвидировали как «врага народа» и «английского шпиона, выдавшего интервентам своих товарищей по бакинской коммуне».

Находившиеся в туркменских солончаках англичане в решение эсеров-закаспийцев казнить попавших сюда поневоле Гиадумяна, Джапаридзе, Азизбекова и других бакинских комиссаров не вмешивались и уж точно их не расстреливали.

Собственно никакого пафосного расстрела, показанного в спектаклях и кинофильмах, и не было: обреченных на казнь бакинских комиссаров дружинники Фунтикова вывели за Красноводск в пустыню и перебили. Сергей Есенин, в принципе, правильно описал эту бойню, видимо, зная от дружившего с ним знаменитого чекиста Якова Блюмкина некоторые ее детали:

В пески, что как плавленный воск,
Свезли их за Красноводск,
И кто пулей, кто саблей в бок,
Всех сложили на желтый песок.

Только к концу 1919 года более радикальные эсеры из «Закаспийского правительства» свергнут Фунтикова и заключат вынужденный военный союз с Деникиным, который пошлет им за Каспий на помощь дивизию генерала Литвинова. С этого времени «закаспийцев» можно считать белыми. И то условно.

Советская историография в эти кровавые нюансы Гражданской войны не вникала, поэтому расправа с 26 бакинскими комиссарами стала (и продолжает оставаться) одним из самых громких и часто приводимых примеров «белого террора».

Однако 26 января 2009 года в ходе проведенных в Баку раскопок мемориала 26 Бакинским Комиссарам были обнаружены останки только 23 тел.

Решение о переносе праха бакинских комиссаров на одно из городских кладбищ было принято в связи с реконструкцией парка «Сахил» (новое название парка 26 Бакинских Комиссаров).

Во вскрытом захоронении отсутствовали останки главного из 26 комиссаров — председателя Бакинского совета народных комиссаров Степана Шаумяна. По одной из версий он в числе трех других комиссаров-армян вообще не был расстрелян, а тайно вывезен англичанами в Индию, которая в то время являлась колонией Великобритании.

Вместе с тем историки и родственники Шаумяна допускают, что за два года, прошедших со времени расстрела бакинских комиссаров в пустыне за Красноводском до их перезахоронения в Баку могло произойти все что угодно. «Но поверить в то, что похоронили не всех, невозможно: в архивах есть кинохроника похорон 26 останков. Кроме того, на похоронах присутствовали их родные и близкие». По их версии, недостающие останки трех комиссаров могли быть тайно вырыты в годы сталинских репрессий. Второй период, когда с останками могло что-то произойти, — обострение армяно-азербайджанского конфликта в 80-е годы прошлого столетия.

Между Шаумяном и Сталиным отношения были действительно плохие. Они соперничали. Когда Сталин перебрался из Тифлиса в Баку, он с неудовольствием убедился, что самая заметная фигура в Бакинском комитете РСДРП — его родственник — бывший студент философского факультета Берлинского университета Степан Шаумян. Сильных соперников Сталин не терпел и избавлялся от них любыми способами. После того как

в 1910 году начались провалы в Бакинской организации РСДРП, заговорили, что арест Шаумяна дело рук Сталина.

После Великой Отечественной войны при распределении Сталинских премий вождь распорядился не давать премию исторической работе, в которой положительно оценивалась деятельность 26 бакинских комиссаров.

Сталин говорил так: «Бакинские комиссары бросили власть, сдали ее врагу без боя. Сели на пароход и уехали. Мы их не критикуем. Почему? Они приняли мученическую смерть. Мы щадим их память. Но они заслуживают суровой оценки. Они оказалась плохими политиками».

Во многих городах бывшего Советского Союза еще сохранились улицы, названные цифровым обобщением жертв красноводской трагедии. В Тюмени такая улица появилась после окончания Великой Отечественной войны, когда городскую окраину за 26-й школой застроили двухэтажными домами для командного состава расквартированной здесь 6-й отдельной гвардейской Бериславско-Хинганской дважды Краснознаменной ордена Суворова стрелковой бригады.

Стоящая в Тюмени отдельным гарнизоном бригада напоминала крошечное государство. Штаб в здании в начале улицы Республики (сейчас здесь кожно-венерологическая больница) — нечто вроде правительства, идеология — за политотделом. Свои учреждения культуры — библиотека, клуб, «ленинские комнаты». Подсобное крестьянское хозяйство, военторг и коммунально-эксплуатационная часть. «Тайная полиция» — особый отдел КГБ и собственная тюрьма — гауптвахта. В таких гарнизонах-государствах царил особый образ жизни, или, как сейчас принято выражаться, менталитет. Этим соединением командовал Герой Советского Союза Илья Васильевич Балдынов. Единственный бурят, ставший генералом в годы Великой Отечественной войны. В Тюмени он пробыл недолго — в декабре 1945-го уехал в Москву, в Академию Генерального штаба.

В 1953-м на базе бригады развернули 109-ю стрелковую дивизию с сохранением гвардейских боевых заслуг. Штаб соединения и один из стрелковых полков сохранили тюменскую прописку, другой разместился в Ишиме, третий — в Ялуторовске. Артиллерийский полк и танкосамоходный батальон обосновались на берегах озера Андреевского.

Дивизией командовал полковник Афонин. Недостаток специальных знаний он компенсировал высокой моторностью, за что и получил от подчиненных прозвище «реактивный». Уверенность в своих, не всегда компетентных действиях ему придавало наличие высокопоставленных родственников в ЗапСиб-Во. Через год «реактивного» Афонина назначили военкомом Тюменской области и дали генеральские лампасы.

А на дивизию «сел» генерал-майор Шмуйло. Фигура весьма колоритная. Последний из могикан-кавалеристов. В конце войны он командовал 10-й гвардейской Кубанско-Слуцкой казачьей кавалерийской дивизией. После упразднения кавалерии Сталин оставил эту дивизию специально для маршала Буденного, который считался инспектором этого рода войск. После смерти Сталина единственную конную дивизию расформировали. Синие околыши с фуражек кавалеристов отдали чекистам. Шмуйло сделался пешим генералом. В Тюмень он приехал с группой офицеров-казаков, которых «мобилизовал» на заготовку тюменской древесины для своих земляков на Кубани. Разразился скандал: увлечение коммерцией грозило по тем временам для генерала партийным позором и судом. Но заступился Буденный, и Шмуйло отправили на пенсию. Его приближенных уволили из армии.

В 1960-м на основе 109-й стрелковой дивизии в Тюмени создали одну из первых частей ракетных войск стратегического назначения.

Тогда же на улице 26 Бакинских Комиссаров за вторыми путями от станции Тюмень к ДОКу «Красный Октябрь» разместили склады госрезерва, зашифрованные названием «почтовый ящик № 23» — мобилизационные запасы сухарей, круп и тушенки. Здесь же находились хлебомакаронный комбинат, базы горплодоовощторга, добровольное пожарное общество, областная контора кинопроката и грузовое автохозяйство № 2.

Со временем столь нехарактерная для топонимики Тюмени цифра «26» стала забываться. Улицу и расположенную на ней автобусную остановку называют просто как «Бакинские комиссары». Но все чаще контролеры автобусов перед торможением объявляют: «Рынок “Мальвинка”». Рыночная терминология постепенно вытесняет из словесной «грамматику боя, язык батарей» и числительные расстрельных переворотов и кровопролитных сражений. Но цифра из названия еще одной тюменской улицы исчезла по другой причине.

О подвиге 28 героев-панфиловцев страна впервые узнала из корреспонденции В. Чернышева «Слава бесстрашным патриотам», напечатанной в «Комсомольской правде» 26 ноября 1941 года. Там фигурировало некое «гвардейское подразделение», подвергшееся атаке 60 вражеских танков и нескольких батальонов пехоты.

«Получив, — по утверждению Чернышева, — основательную трепку на этом участке обороны, противник решил взять реванш на другом участке». 54 немецких танка атаковали оборонительный рубеж, который занимала «группа красноармейцев во главе с политруком Диевым». По словам журналиста, эта группа сдерживала неприятеля более четырех часов.

Вслед за Чернышевым корреспондент «Красной Звезды» Коротеев опубликовал 27 ноября очерк «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву». Там утверждалось: «Десять дней, не стихая, идут жестокие бои на Западном фронте... Гвардейская дивизия имени Панфилова уничтожила около 70 танков и свыше 4000 солдат и офицеров...». Упомянул Коротеев и «особо отличившуюся группу бойцов И-ского полка».

Через день в «Красной Звезде» появилась передовая «Завещание 28 павших героев». Автор этой статьи — литературный секретарь газеты Александр Кривицкий дал волю своей фантазии.

«Уже восемнадцать исковерканных танков неподвижно застыли на поле боя. Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Но вот кончились боеприпасы, иссякли патроны в магазинах противотанковых ружей. Не было больше и гранат... И они сложили свои головы — все двадцать восемь...».

На следующий день после публикации передовой Кривицкому позвонил председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин и попросил разузнать имена погибших в бою с немецкими танками, поскольку «нельзя, чтобы герои оставались безымянными».

Кривицкий отправился в Панфиловскую дивизию (сформированная в июле— августе 1941-го в Алма-Ате 316-я стрелковая дивизия впервые вступила в бой в октябре, а 18 ноября ее командир, бывший военком Киргизской ССР генерал-майор Иван

Панфилов был убит). Как раз в тот день дивизия была преобразована в 8-ю гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени¹. 21 ноября военный совет Западного фронта ходатайствовал перед Сталиным о присвоении дивизии имени Панфилова.

На основе бесед с панфиловцами появился канонический вариант очерка Кривицкого «О 28 павших героях», опубликованный 22 января 1942 года в «Красной Звезде». Подвиг здесь оброс новыми мифами: политрук Диев стал Клочковым. Откуда-то взялся и полный поименный список погибших бойцов. Затем появилась поэма Николая Тихонова «Слово о 28 гвардейцах». По признанию поэта, «...материалами для написания поэмы послужили статьи Кривицкого, из которых я и взял фамилии, упоминаемые в поэме. Других материалов у меня не было... Вообще-то все, что написано о 28 героях-панфиловцах, исходит от Кривицкого или написано по его материалам».

В действительности на месте двух немецких танковых атак в районе разъезда Дубосеково удалось найти лишь шесть трупов, в том числе и труп политрука Клочкова. Кто именно погиб в том бою — неизвестно до сих пор. Судьбы большинства из 28 панфиловцев, удостоенных звания Героя Советского Союза, и ныне до конца не выяснены. Кроме подробностей жизни сержанта Ивана Евстафьевича Добробабина (Добробабы), который не погиб в бою 16 ноября, а попал в плен и позднее служил в немецкой вспомогательной полиции. Кроме него из списка 28 оказались живы еще четверо: Илларион Васильев, Григорий Шемякин, Иван Шадрин и Даниил Кужебергенев.

Причины, по которым началась канонизация подвига 28 героев-панфиловцев, редактор «Красной Звезды» Давид Ортенберг откровенно объяснил в 1948 году во время следствия по делу Добробабина: «Вопрос о стойкости советских воинов в тот период, когда враг стоял у стен Москвы, приобрел особое значение. Лозунг “Смерть или победа”, особенно в борьбе с немецкими танками, был решающим лозунгом. Подвиги панфиловцев и являлись образцом такой стойкости. Она заключалась в том, что ос-

¹ Если за отличия в Гражданской войне орденов Красного Знамени были удостоены 2 армии, 20 дивизий, 3 бригады, 18 полков, 2 батареи, 8 военно-учебных заведений, то за годы Великой Отечественной войны этим орденом отмечены 3270 соединений и частей действующей армии и Военно-Морского флота.

татки 4-й роты 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии не отступили перед двумя атаками неприятеля. Исходя из этого, я предложил Кривицкому написать передовую статью о героизме панфиловцев, которая и была напечатана в газете 28 ноября 1941 года. Как сообщил корреспондент, в роте было 30 панфиловцев, причем двое из них пытались сдаться немцам в плен. Считая политически нецелесообразным показать сразу двух предателей, я оставил в передовой одного... В дальнейшем критика этой легенды в печати практически не допускалась, а каноническим текстом оставался очерк Кривицкого «О 28 павших героях», и основанные на нем позднейшие публикации того же автора».

Сам Крицкий признался тогда же, в 1948-м, следователю МГБ: «...Я использовал рассказы капитана Гундиловича из полка Карпова, самого Карпова и комиссаров дивизии и полка Егорова и Мухамедьярова. В части же количества бойцов и их действий — это мой литературный домысел. Я ни с кем из раненых или оставшихся в живых гвардейцев не разговаривал. Из местного населения я говорил только с мальчиком лет 14–15, который показал место, где похоронен Ключков».

Тогда, в конце 1941-го — начале 1942-го, командир и комиссар 1075-го стрелкового полка не стали разрушать легенду о 28 панфиловцах. Ведь эта легенда спасала их от суда и возможного расстрела. Сразу после боя у разъезда Дубосеково Карпов и Мухамедьяров были отстранены от занимаемых постов за то, что допустили большие потери в полку (согласно донесению Мухамедьярова в политотдел 316-й стрелковой дивизии от 18 ноября 1941 года полк потерял 400 человек убитыми, 600 пропавшими без вести и 100 ранеными). Такое соотношение потерь (за два дня!) указывает как на значительное число пленных, так и на то, что большое число раненых было оставлено в беспомощном состоянии на поле боя и погибло от холода и потери крови. В том же донесении утверждалось, что полк нанес противнику серьезные потери, уничтожив 15 танков и 800 неприятельских солдат и офицеров.

10 мая 1948 года Карпов дал следствию такие показания: «Техникой 316-я дивизия была очень плохо насыщена, особенно плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколь-

ко французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)... Мы не успели укрепить свои позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве...

К 16 ноября 1941 года полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. Во 2-м батальоне было три роты: 4, 5 и 6-я... 4-я рота занимала оборону Дубосеково–Петелино. В роте было 120–140 человек... На участок полка после большого авиационного налета и артиллерийской подготовки, особенно сильно поразившей позицию 2-го батальона, наступало свыше 50 танков... В течение 40–45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты... Вся рота дралась героически, причем из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах. Насчет 28 панфиловцев — это сплошной вымысел... Никто из корреспондентов ко мне не обращался, да и я не мог говорить, так как такого боя 28-и не было. Я не знаю, на основании каких материалов писали в газетах, в частности в “Красной Звезде”, о 28 гвардейцах из дивизии имени Панфилова. В конце декабря 1941 года, когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент “Красной Звезды” Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему сказал, что с танками дрался весь полк, и в особенности 4-я рота 2-го батальона... Меня о фамилиях никто не спрашивал... Только в апреле 1942 года из штаба дивизии прислали готовые наградные листы и общий список 28 гвардейцев мне в полк для подписи...».

Таким образом, под случайно названную Кривицким и утвержденную Ортенбергом цифру 28 потом набрали такое же число фамилий погибших и пропавших без вести бойцов 4-й роты, не зная, что двое — Кужебергенов и Добробабин — попали в плен. Также вымышлены корреспондентом были и слова политрука Клочкова «Ни шагу назад!» в первом очерке и «Велика Россия, а отступать некуда...» — во втором.

Естественно, что из названия улицы в Тюмени (между Ленинградской и Олега Кошевого) исчезла цифра 28. Осталось — Панфиловцев. Как напоминание о великой войне, в которой соседствовали победы и поражения, героизм и малодушие, мужество и трусость, верность военной присяге и измена ей, горькая правда и пропагандистский вымысел.

Название этой улицы — в честь 316-й стрелковой дивизии, преобразованной в 8-ю гвардейскую имени Панфилова, удостоенной почетного наименования «Режицкая» (август 1944), награжденной орденами Ленина, Красного Знамени и Суворова 2-й степени (это соединение после распада СССР стало основой для создания вооруженных сил Республики Кыргызстан.

Важна не численность участников боя 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково и не слова политрука Клочкова или ротного командира Гундиловича (ему суждено было погибнуть только в апреле 1942-го, поэтому назначать его героем не стали. — *Авт.*).

Важен результат смертельного противостояния: панфиловцы тогда выстояли, не отступили, «не отдали Москву».

«На той далекой, на Гражданской...»

Сейчас здесь разруха и запустение. Но когда-то в этом месте находился деловой центр Тюмени.

Где кончались рельсы

Сюда, к железнодорожной станции Тура и пристани Тюмень, организованной в 1843 году, «к приходу пароходов с грузом “китайских чаев” устремлялись десятки тысяч (!) телег, поднимая в сухое время тучи черной пыли». Так писал тюменский меценат Николай Чукмалдин, и ему можно верить. В чудом сохранившейся конторе, на которой еще висит со стороны реки вывеска «Ст. Тура» (улица Пристанская, 13), в 1899 году останавливался по пути из Москвы через Тюмень в Тобольск ученый-химик Дмитрий Менделеев, а в доме № 14 на той же улице гостил изобретатель радио Александр Попов.

В августе 1917-го на станцию Тура прибыл литерный поезд, с которого на пароход «Русь» сошел отрекшийся от власти император Николай II Романов, чтобы вместе с семьей и домочадцами отправиться по Туре и Тоболу в Тобольск — в ссылку.

В Тюмени их встречали. Сохранились записки Петра Матвеева, одного из стрелков охраны царя: «Смотрю: открываются двери вагона Романовых. Впереди всех оказался Николай. Я обернулся в сторону собравшихся военных властей: они стоят, все вытянувшись в струнку, а руки держат под козырек...».

В апреле—мае 1918 года венценосные тобольские узники санно-тележным обозом (Николай Александрович, Александра Федоровна, дочь Мария) и пароходом (наследник престола Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Анастасия) в сопровождении особоуполномоченного ВЦИК Василия Яковлева (настоящее имя Константин Мячин, партийная кличка «Антон») и балтийского матроса Павла Хохрякова, ставшего председателем исполкома Тобольского совета, возвратились на станцию Тура — транзитный пункт маршрута в расстрельный Екатеринбург.

А еще через месяц — 12 июня — к пристани Тюмень пришвартовалось до 100 больших и малых судов во главе с флагманом Западно-Сибирского речного пароходства «Андреем Первозванным». С этой флотилией в Тюмень прибыли бежавшие из Омска, захваченного 7 июня мятежными чехословаками и вышедшими из подполья белогвардейцами, руководители Западно-Сибирского областного совета: Косарев, Усиевич, Окулов, Эйдеман, Лобков, Нейбут, Шебалдин...

Эвакуация из Омска проходила неорганизованно и в большой спешке. На пароходы успели погрузить около миллиона пудов зерна, много масла и хранившиеся в Омском государственном банке 270 миллионов рублей в золоте, серебре и валюте.

Полковник Иванов (подпольная кличка «Ринов»), бывший командир Отдельной Сибирской казачьей бригады, которую он привел с Кавказского фронта в Петропавловск на расформирование, издал уже как командир созданного в Омске Степного корпуса первый приказ: «Во что бы то ни стало задержать пароход «Андрей Первозванный с деньгами».

Попытка перехватить флотилию в Таре не удалась. Красные открыли пулеметный огонь, высадили десант, выбили белогвардейцев из города, забрали из Тарского казначейства 180 тысяч рублей и двинулись дальше на север — в Тобольск.

Непосредственной угрозы Тобольску со стороны белых еще не было, однако рано утром 11 июня красные оставили город, захватив в дорогу продовольствие и изъяв с текущего банковского счета Тобольского совета 203 тысячи рублей.

Дойдя до реки Тавды, омичи решили разделиться. Связи с Тюменью они не имели и боялись, что ее уже захватили белогвардейцы. Поэтому Усиевич, Лобков и Шебалдин отправились на разведку к Тюмени, а Косарев, прихватив часть вывезенных из Омска ценностей, поднялся на катере по реке Тавде мимо села Тавдинского (сейчас Нижняя Тавда) до пристани Каратунка, и дальше по железной дороге в Екатеринбург. Большая часть пароходов ожидала окончательного утверждения маршрута движения в Бачелино. Затем они отошли к Тюмени. Так в нашем городе началась Гражданская война.

Красные и белые

После прибытия Омской речной флотилии в Тюмень здесь был создан Военно-революционный штаб Западной Сибири. Его возглавил Григорий Александрович Усиевич (партийная кличка «Тинский», по названию села в Каинском уезде Енисейской губернии, где он с 1911 г. отбывал ссылку). Усиевич бежал из Сибири в июле 1914 г., но когда переходил русско-австрийскую границу, началась война. Его приняли за шпиона, арестовали и заключили в концлагерь, откуда освободили только через два года по ходатайству австрийского социал-демократа, депутата Виктора Адлера. Усиевич — Тинский переехал в нейтральную Швейцарию, где встретился в Ленинском. 26 марта 1917 г. они вместе с другими революционерами-интернационалистами выехали в Россию.

...В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.
В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые крюки.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем — надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон...

Эти строки написал Арсений Несмелов (Митропольский), участник московского антибольшевистского восстания юнкеров осенью 1917-го, подавлением которого руководил Усиевич. Из Москвы юный поэт бежал в Омск, куда за сибирским хлебом в апреле 1918-го Ленин отправил Усиевича. Выполнить это задание ему не удалось — 25 мая в Сибири вспыхнул чехословацкий мятеж, к которому присоединились бывшие офицеры, включая поручика Несмелова.

В Тюмени возглавляемый Усиевичем штаб разместился на пристани и железнодорожной станции Тура, занял и прилегающие к реке особняки на улицах Набережной (сейчас Госпаровская), Пристанской и Овражных. Под видом оборонительных мероприятий началось изъятие ценностей из городского казначейства и у состоятельных горожан. Зная об оставлении без боя Тобольска и предполагая дальнейшее отступление омичей с деньгами на Урал по реке и железной дороге, другой штаб — Тюменский военно-революционный, в который входили местные большевики Немцов, Пермяков и Черкасов, принял «решение о запрещении эвакуации ценностей и денежных знаков». По городу распространились слухи о бегстве членов нового Западно-Сибирского штаба: в ночь с 12 на 13 июня группа красноармейцев во главе с бывшим прапорщиком Чувиковым бросилась на пристань, чтобы захватить катер «Лиза» с сокровищами. Атаку отбили, нападавшие разбежались, Чувиков скрылся.

После этого инцидента Уралоблсовет в Екатеринбурге отменил эвакуацию Тюмени и предложил Усиевичу, Окулову и Эйдеману организовать оборону города. Так к середине июня 1918-го образовалось два направления Тюменского фронта: Тобольское — по рекам Туре, Тоболу и Тавде и Ишимское — по железной дороге на Омск.

«Комендантом города по охране революции» был назначен Владимир Иванович Шебалдин, председатель Омской ЧК. Тюменскую речную флотилию возглавил возвратившийся 14 июня из Екатеринбурга в Тюмень Хохряков. В тот же день его отряд в 300 человек при двух орудиях, 3 бомбометах и 42 пулеметах был погружен на одиннадцать пароходов, отчаливших от пристани вниз по Туре и Тоболу к устью реки Тавды, чтобы не пропустить белых на Тавду и Туринск. На флагманской «Оке» разместился сам Хохряков. В трюме заперты захваченные им 30 апреля во время пасхального крестного хода в Тобольске епископ Гермоген и священник Петр Корелин.

«В два счета»

Военные действия на подступах к Тюмени сразу же приобрели ожесточенный характер. После известия о задержании в Тобольске белогвардейцами членов семей большевиков Лобко-

ва, Немцова, Коганицкого в Тюмени были арестованы 50 богатых горожан: Плотников, Жернаков, Колокольников, Собенников, Дементьев, Бранд, Беседных, Селянкин, Шайчик, Сергеев, Нарбутовский, Оверштейн, Ядрышников и другие из расчета «десять буржуев за одного пролетария». Заложничество стало одним из самых отвратительных явлений Гражданской войны. Лишь после телеграфного сообщения коменданта Тобольска штабс-капитана Киселева, произведенного в полковника, об освобождении семей большевиков также бескровно разрешилась участь тюменских заложников. Правда, не всех.

2 июля через газету «Известия», переименованную в газету «К оружию», комендант Тюмени чекист Шебалдин объявил: «Всем контрреволюционерам и саботажникам, меньшевикам, предателям революции», если будет замечена какая-нибудь контрреволюционная шайка, заявляем впредь, что будем вырывать в корне и уничтожать в два счета. Заявляем всем офицерам: кто идет против трудового народа и Советской власти — будет расстреливаться. Довольно мы с вами церемонились».

Но через пять дней делегаты состоявшегося в Тюмени крестьянского съезда признали «существующую в уезде Советскую власть не крестьянской, а в чьих-то других руках». Присутствовавший на этом съезде Косарев назвал крестьян предателями и закрыл съезд. Совет крестьянских депутатов был разогнан. Тогда в деревнях начались антибольшевистские выступления.

По приказу Усиевича Шебалдин арестовал 19 наиболее активных политических оппонентов — либералов и социалистов: Моисеенко, Захарченко, Кузнецова, Макарова, Купенского, Малкина, Рогожникова и других. Их отправили в Екатеринбург на каторжные работы. Во время операции по аресту и высылке некто Шелехов стрелял в Пермякова, который, в свою очередь, приказал красноармейцам открыть огонь по собравшейся на железнодорожной станции толпе — шесть человек были ранены.

В обстановке осажденной крепости 5 июля на городской площади у Александровского реального училища в братской могиле похоронили 46 (по другим данным 21, по третьим — 9) бойцов-интернационалистов: латышей, венгров, немцев, китайцев, погибших на станции Вагай. 9 июля Совет Тюменского городского хозяйства вынес постановление о переименовании площади в «Сад Октябрьской революции».

Через шесть дней здесь же были захоронены красноармейцы, погибшие на станциях Кармак и Подъем, где белогвардейский отряд полковника Смолина пытался перерезать железную дорогу Тюмень—Екатеринбург и лишить Военно-революционный штаб Западной Сибири связи с Уралом. В результате двухчасового боя с командой оборонявшего станцию Подъем бронепоезда белые потеряли 13 человек. Однако их появление в глубоком тылу, выход на железную дорогу, подрыв бронепоезда и гибель 18 бойцов его экипажа — все это вызвало в Тюмени панику. Поэтому достоверных данных о численности и именах захороненных защитников красной Тюмени не сохранилось (сейчас на месте братской могилы памятник с надписью «Павшим борцам революции от трудящихся г. Тюмени», установленный в 1957 году).

Когда Усиевичу и его соратникам стало ясно, что Тюмень не отстоять, началась подготовка к эвакуации. Появилось немало охотников захватить хранившиеся на пароходах и в штабных зданиях ценности. По городу ходили слухи о бегстве тюменских большевиков с похищенными миллионами рублей. По воспоминаниям белогвардейцев, они задерживали в окрестностях Тюмени скрывавшихся служащих советских учреждений с большими суммами денег.

Последние красные эшелоны отправились со станций Тура и Тюмень в сторону Камышлова в ночь с 19 на 20 июля: «Склады на железной дороге и на пристани были открыты, и все имущество и продовольствие растаскивалось грабителями, на улицах валялись ящики, бочки с рыбой, банки с вареньем и даже невыделанные шкуры».

По сообщению газеты «Сибирский листок», «все главари большевиков сбежали из Тюмени... до 20 поездов отправили в Екатеринбург, до 30 нагруженных пароходов — в Туринск... вывезли из Тюмени 24 миллиона рублей, ограбив местное казначейство и банк...». Вечером 20 июля в город вошли чехи и белогвардейцы. Местные газеты сообщали: «Такой радости и торжества давно не было... Состоялись похороны убитых большевиками сыновей А.И. Колокольниковца: Ивана — 21 года и Иннокентия — 14 лет. Их убивали у тюрьмы, затем полумертвых бросили в тюремный колодец и забросали землей. Сегодня выкопали и схоронили на территории монастыря. Народу провожало тысяч до 20...».

Горожане, пострадавшие от большевиков, потребовали от новой военной власти извлечь из братской могилы на Алексан-

дровской площади (ей возвратили прежнее название) тела красноармейцев и перезахоронить их за городской заставой (что и было сделано).

По случаю освобождения Тюмени от большевиков в центре города был проведен парад, на котором присутствовали чешский полковник Сыровы, командир 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии полковник Вержбицкий (в дальнейшем генерал-лейтенант колчаковской армии) и активистка партии эсеров Брешко-Брешковская (ее называли «бабушкой русской революции»). Одну из сводных колонн Сибирской народной армии вел по улице Республики поручик-поэт Несмелов.

Вода холоднее штыка

Выбить белых из Тобольска и взять под контроль устье Тавды Хохрякову не удалось. 26 июня произошло речное сражение у Бачелино. Флотилия Хохрякова потерпела поражение и отошла к Иевлево на Тоболе. В ночь на 30 июня близ Карабанских юрт на 23-й версте от села Покровского по приказу Хохрякова были утоплены епископ Гермоген и священник Корелин. После падения 10 июля Ялуторовска, где на сторону белых перешли пилоты стоявшего там Оренбургского авиаотряда, красная флотилия отправилась по Туре к Тюмени и дальше вверх по реке, к Туринску. Аэропланы с авиабазы в Ялуторовске нанесли бомбовые удары по крупным судам. Чтобы оторваться от преследования по реке, отступавшие разобрали выше Тюмени десятки плотов, и бревна запрудили обмелевшие перекаты. В Туринске красные разоружили пароходы и вывели их из строя. Однако отойти к Екатеринбург по железной дороге они не успели, белые перерезали ее и начали наступать на город. 25 июля Туринск был оставлен, в тот же день пал и Екатеринбург — отряд Хохрякова отступил к Ирбиту. Местом сбора разрозненных красных частей стала станция Егоршино на пересечении Алапаевской и Ирбитской железных дорог. Сюда к началу августа подтянулся сформированный в Камышлове из отступивших из Тюмени красноармейцев 1-й Камышловский полк, в котором Усиевич стал комиссаром. Закрепившись в районе Егоршино, красные отряды, превращаемые в полки, почти непрерывно вели бои в направлении на Ирбит, Богданович и Екатеринбург. Острые

стычки сторон происходили почти у каждой деревни. В одном из таких боестолкновений пропал без вести комиссар Усиевич — считалось, что он угодил в засаду у села Горки северо-восточнее Ирбитского завода. Место захоронения не обнаружили. Тем не менее, 8 августа газета «Правда» объявила: «Среди бесконечных далей Сибири, посланный туда волею революции организовать снабжение хлебом голодной красной России, сложил свою молодую честную голову сраженный пулей старый партийный товарищ Усиевич (Г. Тинский). Одним из первых при приближении чехословаков он взял в руки винтовку и героически дрался за революцию, пока к нему не подкралась смерть... Запомните это имя, возьмите эту смерть в образец, товарищи!».

После ликвидации колчаковщины среди захваченных красными трофейных документов обнаружилось телеграфное донесение полковника Вержицкого, датированное 5 августа: «В бою у дер. Буланово (сейчас территория Ирбитского района Свердловской области. — А. П.) убит военный комиссар Западно-Сибирского оперативного штаба Усиевич. При нем найдены воззвания чехословацких социалистов к чехам и приказ по отряду, в котором сказано: «Без особого приказа на второй рубеж не отходить. Призываем всех к революционному порядку...».

На сороковины после утопления епископа Тобольского Гермогена смерть нашла его убийцу Хохрякова. На маленькой железнодорожной станции Крутиха (Режевской район Свердловской области. — А. П.) прилетела из леса пуля. Всего одна, казалось, слепая, а Хохрякову — в сердце. В черновике приказа по 3-й Красной армии отмечено: «Смертью славных, как неустрашимый герой, пал командир особого отряда Екатеринбургской красной армии товарищ Хохряков...».

В первых числах августа в одном из домов на улице Знаменской (сейчас Володарского) белогвардейская контрразведка арестовала оставленного в городе для организации подпольной работы под видом коммерсанта Морозова еще одного соратника Ленина и Свердлова, Сергея Александровича Черепанова (партийная кличка «Лука»). После недолгого дознания Черепанова расстреляли, место его захоронения неизвестно.

В апреле 1919 года в Челябинске под именем Борис Голубь был казнен уроженец Тобольска Залман Лобков.

Других членов Военно-революционного штаба Западной Сибири — Окулова и Эйдемана — расстреляли «свои» в 1937 году по вымышленным обвинениям. До пенсии дожил только «комендант» Тюмени Шебалдин.

Когда в 1922 году Тюменский городской совет принял решение о переименовании улиц, «носящих несоответствующие моменту названия», то улица 2-я Овражная, рядом с пристанью, стала улицей Усневича, а Успенская — улицей Хохрякова. Именами подпольщиков Черепанова и Лобкова называли улицы в Парфеново и в районе райбольницы (между улицами Механизаторов и Курортной). Улица чекиста Шебалдина появилась в Антипино в 1967 году.

Война с мертвыми

Красные возвратились в Тюмень 8 августа 1919 года: такое оригинальное название получила одна из улиц на Большом Городище. Считается, что колчаковцев из Тюмени в сторону Тобольска и Ялуторовска выдавила 51-я стрелковая дивизия под командованием будущего маршала Василия Константиновича Блюхера. В действительности первыми в наш город вошли части Особого северного экспедиционного отряда, которыми командовал Сергей Витальевич Мрачковский. На базе ОСЭВЭК и других подразделений (Особая бригада Макара Васильевича Васильева) 51-я стрелковая дивизия трехбригадного состава окончательно оформилась к 15 августа. Начальником новой дивизии Реввоенсовет Восточного фронта назначил Блюхера, военным комиссаром Малыгина, заведующим политотделом Вольфовича. В этом соединении Мрачковский, не уступавший Блюхеру по популярности, стал комбригом (в 1936 году бывшего командующего войсками Приуральского военного округа, делегата партийных съездов, кавалера двух орденов Красного Знамени Мрачковского расстреляли; Васильева, ставшего после Гражданской войны начальником коммунального хозяйства в Свердловске, отправили на восемь лет в лагеря — по слухам, он сгинул в 1940 году в Магадане).

Распространенной практикой в России в годы Гражданской войны наряду с заложничеством было осквернение могил политических противников и глумление над их останками. Тюмень

не стала исключением из этого позорного правила: кладбище Свято-Троицкого монастыря, где покоились около сотни священников и наиболее уважаемые горожане, в том числе и замученные большевиками сыновья Колокольниковых, разграбили, а могилы уничтожили. Не случайно поэтому появление здесь привидений...

Среди выброшенных на чужбину более чем двух миллионов россиян оказался и белогвардейский поручик Несмелов. В Харбине, главном дальневосточном центре русской эмиграции, он при поддержке бежавшего из Тюмени купца-мецената Виктора Ивановича Колокольниковых стал одним из лучших русских поэтов. Однако вынесенный большевистским режимом приговор все же настиг Несмелова. После вступления советских войск в Харбин в августе 1945 года поэта арестовали, переправили в Советский Союз и расстреляли. Только сейчас, сквозь годы забвения, дошли до нас его стихи. Ведь это к нам, нынешним, обращается офицер и патриот Несмелов:

Воля к победе.
Воля к жизни.
Четкое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.
Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строем
Иль на коне.
Прямы, напористы и упрямы —
Только такие нужны стране.

Эти люди — красные и белые — могли бы быть неплохими партнерами и даже друзьями, однако Гражданская война вывела их на одну линию фронта и превратила в смертельных врагов.

Маршал и его улицы

Боевую доблесть сформированной в августе 1919 года в Тюмени 51-й стрелковой дивизии и ее первого начдива Василия Константиновича Блюхера стали сохранять в названиях городских улиц и переулков сразу же после окончания Гражданской войны.

При первом массовом переименовании 40 улиц Тюмени 4 ноября 1922 года переулок Трусовский назвали Перекопским.

Такое характерное название этой городской квартал носил не из-за того, что там проживали трусливые обыватели, а по имени местного купца первой гильдии Семена Михайловича Трусова, построившего в Тюмени на личные средства дом Благородного собрания на берегу Туры (сейчас в нем резиденция губернатора Тюменской области — улица 25-го Октября) и Владимирское сиропитательное заведение, или сиротский приют (улица Республики, 60).

Собственный дом Трусова и его наследников находился в конце именного переуллка, начинавшегося от берега Туры и упиравшегося в овраг, где протекала река Тюменка.

В июле 1919-го все именитые тюменские купцы отступили вместе с тыловыми частями колчаковской армии на восток. По рекам Туре и Тоболу «из Тюмени к 5 августа было эвакуировано: воинских чинов — 2428, служащих — 221, беженцев — 14761, раненых — 760, арестантов и пленных красноармейцев — 9794, груза 196181 пуд, лошадей — 140, повозок — 75, быков — 47».

Надеясь на скорое возвращение, обещанное администрацией Колчака, состоятельные горожане спрятали свои ценности в укромных местах или оставили на хранение надежной прислуге.

Но не довелось тюменским купцам вскрыть свои тайники. Их опустевшие дома заняли новые хозяева: ревкомовцы, чекисты, комсомольцы, военные... В купеческих особняках на улицах Береговой, Ямской и в Трусовском переулке шло формирование 151-й, 152-й и 153-й бригад 51-й стрелковой дивизии. Назначенный ее начальником и военкомом, Блюхер прибыл в Тюмень 19 августа и разместился в центре города в доме Колоколь-

никова (здесь в 1982 году был открыт музей «Штаб-квартира Блюхера». С 1994-го — «Музей истории дома XIX–XX вв.», теперь это «Усадьба Колокольниковых»).

Вскоре две бригады рванулись к Ишиму и Тобольску, а третья — 153-я — осталась в резерве в Тюмени в домах по Трусовскому переулку. С того времени в этом квартале, включавшем в себя гостиный двор (ныне облвоенкомат) и Благовещенский собор (первое каменное здание города, взорванное в июле 1932 года), прочно обосновались военные.

После тобольской операции и окончательного поражения колчаковских войск в Сибири 51-ю стрелковую дивизию вывели в Новониколаевске в резерв главного командования Красной армии.

В мае 1920-го Блюхер был освобожден от командования дивизией и назначен начальником Западно-Сибирского сектора войск внутренней охраны (ВОХР). Однако на этой должности он пробыл всего месяц.

«Реввоенсовет нас в бой ведет...»

В 15-ю годовщину разгрома Врангеля Блюхер в очерке «Победа храбрых», опубликованном в газете «Красная Звезда» 14 ноября 1935 года, писал: «Остатки контрреволюционных армий Юга, Дона, Кубани укрылись в Крыму. Отсюда они грозили нашей юной республике... Вооруженная мировой буржуазией, впитавшая десятки тысяч офицеров, насыщенная артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками и авиацией, располагавшая большими массами конницы армия Врангеля в мае 1920 года превратилась в грозную боевую силу...».

Как случилось, что ничем не примечательный среднеразрядный генерал-лейтенант Врангель вдруг встал в один ряд с вождями белого движения — Колчаком, Деникиным, Юденичем?

Потому что он критиковал стратегические решения главного командующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина.

Суть этих разногласий заключалась в разных направлениях наступления на Москву: Врангель настаивал на соединении с армией Колчака через Царицын (сейчас Волгоград), Деникину же более перспективным представлялся удар по красной столице через Украину. В июне 1919-го врангелевцы овладели Цари-

цыным, но колчаковцы к тому времени уже откатились на восток. Провал наступления на Москву привел к отставке Деникина (3 апреля 1920 года) и передаче власти Врангелю. Его авторитет стремительно рос: армия была выведена из шокового состояния после разгрома под Новороссийском, переформирована, вооружена и сведена в боеспособные соединения. Крымское правительство Врангеля признала Франция, что само по себе стало единственным фактом признания белогвардейцев со стороны иностранного государства (даже верховный правитель России Колчак не удостоился такой чести).

Многие помнят слова этой песни:

Белая гвардия,
Черный барон,
Снова готовят
Нам царский трон...

Но Врангель вовсе не настаивал на реставрации монархии. В первых числах июня 1920-го он объяснил, за что воюет: «За то, чтобы русский народ сам выбрал себе хозяина... Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха — Россия будет монархией. Если же он признает полезной для себя республику — будет республика».

Тогда же врангелевские войска перешли в наступление и вырвались из Крыма на просторы Таврии. Перед большевистским правительством вновь замаячила перспектива полномасштабной Гражданской войны.

Поэтому испытанную в боях на колчаковском фронте 51-ю стрелковую дивизию вместе с возвращенным в строй начдивом Блюхером в срочном порядке в 93-х эшелонах по трем направлениям (Екатеринбург—Симбирск—Самара) передислоцировали из Сибири на Юг — на новый фронт — врангелевский.

Закрепившись на левом берегу Днепра в районе Каховки, одетая в ярко-красные рубахи, подаренные московскими рабочими, 51-я стрелковая дивизия отразила все атаки врангелевцев, потерявших три тысячи человек и 16 танков, что, по масштабам Гражданской войны, выглядело настоящим танковым побоищем.

27 октября 1920 года по частям дивизии объявили приказ о наступлении на Перекоп. Что из себя представлял Перекоп? Это семикилометровый старинный Турецкий вал высотой до вось-

ми метров, по его вершине тянулась линия окопов, блиндажей, убежищ. Склоны вала опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. На перешейке белые установили свыше 70 орудий и 150 пулеметов. Перед валом вырыт ров глубиной до десяти и шириной сорок метров. Обойти Перекоп нельзя — справа морской залив, слева воды неглубокого, но топкого Сиваша.

И вот эту крепость 51-я стрелковая дивизия Блюхера 8 ноября в 12 часов дня штурмовала в лоб четырьмя людскими волнами до полной победы.

В 3 часа ночи 9 ноября неприступный Перекоп пал...

Командующий Южным фронтом Фрунзе доложил в Москву Ленину: «51-я дивизия в последних боях против Врангеля покрыла себя неувядаемой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой и, потеряв 75% состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым».

Это была оглушительная победа. О Блюхере вновь заговорили как о выдающемся пролетарском полководце. Его наградили вторым орденом Красного Знамени. Таким же орденом отметили и 51-ю стрелковую дивизию и присвоили ей почетное наименование «Перекопская».

В далекой от Крыма Тюмени красноармейцы потребовали «сменить трусливое название переулка на героическое — так в нашем городе появился Перекопский переулок, превратившийся позднее в улицу. О купце Трусове, по фамилии которого называлось это место, никто тогда и не вспомнил.

Волочаевские дни

С падением белого Крыма Гражданская война в Европейской России завершилась, однако борьба еще продолжалась на востоке. 24 июля 1921 года Блюхер вступил в должность военного министра и главнокомандующего армией Дальневосточной республики (ДВР) — квазигосударства, призванного играть роль буфера между Советской Россией и белым Приморьем. В короткое время Блюхер сумел превратить полупартизанские формирования во внушительную силу, способную противостоять как дальневосточным белогвардейцам, так и их японским союзникам.

Результат не замедлил сказаться. В конце 1921-го между красными и белыми возобновились военные действия. Проявив не меньшее упорство, чем при штурме Перекопа, Блюхер сумел овладеть Волочаевским узлом обороны противника и занять Хабаровск (февраль 1922 года).

Бои под Волочаевкой многие современники сравнивали с перекопскими и называли Волочаевский оборонительный рубеж (железная изгородь с восемью рядами колючей проволоки, брустверы из мешков с землей, засыпанных снегом и политых водой, пулеметные и артиллерийские гнезда) дальневосточным Перекопом. Как на Юге России со взятием Перекопа был нанесен сокрушительный удар врангелевщине, так теперь на Дальнем Востоке потерпела окончательное поражение белогвардейщина и интервенция.

Блюхер так определил историческое значение этих боев: «...Разбив белую армию генерала Молчанова (в тобольской операции 1919 года он командовал Ижевско-Воткинской дивизией, состоявшей из рабочих-оружейников, самых что ни на есть классических пролетариев) и прогнав ее обратно под защиту японских штыков, мы вырвали у империалистов и белогвардейцев повод для того, чтобы просить японцев “сохранить порядок” на Дальнем Востоке».

Освобождение южного Приморья прошло без Блюхера — в июле 1922 года его отозвали в Москву. Вместо него в ДВР прибыл Иероним Уборевич, командовавший в Крыму 13-й Красной армией.

В связи с отъездом Блюхера из Хабаровска газеты отводили целые полосы рассказам о полководце. Во многих российских городах, и в Тюмени тоже, появились улицы, названные в честь его новой победы Волочаевскими.

Как вас теперь называть?

Через два года Блюхер под псевдонимом «Га Лин» во главе группы военных советников вновь объявился на Дальнем Востоке, где стал помогать китайскому правительству Сунь Ятсена в революционной борьбе с группировками милитаристов (до Блюхера военным советником в Китае был П.А. Павлов, один из известных в то время командиров Красной армии, но летом 1924 года он утонул, купаясь в реке Дунцзян).

За короткое время Национально-революционная армия (НРА) получила из СССР 40 тысяч винтовок, около 42 миллионов патронов, 48 орудий, 12 горных пушек, 230 пулеметов, 18 бомбометов, более 10 тысяч ручных гранат, три самолета и другое вооружение.

Благодаря усилиям цзян-цзюня (генерала) Га Лина НРА добилась поистине сногшибательных успехов и установила контроль за большей частью страны.

Однако после смерти от рака печени 12 марта 1925 года Сунь Ятсена новый лидер партии Гоминдана Чан Кай Ши рассорился с Советским Союзом и переориентировался на западные державы. Начались репрессии против коммунистов, и Га Лину пришлось срочно покинуть Китай.

К этому времени имя Блюхера уже окуталось разными легендами. Западная пресса весьма иронично относилась к официальным сообщениям о том, что «тов. Блюхер происходит из семьи ярославских крестьян».

Самым громким и живучим мифом стала германская версия о том, что Блюхер ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален, считавшийся пропавшим без вести в Первую мировую войну. Бывший денщик фон Галена, увидев в газетах фотографии Блюхера, признал в нем своего начальника. Не случайно, мол, в Китае военный советник Гоминдана выбрал в качестве псевдонима свое настоящее имя — Га Лин. Советские биографы Блюхера утверждают, что это имя взято от имени первой жены Галины Покровской, с которой Блюхер проживет восемь лет — с августа 1919-го. Галина пройдет с Василием огненными дорогами Зауралья и Сибири, Каховки и Крыма, потом Забайкалье и Дальний Восток, Петроградский гарнизон и, наконец, Китай. Галина родит мужу троих детей: дочь Зоя умрет во младенчестве, не дожив до года, в мае 1922-го появится Всеволод, в июле 1923-го — Зоя (имя ей дадут в память о первой дочери).

Берлинский родственник ротмистра Фердинанда Михаэль фон Гален был убежден в том, что его племянник попал в 1915 году в плен к русским, оказался в Сибири, где, по предложению красных комиссаров, принял имя героя войны с Наполеоном прусского генерал-фельдмаршала Гебхарда Блюхера, отличавшегося энергией и решительностью, храбростью и неутомимостью (как в ратных делах, так и в любовных похождениях). Про-

веденное в Институте судебной медицины Боннского университета сравнительное фотоисследование изображений фон Галена и Га Лина (Блюхера) показало их идентичность.

Что касается личной жизни Блюхера, то в 1927 году он расстался с первой женой и женился на Галине Кольчугиной, которая, родив ему сына Василия, поступила слушательницей на военный факультет Академии связи в Москве. Ни в Киев, куда мужа назначили помощником командующего войсками Украинского военного округа, ни в Хабаровск после перевода туда Блюхера для организации Особой Дальневосточной армии она не поехала. Не регистрируя брак, Василий Константинович проживет шесть лет (до своего ареста и гибели в 1938-м) с Глафирой Безверховой: 42-летний командарм и 17-летняя девчонка из многодетной семьи инвалида Русско-японской войны встретились в мае 1930 года после конфликта на КВЖД.

На сопках Маньчжурии

11 июля 1929 года радио и газеты Советского Союза обнародовали тревожные вести: китайские войска захватили Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) и прервали всякие отношения с северным соседом. Участились провокации на границе. Уладить конфликт дипломатическими мерами не удалось, и осенью войска Особой Дальневосточной армии предприняли ряд экспедиций на китайскую территорию. 20 ноября Блюхер телеграфировал в Москву: «Чжалайнор занят 18 ноября, Маньчжурия — 20-го... Противник упорно сопротивлялся... Его войска разгромлены полностью. В результате боев было взято свыше 8 тысяч пленных... Захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом и около 250 офицеров. Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжение и прочее. Противник потерял убитыми около полутора тысяч. Наши потери: убитых — 123, раненых — 605 человек...».

ОДВА была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особой краснознаменной Дальневосточной армией. Такой же орден, по счету пятый, получил командарм Блюхер. В мае следующего, 1930 года он стал первым в СССР кавалером нового знака государственного отличия — ордена Красной Звезды.

Тогда же в далекой от Хабаровска Тюмени при переименовании нескольких заречных улиц Среднюю Поперечную называли улицей Блюхера (Большая Поперечная стала Луговой, Малая Поперечная — просто Поперечной, а Нижнезаречная превратилась в Земляной вал).

Построенному в 1930 году в Ишиме в редком в регионе стиле конструктивизма кинотеатру присвоили имя Блюхера.

Тюменская молодежь, как и вся страна, пела маршевую песню ОКДВА:

Стоим на страже
Всегда, всегда.
Но если скажет страна труда,
Винтовку в руки!
В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер!
Даешь отпор!

На открытии в июне 1930 года XVI съезда ВКП(б) делегат Дальневосточного края Блюхер поднялся на сцену Большого театра с развернутым знаменем ОКДВА — президиум и зал встали.

От имени Красной армии Блюхер приветствовал партийный форум: «Позвольте заверить вас, что если в будущем повторится новая попытка помешать нашему социалистическому строительству, попытка напасть на наши границы, Красная армия сможет с еще большей решимостью, с еще большим энтузиазмом, с полной готовностью умереть за дело пролетариата, защищая наши границы...».

Гром аплодисментов... В перерыве к нему подошел Сталин: «Хорошо выступили, товарищ Блюхер. Вы искренний человек, я верю вам».

«Не судите, да не судимы будете»

20 сентября 1935 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление о присвоении «выдающимся и особо отличившимся лицам высшего командного состава Красной армии» маршальских званий.

Сталин долго изучал список возможных кандидатов в маршалы Страны Советов: Буденный, Ворошилов, Тухачевский, Уборевич, Якир. Раздумывал... Потом взял карандаш и вычеркнул две последние фамилии. Вместо них вписал: «Блюхер».

По пути в Москву спецпоезд произведенного в маршалы командующего ОКДВА сделал короткую остановку на станции Тюмень. Встреча Блюхера в гарнизонном клубе с начальствующим составом расквартированной в городе 65-й стрелковой дивизии совпала с 15-летием штурма Перекопа. Командир этой дивизии комбриг Григорий Гаврюшенко отметил, что соседняя улица названа в честь этого героического события.

Популярность маршала Блюхера нарастала. О нем писали газеты, рассказывалось по радио. С портретами Блюхера в маршальской форме со звездами в петлицах и на рукавах трудящиеся Тюмени шли на демонстрацию 7 ноября 1937 года. Они клеймили позором расстрелянных 12 июня маршала Тухачевского, командармов Якира, Уборевича, Корка, комкоров Фельдмана, Эйдмана, Примакова и Путны. В состав специального судебного присутствия, утвердившего их расстрел, вместе с председателем военной коллегии Верховного суда СССР Ульрихом, заместителем наркома обороны Алкснисом, командующими Московским, Белорусским, Ленинградским, Северо-Кавказским военными округами Буденным, Беловым, Дыбенко, Кашириным, начальником Генштаба Шапошниковым входил и командующий ОКДВА Блюхер. Тогда он не предполагал, что через год с небольшим придут и за ним.

Когда 29 июля 1938 года японские войска захватили расположенные в районе озера Хасан сопки Заозерную и Безымянную, открывающие обзор на Посьетский залив, то от наркома обороны Ворошилова поступил приказ: «Смести и уничтожить интервентов!». Но вместо того чтобы как прежде у Тобольска, на Перекопе, у Волочаевки и на КВЖД волнами, не считаясь с потерями, до полной победы бросить Особую краснознаменную на штурм японских позиций, Блюхер «подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан... в тайне от находившихся в это время в Хабаровске заместителя наркома обороны начальника политуправления Красной армии Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел Фриновского и без участия начальника погранучастка провел расследование причин инцидента». Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками маньчжурской границы на три метра и, следовательно, «установила нашу “виновность” в возникновении конфликта у озера Хасан».

После бегства за границу на участке 59-го Посыетского погранотряда 13 июня 1938 года начальника УНКВД Дальневосточного края комиссара госбезопасности 2-го ранга Генриха Люшкова Блюхер решился-таки противопоставить армию всесильному НКВД. Но к тому времени войска уже были ослаблены арестами командного состава: из окружения Блюхера, как «вредители и шпионы», исчезли его соратники: начальник штаба ОКДВА Михаил Сангурский, помощник командующего ОКДВА по ВВС Альберт Лапин, начальник Хабаровского гарнизона Михаил Калмыков, командир корпуса Яков Покус, военный прокурор ОКДВА Вильгельм Малкис, редактор армейской газеты «Тревога» Лев Мирин, командующий Тихоокеанским флотом Михаил Викторов...

В Тюмени в Перекопском переулке опустел дом командиров 65-й стрелковой дивизии: по вымышленным обвинениям расстреляли комбрига Гаврюшенко, его заместителя полковника Белозерова-Гладышева, начальника политотдела батальонного комиссара Миловидова, командиров стрелковых полков и танкового батальона.

Побег Люшкова и исчезновение наркома внутренних дел Украины Успенского (позднее выяснилось, что он скрылся, имитировав утопление в Днепре) подкосили авторитет «главного чекиста» Ежова в глазах Сталина. Он больше не полагался на него в борьбе с «врагами народа». Но нерешительность Блюхера в конфликте с японцами его разочаровала. 1 августа Сталин вызвал маршала к прямому проводу.

— Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту...

Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей пачками бьют японцы? Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины? Жду ответа.

Только к полудню 11 августа высоты Заозерная и Безымянная были освобождены. Страну оповестили, что масштабное столкновение закончилось полной победой Красной армии над зарвавши-

мися самураями. Победа была отмечена массовыми награждениями: 40-я и 32-я стрелковые дивизии и Посыетский погранотряд удостоены орденов Ленина и Красного Знамени, 26 бойцов и командиров стали Героями Советского Союза, 6500 получили различные ордена и медали. Наградой обошли только Блюхера.

Сталин знал, что события на Хасане выявили слабую боевую подготовку войск Дальневосточного краснознаменного фронта (так теперь называлась бывшая ОКДВА). Конфликт действительно произошел по вине советской стороны и едва не привел к настоящей войне с Японией. Но ответственность за все происшедшее, включая ситуацию бегства к японцам чекиста дальневосточника Люшкова, стараниями его лубянского шефа Ежова при содействии Мехлиса и наркома Ворошилова возложили на Блюхера. Его вызвали в Москву, устроили суровый разнос на заседании Политбюро, отстранили от командования войсками Дальневосточного краснознаменного фронта и предложили отдохнуть в Сочи на даче Ворошилова в чудесном местечке под названием «Бочаров ручей». Здесь маршал был арестован 22 октября 1938 года по ордеру, подписанному Ежовым с санкции Сталина. За день до очередной годовщины Великого Октября после избиений Блюхер подписал показания о своем участии в антисоветском заговоре, а 9 ноября скончался. Официальный диагноз гласил, что «смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в верхах таза...». Но допрошенная в 1956 году врач Лефортовской больницы Розенблюм показала: «Я осматривала Василия Константиновича Блюхера. Все лицо у него было в сплошных синяках. Затем я обнаружила кровоизлияние в склеру глаза. Она была переполнена кровью. Кто определил причину его смерти, я не знаю. Как и не знаю, кто выдал следствию справку о смерти».

В рапорте младший лейтенант госбезопасности Головлев отметил, что «один или два раза на день арестованный № 11 мне сказал, что в эти дни (он подразумевал октябрьский праздник) ему стало не по себе, когда слышал с улиц музыку и шум...».

Ни в Москве, ни в Тюмени — нигде не несли на демонстрациях портреты Блюхера. Имя маршала, ставшего арестантом № 11, вычеркнули из учебников истории, а его улицы назвали в честь новых героев. Блюхеровский кинотеатр в Ишиме простоял без названия до 1949 года, когда его назвали именем 30-летия ВЛКСМ.

Победители или побежденные

Бывших жен Блюхера — Покровскую и Кольчугину — расстреляли. Последняя супруга Безверхова, отсидев пять лет в лагере и десять лет в ссылке в Казахстане, все-таки дожила до XX съезда КПСС и своей реабилитации. Всех детей Блюхера, включая пятилетнюю Вапру и восьмимесячного Василина (от брака с Безверховой), разбросали по специальным сиротским домам.

Улицу Блюхера в заречной части Тюмени переименовали в улицу разбившегося 15 декабря 1938 года во время испытательного полета знаменитого советского летчика Валерия Павловича Чкалова.

Когда 17 ноября 1938 года Совнарком и ЦК приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», означавшее прекращение массового террора и увольнение Ежова из НКВД с щадящей формулировкой: «по состоянию здоровья» (его арестовали 10 апреля 1939-го, а расстреляли 4 февраля 1940-го), Сталин предложил Чкалову занять освободившееся на Лубянке место наркома. Тот отказался. И для тех, кто близко знал аса № 1, внезапный отказ мотора его самолета И-180 не стал неожиданностью.

Именем трагически погибшего летчика Чкалова, которого, как и Блюхера, боготворила страна, Сталин изгнал из топонимики любые напоминания о маршале. Оренбург, откуда началось полководческое восхождение Блюхера, назвали Чкаловым (ныне снова Оренбург). Остров Удд на Дальнем Востоке в Татарском проливе недалеко от устья Амура, где в июле 1936-го была совершена вынужденная посадка самолета АНТ-25 на маршруте Москва—Петропавловск-Камчатский, стал называться Чкаловским (тогда на этот остров вместе со спасателями прибыл сам командующий ОКДВА).

Кстати, после перелета на остров Удд Сталин сказал Блюхеру: «Значение этого полета можно приравнять к действиям двух таких армий, как ваша».

Тюменскую 65-ю стрелковую дивизию из Перекопского переулка передислоцировали в Забайкалье на станцию Борзя. Там ее возглавил выпускник военной академии имени Фрунзе майор Петр Кошевой. Будущий маршал и дважды Герой Советского Союза.

9 декабря 1941-го эта дивизия отбила у немцев город Тихвин и была награждена орденом Красного Знамени. Войну закончила как

102-я гвардейская Новгородско-Померанская краснознаменная орденов Суворова и Красной Звезды стрелковая дивизия.

В патриотическом телепроекте «500 великих имен», в котором после виртуального голосования осталось только 50 знаменитостей, маршала Блюхера нет, а летчик Чкалов оставлен. Из красных героев Гражданской войны в этом перечне лишь маршалы Буденный, Ворошилов, Тухачевский и скончавшийся на операционном столе наркомвоенмор Фрунзе. Зато широко представлены лидеры Белого движения: адмирал Колчак, генералы Корнилов, Деникин, Юденич и Врангель. Время и политическая конъюнктура меняют местами победителей и побежденных и переименовывают названия городов и улиц. Так заканчиваются все гражданские войны.

С «Интернационалом»

С этим партийным гимном под красным знаменем бродят по тюменским улицам и переулкам призраки коммунизма.

«...На горе всем буржуям мировой пожар раздуем»

Ленин и его сподвижники искренне верили, что Октябрьский переворот 1917 года в Петрограде станет прологом к обще-европейскому социалистическому пожару.

Троцкий выразился предельно откровенно: «Россия должна стать лишь охапкой хвороста для разжигания мировой революции».

Ему вторил Свердлов: «Мы начнем в России, где все, благодаря войне, потеряно. Пожар неминуемо распространится... Риска у нас нет никакого. Мы, большевики, выиграем во всех случаях».

Подвел черту Ленин: «Наше дело — есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной советской республики». По идеологической доктрине Ленина—Троцкого—Свердлова пролетарии каждой из воюющих тогда стран должны были подняться против своих правительств и буржуазии и захватить власть в свои руки.

В известном кинофильме «Чапаев» есть такой эпизод: комиссар чапаевской 25-й стрелковой дивизии Фурманов спрашивает начдива: «Ты за коммунистов или за большевиков?». Каверзный вопрос озадачил Чапаева. Но он не растерялся: «Я за Интернационал». Фурманов уточнил: «А за какой?». Чапаев и здесь не смутился: «А Ленин за какой?». «За Третий. Он его и создал», — ответил Фурманов. «Ну и я за Третий», — припечатал Василий Иванович.

Этот фрагмент из фильма показал политическую неосведомленность Чапаева и других рабочих и крестьян, брошенных в гражданскую войну, развязанную как раз лидерами Третьего интернационала, или сокращенно Коминтерна.

Улица с таким названием есть в Ханты-Мансийске. Была и в Тюмени, но после 1957 года стала Гвардейской. Еще одна улица на-

зывается Интернациональной и продолжается от кольца улицы Калининна и Московского тракта до бывшего аэропорта Плеханово.

Известно, что Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ) был организационно оформлен 5 марта 1919 года. Но его начало заложено задолго до Первой мировой войны. В вопросе об отношении к этой войне ЦК РСДРП(б) провозгласил лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. От такой мрачной перспективы многие участники Второго интернационала отказались, за что Ленин назвал этот интернационал «оппортунистическим».

Уже в 1918 году Коминтерн начал создавать компартии в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Финляндии и других странах. Установки Ленина на «организацию насилия во имя интересов трудящихся... война не на живот, а на смерть... наша сила в гражданской войне» звучали во всех газетах того времени. «Красная газета» в статье «Это революция» (2 октября 1918 г.) убеждала читателей: «Мы знаем, что настанет час, и во всех странах произойдет то же, что и у нас. И слава тем, кто был первым в превращении империалистической войны в гражданскую... Слава раздувающим мировой пожар... Не прекратим нашей борьбы до тех пор, покуда весь мир не превратится в социалистическую республику».

Добровольцы или наемники?

Ленинским ноу-хау времен Гражданской войны в России стало активное привлечение в Красную армию и в ВЧК революционеров-интернационалистов из числа иностранцев.

В те годы в России оказалось много иностранцев — эмигранты, временные рабочие, военнопленные из германской, австро-венгерской и турецкой армий, освобожденные из плена после Октября 1917 года. И часть этого иностранного десанта действительно активно встала на сторону большевиков, дав многотысячную армию интернационалистов, основу будущего Коминтерна. В Красной армии были целые крупные воинские соединения из чехов, немцев, сербов, корейцев. А также из ставших для Советской России к тому времени иностранцами латышей, литовцев, эстонцев, финнов и поляков. Но больше всего среди интернационалистов-красноармейцев было китайцев. В Москве при Реввоенсовете существовал даже отдельный штаб китайских отрядов под началом Шен Ченхо.

Китайцы (кроме тех, кто издавна жил на Дальнем Востоке) в России оказались в Первую мировую войну. Тогда своих мужиков мобилизовали на фронт, а экономика требовала рабочих рук. По договоренности с царским правительством китайские подрядчики начали эшелонами завозить в Россию земляков. Власти были в восторге: ехали люди, готовые за мизерную плату валить лес, тянуть дороги, класть рельсы, подметать улицы. При этом непьющие, исполнительные, терпеливые, снят вповалку в бараках, едят любую бурду... Этот процесс во многом схож с положением гастарбайтеров в современной России.

Все бы было хорошо, но после 1917 года русские разделились на белых и красных — куда деваться более чем 150-тысячной трудовой армии китайцев? Поскольку самих россиян, желавших воевать друг с другом, первоначально было немного, то противоборствующим политическим силам пришлось привлекать иностранных волонтеров. Вместе с латышскими стрелками, мадьярами, немцами и прочими «интернационалистами» китайцы охраняли Ленина, Троцкого и Свердлова. Служили в воинских соединениях и карательных отрядах.

В 1919 году будущий советский журналист № 1 Михаил Кольцов написал: «Мне довелось видеть первые советские китайские формирования. Просторные казармы у Воробьевых гор, чисто выметенные полы, ряды винтовок, низко стриженные головы. Короткие фразы-команды. Коммунистические воззвания на стенах. Портрет Ленина. Косые глаза. Медленные конфузливо-бесстыдные улыбки на темных лицах. Высокий визгливый смех. И тщательное, долгое умывание из крана... Так же буднично и старательно, как по утрам желтые красноармейцы мыли свои жесткие круглые головы, пошли они теперь на Волгу, на Украину, на Урал и в Сибирь, стреляют в черные незнакомые дома, опустошают кумирни незнакомых и ненужных им богов».

Китайцев использовали и белые. В мемуарах белогвардейца Романа Гуля есть такой эпизод: «Кто-то идет навстречу. Кто идет?» — «Китайский отряд сотника Хоперского». Подошли: человек тридцать китайцев, вооруженных по-русски. «Куда идете?» — «Ростов, большевик стреляй». «И зачем эту сволочь набрали, ведь они грабить к большевикам пошли», — говорит кто-то. «Это сотник Хоперский, он сам вывезенный китаец, вот и набрал. В Корниловский полк тоже каких-то персов наняли...».

Мало кому известно, что вместе с Верховным правителем России адмиралом Колчаком и председателем его правительства Пепеляевым 7 февраля 1920 года в Иркутске на льду Ангары был расстрелян и третий человек — китаец Чен Тинфань. В колчаковской контрразведке он расстреливал и пытал, да еще обучал тонкостям восточных пыток русских офицеров.

За деньги или за идею?

Участие китайцев в нашей Гражданской войне долго старались не вспоминать. Может, эти исторические факты и совсем бы забылись, да куда деть классику литературы — Шолохова, Бабеля, Булгакова, Николая Островского? У каждого упоминаются воюющие за большевиков китайцы. Да и в Тюмени на памятнике Борцам революции среди погибших «интернационалистов» латыш Дульнис, немец Ольберх, венгр Абрек и китаец Чин-Лин. А к Интернациональной улице примыкают Дальневосточный и Пекинский переулки.

Григорий Мелехов в шолоховском «Тихом Доне» размышляет: «Китайцы к красным добровольцами поступают и за хреновое солдатское жалованье каждый день жизнью рискуют. *И* и при чем тут жалованье? Какого черта на него можно купить? Стало быть, тут корысти нету, что-то другое...».

Сохранилась характеристика китайского батальона из донесения советского военачальника Ионы Якира: «Жизнь они (китайцы) легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо».

Деньги были для китайцев скорее индикатором, показателем того, что новый наниматель (советская власть) честно выполняет обязательства. Реально же большевики предложили китайцам нечто большее: повышение социального статуса. Были «китаезы», «ходи», растерянные, малограмотные, плохо понимающие по-русски, оборванные, голодные, забытые в чужой холодной стране. Стали элитными частями новой власти. Опять же жалованье, форма, пайки... ну а пуля... Все равно в Россию нелегкая занесла!

Бывший офицер китайской армии Жен Фучен, владевший, кроме родного, английским, русским, японским, французским и индийским языками, привез в 1914 году на Урал китайцев-работяг. Когда здесь в мае 1918-го началась Гражданская война, 34-летний битый жизнью Жен Фучен сформировал из своих

соплеменников воинскую часть. Вряд ли он вдруг искренне уверовал в коммунизм. Просто появилась возможность заняться привычным командирским делом: умный, сильный и смелый китаец не упустил свой шанс. Созданный им 225-й китайский полк в составе 29-й стрелковой дивизии 3-й армии Восточного фронта стал крупнейшим однонациональным воинским формированием на Урале. В боях на подступах к станции Выя этот полк потерял около ста человек убитыми, погиб и Жен Фучен.

Получивший в Чусовой пополнение из работавших на строительстве Ляминской железнодорожной ветки китайцев, полк под командованием Ля Цзехена вел в декабре 1918 года ожесточенные уличные бои в районе станции Пермь II и у села Троица (на подступах к Перми), где погибло более двухсот китайцев — позднее здесь установлен мемориальный комплекс.

Островок России — Харбин

После окончания Гражданской войны в России осталось около 100 тысяч китайцев. На Урале и в Сибири они вкалывали в основном на тяжелых работах или держали мелкие промыслы. Существовали китайские артели, выходили национальные газеты.

Куда же все это потом делось? Дальше, как пишет Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», «взяты в северные лагеря и вымерли». Ну а те, кто уцелел? Растворились, считают специалисты-этнологи. На заработки в Россию ехали одни мужики. Здесь женились на русских женщинах. Дети росли в русской среде, говорили по-русски. Поди разбери сейчас в нашей стране, кто какой крови.

Китаец Игорь Пэн родился в 1926 году в Омске. Когда родителей отправили в ГУЛАГ, мальчик оказался в детском доме, потом окончил школу фабрично-заводского обучения и работал на стройке. В сентябре 1942-го его мобилизовали (в 16 лет!) на войну. После ранения в пехоте «маленький Пэн» стал танкистом и... полным кавалером ордена Славы. День Победы он встретил в госпитале: ему ампутировали ногу и демобилизовали. Возвратившись в родной Омск, инвалид Пэн окончил строительный техникум, а в 1965 году Московский инженерно-строительный институт. Возводил Волжскую и Каховскую ГЭС, работал в Алжире. Участвовал в ликвидации последствий землетрясения в Ташкенте. Скончался в 1998 году в Ростове-на-Дону.

Китай, в свою очередь, дал приют сотням тысяч русских эмигрантов, изгнанных из родных мест Гражданской войной. Большая часть беженцев (около 150 тысяч) осела в главном городе Маньчжурии — Харбине.

Когда-то этот город с китайским названием был русским. Как и построенная Россией в 1903 г. Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) протяженностью свыше 2500 километров.

На гребне эмигрантской волны в Харбине появились новые предприятия, рестораны, артели кустарей, комиссионные магазины, банки, рекламные агентства, мастерские, автотакси и многочисленные забегаловки с горячей едой и дешевой водкой.

Одну из авторитетных общественных организаций — «Беженский комитет» — возглавил тюменский купец и просветитель Виктор Иванович Колокольников (1881–1941), ранее основавший в Тюмени коммерческое училище (сейчас в этом здании находится архитектурно-строительный университет).

В театрах Харбина — русском и украинском — шли «Ревизор» и «Свадьба Кречинского», со сцены оперного театра пел Шаляпин, в цирке давал представление Дуров, звучали песни Вертинского и мелодии ансамбля Лундстрема.

Открылись институты: юридический, медицинский, политехнический, педагогический, ориентальных (восточных) и коммерческих наук.

Выходили десятки газет и журналов. Печатались книги, поэты-эмигранты называли Харбин «дальневосточным Парижем».

Все закончилось в августе 1945 года, когда в Харбин вступили советские войска. Русское население подвергли реэмиграции, то есть вывезли в Советский Союз. Одних расстреляли, других отправили в лагеря, остальных расселили на Урале и в Сибири. Так в Тюмени оказались Алексей Деревнин, главврач травматологической больницы, Георгий Томашевский и Ростислав Соколовский, заведующие кафедрами лор-болезней и иностранного языка в мединституте. Образованные, интеллигентные люди.

Тюменцы, побывавшие недавно в Харбине, подтвердят: в этом городе на реке Сунгари не осталось ничего русского — снесены православные храмы, стерты национальные кладбища, изменился облик городских кварталов.

Зато теперь в Тюмени никто уже не удивляется обилию желтых лиц. Политики и экономисты обсуждают: нужно ли предос-

тавить Китаю строительство железной дороги по восточному склону Уральских гор (в рамках мегапроекта «Урал промышленный — Урал полярный»), лесоразработки в Тюменской области, пустующие сельхозугодья в Зауралье?

Но сумеет ли нынешняя Россия в условиях экономического кризиса, при неудержимом сокращении собственного населения впитать и ассимилировать крупные китайские анклавы? И как поведут себя эти анклавы в случае возникновения социальных и межэтнических конфликтов, от которых не застрахована ни одна страна мира? Прецедент нашего недавнего революционного прошлого заставляет серьезно задуматься о последствиях таких переселений народов.

Интернационалисты в ЧК

Кроме китайцев, наиболее организованными и боеспособными интернациональными вкраплениями в Красной армии оказались венгры. Но наиболее охотно их почему-то брали в чекисты.

В 1918 году резидент британской разведки в России Хикс сообщал в Лондон, что из большой массы пленных бывшей Российской империи именно венгры сотнями записываются в красные части и ЧК. Здесь и будущий премьер-министр социалистической Венгрии Имре Надь, по не подтвержденным документами данным причастный к расстрелу царской семьи в Екатеринбурге (сорок лет спустя Надь сам станет жертвой советского КГБ, на службу которому пошел когда-то молодым революционным венгром). Среди причастных к расправе над Романовыми чекистов мелькают и другие, явно мадьярские фамилии: Хорват, Фексти, Вергази.

В чекистском Северном экспедиционном отряде Лепехина, очистившем в 1919–1920 годах от колчаковцев Югру и Ямал, один взвод целиком состоял из мадьяр.

Пошедший за большевиками офицер австро-венгерской армии Карай Лигети, проигравший 12 июня 1918 года под Тобольском сражение белому отряду штабс-капитана Казагранди, также успел побывать в ЧК, позднее его забросили в тыл колчаковцам, где он был арестован и расстрелян в 1919 году в Омске.

Уже в Испании в 1937 году под именем генерала Лукача в должности командира 12-й интербригады погиб в бою другой

известный венгр-чекист Мате Залка, возглавлявший в 20-х годах в Москве Театр революции.

И среди других интернационалистов в ЧК встречались люди, осевшие после Гражданской войны в советской спецслужбе. Как австриец Карл Паукер, прошедший путь от рядового улана австро-венгерской армии и пленного в России до начальника оперативного отдела НКВД и личной охраны Сталина. Фантастическая карьера бывшего львовского парикмахера, брившего главу Советского государства, окончилась в 1938 году расстрелом в подвале родной Лубянки. Его соотечественник и тоже бывший пленный австриец в ЧК Морис Мандельбаум известен как один из самых жестоких организаторов «красного террора» в Коми и Березовском уезде Тобольской губернии, что, впрочем, не помешало назвать его именем улицы в Сыктывкаре и Печоре.

Еще один интернационалист Яков Бухбанд — начальник Управления НКВД по Крымской АССР, по совместительству возглавлявший местное отделение... Союза советских писателей. Никаких задатков к писательскому труду у Бухбанда не наблюдалось. Русским языком он владел плохо, так как родился и вырос в Австро-Венгрии, а в Россию попал в 1915 году как военнопленный. Образования, кроме первого класса гимназии, никакого. Характеризовался: «Хороший следственный, но плохо знает русский язык, занимаемой должности соответствует при обязательном условии: иметь хорошего, развитого секретаря, знающего русский язык». Тем не менее, в 1928 году, будучи начальником Таганрогского окружного отдела ОГПУ, Бухбанд сочинил две пьесы чекистской тематики — «Расправа» и «Полковник Лавров». Позднее опубликовал еще две повести о чекистах — «Перебежчики» и «Путь солдата», которые удостоились хвалебных отзывов самого... Горького. В Крыму дом чекиста-писателя частенько посещали именитые собраты по перу — Маршак, Авдеенко, Павленко... Бухбанд собирался создать эпохальный роман «Перековка» о «рождении в сибирской тайге нового города Остяко-Вогульска, построенного для туземцев перековавшимися кулаками». Закончить это произведение он не успел — в 1937 году его расстреляли, а пьесы запретили.

В руководстве Тюменской ЧК были бывший офицер австро-венгерской армии Денис Коуделко (по одним данным австриец, по другим — словак, по третьим — чех), поляк Иосиф Бойко и

целая плеяда латышей: Падерня, Зернин, Добилас, Сирмайс, Ратнек... Уездную ЧК в Сургуте возглавлял немец Роберт Валенто.

Был среди первых чекистов и швед Вольдемар Ульмер, ставший к 1937 году личным секретарем 1-го заместителя наркома НКВД Фриновского и отправленный после расстрела своего шефа в красноярские лагеря. Самыми экзотичными сотрудниками ЧК из иностранцев являлись потомок старого дворянского рода Франции поэт Делафар (расстрелян белыми в 1919-м) и негр Джонсон из Одесской ЧК.

По архивной справке ВЧК за 1921 год о национальном составе комиссии явное большинство (77%) составляли русские, на втором месте евреи — больше 9%, заметна польская и латышская составляющая — представителей маленькой Латвии в ВЧК 3,5%, больше, чем выходцев из значительно более населенной Украины (украинцев только 3,1%). А затем, после белорусов, армян, грузин и объединенных по тогдашней моде в одной графе всех «мусульман», уже идут иностранцы — финны, немцы, венгры, чехи, сербы, хорваты, китайцы... Замыкается этот чекистский национальный список одним французом, тремя шведами и двумя англичанами.

В большинстве своем всех чекистов-иностранцев и других зарубежных волонтеров готовили к близящейся мировой революции и в качестве партийных и чекистских кадров будущих советских социалистических государств.

«Даешь Варшаву! Даешь Берлин!»

Коминтерном был разработан план подрыва государственных устоев западных стран путем организации волнений, заговоров и террора. Создавалась агентурная сеть для внедрения своих людей в структуры власти европейских государств, в первую очередь Польши, Германии, Венгрии, Италии, Румынии, где, как казалось коминтерновцам, шансов захвата власти было больше.

С первых дней своего существования ИККИ стал снабжать деньгами многочисленные компартии и коммунистические группы. В решении вопросов об их финансировании участвовал и лично Ленин. 28 августа 1919 года Я. Берзин писал председателю Бюро ИККИ Зиновьеву, что он говорил с Лениным о материальной поддержке компартий, и тот считает, что 5 млн. фран-

ков — это мало, что для коммунистических групп в Западной Европе нужно выделить сумму до 20 млн. франков (примерно 1 млн. фунтов стерлингов). Половину сохранить как резервный фонд, а остальное «немедленно распределить между коммунистами и лево-социалистическими группами Западной Европы и Америки, причем спартаковцам (радикальной группе германских коммунистов. — А. П.) нужно дать сразу крупную сумму (несколько миллионов), они давно просят...».

На проведение подрывных коммунистических операций тратились изъятые чекистами из православных храмов и тайников сокровища.

В 1919 году в Польшу отправили большую группу командного состава Красной армии во главе с бывшим поручиком царской армии Стефаном Жбиковским. Эта группа готовила вооруженное восстание и «располагала неограниченными финансовыми средствами, полученными от Коминтерна».

Тот же 1919-й: «Во второй половине мая в Вену прибыл эмиссар Белы Куна, один из видных венгерских коммунистов Эрне Беттельхайм. Он привез с собой кучу денег и совершенно дикий план социалистической революции в Вене».

По указанию Ленина в Берлин раздуть пожар мировой революции отправился Райх Яков Самуилович, он же «товарищ Томас». Сохранились его воспоминания: «Инструкции Ленина были кратки: “Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще, делайте, что покажет обстановка. Только делайте!”. Сразу же написал соответствующие записки Ганецкому, Дзержинскому... Ганецкий в это время заведовал партийной кассой — не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина, и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь. Ганецкий был человеком, которому Ленин передал технику хранения этой кассы... Я знал Ганецкого уже много лет, и он меня принял как старого знакомого, выдал один миллион в валюте — немецкой и шведской. Затем повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках. Кто-то явно пытался сортировать и бросил.

В ящичке около входа полно колец. В других золотые оправы, из которых уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит: “Выбирайте!”. Потом объяснил, что это все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц. По указанию Ленина Дзержинский сдал их сюда на секретные нужды партии... Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. “А я, думается, понимаю больше? — ответил Ганецкий. — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз, сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы вы взяли побольше...”. Я стал накладывать, и Ганецкий все приговаривал: “Берите побольше”, — и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И действительно, я продавал их потом в течение ряда лет... Наложил полный чемодан камнями, золото не брал: громоздко. Никакой расписки на камни у меня не спрашивали...».

Чемодан с бриллиантами и миллион валютой — это только на первоочередные нужды. Чтобы обосноваться в Берлине. После этого средства товарищу Томасу начали поступать по официальным каналам: «Из России с дипломатической почтой шла не только валюта, но и разного рода драгоценности. Бриллианты, коллекции произведений искусства и нумизматики. Реализовать их было отнюдь не просто. Берлинские антиквары не могли определить подлинную стоимость собрания редких серебряных монет... Деньги шли на подкуп различных полицейских чинов, аренду транспорта, в том числе самолетов, приобретение конспиративных квартир, закупку и переправку в Москву новинок литературы, секретарш, владеющих немецким языком, и даже “на всякие вкусные вещи”, — так писал сам Райх в письме от 19 августа 1922 года. В его распоряжении находились два самолета... Деньги хранились, как правило, на квартире товарища Томаса. Они лежали в чемоданах, сумках, шкафах, иногда в толстых пачках на книжных полках или за книгами. Передача денег производилась на наших квартирах поздно вечером, в нескольких картонных коробках весом по 10–15 килограммов каждая...».

В России Гражданская война и чудовищный голод, но Ленину бриллиантов не жалко — чекисты еще нагрябят. Тем более что с началом в некоторых странах Восточной Европы коммунистических восстаний, со свержением кайзера Вильгельма в Германии и с выходом Красной армии к Польше и к Карпатам

образование союзных советских государств в Европе стало совсем близкой реальностью.

В начале октября 1918 года в Германии возникла непосредственная революционная ситуация. Идейным вождем бунтовщиков стала организация под названием «Союз Спартака». Началом революции послужило восстание военных моряков в ноябре 1918-го в Киле. Возникли Советы.

События развивались по сценарию событий годичной давности в России. 9 ноября произошло восстание в Берлине. Но значительная часть немцев, в отличие от русских, была настроена националистически или, как писали наши газеты, находилась под влиянием социал-шовинистов и местной национальной буржуазии. 15 января 1919 года зачинщики бунта Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты контрреволюционно настроенными немецкими офицерами.

В отместку и, как писали у нас, в знак «солидарности с немецким пролетариатом» в России расстреляли тысячу человек из числа заложников. Позднее во всех городах Советской России улицы со «старорежимными» названиями переименовали в улицы Либкнехта и Люксембург. В отличие от соседних Екатеринбург и Омск в Тюмени нет улицы Либкнехта — только Люксембург (примыкает ко Дворцу спорта и стадиону). Кто-то в Тюменском горсовете 1922 года невзлюбил Карлов, понимая буквально детскую скороговорку: «Карл у Клары украл кораллы...». Может, поэтому в нашем городе не было улицы еще одного Карла — Маркса? (она появилась лишь в 1961 году в результате переименования улицы Кагановича, бывшего сталинского железнодорожного наркома).

Тот же неизвестный деятель из горсовета не посчитал предосудительным, что «Клара у Карла украла кларнет», и присвоил переходящей в Товарное шоссе улице имя Клары Цеткин. Той самой, объявившей в 1910 году 8-е марта Международным женским днем. Она неоднократно встречалась с Энгельсом (в Тюмени есть его улица — бывшая Большая Царевогородищенская), но ни разу с Марксом.

Ленин всячески пытался помочь бунтовщикам в Германии, но смычке русской и немецкой революций мешала Польша, препятствующая движению Красной армии к Берлину. Первые боестолкновения между красноармейцами и польскими жолнерами произошли в феврале 1919 года в Белоруссии у местечка Береза-Кар-

туская. Потом началась война — 6 мая 1920 года польские войска вошли в Киев. В Варшаве царила победная эйфория. Но уже через десять дней Красная армия перешла в наступление: поляки бежали, бросая оружие. 12 июня их выбили из Киева, 11 июля был занят Минск, 14 июля Вильнюс. Сталин телеграфировал Ленину: «...Поляки переживают развал, от которого они не скоро оправятся. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции».

Будущий маршал Тухачевский, чьим именем названа улица в тюменском районе Парфеново, командовал наступлением на Польшу под лозунгом: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». Ленин не сомневался в падении польской столицы. 23 июля он телеграфировал Сталину: «Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Однако добиться революционного успеха в Польше не удалось: маршал Пилсудский нанес внезапный удар, и Красная армия покатила назад: десятки тысяч красноармейцев попали в плен. Советско-польская война отличалась крайней жестокостью с обеих сторон. Ворошилов 4 сентября 1920 года писал Орджоникидзе: «...Озлобление бывает доводимо упорством поляков до максимальных пределов, а в таких случаях наши ребята рубят беспощадно. Наши потери на Белопольском фронте также огромны. Мы потеряли почти весь свой комсостав, военкомов и до десяти тысяч бойцов, столько же приблизительно лошадей...».

Перемирие, заключенное 18 октября 1920 года, вожди Коминтерна считали временным. Тухачевский писал Зиновьеву: «...Учитывая неминуемость мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб Третьего Коммунистического интернационала. Задача штаба — заранее учесть силы и средства сторон в будущей гражданской войне в странах, ныне еще скованных капиталом... Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коминтерн...».

Подрывная деятельность Коминтерна привела к организации альтернативных политических движений: фашистского и

национал-социалистического. Они опередили Коминтерн в Италии, Германии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Испании...

Германские друзья Ленина и Троцкого к власти не прорвались, но могло случиться и по-другому. Были шансы: к тому времени всю Германию трудами тамошних социал-демократов сотрясали демонстрации, митинги и стачки в знак солидарности с Советской Россией. Никто тогда не располагал машиной времени и не мог знать, что революции в странах Западной Европы в конце концов провалятся. Известный писатель-фантаст Герберт Уэллс в 1920 году написал: «Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России — это то, к чему шла Англия в 1918 году, но в обостренном и завершенном виде... расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее — лишь вопрос времени». Так что надежды большевиков на германских, венгерских, польских, болгарских, румынских и других зарубежных единомышленников были отнюдь не беспочвенными.

Ленин и его сподвижники отличались завидным упорством в достижении поставленных целей, поэтому неудачный опыт с советизацией европейских государств их совершенно не обескуражил. Не получилось с Европой? Прощупаем Азию.

Право на интервенцию

Пробу сил на Востоке с позиции интернационализма провели в 1920 году на территории Персии, нынешнего Ирана. Туда под видом «местных бунтовщиков» вторглись конники знаменитого атамана червоного казачества Украины Виталия Примакова, провозгласившего Гилянскую советскую республику. Проявившись она недолго: совершенно равнодушное к идее мировой революции местное население оказало сопротивление «красным персам», которым, в конечном счете, пришлось убраться восвояси. О том, что они там находились, велено было забыть раз и навсегда. Дело в том, что штабом Красной армии Гилянской советской республики заправлял небезызвестный суперчеккист Яков Блюмкин, один из участников убийства в 1918 году в

Москве германского посла графа Мирбаха. А при штабе Блюмкина пребывал его приятель Сергей Есенин, там же и написавший свой знаменитый «персидский» цикл стихов. Но поскольку о советском вторжении в Персию никто даже не заикался, то считалось, что «персидские стихи» Есенина созданы не на основе «творческой командировки», а по заочной любви к далекой загадочной стране, где сам поэт, мол, никогда не бывал. Так что улица Есенина в заречной части Тюмени — напоминание о поэтическом таланте и об участии в «мировой революции».

Шаганэ ты моя, Шаганэ...

Или другое:

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстаюсь?

Из любви к родимому мне краю

Мне пора обратно ехать в Русь.

В 1921 году Коминтерном была создана компартия Китая и направлена группа военных специалистов, которую возглавил начальник сформированной в августе 1919-го в Тюмени 51-й стрелковой дивизии герой Перекопа в Крыму и волочаевских дней на Дальнем Востоке Василий Блюхер (под именем Га Лина). Но и в Китае у Коминтерна произошла осечка. После смерти от рака печени 12 марта 1925 года главного китайского коммуниста Сунь Ятсена главнокомандующий народно-революционной армией Чан Кайши вышел из КПК и объявил ее вне закона. Начались репрессии против коминтерновцев и местных революционеров, Га Лину (Блюхеру) пришлось срочно покинуть Китай.

Большевики не привыкли останавливаться на пути к мировой революции — под предлогом проверки буддийского мифа о Шамбале — счастливой стране совершенных людей — в Тибет отправилась секретная экспедиция все того же Блюмкина (без рассорившегося с ним к тому времени Есенина). Вместе с эмигрировавшим в США русским художником Николаем Рерихом вожди Коминтерна замыслили создать на стыке Афганистана, Тибета и Индии большое монголо-сибирское государство «Красную Шамбалу». Эта территория в Центральной Азии могла бы стать отличным плацдармом для продвижения революции в другие страны Востока.

Однако мистические чекнистские опыты по «скрещиванию» буддизма с ленинизмом оказались бесплодными. В ноябре 1929 года после тайной встречи в Константинополе с изгнанным к

тому времени из СССР идеологом мировой революции Троцким чекиста-авантюриста Блюмкина расстреляли «за повторную измену делу пролетарской революции, Советской власти и революционной чекистской армии». Еще раньше, 24 декабря 1925 года, в ленинградской гостинице «Англетер» нашли мертвым поэта Есенина: он повесился в своем номере на ремне от чемодана. Смерть эта по сей день остается загадкой, не исключается причастность к гибели поэта его странного друга Блюмкина. А десятилетие спустя советская пропаганда громко объявила учение Шамбалы «орудием японского фашизма». Академик Рерих скоропостижно умер 13 декабря 1947 года в Индии, по одной из версий его отравили агенты МГБ СССР, растворив яд в гранатовом соке.

Одну из улиц Тюмени могли бы назвать именем Рериха. В июне 1926 года он из столицы Западного Китая Урумчи отправился в Москву по рекам Зайсану и Иртышу до Омска, дальше в поезде. В Тюмени ему передали вчетверо свернутый лист бумаги.

«Строго секретно
Конфиденциально

В собственные руки
Товарищу Рериху Н.К.

Уважаемый Николай Константинович! Ваше пребывание в СССР нелегально. Или, в лучшем случае, полулегально. Для разведок западных стран, а также Японии, Индии и Китая, но прежде всего Англии, ваша экспедиция «затерялась» месяца на два-три в Китае. Конечно, шила в мешке не утаишь, особенно многое известно китайцам, но пусть это будут только слухи, которые всегда можно официально опровергнуть.

Наша с вами главная задача: ничего о вашем пребывании в СССР не должно появиться в печати.

Поэтому:

1) В пути до Москвы, по возможности, никаких официальных встреч (впрочем, местные товарищи будут предупреждены). И категорически — никаких контактов с журналистами, никаких интервью и проч.

2) В Москве — то же самое и еще более категорически. Об этом мы позаботимся сами, но и вы имейте в виду.

Яхонт. Прочитав, уничтожьте.

1.VI.1926 г. Москва».

Под псевдонимом «Яхонт» скрывался начальник Спецотдела ОГПУ СССР Глеб Бокий (расстрелян 15 ноября 1937 года, реабилитирован в 1956-м).

Предупрежденные Бокием «местные товарищи» доложили на Лубянку об остановке Рериха в Тюмени: «...Совершил поездку по городу на автомашине, предоставленной окружным отделом ОГПУ» (в то время Тюмень входила на правах округа в Уральскую область с центром в Свердловске).

Цепь сплошных неудач в подрыве существовавшего мирового порядка не снизила активность Коминтерна. Раз от разу убежденность вождей Коминтерна и их экспертов из ОГПУ и Разведуправления Красной армии в «миждународной победе коммунизма» росла, а формы ее конкретизировались. Сбежавший в 1928 году через Персию к англичанам бывший секретарь Сталина Бажанов заявил: «Мировая революция, безусловно, все еще является целью советской политики. Однако внимание советского руководства, пожалуй, переключилось с Европы на Восток... Несмотря на провал в Китае, который Советы вынуждены были признать, попытки подрывной деятельности в этом районе будут продолжаться».

На седьмом расширенном пленуме Коминтерна с приветствием от ЦК ВКП(б) выступил кандидат в члены Политбюро и главный редактор газеты «Правда» Бухарин: «...Мы готовы сделать все от нас зависящее для победы мировой революции... Каждое пролетарское государство имеет право на интервенцию. Распространение Красной армии является распространением социализма и пролетарской власти».

Мечтали восторженные поэты. Владимир Маяковский:

В мире без Россий,
без Латвий
жить единым
человечьим общежитием.

Михаил Светлов:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Павел Коган:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,

Чтоб от Японии до Англии
Сняла Родина моя...

Не стоит порицать этих поэтов: один из них застрелился в апреле 1930-го из наградного пистолета ОГПУ (кто-то считает, что его убили работники этого ведомства), другой дожил до глубокой старости, третий погиб в 1942-м с винтовкой в руках, но не в Индии, а в России на Великой Отечественной войне.

Гораздо хуже, когда серьезные матерые политики, несмотря на отрицательный опыт советизации чужих стран, ни за что не хотели уняться и остановиться...

Афганские грабли

Очередной авантюрой «мировой революции» Коминтерн отметился в Афганистане.

15 апреля 1929 года советско-афганскую границу пересек странный на вид отряд. Две тысячи всадников, одетых в афганскую военную форму, но говорящих между собой по-русски, переправились через полноводную Амударью.

Отряд имел четыре горных орудия, 12 станковых и 12 ручных пулеметов, мощную радиостанцию. Командовал конниками человек, называвшийся «турецким офицером Рагиб-беем». На самом деле это был все тот же Примаков, который после своей неудачной интервенции в Персии и секретных экспедиций в Китае занимал пост советского военного атташе в Афганистане.

Рейду Рагиб-бея предшествовало восстание племен против правительства эмира Амануллы. Среди повстанцев появился Бачаи Сакао, по национальности таджик, сын водоноса, дезертир афганской армии. После трехдневного боя с правительственными войсками его отряды заняли Кабул. Заигрывавший с большевиками Аманулла бежал в Кандагар. Бачаи Сакао провозгласил себя королем Афганистана.

Москва оказалась в трудном положении — кого поддержать: эмира или вождя повстанцев. ОГПУ и Коминтерн доказывали, что Бачаи Сакао, выходец из низов, опирается на крестьянство, поэтому, поддержав его, можно постепенно «советизировать» Афганистан. Народный комиссариат иностранных дел, соперничавший с чекистами и коминтерновцами, утверждал, что за Бачаи Сакао стоят англичане, снабжавшие его оружием.

Политбюро ЦК ВКП(б) признало доводы Наркоминдела более правильными и решило поддержать Аманулла, представителя помещиков и ханов, против пролетария Бачаи Сакао. Состоялось тайное свидание Сталина с афганским министром Гуламом Джеланиханом в присутствии Примакова.

По утверждению сбежавшего в 1929 году на Запад резидента ОГПУ в Турции Георгия Агабекова, начинавшего чекистскую службу в Тюмени: «Сталин со своей обычной прямоотой решил разрубить узел внутренних афганских отношений ударом красноармейского кулака».

Интересно, что переведенный после упразднения Тюменской губернии в ноябре 1923 года в Среднюю Азию в Ходжент начальник Тюменского губотдела ОГПУ Николай Долгирев направил в Москву рапорт, в котором возражал против военного вторжения на территорию сопредельного государства. Однако его предостережения не восприняли и за нарушение субординации (его рапорт отправлен, минуя вышестоящее полномочное представительство ОГПУ в Средней Азии) уволили из чекистского ведомства.

После первого же серьезного боя за Мазари-Шариф, один из главных политических и экономических центров афганского Туркестана, примаконцы убедились, что идеи мировой революции глубоко чужды местному населению.

Уже через день гарнизон соседней крепости Дейдали предпринял попытку выбить пришельцев из Мазари-Шарифа. С религиозными песнопениями повстанцы густыми цепями шли под косящий их орудийно-пулеметный огонь. Несмотря на огромные потери, такие лобовые атаки повторялись несколько раз. Радист Примакова отбил первую шифровку в Ташкент с просьбой о помощи.

Советская авиация нанесла бомбоштурмовые удары по боевым порядкам противника под Мазари-Шарифом. Через границу переправилось серьезное подкрепление под командованием Зелим-хана. Под этим именем скрывался Иван Петров, ставший в Великую Отечественную войну генералом армии и Героем Советского Союза. Пытавшаяся оказать сопротивление красноармейцам афганская пограничная застава была буквально сметена огнем артиллерии и пулеметов. Но главное препятствие осталось — нарастающая враждебность населения. К тому же

Аманулла, ради которого была предпринята советская интервенция, вдруг прекратил борьбу с Бачаи Сакао и, прихватив изрядную сумму государственных средств в иностранной валюте, золото и бриллианты, бежал в Индию, а оттуда выехал в Швейцарию, где умер в 1960 году, пережив всех главных участников «советизации» Афганистана.

Потеряв возможность действовать именем Амануллы, советские войска вернулись обратно на свою территорию. Дорожные сумки красноармейцев были отнюдь не пустыми: они вывезли казну Мазари-Шарифа и большое количество товаров, изъятых у местных купцов.

Экспедиция закончилась, но в штабе Среднеазиатского военного округа продолжалась разработка новой военной операции против Бачаи Сакао. Один из ее вариантов предусматривал возвращение Амануллы при сохранении независимости Афганистана, другой — создание на севере страны марионеточной республики с дальнейшим присоединением ее к СССР.

Повторная интервенция не состоялась, потому что 1 октября 1929 года афганский народ сверг самозванца — короля Бачаи Сакао без всякой помощи извне.

В 1937 году комкор Примаков оказался в числе других уничтоженных по ложным обвинениям советских военачальников. Истязавшие его чекисты добивались признания, что поход в Афганистан он совершил по заданию германской и британской разведок, чтобы втянуть СССР в большую войну на Востоке. Попытки Примакова убедить своих мучителей, что он выполнял поручения самого Сталина и Коминтерна, были встречены хохотом.

В декабре 1979 года престарелое брежневское Политбюро вновь наступило на «афганские грабли» и ввязалось в очередную военно-политическую авантюру. Как будто не знали о провале секретной экспедиции Примакова и о предостережениях Долгирева. И хотя Коминтерн в своем первоначальном виде прекратил существование, ввод советских войск в Афганистан был представлен как «выполнение интернационального долга». Непонятно только, кому и за что мы были должны: Амину, которого расстрелял спецназ КГБ, Тараки, задушенному Амином, ставленнику Москвы Кармалю или руководителю афганской госбезопасности Наджибулле, повешенному талибами... Известна только цена этого «интернационального долга» — «за девять

лет один месяц и девятнадцать дней — такова продолжительность афганской войны — 14453 погибших в чужой стране советских солдат и офицеров, и в том числе 142 тюменца».

Историк Леонид Млечин считает: «Председатель КГБ Андропов в Афганистане попался в ловушку своего ведомства, которое соблазнило его простотой решения проблемы: убрать правителя Амина, доставить в Кабул своего человек Кармаля и поставить его у власти. Тайные операции, чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом...».

Министерство мировой революции

С самого возникновения и до самороспуска в июне 1943 года Коминтерн финансировался из бюджета Советского Союза. Других источников просто не было. Коминтерн называли «наркоматом мировой революции». ВКП(б) считалась всего лишь секцией Коминтерна, а следовательно, по партийной линии Сталин находился в подчинении председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева. Численность функционеров Коминтерна превышала триста тысяч человек (для сравнения — персонал Народного комиссариата иностранных дел три тысячи, от дипломатов до технических работников).

В двадцатые годы Коминтерн откровенно подминал под себя все прочие государственные структуры — сотни тысяч борцов за мировую революцию как в СССР, так и за рубежом... Многочисленные весьма специфические учебные заведения: международная ленинская школа, коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского (готовил кадры коминтерновских аппаратчиков для Скандинавии, Прибалтики, Восточной и Балканской Европы), коммунистический университет трудящихся Востока с многочисленными филиалами (то же самое, что и предыдущий, только направление работы другое — восточное), коммунистический университет китайцев... А кроме того, военные школы, где для внедрения в тыл противника готовили разведчиков, радистов, диверсантов... Свои средства массовой информации: радио «Голос Коминтерна» и газеты на всех языках...

Расходы на проведение подрывных коммунистических операций росли. Народные ценности отправляли в Японию, Амери-

ку, в Центральную Азию... Политбюро постановило: «отпустить по смете Наркоминдела 20000 руб. серебром на организацию второй экспедиции в Тибет (для поиска загадочной Шамбалы).

МОПР — эта аббревиатура мало кому сегодня знакома. Некогда за ней стояла мощная международная организация помощи борцам революции, созданная в 1922 году по решению Коминтерна в поддержку политзаключенным, политэмигрантам, семьям погибших революционеров и объединившая с годами 14 миллионов человек. Секции МОПР были созданы в 70 странах, одна лишь советская секция объединяла 9,7 млн. человек. Как и в других местах, в Тюмени появилась ячейка МОПР и улица с таким названием (сейчас Индустриальная, параллельная улицам Максима Горького и Мельничной).

Когда кладовые Коминтерна опустели, то коммунистические спецоперации принимали нередко самые экзотические формы. Переправляли бриллианты за границу нелегально — зашивали в специальные подошвы башмаков, для чего ИККИ добывал особую кожу («кожа нам нужна для подметок, в которые мы будем заделывать ценности, главным образом, бриллианты»).

Чаще всего в таких «башмаках Коминтерна» в качестве курьеров за кордон отправляли женщин-большевичек, имевших опыт политической эмиграции (например, Галину Крулину, которая за один раз нелегально перевезла в Германию бриллиантов на сумму до 15 млн. золотых рублей (!). В марте 1937 года председатель ЦК МОПР Елена Стасова направила в Политбюро Сталину совершенно секретное письмо:

«Дорогой товарищ! Не считали ли возможным поднять вопрос об обмене тов. Матиаса Ракоши? В настоящее время по всей Венгрии ведется сбор средств на перевезение из СССР и погребение в Венгрии останков известного венгерского поэта Дьени Геза, умершего в Сибири как военнопленный... Останки его найдены.

Может быть, возможно было бы поставить вопрос об обмене Ракоши на останки этого Геза плюс трофеи — знамена венгров, взятых при подавлении венгерского восстания Николаем I. Сам Ракоши высказывает предположение, что, может быть, какие-либо экономические сделки, закупки, заказы и т.д. оказали бы свое воздействие на возможность обмена. Сидит Ракоши уже 12 лет...».

Ракоши с 1920 по 1922 год работал в Исполкоме Коминтерна. Потом вернулся нелегально в Венгрию, где был арестован и

осужден. Вышел на свободу в 1940 году, а после Второй мировой войны стал «хозяином» Венгрии, занимая одновременно посты первого секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся и главы правительства. Начались «разоблачения антиреспубликанских и антидемократических заговоров». Ракоши, казалось, помешался на поиске врагов — только за десять месяцев 1952 года в Венгрии было осуждено 540 тысяч человек (!).

Проводимая Ракоши по примеру СССР сталинская политика индустриализации и коллективизации привела к резкому снижению уровня жизни, разорению крестьянства, ухудшению продовольственного снабжения страны, восстановлению карточной системы.

Венгрия впервые за свою историю была вынуждена закупать зерно за рубежом. Репрессивный режим Ракоши оказался реликтом в изменяющейся Центральной Европе и привел в 1956 году к вооруженному восстанию, подавленному советскими войсками.

В стычках и боях погибло с венгерской стороны 2052 человека, 19226 было ранено. Свыше 200 тысяч венгров покинули страну. Потери советской армии составили 270 человек убитыми и пропавшими без вести, 1540 ранеными. За участие в венгерских событиях 26 военнослужащих получили звание Героя Советского Союза (для сравнения: за Афганистан этого высокого звания удостоено 72 человека: 15 рядовых, 5 лейтенантов, 10 старших лейтенантов, 10 капитанов, 8 майоров, 10 подполковников, 7 полковников, 2 генерал-майора, 1 генерал-лейтенант, 1 генерал-полковник, 2 генерала армии и 1 маршал Советского Союза).

Ракоши тайно вывезли в СССР. Первоначально к нему относились как к руководителю братской партии, потом, когда в Венгрии утвердилось новое руководство Яноша Кадара (при Ракоши он сидел в тюрьме), он стал помехой. Кадар, в свою очередь, приговорил к пожизненному заключению участвовавшего в сопротивлении советским войскам Арпада Гэнца — будущего президента Венгрии (в июле 1993 года он приезжал в Ханты-Мансийск на IV фестиваль финно-угорских народов, потому что манси относятся к этой языковой группе и считаются прародителями венгров).

В феврале 1957 года пленум Венгерской социалистической рабочей партии закрыл Ракоши въезд в Венгрию. Тогда советские власти отправили его в почетную ссылку в Краснодар, где выделили четырехкомнатную квартиру и выдавали пятьсот руб-

лей в месяц (в ценах 1961 года это были очень хорошие деньги). Сладкая жизнь Ракоши изменилась к худшему после 1962 года, когда венгры возложили на него главную вину за репрессии. Секретным постановлением ЦК КПСС Ракоши перевели в высокогорный и труднодоступный город Токмак в Киргизии, где платили ежемесячно только двести рублей. Он написал воспоминания, опубликованные после распада СССР, а умер в 1971 году.

Худшая доля досталась другому деятелю Коминтерна — лидеру компартии Греции Никосу Захариадису. После ссоры с главным коммунистом Югославии Иосипом Броз Тито Сталин приблизил к себе Захариадиса. Возглавляемая им Демократическая армия Греции контролировала северные районы страны. Однако коммунистический режим в Греции не состоялся. Греки устали от длительных и кровавых междоусобиц. В октябре 1949 года коммунисты вынуждены были прекратить военные действия. Остатки их деморализованной армии вывели в Албанию и Болгарию, а Захариадис вылетел в Москву.

В октябре 1952 года он с трибуны XIX съезда ВКП(б) заклеймил позором «предательскую клику Тито». Досталось и «внутренним врагам в партии: дезертирам, соглашателям и оппортунистам». После смерти Сталина Хрущев, чтобы помириться с Тито, отправил соперничавшего с ним генерального секретаря компартии Греции Захариадиса в ссылку в небольшой городок Боровичи, что в Новгородской области, а с 1962 года — в Сургут. Протестовавший против такого произвола Захариадис в августе 1973 года покончил жизнь самоубийством. Тайно похоронен под именем Николая Николаевича Николаева в Тюмени на Червишевском кладбище, и только в начале 90-х его сыновья перенесли в Афины останки отца, мечтавшего о мировой революции. Места захоронений многих других интернационалистов, расстрелянных в Советском Союзе во время сталинского террора, остались неизвестными.

Долги наши.... Интернациональные

По поводу истребления кадров коммунистической эмиграции в СССР в 30-х годах бывший предсовмина Вячеслав Молотов на склоне лет рассуждал с удивительным спокойствием: «Бела Кун едва ли был троцкист. Что послужило причиной его

гибели? Думаю, он был не совсем устойчивый. В период революционного подъема он был очень хорош. А уже в 30-х годах... Его компания... Был представителем Венгерской компартии в Москве. Многих тогда убрали... старых социал-демократов. Польских много было убрано...».

В общем, подписал в свое время вместе со Сталиным, Кагановичем, Ворошиловым расстрельный список на представителей братских коммунистических партий, а за что их уничтожили, толком и не помнит.

Большую чистку Коминтерна Сталин начал со своего главного соперника (после высланного из СССР Троцкого) — председателя Исполкома Григория Зиновьева, который после смерти Ленина был реальным претендентом на вакантное место главы партии и государства. Решающая схватка разгорелась на XIV съезде РКП(б), где Сталин и его сторонники сумели нанести полное поражение возглавляемой Зиновьевым «новой оппозиции». В 1926 году под предлогом борьбы с фракционностью Сталин добился снятия Зиновьева с поста председателя Ленинградского совета и Исполкома Коминтерна. Дважды (в 1927 и 1932 гг.) тот исключался из партии, но затем восстанавливался.

Последний удар настиг Зиновьева в декабре 1934 года. Убийство первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Кирова породило миф о том, что идейными вдохновителями этого преступления являются бывшие лидеры «новой оппозиции». 24 августа 1936 года бывший соратник Ленина, председатель Петросовета и создатель Коминтерна был расстрелян по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра».

И другие коминтерновцы по приказу времени стали шпионами: польскими, румынскими, немецкими, японскими... И чередой из московских коминтерновских квартир в «черном воронке» на Лубянку и после пыток и признаний конвейер поднимал их на второй этаж на бессонные глаза верховных судей СССР ровно на несколько секунд, чтобы послушать приговор. И опять же по лестнице их направляли в подвал, где дежурный комендант стрелял в затылок.

С правой, еще теплой, поджатой ноги снимали обувь и на большой палец бечевкой приматывали фанерную бирку с номером, намалеванным чернильным карандашом — имя больше не требовалось.

В Тюмени исчезла улица Зиновьева (до 1922-го 1-я Монастырская). Вернее, улица осталась, лишь сменила в очередной раз название на Димитрова, нового руководителя Коминтерна, будущего генерального секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии и председателя Совета министров НРБ (умер в 1949 г.). Сейчас на этой улице, примыкающей к Коммунистической (бывшая Большая Монастырская), мирно соседствуют православная духовная школа Тюменско-Тобольской епархии и церковь Христа «адвентистов седьмого дня», и на этот пример толерантности идей, теорий и течений мудро взирает от стен Свято-Троицкого монастыря сибирский епископ, миссионер и просветитель Филофей Лещинский.

В октябре 1937 года Димитров и секретарь ЦККИ Мануильский обратились в ЦК ВКП(б) за помощью: исполком парализован из-за того, что органами НКВД выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в аппарате Коминтерна. Нужны кадры...

Обескровив Коминтерн, Сталин, не отказываясь от идеи советизации всей планеты, сделал ставку на сугубо тоталитарные методы влияния в международных и коммунистических делах. Тайные сговоры, усиление агентурного влияния в стране и за рубежом, инициирование нужных процессов в государствах с антиимпериалистическими настроениями стали методами «революционных» действий Сталина.

Когда в 1936 году американский издатель Говард задал ему вопрос: «Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию?», Сталин ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было». Заявлено это было без тени смущения: ложь являлась его союзником.

Через три года, 7 сентября 1939-го, когда прошла неделя после нападения гитлеровской Германии на Польшу и началась Вторая мировая война, Сталин сказал Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Неплохо было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

Несколько раньше, 23 августа, между Германией и Советским Союзом был подписан печально знаменитый договор о ненапа-

дении, вошедший в историю как пакт Риббентропа–Молотова. Секретные протоколы к этому пакту и последующему советско-германскому договору о дружбе и границе стали одним из самых тщательно охраняемых тайн советской власти. Ведь само их наличие компрометировало Сталина и Молотова как поджигателей Второй мировой войны наряду с Гитлером и Риббентропом. Правда, секрет удалось сохранять недолго. После разгрома Германии в 1945 г. микрофильм с протоколами был захвачен западными союзниками СССР, а затем опубликован в сборнике «Нацистско-советские отношения». Москва объявила немецкий текст протоколов фальшивкой, но на Западе ей никто не поверил. Тем не менее и после этого советские оригиналы секретных протоколов оставались тайной за семью печатями до начала 90-х годов.

По поводу их содержания бард Александр Городницкий сочинил «Вальс тридцать девятого года»:

Полыхает кремлевское золото,
Дует с Волги степной суховей.
Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских друзей.
Карта мира меняется наново,
Челядь пышный готовит банкет.
Риббентроп преподносит Улановой
Хризантем необъятный букет.
И не знает кройщик из Люблина,
Что сукна не кроить ему впредь,
Что семья его будет загублена,
что в печи ему завтра гореть.
И не знают студенты из Таллина
И литовский седой садовод,
Что сгниют они волею Сталина
Посреди туруханских болот.
Акт подписан о ненападении —
Можно вина в бокалы разлить.
Вся Европа сегодня поделена —
Завтра Азию будем делить!
Смотрят гости на Кобу с опаскою,
За стеною ликует народ.
Вождь великий сухое шампанское
За немецкого фюрера пьет.

Став союзником Германии, Сталин вошел во вкус территориальных приобретений. Осечка вышла только с Финляндией, которая не пожелала отказываться от своей независимости. Тогда применили силу: 30 ноября 1939 года советская авиация бомбила Хельсинки. Войска Ленинградского военного округа перешли границы с Финляндией. Молотов, как нарком иностранных дел, заявил, что действия Красной армии — вынужденный ответ на враждебную политику Финляндии, а цель боевых действий — обеспечить безопасность Ленинграда.

Сразу же появилось сообщение о создании «народного правительства» Финляндии во главе с одним из создателей Финской компартии Отто Куусиненом, который с 1921 года работал в Москве в аппарате Коминтерна.

1 декабря правительство никогда не существовавшей Финляндской Демократической Республики привезли в финский приграничный поселок Териоки, только что занятый советскими войсками (ныне город Земногорск). Отобранные Куусиненом финские коммунисты провели заседание, которое стенографировал сын самого Куусинена по-русски, и призвали финский народ встретить Красную армию как освободительницу.

Председатель исполкома Коминтерна Димитров записал в дневнике, как 21 декабря 1939 года, когда отмечали шестидесятилетие вождя, Сталин откровенно сказал гостям: «В Союзе стало тесновато. Финляндия, Бессарабия, Черновцы нам не мешают».

Превосходство Красной армии над финнами в живой силе и особенно в технике было многократно. Думали, что Финская кампания будет такой же легкой, как вторжение в Польшу в сентябре 1939 года. Сталин считал, что финны не окажут серьезного сопротивления, и определил продолжительность операции в десять—пятнадцать дней.

Однако отчаянное сопротивление финской армии опрокинуло все планы Сталина. Войну начали, сосредоточив против Финляндии двадцать одну дивизию, а потом довели их число до пятидесяти восьми. Пришлось даже формировать в глубоком тылу добровольческие лыжные эскадроны — в один из них был зачислен студент Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта Борис Щербина, будущий первый секретарь Тюменского обкома КПСС. О своем участии в «незнаменитой войне» он никогда не вспоминал даже с самыми близкими людьми.

ми. Лишь однажды сказал о своих ровесниках-лыжниках 316-го отдельного лыжного эскадрона: «Они замерзли на ходу».

В ночь с 12 на 13 марта 1940 года в Москве был подписан мирный договор с Финляндией. Финны сохранили свою независимость. Финская армия потеряла двадцать девять тысяч. Каждый погибший был доставлен в родные места и там похоронен. Потери Красной армии составили: убитыми 65384, пропавшими без вести — 19610, ранеными и контуженными — 186584, обмороженными — 9614, больными — 51892 человека (в 1940 году заявили лишь о 48 тысячах погибших).

Несколько советских соединений, в частности 18-я стрелковая дивизия и 34-я танковая бригада, попали в окружение. При прорыве все раненые и больные были оставлены в тылу противника. Из 15 тысяч к своим вышли 1237 человек.

Гитлер в очередной раз убедился, что Красная армия не готова к современной войне, и ускорил подготовку к нападению на СССР.

После 22 июня 1941 года, когда встал вопрос жизни или смерти Отечества, абстрактные идеалы интернационализма для советских людей стали неубедительными и чуждыми. Важнейшим фактором отпора германской агрессии объявили патриотизм. Начальнику Главного политического управления Красной армии Щербакову предписывалось выражение: «фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская коммуна».

На историческом параде в Москве 7 ноября 1941 года Сталин призвал вспомнить о славе русских военачальников: Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

Ничего нового вождь не придумал, а лишь повторил обращение царя Александра I к гражданам России в связи с вторжением войск Наполеона. В царском манифесте 1812 года говорилось: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами... Пусть встретит враг в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. С крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы нас не одолеют...».

После публичных обращений к героическому историческому прошлому в армию вернулись погоны и георгиевские ленты, по-

явились гвардейские полки и дивизии, солдатский орден Славы заставлял вспомнить о Георгиевском кресте, о традициях русского воинства, сражавшегося с немцами в XVIII и в начале XX века. Восстановили православное патриаршество, внедряли идею славянского братства. Сохранение фактически не существовавшего Коминтерна мешало внедрению новой национально-патриотической идеологии, поэтому в июне 1943-го он самораспустился.

Однако ставка на патриотизм и на историческое прошлое была политически небезопасна. Легитимность (законность) большевизма была, мягко говоря, сомнительной. Хотя все революции по своей сути нелегитимны.

Возвращение прошлого создавало предпосылки для возрождения национальных идей как альтернативы коммунистическому интернационализму и самой компартии.

Кто-кто, а Сталин, прекрасно знавший историю России, в полной мере понимал политически положительные и политически опасные стороны русского патриотизма.

На заключительном этапе войны русский патриотизм все больше вытеснялся в официальной пропаганде патриотизмом советским, а национально-культурные признаки патриотизма заменялись социально-политическими. По замыслу Сталина, сформулированному в решениях Пленума ЦК ВКП(б) 27 января 1944 года (кстати, единственного Пленума, который был созван в годы войны), сохранение верности СССР коммунистическим идеям, включая идею мировой революции, должно было стать основными признаками советского патриотизма.

Советский социалистический патриотизм, не отменявший полностью патриотизм национальный, объявлялся «неотъемлемым элементом общественного сознания в СССР», основой возникновения которого послужили «коренные революционные преобразования в экономике, классовой структуре, национальных отношениях в ходе построения социализма...».

Реформы, начавшиеся в СССР после смерти Сталина, не изменили отношения партийно-советской номенклатуры к идеологии мировой революции. Безумные и утопические идеи не исчезают. Произошла мутация самораспустившегося Коминтерна. СССР сохранил образ угрозы для всего капиталистического мира. Брошенная Хрущевым в запальчивости фраза «Мы вас, американцев, закопаем!» отражала его глубокую убежденность

в исторической неизбежности мировой революции. Форсированное развитие советской ракетно-ядерной программы стало средством удержания паритета с США, странами НАТО, со всем миром. СССР безоглядно втягивался в гонку вооружений и авантюрные кампании по распространению идей марксизма-ленинизма в Азии, Африке и Латинской Америке, едва не закончившиеся в процессе «кубинского кризиса» в октябре 1962 года третьей мировой войной.

Отставка Хрущева в октябре 1964 года сместила акценты официально насаждаемой политики «социалистического интернационализма» в сторону проведения тайных операций и так называемой «нефтяной войны», проще говоря, сохранение демпинговых цен на энергоносители после открытия в 60-х годах Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Огромного внимания, сил и средств требовали «социалистические революции» в Анголе и Мозамбике, Сальвадоре и Никарагуа, Эфиопии и Южном Йемене, спецоперации на Ближнем Востоке, где СССР поддерживал не только Египет и Сирию, но и Народный фронт освобождения Палестины.

В некоторых зарубежных публикациях на КГБ СССР возлагается ответственность за деятельность Ирландской республиканской армии (ИРА) и японской «Красной армии». Советскому КГБ приписывалась также попытка убить папу Иоанна-Павла II, хотя никаких улик на этот счет не было обнаружено.

Идейно-политическое воздействие на руководство африканских и латиноамериканских государств, «пожелавших встать на путь социализма», оказывалось через партийно-правительственные делегации, возглавляемые первыми секретарями республиканских и областных комитетов КПСС. Возвратившемуся из такой поездки Геннадию Павловичу Богомякову приписывали ставшее крылатым выражение: «Дадим миллион тонн нефти в сутки, и Мозамбик пойдет по социалистическому пути». Тюменские нефтяники достигли этого рекордного показателя, но у Мозамбика, Эфиопии, Сомали, Уганды и других бывших колоний капитализма с переходом к социализму как-то не заладилось.

Спецоперации и пропагандистские кампании сопровождалась щедрой «интернациональной помощью»: военной техникой, военно-техническими специалистами, подготовкой военных кадров, обсуждалась тема отправки добровольцев-интернационалистов.

23 марта 1965 года Брежнев на митинге на Красной площади в честь космонавтов заявил: «В наши центральные органы поступает немало обращений от советских граждан, выражающих готовность принять участие в борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость. Нам хорошо понятны чувства братской солидарности, социалистического интернационализма, которые находят свое отражение в этих обращениях... Советское правительство в необходимом случае, при обращении правительства Демократической Республики Вьетнам, даст согласие на выезд во Вьетнам советских граждан, которые выразили желание сражаться за справедливое дело вьетнамского народа».

Возобладала, к счастью, точка зрения вьетнамского руководства: дайте денег, ракеты и военно-техническое имущество, а людских ресурсов во Вьетнаме достаточно.

Тем не менее советские специалисты фактически обслуживали пусковые установки зенитных ракет (с 5 августа 1964 года по 1 ноября 1968 года действиями ПВО Вьетнама было сбито 3243 американских самолета). Просьбу вьетнамского руководства прислать из СССР военных летчиков, как в 1950 году в Корею, советская сторона посчитала нецелесообразной — ведь «с первых минут боя станет ясно, что их самолеты пилотируют русские».

Эскалация «социалистического интернационализма», похоже, не радовала некоторых членов Политбюро. «Видишь, как полна жизнь парадоксов! — воскликнул председатель КГБ Юрий Андропов в одной из бесед с начальником Первого главного управления КГБ (разведка) Владимиром Крючковым. — Когда-то мы мечтали о “мировой революции”, теперь же не рады ей даже в соседней стране — в Афганистане... Эх, если бы эта революция года на два-три позже началась, как все хорошо бы сложилось!..».

Новый президент Афганистана Тараки произвел на Крючкова впечатление умного, но крайне политически близорукого человека, наивного революционного романтика, потерявшего чувство реальности. «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, — сказал Тараки Крючкову, — в Афганистане будет осуществлено за пять лет. Приезжайте к нам через год, и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми». За позицией афганской стороны и других государств, заявлявших о своей «социалистической ориентации», явно просматривался прагматический расчет: руководствуясь соображениями «пролетарского ин-

тернационализма», политическими и нравственными обязательствами, СССР будет вынужден оказывать помощь практически на любых условиях и, главное, безвозмездно.

После распада СССР в 1991 г. объявившая себя его правопреемницей Россия простила все долги странам, отказавшимся от строительства социализма собственными силами. Подозрительно легко отказались от военных баз в Сирии, Южном Йемене, во Вьетнаме, на Кубе... Исчезли с политического небосклона больше не получавшие тайного финансирования из Москвы зарубежные коммунистические и рабочие партии, радикальные молодежные и национально-освободительные движения. Мыльный пузырь международной солидарности, казалось, лопнул навсегда.

Однако плохое помнится долго: страны, ранее входившие в социалистический лагерь, и государства, возникшие на развалинах Советского Союза, требуют от России возмещения коминтерновских и имперских долгов: Польша — за Катынь, Венгрия — за 1956 год, Чехия и Словакия — за «оккупацию», Украина — за «голодомор 1932–1933 годов»... Список достаточно длинен.

Выберется ли Россия из этой долговой ямы? Скажите нам, улицы и переулки с интернациональными, коммунистическими и имперскими названиями (таких в Тюмени 19). Не молчите.

Именем «Госпара»

Объявленная В.И. Лениным «красногвардейская атака на капитал» включала национализацию речного флота.

Как корабль назовешь...

«Долой капиталистов-пароходчиков! Да здравствует пролетарский флот Сибири!» — провозгласил III Всесибирский съезд водников в Томске в марте 1918 года.

Так в Западной Сибири перестали существовать пароходные компании Богословского горного общества, «Плотников и сыновья», «Товарищество Игнатова—Курбатова».

В собственность Государственного пароходства — «Госпара» перешло 250 пароходов, из которых 192 были построены в Тюмени.

Навигация 1918 года началась... с переименования судов. Очевидец вспоминал: «...Речники с яростью выскребали с бортов старые названия “Св. Николай”, “Св. Филофей” и ярким суриком выводили на колесных кружалах “Коммунист”, “Революционер”»...

Пароход «Станкевич», названный в память тобольского губернатора, стал «Красной звездой».

Андрей Афанасьевич Станкевич окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С юности интересовался Сибирью, изучал ее историю и географию. После назначения в 1912 году в Тобольск губернатором он много внимания уделял развитию сельскохозяйственной жизни края, улучшил сообщение губернского центра с рыбопромышленным Севером, изыскав средства на постройку специального парохода.

В связи с переводом Станкевича губернатором в Самару в ноябре 1915 года «Сибирский листок» писал: «В Тобольской губернии Станкевич приобрел симпатии мягкостью характера, доступностью и внимательностью ко всем, обращавшимся к нему с какими-либо просьбами».

В августе 1919 года Станкевич умер в Петрограде от голода.

А на пароходе «Станкевич», переименованном в «Красную звезду», отряд особого назначения под командованием члена Тобольского комитета РКП(б) Наума Пейселя отправился вниз по Иртышу устанавливать советскую власть в Демьянском, Самарово, Кондинском... Продвижение «Красной звезды» на Север остановил мятеж чехословацкого корпуса военнопленных.

7 июня 1918 года чехи и вышедшие из подполья белогвардейцы захватили Омск — так в Западной Сибири началась Гражданская война.

Через пять дней к пристани Тюмень пришвартовалось до ста больших и малых судов во главе с флагманом Обь-Иртышского речного флота «Андреем Первозванным». С этой флотилией в Тюмень прибыли из Омска руководители Западно-Сибирского областного совета: Косарев, Усиевич, Окулов, Эйдеман, Лобков, Нейбут, Шебалдин... На пароходы успели погрузить около миллиона пудов зерна и хранившиеся в Омском государственном банке 270 миллионов рублей в золоте, серебре и валюте.

Оставленным большевиками в Омске, Таре и Тобольске речным судам вернули прежние названия — пароход «Красная звезда» вновь стал «Станкевичем».

Великая речная война

Первое боестолкновение белой и красной флотилий на реке Тобол произошло 26 июня 1918 года у села Бачелино.

Под командованием Павла Хохрякова, 27-летнего кочегара с линкора Балтийского флота «Александр II», было пять пароходов, два орудия, три бомбомета, 42 пулемета, 700 бойцов...

Белая флотилия состояла из трех пароходов, захваченных вместе с интернационалистами бывшего корнета австро-венгерской армии Карола Лигетти, офицерским отрядом штабс-капитана Казагранди 12 июня у села Каркатеево между Омском и Тарой.

Участник этого сражения вспоминал: «Незадолго до заката солнца вниз по реке мы заметили дымы приближающихся пароходов. Вскоре из-за поворота показался пароход, потом другой, третий и, наконец, вся ширина реки была занята идущими полным ходом судами самых разнообразных типов и величин. Зрелище было грандиозное... Как Давид против Голиафа вышла «Мария» с 57-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами на-

встречу этой дымящей и несущейся на нас армаде. Подпустив головной пароход версты на полторы, мы выстрелили ему под нос. Все напряженно всматривались вперед, ожидая ответного залпа. После нескольких мучительных минут ожидания армада вдруг сбавила ход, и лишь один передовой корабль продолжал идти навстречу. Его остановил наш второй выстрел...».

Красные потеряли два разведывательных катера — «Тобольск» и «Юрий», шесть человек убитыми и 23 пленными. Белые заняли Бачелино и отрезали устье реки Тавды. Флотилия Хохрякова отошла к селу Иевлево. Решающее сражение произошло 29 июня на реке Туре у села Покровского. Здесь Хохряков применил снаряды с удушающими газами. Белые отступили к Ярково, где укрепились. Хохряков понял: в Тобольск не прорваться. И приказал поднять на палубу флагманской «Оки» арестованного им во время пасхального крестного хода епископа Тобольского Гермогена. Начиналось утро 30 июня — ровно два месяца после ареста епископа.

Свидетельств убийства Гермогена не найдено. Историки ссылаются на слова уральского чекиста, участника расстрела Николая II и его семьи в Екатеринбурге Михаила Медведева. Ему, мол, рассказал сам Хохряков: «А потом я вывез его на середину реки, и мы привязали к Гермогену чугунные колосники. Я столкнул его в воду. Сам видел, как он шел ко дну...».

Начальник тобольской сыскной полиции Иона Питухин, расследовавший обстоятельства утопления епископа, отметил в своем рапорте странности в поведении убийц: «Они стригли волосы у Гермогена, смеялись, бранились... После утопления владыки сопровождавшие Хохрякова женщины переодевались в рясу Гермогена и бегали “с насмешкой” по пароходу».

Когда захваченные белыми 10 июля в Ялуторовске гидропланы провели бомбометание по флотилии Хохрякова, то она отошла от Покровского к Тюмени и дальше, уже на 45 пароходах, к Туринску. Противник их не догнал: вниз по течению отступавшие спустили десятки разобранных плотов — бревна заперудили перекаты.

В Туринске Хохряков приказал разоружить пароходы и вывести из строя. 25 июля сошедшие на берег матросы отошли к Ирбиту. А на сороковины после утопления епископа Гермогена прилетела из леса у маленькой железнодорожной станции Крутиха пуля. Всего одна, казалось, слепая, но Хохрякову в сердце.

Бойцы не бросили своего командира и, несмотря на жару, донесли его тело до Перми, где похоронили. Позднее именем Хохрякова назвали улицы в Ленинграде, Перми, Екатеринбурге (бывшая Тихвинская от Новотихвинского женского монастыря), Тюмени (бывшая Успенская) и Тобольске.

После взятия Тюмени и Туринска белые восстановили брошенные здесь красными пароходы и возвратили им прежние названия. В знак признательности своим союзникам — чехам — пароход «Андрей Первозванный» был переименован в «Чешский сокол».

Адмиральский час

Объявивший себя 18 ноября 1918 года Верховным правителем России вице-адмирал Александр Колчак как опытный моряк придавал большое значение боевым действиям на речных коммуникациях Приуралья и Западной Сибири.

Из 32 пассажирских пароходов, 69 буксиров, в том числе 6 «бронированных», и 17 барж, захваченных 25 декабря в Перми Сибирской белой армией генерал-лейтенанта Анатолия Пепеляева, на реке Каме была сформирована флотилия. Командующим назначили 38-летнего контр-адмирала Михаила Смирнова — он во время Первой мировой войны возглавлял штаб Черноморского флота.

Два судна Камской флотилии были укомплектованы англичанами. Об этом рассказал в 1968 году в своих мемуарах «Экспедиция в Сибирь» генерал-майор Королевской морской пехоты Томас Джеймсон.

«...28 апреля, — вспоминал он, — мы прибыли в Пермь, большой город на Каме. Я явился в штаб Камской речной флотилии, где встретил адмирала Смирнова и нескольких штабных офицеров. Они занимались превращением речных буксиров и барж в боевые корабли... Кроме баржи нам выделили быстроходный буксир, ходивший на мазуте или дровах. Оба судна были зачислены в 3-й дивизион, которым командовал капитан 1-го ранга Феодосьев. Мы назвали его “Кент”, а баржу “Суффолк” — в честь родных крейсеров, оставшихся во Владивостоке».

Начавшиеся 14 мая сражения на Каме и ее притоках Вятке и Белой закончились 26 июня 1919-го разоружением всех судов белой флотилии и затоплением их на реке Чусовой. Там у села

Левшино было выпущено из нобелевских береговых резервуаров около 200 тысяч пудов керосина (3276 тонн) и подожжено.

Через несколько дней на место гибели Камской флотилии прибыл специальный уполномоченный Совнаркома Василий Зайцев. В своем отчете он написал: «Неприветливо встретила меня р. Кама... Уже недалеко от ее устья обнаружили остовы сгоревших судов. Не было расстояния, хотя бы через 50-верстный пробег, без этих печальных фактов: то здесь, то там вырисовывались следы судов, или до днища сгоревших, или переломанных... Описать все, что открылось перед глазами, нет никакой возможности — это было что-то невероятное. По пути к реке Чусовой, где было главное место гибели флота, немного выше (пермских) пристаней стоял поперек реки сильно изуродованный пассажирский пароход “Григорий”, а затем уже, начиная от него, через самый малый интервал потянулся почти сплошной вереницей длинный ряд обгорелых и топких судов. Некоторые еще догорали, и тлели обуглившиеся их части, а пароход “Москвич” пылал пламенем благодаря запасу в его цистернах натурала... Таково было начало. Когда мы дошли до устья р. Чусовой, то тут было что-то невероятно ужасное. Кругом в кучи сбитые пароходы то справа, то слева торчали своими как бы взывающими о помощи головнями и изуродованными корпусами до неузнаваемости. Таковых кучек в 5–9 пароходов было несколько, после пошли одиночки, и так до самой пристани Левшино. Весь фарватер р. Чусовой представлял собой какой-то музей старых, ломаных, исковерканных железных изделий... Всего на районе Пермь—Левшино погибло от огня пассажирских пароходов 22, буксирных — 31, дебаркадеров — 5 и барж — 38».

Команды с уничтоженных судов Камской флотилии были эвакуированы в Тюмень, Тобольск, Омск для формирования здесь новой Обь-Иртышской речной флотилии.

Секретный фарватер

2 августа 1919 г. после поражения под Челябинском колчаковцы поспешно отступали по всему фронту к Тоболу. 8 августа они оставили Тюмень. Начальник снабжения при ставке Колчака барон Алексей Будберг в своем «Дневнике белогвардейца» записал: «...Комендант Тюмени доносит, что личный состав Камской фло-

тилии по прибытии в Тюмень забрал, презрев его протесты, все пароходы, подготовленные для экстренной эвакуации огромных тюменских складов, нагрузили на них свои команды и поплыли на северо-восток, сделав вывоз имущества невозможным».

21 августа полки 2-й бригады Сергея Мрачковского, входившей в состав сформированной в Тюмени 51-й стрелковой дивизии Василия Блюхера, начали бои за переправы через реку Тобол у сел Южаково и Ярково.

Воспользовавшись ошибкой красных, открывших левый фланг Восточного фронта (район города Туринска) и железнодорожной станции Тавда), белые направили по реке Тавде пароходы Обь-Иртышской флотилии. Всего в состав флотилии входило 15 вооруженных пушками и пулеметами пароходов, 11 буксиров, два теплохода-базы для гидроавиации и одна баржа. Командиром речной флотилии назначен капитан 1-го ранга Феодосьев, начальником 1-го дивизиона капитан 2-го ранга Гутан, начальником 2-го дивизиона старший лейтенант Гакен.

В монографии «Гражданская война в Зауралье», изданной в 1966 году, известный тюменский историк Павел Иванович Рощевский предположил, что целью секретной речной экспедиции белых по Тоболу и Тавде была высадка десанта в глубоком тылу красных, захват железной дороги на Туринск—Ирбит—Екатеринбург и окружение, таким образом, красных частей 29-й и 51-й стрелковых дивизий 3-й армии, наступавших на ялуторовском и тобольском направлениях.

Действительно, колчаковцы 18 августа заняли село Тавдинское (ныне Нижняя Тавда) и станцию Тавда на туринской железнодорожной ветке. Однако провести сложную наступательную операцию силами нескольких буксиров, спешно переделанных в канонерские лодки, и размещенной на них ротой егерей-десантников вряд ли было возможно. Другое дело — отвлечь смелым, но рискованным маневром противника от направления главного удара, напугать. Заставить перейти к обороне.

Озадаченное донесениями разведки о появлении на реке Тавде пароходов противника с артиллерией и пехотой и сосредоточении в селе Тавдинском до 500 солдат (исключительно добровольцы, а мобилизованные все сбежали), четырех пулеметов и батареи командование 3-й армии приказало начдиву 51-й Блюхеру: «Тавдинскому-туринскому направлению придать должное боевое значе-

ние... передать в ваше распоряжение бронепоезд, которому приступить к операциям на железной дороге Туринск—Тавда...».

В оценке действий сторон в бассейне рек Тобола, Тавды, Туры доктор исторических наук Роцевский руководствовался военной документацией — военно-оперативными сводками частей и соединений 3-й армии и воспоминаниями непосредственных участников тех событий, нередко субъективных и тенденциозных. Захваченные чекистами при разгроме колчаковщины документы, включая отчеты штабов Камской и Обь-Иртышской флотилий, были засекречены и до настоящего времени не введены в научный оборот.

Настоящей же целью секретного рейса колчаковских пароходов «Иртыш» и «Александр Невский» с десантными группами на борту являлось завершение эвакуации военного имущества с Северного Урала на баржах, построенных в селе Жиряково на реке Тавде на верфи братьев Вардропперов. По свидетельству барона Будберга, из-за «самодурства 28-летних генералов из недавних обер-офицеров, очень храбрых в штыковых и конных атаках, неспособных видеть дальше своего юного, очень острого и решительного носа, все маневровые пути, станции и разъезды туринской железнодорожной ветки заняты сотнями локомотивов и 5000 вагонов с очень ценными и нужными нам грузами». Кроме того, отбуксированные к Тобольску крупнотоннажные баржи, превращенные в плавучие артиллерийские батареи, обеспечили бы неприступность белого фронта на Тоболе до наступления зимы.

Сорвать план адмирала Колчака по поддержке сухопутных сил белых судами Обь-Иртышской речной флотилии удалось во многом благодаря восстанию на пароходе «Иртыш».

Тайна парохода «Иртыш»

Модель этого загадочного парохода хранится в фондах Тюменского краеведческого музея. «Иртыш» построен в 1895 году в Муроме. Длина — 65,5 метра, ширина без кожухов колес — 8,41 метра, осадка — 1,5 метра. Машина мощностью 480 лошадиных сил, скорость — 11 узлов. Вооружение — четыре 76-миллиметровых пушки и четыре пулемета. Мобилизован на фронт в июле 1919 года.

Военная команда на «Иртыше» состояла из двух офицеров, 20 колчаковских добровольцев и 10 мобилизованных речников.

Каким-то образом среди них оказался большевик Водопьянов. То ли бывший артиллерийский кондуктор или механик-машинист, а может, «старшина по пулеметам».

Якобы во время рейса в верховья Тавды у него созрел дерзкий план перебить колчаковцев, захватить судно и присоединиться к наступавшим на Тобольск частям Красной армии. Замысел Водопьянова поддержали капитан Норицын, его помощник Зубарев, масленщик Виноградов, механик Ларькин, кочегар Корин и другие верные люди.

В ночь на 23 августа 1919 года заговорщики обезоружили часовых, а колчаковских офицеров и солдат заперли в трюме. Подняв на судовой мачте «заранее изготовленный красный флаг» (по другим свидетельствам, «рубашку красного цвета»), восставшие речники направили пароход к берегу, занятому красноармейцами, которые «встретили “Иртыш” криками “ура”». Через два дня на реке Тавде у деревни Смирновой пароход вступил в бой с колчаковской флотилией. «Метким огнем команда “Иртыша” повредила флагман противника пароход “Александр Невский”, а другие суда обратила в бегство». В этом бою погиб Водопьянов...

Эту фантастическую историю изложил, со слов масленщика Виноградова, писатель Павел Бажов в изданной в 1932 году книге «Восстание на пароходе “Иртыш”». Повествование в жанре «Уральских сказов» серьезно сдобрено героико-революционной патетикой.

По просьбе команды «Иртыш» переименовали в «Водопьянов», а «Александр Невский» — в «Блюхер», но уже 3 сентября 1919 года приказом № 20 по 51-й стрелковой дивизии эти суда получили другие названия — «Спартак» и «Карл Маркс».

Считается, что погибший в бою с колчаковской флотилией на реке Тавде Водопьянов похоронен в братской могиле в селе Иевлево Ярковского района. Названную в память о нем в Тюмени 2-ю Овражную улицу, рядом с пристанью, через два года переименовали в улицу Усиевича, возглавлявшего оборону Тюмени в июне—июле 1918-го. Григорий Виноградов, чьи воспоминания о восстании на пароходе «Иртыш» редактировал автор «Малахитовой шкатулки» Бажов, после Гражданской войны был председателем тобольского профсоюза водников и делегатом партийных съездов. В 1938-м его репрессировали, книгу запретили и переиздали лишь в 1957-м. Поэтому осталось непонятным, кто

же такой Водопьянов? По воспоминаниям того же Виноградова, «знали о нем немного: большевик, хорошей души человек, отзывчивый товарищ, бесстрашный борец за революцию. И все!».

Ранее недоступные по идеологическим и режимным требованиям документы свидетельствуют: художественно героизированные писателем Бажовым августовские события на реке Тавде развивались по другому сценарию — чекистскому.

Герой-одиночка

При абсолютном господстве колчаковцев на Обь-Иртышском речном театре военных действий у наступавших на Тобольск красных войск оставался единственный выход: хитростью и обманом захватить плавсредства противника с последующим созданием собственной речной флотилии.

Сиббюро ЦК РКП(б) и Особый отдел ВЧК 3-й армии внедрили в команду колесного буксирного парохода «Иртыш» под видом мобилизованного военного моряка Водопьянова 19-летнего выпускника Рыбинского речного училища Константина Александровича Вронского. Его молодость не вызвала удивления. Командующему красной Волжской военной флотилией, недоучившемуся студенту Петроградского политехнического института Петру Александровичу Смирнову исполнилось тогда 22 года¹.

Первоначально планировалось, что Вронский — Водопьянов выведет из строя двигатель парохода или подорвет его артиллерийский боезапас. Такого рода диверсия готовилась еще на Каме по уничтожению английской канонерки «Кент». Но там заговор был раскрыт колчаковской контрразведкой: сотрудничавшего с большевиками судового механика расстреляли.

Почему не прогремел взрыв на «Иртыше»? Потому что красный диверсант во время стоянки парохода в Тобольске влюбился в Нину Савиных, дочь лоцмана на «Иртыше», и не захотел рисковать жизнью будущего тестя.

Тобольский судоводитель Григорий Савиных был знаменит на весь Обь-Иртышский речной бассейн. Мудрый, трудолюбивый

¹ Нарком военно-морского флота (бывший начальник Политуправления Красной армии), армейский комиссар 1-го ранга П.А. Смирнов был арестован как «враг народа» 30 июня 1938 года и расстрелян; реабилитирован 16 мая 1956 года.

вый, состоятельный, многодетный, непьющий, некурящий и весьма набожный. Среди иртышских речников имел шутливое прозвище «Лампада». В его каюте висели иконы, горели лампы. Перед навигацией и после ее завершения он устраивал на судне торжественный молебен. Не просто было добиться расположения внешне сурового лоцмана. Но речнику-чекисту Вронскому—Водопьянову удалось: Савиных помог ему угнать «Иртыш» в расположение красных войск, а его красивая, умная, начитанная и смелая дочь стала женой героя.

Лже-Водопьянов понимал, что в одиночку и даже при содействии гражданской судовой команды не справиться с двумя десятками вооруженных колчаковских егерей-десантников. Насторожило заговорщиков и появление на Тавде быстроходного товаро-пассажирского парохода «Ласточка» (на нем 29 июня 1914 года доставили в Тюмень в больницу раненого в селе Покровском религиозной фанатичкой Хионией Гусевой царского фаворита Григория Распутина. — А.И.). В очерке Бажова «Восстание на пароходе “Иртыш”» отмечено: «Рано утром на третий день к “Иртышу” без свистков подошел, будто подкрался, небольшой пароход “Ласточка”, поспешно сбросил груз, затем отвалил к “Александру Невскому”, ссадил дополнительную команду во главе с начальником речного боевого участка и сейчас же ушел обратно».

Какой груз «сбросила» «Ласточка» на палубу «Иртыша»? Сейчас известно — ценности Екатеринбургского государственного банка, вывезенные на железнодорожную станцию Тавда недалеко от пристани Каратунка, где стояли посередине реки два колчаковских парохода.

22 августа «Александра Невского» отозвали на Тобол — сорвать переправу красных на правый берег реки. Еще через день им пришлось выдержать тяжелый бой у Березовского Яра и у Иевлева.

И тогда Вронский—Водопьянов решил: «Пора!». Не ночное нападение на часовых, не арест офицеров, не захват парохода с ценным грузом — все это мифологизировано позднее по заказу Уральского областного комитета ВКП(б). Действовали проще, но тоже с риском для жизни: механик Ларькин спустился по течению от нижней пристани до села Тавдинского, занятого к тому времени 455-м полком 2-й бригады 51-й стрелковой дивизии, и предупредил красноармейцев о появлении в их расположении вражеского парохода.

Судовая команда держала такое давление пара, чтобы в любую минуту двигатель мог работать на полный ход. Когда колчаковцы уснули, а часовые дремали на постах, на «Иртыше» выбрали якорь... На тавдинской пристани предупрежденные о заговоре красноармейцы перебрались в предрассветном тумане на борт судна...

Не раскрывая перед речниками своего настоящего имени, Вронский—Водопьянов взял на себя командование пароходом.

Боестолкновения «Иртыша» с колчаковской флотилией на реке Тавде, описанного со слов его участников писателем Бажовым, не было. Находившегося на «Александре Невском» начальника 1-го дивизиона Обь-Иртышской флотилии капитана 2-го ранга Гутана при появлении «Иртыша» ввели в заблуждение развевавшийся на судовой мачте Андреевский флаг и погоны на переодетых в белогвардейскую форму красноармейцах. Пароходы сблизилась бортами... Затем abordаж, короткая рукопашная схватка, допрос и расстрел.

Профессор Роцевский не зря сомневался в достоверности воспоминаний участников тех событий. Изучив содержание приказов по 2-й бригаде и 51-й дивизии о переименовании захваченных красными колчаковских пароходов, он правильно заключил, что «Александр Невский» не имел повреждений и находился «в плавучем состоянии».

Единственное настоящее речное сражение между красной и белой флотилиями произошло 14 сентября 1919 года на Иртыше в 20 верстах к северу от Увата. «Александр Невский», переименованный в «Водопьянов», а затем в «Карл Маркс», встретился с двумя пароходами противника — «Алтай» и «Мария», был атакован и затонул.

Генеральный директор ЗАО «Тюменьподводречстрой» Виктор Савченко собирается поднять этот затонувший пароход и после реставрации поставить у бывшей пристани Тюмень напротив здания конторы «Товарищество Игнатова—Курбатова» по улице Госпаровской, 3 (до 1922 года улица Набережная).

Под чужим именем

Когда «Карл Маркс» шел ко дну, Вронский в вагоне литературного поезда вез в Москву ценности, захваченные им на «Иртыше». Судовой команде сообщили, что Водопьянов погиб от ко-

варного выстрела при захвате «Александра Невского» и похоронен в братской могиле в селе Иевлево вместе с погибшими при переправе через Тобол красноармейцами. Туда же местные жители схоронили выловленные из реки тела расстрелянных на пароходах колчаковцев, включая капитана 2-го ранга Гутана.

Вместо него начальником 1-го дивизиона Обь-Иртышской речной флотилии Колчак назначил старшего лейтенанта Вадима Макарова, сына знаменитого флотоводца вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, погибшего в 1904 году в Порт-Артуре при подрыве на минах броненосца «Петропавловск»¹.

В Москве на Лубянке, в ведомстве Дзержинского, с нетерпением ожидали курьера Сибчека — об этом свидетельствуют контрольные шифротелеграммы в транспортные ЧК о прохождении поезда, в котором Вронский вез золото. Для содержания разросшейся до четырех миллионов человек Красной армии требовались большие средства, а золотой запас бывшей царской России был захвачен белыми 5 августа 1918 года в Казани и увезен в Самару. Перед отступлением с Волги в Омск, где размес-

¹ Известно, что Макаров-старший, совершая поездку по Западной Сибири, приехал 12 (24) сентября 1897 года в Тюмень из Тобольска на пароходе «Тобольск». Местные газеты сообщали: «На пристани его встретили городской голова А.А. Мальцев и пароходоладельцы И.И. Игнатов и Э.Р. Вардроппер». Считается, что высокий гость останавливался в доме № 1 по улице Подаруевской (сейчас Семакова), там есть соответствующая мемориальная доска. Но если верить изданной в 2008-м книге «Архитектурное наследие Тюменской области», этот дом построен около 1906 года (С. 369). Так что при всем желании адмирал Макаров не мог там находиться.

Возможно, здесь останавливался его сын, который в начале XX века служил на крейсерах «Россия» и «Адмирал Макаров», участвовал в боях у острова Гюгланд в 1915 году, награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Затем переведен в минную дивизию, которой командовал Колчак. Сопровождал его в США, воевал в белой Камской флотилии, был одним из организаторов Обь-Иртышской флотилии, участвовал в речном сражении под Уватом, высаживал десант в тылу дивизии Блюхера у Усть-Ишима в конце сентября 1919 года. После разгрома колчаковщины в 1920-м Макаров-сын эмигрировал в США. Занимался там нефтяным бизнесом, изобрел буровое долото, которым пользовались и геологи Тюмени в 60–70-х годах. Был известным яхтсменом и вице-президентом Толстовского фонда. Умер в Нью-Йорке в 1964 году.

тилась ставка Колчака, белые вывезли 8399 ящиков с золотом, 2468 мешков и 18 сумок «звонких монет и драгоценностей».

Сдавшему по описи ценности с парохода «Иртыш» Вронскому дали в ВЧК новое задание: под видом окончившего с отличием в ноябре 1917-го Вторую Омскую школу прапорщиков Константина Карасева внедриться в отдел контрразведки бригады генерал-майора Ивана Красильникова и выяснить речные маршруты эвакуации кладовых Омского государственного банка.

Но пока Вронский—Карасев добирался до Тюмени, колчаковский фронт рухнул, чтобы никогда уже не возродиться. Части 51-й стрелковой дивизии Блюхера 21 октября заняли Тобольск. 14 ноября 27-я стрелковая дивизия Блажевича вошла в Омск¹. Потерявший поддержку сибиряков, Колчак сложил с себя полномочия 4 января 1920 года и подписал указ об утверждении генерала Антона Деникина «Верховным правителем Российского государства», а всю полноту власти на восточных задворках Гражданской войны передал атаману Забайкальского и Сибирского казачьих войск.

А еще через десять дней отступавшие по Транссибу белочи, чтобы отплыть из Владивостока на родину, передали на станции Инокентьевской под Иркутском оппозиционному «Политическому центру» Колчака и председателя Совета министров Омского правительства Виктора Пепеляева вместе с золотым запасом — 5143 ящика и 1678 мешков золота и серебра на 409625870 руб. 86 коп.

21 января «Политцентр» передал все полномочия и ценности Иркутскому военно-революционному комитету, который принял решение: Колчака и Пепеляева расстрелять, а «золотой эшелон» возвратить в Омск.

17 апреля 1920-го Сибревком шифровкой запросил Ленина: «Прибыл из Иркутска в Омск эшелон с золотом. Сообщите, куда его направлять — в Москву или Казань. Отвечайте срочно!».

Ответ также шифром: «Предсибревкому — Смирнову. Все золото в двух поездах, прибавив имеющееся в Омске, Тобольске, Томске, немедленно отправьте с безусловно надежной охраной в Казань для передачи на хранение в кладовых губфинотдела Предсовнаркома Ленин».

¹ Блажевич Иосиф Францевич, начальник Управления ПВО Красной армии, был расстрелян в марте 1939 года как «враг народа». Реабилитирован в августе 1956 года.

21 апреля в Кремль ушла еще одна шифровка: «Вне очереди. Тов. Ленину. Эшелон особой важности № 10950 вышел из Омска в 20 часов московского времени на запад».

Владимиру Ильичу не сообщили, что эвакуированные в сентябре 1919-го из Тобольска по Иртышу и Оби в Томск ценности сибирского Белого движения и драгоценная церковная утварь тобольских православных храмов не прибыли из-за ранних холодов до места назначения и затерялись в лабиринте многочисленных речных притоков. Тогда Сибчека еще надеялась разыскать золото — этим занимался комиссар Томского отделения районной транспортной ЧК Вронский. Не зря он старательно заучивал в ноябре 1919-го подробности короткой жизни прапорщика Карасева, расстрелянного в чекистском подвале. Эта легенда спасла Вронского в одной из его секретных командировок по сибирским рекам. В июле 1920 года участники Колыванского восстания (по названию села Колывань, расположенного на Чаусе, левом притоке Оби, всего в 45 километрах от Новониколаевска — сейчас Новосибирск) захватили на пристани Дубровино двухпалубный пассажирский пароход «Богатырь», на котором плыли Вронский и председатель Томской губчека Александр Шишков.

Ваше благородие господин... чекист

Как только матросы сбросили с борта «Богатыря» на глинистый берег дощатый трап, так из-за домов, плетней и других укрытий на пароход внезапно ринулись повстанцы отряда бывшего надзирателя томской тюрьмы Яковлева-Северского. Ворвавшись на палубы и в каюты, они начали грабить пассажиров и команду. Опознали и расстреляли Шишкова. Назвавшийся Карасевым Вронский выдержал допрос с пристрастием — свое служебное удостоверение он предусмотрительно выкинул за борт.

Содержание и направленность допросов приведены в книге «Были об омских чекистах» (1968) Михаила Бударина, собственного корреспондента газеты «Известия» по Омской и Тюменской областям (с 1944 по 1955 год), ставшего видным специалистом по истории Сибири.

Оказалось, что допрашивавший Вронского—Карасева «начальник штаба Колыванской народной армии» Забельский тремя годами раньше окончил ту же Омскую школу прапорщиков.

- Кто был в Омске начальником вашей школы?
- Полковник Жарков.
- Кто присутствовал на выпускных экзаменах от штаба округа?
- Штабс-капитан Нерчинов.
- Кого вы знали из командования Омским гарнизоном?
- Войскового старшину Волкова. Он командовал парадом при выпуске из военных училищ Омска.
- В какие увеселительные заведения ходили омские юнкера?
- На Скорбященскую, на Бутырки, на Мокрый форштадт...
- В армии Верховного правителя вы где служили?
- В отделе контрразведки при штабе бригады генерал-майора Ивана Николаевича Красильникова.
- Где в Омске размещался штаб Верховного главнокомандующего?
- В здании коммерческого училища.
- А где стояла бригада генерала Красильникова?
- В главном корпусе сельскохозяйственного училища. В Старой Загородной роще.
- Куда вы доставляли особо опасных арестованных? Где размещалась контрразведка Верховного правителя?
- В здании кадетского корпуса.
- А где был секретный отдел контрразведки?
- На улице Тарской в трехэтажном особняке. Рядом с четырехэтажным складом сельхозмашин фирмы «Мак-Кормика»...
- А не припомните ли вы, как генерал Красильников встречал обычно новоиспеченных офицеров? Какой своей любимой фразой?
- Помню. Он говорил обычно в этом случае: «Здравствуй, здравствуй, погон атласный».

Знание таких деталей военной подготовки и службы в армии Колчака удовлетворило бывшего штабс-капитана Забельского.

Но главарь колыванских повстанцев Яковлев-Северский, объявивший себя «полковником», приказал назначенному командовать повстанческой ротой Вронскому — Карасеву утопить ночью в Оби запертых в трюме «Богатыря» председателя Дубровинского волревкома Гавриила Глушкова и других местных коммунистов.

Воспользовавшись этой ситуацией, чекист и речник Вронский предложил капитану «Богатыря» Пленкову разоружить охрану, освободить арестованных и повернуть пароход на Томск.

— Вы забыли, — возразил капитан. — У мятежников есть еще четыре захваченных парохода: «Барнаул», «Ермак», «Мельник», «Киргиз». Буксир «Мельник» уже подошел к Дубровино, другие — на ближайших пристанях. На берегу пулеметы, конница. Река петляет. Всадники догонят нас и обстреляют. Убьют в штурманской рубке меня и помощника. Кто судно поведет?

— Я поведу — окончил Рыбинское судоходное...

— А если внизу на Оби встретятся еще суда, захваченные бандитами?

— Тогда и мы поднимем на мачте бело-зеленый флаг. Обманем мятежников. Ближе к делу! Около острова Талого бросаем якорь и захватываем пароход.

Вронский знал: в случае провала конвой расстреляет не только его, но и весь экипаж. Две палубы: на нижней восемь бандитов, остальные девять — на верхней. Один на носу, другой на корме, двое при выходе на палубу слева и справа. Остальные пятеро спят на скамьях. Вронский и старший помощник капитана Скоробогатов приблизились к часовому. Чекист ударил его ломом по голове. Старпом взял винтовку. Оружие пятерых спящих отдали матросам. Те обезоружили и связали остальных. Ликвидировали часовых у трюма, вывели пленников в коридор. Пересчитали всех охранников: убитых и связанных шестнадцать, семнадцатого так и не нашли.

— Катать якорь! — приказал капитан Пленков. Загремела якорная лебедка, зазвонил телеграф в машинное отделение. — Лево на борт! Полный вперед! Выложить все!

«Богатырь» устремился вниз по Оби. На берегу разгадали маневр и открыли огонь. На «Мельнике» организовали погоню. По дороге вдоль реки неслась повозка с пулеметом. Рядом всадники размахивали винтовками. Обстрел продолжался до села Вятский Камешек. Потом погоня отстала.

15 июля 1920-го начальник районной транспортной чека (РТЧК) Сибири и Омской железной дороги Июнин доложил полномочному представителю ВЧК по Сибири Павлуновскому: «От начальника Томской ОРТЧК получена телеграмма. В Томск прибыл пароход «Богатырь». Командированный в Барнаул на том пароходе тов. Вронский спас от верной смерти 52-х товарищей — членов исполкома и коммунистической ячейки из села Дубровино и ближайших сел... Прошу присвоить пароходу «Богатырь» новое название — «Дзержинский»» (что и было сделано. — А.П.).

Спасенный Вронским руководитель дубровинских коммунистов Глушков вспоминал: «...Мы ему доверились. А ведь он был совсем еще мальчик, юноша двадцати лет. Внешне необыкновенно симпатичный, обаятельный. Для меня остаются загадкой два момента. Как Вронскому удалось войти в доверие к офицерам, главарям бандитов? Ведь предводители мятежников были людьми образованными, опытными. И как никто его не выдал из членов команды парохода “Богатырь”? Кстати, в суматохе, когда мы посадили бандитов в трюм за решетку, один из повстанцев все-таки спрятался на корме. Это был наш дубровинский житель, бывший матрос царского речного флота Егор Чугуночкин... И вот когда на буксире “Мельник” погнались за нами, он прыгнул с “Богатыря” в Обь и поплыл. С “Мельника” его увидели, подняли к себе на борт, и от него узнали подробно, что же произошло у нас на пароходе... Много я видел смелых людей в Гражданскую войну и позднее в Великую Отечественную. И среди них достойное место занимает Константин Александрович Вронский. Я видел этого человека только два дня полвека назад. А запомнил его на всю жизнь. И еще он очень любил и умел петь...».

После подавления в Сибири мятежей и крестьянских восстаний Дзержинский, возглавлявший тогда одновременно ВЧК—ГПУ и Наркомат путей сообщений, счел более разумным использовать Вронского по его первому профессиональному назначению — речному¹.

¹ Почему-то многие видные чекисты странным, мистическим образом были связаны с водным миром. Командир Тюменской речной флотилии Хохряков являлся в то же время председателем исполкома Тобольского совета и заместителем председателя Уральской ЧК. Командир сформированного в декабре 1919 года в Тюмени «Отряда северной экспедиции» — чекистского спецназа, освободившего от колчаковцев Среднее Приобье и Обский Север, — Александр Лепехин родился в Тобольске, окончил в Казани речное училище и с сентября 1914-го по апрель 1918 года «служил капитаном парохода “Николай Сухотин”». Председателя Тюменского губотдела ГПУ Николая Долгирева назначили в январе 1935 года (после образования Омской области) начальником Нижне-Иртышского речного пароходства. В августе того же года его убили из-за ведомственных интриг, представив эту смерть несчастным случаем на охоте.

В свое время Петр I освоившего за границей флотскую науку Петра Толстого сделал вместо флотоводства начальником Тайной канце-

Дальнейшая жизнь Константина Вронского сложилась трагически. Капитаном парохода «Катунь» он участвовал в знаменитой Карской экспедиции — экспортно-импортных операциях Северным морским путем через устья Оби и Енисея. В 1924 году, возвращаясь в Омск в конце навигации из Обской губы Карского моря, когда уже шла по реке шуга, он сильно простудился и скончался в омской больнице водников.

Похоронив мужа, Нина с грудной девочкой отправилась к родителям в Тобольск, и при переправе через только что замерзший Тобол они провалились в полынью...

По гудку

В таком режиме, по гудку — заводскому и фабричному, паровозному и пароходному, жили тюменцы и вся страна в 30–40–50-е годы.

Ветеран речного флота, кавалер орденов Октябрьской революции и «Знак Почета» Владимир Петрович Белоглазов рассказал, что в пору его учебы в Омском речном училище у курсантов особым шиком считалось угадать название приближавшегося к пристани судна по его голосу: «5-й Октябрь», «Усиевич», «Володарский», «Калинин», «Карл Либкнехт», «Жан Жорес...».

Константина Вронского на капитанском мостике речных пароходов сменили его братья: Осип, Владимир, Виктор. Помощниками капитана и механика стали Александр и Анатолий.

Из династии судоводителей Вронских тюменцам старшего поколения больше известен Виктор Александрович. Всю войну он ходил капитаном построенного в 1928 году в Германии парохода «Жан Жорес». За выполнение мобилизационных заданий награжден боевым орденом Красной Звезды. Выражаясь языком православия, это судно можно считать самым намоленным: с 1941-го по 1944 год «Жан Жорес» доставил с Ямала и Югры в Омск на сборный пункт «Чер-

лярии — своей спецслужбы. Сталин, напротив, с черным юмором отправил в ноябре 1938-го шефа НКВД Николая Ежова и его первого зама Михаила Фриновского, не имевших никакого отношения к речному и морскому делу, во флотские начальники (потом их расстреляли как очередных «врагов народа». — А.П.).

Председатель КГБ СССР Юрий Андропов свое восхождение на чекистский и партийно-государственный олимп начинал в 1932-м с судоводительского отделения Рыбинского речного техникума.

пушки» около 17000 северян. Пароход проклинали и молили: верни домой с победой отцов, сыновей, братьев, сестер...

И этот день настал. Капитан «Жана Жореса» вспоминал: «...45-й год, поздняя осень, последний рейс на Север. В Омске на причалах столпотворение — солдаты, кто выжил на войне, спешат домой. На “Жорес” погрузили четыреста человек — максимум возможного, а людей на берегу не убавляется. Все, нельзя больше. Поднялся в рубку отдать команду к отплытию. И тут рубку штурмуют фронтовики. “Что, — кричат, — Берлин взяли, твой пароход, капитан, не возьмем?!”. В общем, принял на борт 1200 пассажиров. При этом судовая команда приняла все меры предосторожности, проявила настоящее судоводительское мастерство — рейс закончился благополучно».

В 1968 году Владимир Александрович Вронский переехал из Омска в Тюмень, водил рефрижераторы «Тюменский нефтяник» и «Нефтяник», судовладелец — ремонтно-эксплуатационная база флота Главтюменнефтегаза. За работу в мирное время отмечен орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовое отличие». После выхода на пенсию в 1971-м увлекся моделированием речных пароходов — успел изготовить шестнадцать моделей судов. Копии четырех судов переданы им в Тюменский краеведческий музей.

— Пароход «Святитель Николай» вез в минусинскую ссылку Ленина. Построили судно в Тюмени на Жабынском заводе в середине 60-х годов XIX века. Мог перевозить людей, всевозможные грузы, таскать баржи. Энергию машине давал уголь в отличие от большинства пассажирских и буксирных пароходов тех лет, которые топили дровами (модель этого судна размещена в витрине музея «Торговый дом Колокольников» на улице Республики, 20, напротив университета. — А.И.). Вот пароход «Володарский», — продолжал Вронский. — Был построен в 1905 году тем же Жабынским заводом (теперь Тюменский судоремонтно-судостроительный) и первоначально назывался «Иван Игнатов» — по имени хозяина. Имел ряд преимуществ по сравнению со «Святителем Николаем»: комфортабельнее, сильнее — мощность машины увеличена до четырехсот лошадиных сил, иная конструкция гребных колес. Соответственно и скорость побольше...

Виктор Александрович скончался в 1996 году. Но остались выполненные им модели речных судов. Собирая материалы о

Тайны улицы Ленина

Улица с таким названием есть в каждом городе бывшего Советского Союза.

«Живее всех живых...»

Как известно, Ленин запустил механизм увековечивания себя и себе подобных, еще будучи не вечно, а просто живым. Так, уже в 1918 году подмосковное село Царицыно (в прошлом Черная Грязь) получило название Ленино. В том же 1918-м был переименован в Ленинск город Талдом (правда, в 1929 году он опять стал Талдомом, да так им и остался). В 1919 году появился еще один Ленинск — на месте села Пришиб (Волгоградская область). В 1922-м село Кольчугино на юге Западной Сибири получило название Ленино (с 1925 года это город Ленинск-Кузнецкий).

Именем Ленина называли, как правило, главные городские улицы. Но в Тюмени считавшуюся таковой Царскую переименовали в улицу Республики 10 августа 1917 года после Февральской буржуазно-демократической революции. С этим новым названием она пережила власть Временного правительства Александра Керенского, Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временного Сибирского правительства Петра Вологодского, колчаковщину и «военный коммунизм» ревкомов.

Год 1920-й в Сибири начался не только с политических изменений второго, теперь уже окончательного установления советской власти, но и с создания скульптурно-языкового городского ландшафта, который принципиально не изменился до сих пор.

В соседнем Омске в результате широкомасштабной акции января—февраля 1920 года с топонимической карты города исчезли названия улиц в честь генерал-губернаторов, зато появились имена революционных вождей. Проспект Капцевича стал именоваться «Красный путь» — по нему двигались в ноябре 1919-го войска 5-й Красной армии под командованием будуще-

го маршала Михаила Тухачевского. Улица Шпрингеровская вместе с Санниковской превратилась в Партизанскую, Любинский проспект и улица Казнаковская — в Ленина.

Дворцовая и Атаманская стали называться улицей Республики. Бутырская — Герцена, Гасфортовская — Карла Либкнехта, Александровская — Интернациональной. Несколько переименований выдержала улица Думская (Троцкого, 10-летия Октября).

Волна переименований улиц докатилась до Тюмени к ноябрю 1922 года. Когда в честь пятой годовщины Октябрьского переворота (так до 1927-го официально называли события Октября 1917-го в Петрограде) изменили названия сорока одной улицы, то «Республику» не тронули. Имя Ленина получила другая старейшая улица города — Спасская.

Первому массовому переименованию тюменских улиц предшествовало такое же повсеместное ограбление православных храмов, католического костела, иудейской синагоги, мусульманских мечетей, единоверческих молелен. Еженедельные сводки Тюменского губотдела ГПУ о результатах этой «операции», утвержденной Лениным, похожи на военные донесения.

«...К изъятию ценностей в г. Тюмени приступлено 8 апреля 1922 года... Взято серебра 52 фунта. Изъятие прошло без эксцессов. Синагога изъявила желание сдать ценности добровольно. Изъятие ценностей из всех 11-ти церквей г. Тюмени предполагается закончить 12 апреля. В отношении к данному вопросу различных слоев и групп населения остается по-прежнему самым разнообразным, в большинстве неприязненным...».

Откровенный грабеж церквей объяснялся официальной пропагандой как необходимость, как вынужденное и единственное средство спасения голодающего населения России.

Но осведомители губотдела ГПУ сообщали: «...Верующие в большинстве настроены против изъятия. Люди рассуждают, что ценности пойдут на роскошь коммунистов и их женам, будут израсходованы на содержание Красной армии, на приобретение пушек и пулеметов...».

Местное духовенство пребывало в смятении: «...Между архиепископом Николаем (Тобольским) и епископом Иринархом (Тюмень) по вопросу изъятия ценностей замечается резкое расхождение, не переходящее до сих пор в открытый антагонизм...

Епископ Тюмени Иринарх сохраняет открытую оппозицию власти... Среди части жителей Тюмени распространяются слухи, что Иринарх воззвание по изъятию ценностей не подписывал...»¹.

Арест епископа Иринарха совпал с окончанием «операции» по изъятию церковных ценностей: «...По состоянию на 5 мая 1922 года изъято всего в Тюмени из восьми церквей... серебра 52 пуда 30 фунтов, золота пять фунтов и ценных камней 1609, из них бриллиантов — 195...».

Тогда же началось последнее испытание Ленина на прочность. Официально считается, что, хотя кратковременные головокружения и даже отключения сознания случались с ним и раньше, его таинственная болезнь впервые проявилась явно в Горках 25 мая 1922 г.

В этот день после ужина Ленин почувствовал изжогу, а перед сном слабость в правой руке: утром разразилась сильнейшая головная боль, была рвота. Он пробовал писать, но сумел вывести только букву «м» — ослабели правая рука и нога. Как отметил в своих записках невропатолог профессор Крамер, «мимолетный паралич конечностей, наблюдавшийся у Владимира Ильича в мае 22-го года, как и нарушения в речи, становились день ото дня глубже и продолжительней и привели 6 марта 1923 года, без видимых к тому причин, к двухчасовому припадку, выразившемуся полной потерей речи и полным параличом правых конечностей...».

Благостную официальную картину последних дней Ленина в Горках, в которой живописуется, как он учился заново говорить и писать, как стремился следить за политическими событиями, как устраивал деревенским детям новогоднюю елку и заботился об обслуживающем персонале, полностью перечеркивает письмо, хранившееся в архивной папке с грифом «Особой важности».

¹ Иринарх Синеоков-Андреевский родился в 1868 году в Екатеринославской губернии, окончил Киевскую духовную академию, до 1917 г. — ректор Таврической (Симферополь) семинарии, сподвижник епископа Гермогена по Закавказью, Саратову, Тобольску. При Колчаке — епископ Тобольский и Сибирский, в октябре 1919 г. эвакуировался с белыми до Иркутска. В 1923 г. в Тюмени был осужден за сокрытие ценностей на 7 лет, в 1928 г. выслан в Краснококшайск (сейчас Йошкар-Ола) на три года, в 1932 г. в Тюмени приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в Сиблаге.

«Товарищу Сталину.
Москва, Кремль.
Строго конфиденциально.

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

За последние несколько дней здоровье нашего пациента заставляет проявлять серьезное беспокойство, и речь идет не об осложнении общих терапевтических особенностях, а о более тревожном, о полном расстройстве психики пациента...

Пациент стал излишне чудашлив. Это выражается в громком, продолжающемся смехе, который переходит в кашель и рвоту. Причем причины, которые могли бы вызвать этот смех, самые нелепые -- кошка, сторож за окном, уборка снега, разговор с поваром на кухне и т.п. Пациент долго спит. Он просыпается в 14, а иногда в 15 часов. Примерно через час после пробуждения он приходит в чувство. Начинает расспрашивать работников и службу, медперсонал о происходящих в стране событиях. Подолгу ищет газеты, журналы, сразу пишет письма в ЦК. За последние две недели им написано более 300 писем, причем пишет он их постоянно, днем, вечером, глубокой ночью и вплоть до 4–5 часов утра...

Некоторые письма он прячет под матрац, в шкафах, в других укромных местах. Таким образом, постоянная писанина писем и указаний, употребление в тексте нецензурной брани и т.п., расковывание писем в тайниках вызывают серьезные опасения в том, что при нормальной динамике общих выздоровительных процессов имеет место развитие болезни головного мозга, т.е. психического расстройства.

Пациент совершенно не отдает себе отчета, что Гражданская война окончилась, что наступила мирная созидательная жизнь... Просит его забрать из пансионата, рассказывает о том, что его травят ядами, ртутными парами и т.п. Все лекарства, которые ему прописывают вовнутрь, он пробует на вкус. Фактически не расстаётся с кошкой. Кладет ее в постель, постоянно носит на руках. Часами плачет, с каждым днем срывы учащаются. Если раньше, примерно полгода назад, он плакал 1–2 раза в неделю, то в настоящее время он стал плакать по 1–2 раза в день. Станным образом ведет себя и супруга пациента. Она обвиняет медперсонал в заговоре против пациента. Во всем ему подыгрывает.

На основании изложенного прошу вашего разрешения о создании медико-психиатрического консилиума для освидетель-

ствования пациента и выставления медицинского диагноза, поскольку еще стоило бы раз повториться, что при общем выздоровлении терапевтического характера за последние несколько месяцев у пациента развивается, если не прогрессирует, психическая болезнь, для диагностирования которой необходимы специальные познания в области психиатрии...

Лечащий врач (подпись неразборчива)

Горки, дня 16.XII.1923 года».

Но, может, это безумие проявилось в поведении Ленина, когда он подписал до сих пор скрываемый в архиве документ:

«1 мая 1919 г.

Строго секретно.

Председателю В.Ч.К.

тов. Дзержинскому Ф.Э.

№ 13666/2

Указание

В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. нар. комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией.

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Председатель В.Ц.И.К. Калинин

Председатель Сов. нар. комиссаров Ульянов (Ленин)».

Лишенные духовных святынь и архипастырей церкви в Тюмени пришли в упадок. Но и главный инициатор гонений на религию, для которого не существовало ничего святого, кроме власти и революции, протянул недолго.

«В понедельник пришел конец, — печально-прозаически и обреченно отметила Надежда Константиновна Крупская в своих записях с грифом «совершенно секретно». — Время у меня спуталось как-то... временами он глухо стонал, судорога пробежала по телу... Я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как печать смерти ложится на мертвенно побледневшее лицо... Спасти нельзя было».

Боги на небе не знают возраста. А земные боги смертны. Хотя десятилетиями мы говорили: «Ленин жив...», подразумевая его дела и свершения. Но и они оказались не вечны.

После смерти 21 января 1924 года забальзамированное тело Ленина поместили в специально выстроенный Мавзолей на Красной площади в Москве. Когда там прорвало канализацию и потоки жидких фекалий залили эту гробницу, патриарх Тихон сказал: «По мощам и елей».

Несовместимость

Очередной удар по церкви большевики нанесли в 1929 году. Бюро Тюменского окружкома ВКП(б) постановило: «...Считать взятый курс на закрытие церквей правильным. Обратит внимание райкомов ВКП(б) на необходимость развертывания самой широкой массовой разъяснительной работы при закрытии церквей... Недопустимо их существование на улице, носящей имя вождя мирового пролетариата Ленина...».

Спасский собор, от которого пошло первоначальное название улицы, был превращен в транзитный концентрационный лагерь для раскулаченных крестьян, гонимых в северную ссылку.

Один из таких узников — Андрей Степанович Аржиловский — записал в своем дневнике: «...Рано утром 2 октября в погожий день два молодых парня (исполнители) повели меня в город, и с той минуты начались мои мытарства... В бывшей церкви оказалось душно и тесно до ужаса, так как против нормы набили мужиками до отказа. Многие сидела в обнимку с грязной и вонючей парашей... Другие, более богомольные, не могли справлять нужду в святом храме и умирали. Духота была такая, что, несмотря на мороз, окна были открыты. А еще то время ужасно тем, что открывало ночью двери и выдавало узников для расчета... Даже Москва в журнале “Советский юрист” отмечала обилие смертных приговоров, вынесенных тюменскими судами. Тяжко было смотреть в замерзшие окна на семьи высланных мужиков с тряпьем и ребятишками, которых ежедневно везли на Север длинными обозами... Укоризненно гудели снимаемые с церквей колокола, спиливали неподдающиеся православные кресы... Производилось обезглавливание Руси Великой. Шел пир во время чумы. Строился новый мир за чужой счет...»¹.

Умерших в превращенном в концлагерь Спасском соборе и расстрелянных в церковном подвале закопали здесь же, на цер-

¹ А.С. Аржиловский был безвинно расстрелян в Тюмени 12 сентября 1937 года.

ковном подворье. Одно из таких захоронений (пять скелетов, некоторые с пулевыми отверстиями в затылочной части черепов) обнаружено в мае 2006 года при проведении реставрационных работ прилегающей к Спасской церкви части улицы Ленина.

Из-за временного использования по тюремно-лагерному направлению этот храм не разделил участи расположенного на улице Республики Благовещенского собора, взорванного в ночь с 13 на 14 июня 1932 года бойцами 55-го дивизиона войск ОГПУ (через два года это соединение участвовало в подавлении Казымского национального восстания ханты и ненцев).

Другие конфессиональные здания на улице Ленина — церковь Архангела Михаила (она дала название примыкавшей к ней улице: Архангельская, сейчас — Урицкого), красно-кирпичный римско-католический костел заняли под склады дислоцированной в Тюмени 65-й стрелковой дивизии. В бывшей синагоге устроили музыкальную школу. В таком дремотном состоянии улица Ленина (бывшая Спасская) пребывала до Великой Отечественной войны.

Дивизия энская, дивизия тюменская

После проведенной в 1924–1925 годах военной реформы комплектование Вооруженных сил СССР проводилось на территориально-милицейской основе, когда кадровым был только командный состав, а красноармейцев призывали на несколько месяцев в году, чтобы они постепенно овладевали военным делом. Республика из-за тяжелого экономического положения не могла содержать кадровую армию.

Своя территориальная дивизия имелась и в нашем крае. Она состояла из трех стрелковых, одного артиллерийского полков, танкового батальона, разведывательной и саперной рот, зенитной и противотанковой батарей, которые размещались в Тюмени, Камышлове, Ялutorовске и Ишиме. Штаб соединения находился в двухэтажном доме по улице Республики, 3 (сейчас в нем кожно-венерологическая больница), а казармы стрелкового полка — в бывшем гостином дворе на соседней улице Ленина (в настоящее время там облвоенкомат).

Тюменцы гордились «своей» дивизией, и для этой гордости были основания: по мобильности, маневренности и умению со-

вершать длительные марши она считалась передовой в Уральском военном округе.

...Дивизия энская,
Дивизия тюменская
Покой любимой Родины
Надежно бережет...

Слова этой песни сочинили участники красноармейской самодеятельности. Как сообщала тюменская газета «Красное знамя», в их программах были народные и боевые песни, музыкальные произведения и боевые песни, музыкальные произведения Бетховена, Глинки, Моцарта, Римского-Корсакова, оперные, опереточные (так в тексте. — А.П.) и национальные танцы.

В январе 1934 года шесть лучших лыжников дивизии во главе с командиром, комбригом Григорием Гаврюшенко, совершили переход из Тюмени в Москву с рапортом XVII съезду ВКП(б), а через год этот маршрут повторили жены командиров 65-й стрелковой дивизии — «пятерка дерзких», как их называли в Тюмени.

Условия того лыжного марафона можно представить по записи в дневнике одной из лыжниц: «...Стартовали из Тюмени 2 января 1935 года в 10 часов утра. В честь этого события на площади были выстроены части тюменского гарнизона... 5 января прошли Камышлов, мороз 45°С, сильный ветер. Идти очень тяжело. 14 января вышли из Свердловска, где нас встречали и провожали торжественно... 21 января разыгралась буря... прошли Сарапул и Агрыз... Кругом воют волки. Карталов (сопровождающий, участник лыжного перехода Тюмень—Москва 1934 года. — А.П.) разгоняет волков выстрелами из винтовки. 2 февраля нас встречали в Казани. После недолгого отдыха снова в путь... Финиш в Москве, в Люберцах на стадионе юных пионеров... Установлен мировой рекорд...».

5 марта 1935 года во всех газетах был опубликован приказ № 37 наркома обороны СССР Ворошилова.

«Жены командиров N-ской дивизии блестяще завершили 22 февраля с.г. лыжный переход Тюмень—Москва.

2100 километров в значительной части по сильно пересеченной местности, в 40-градусные морозы, в бураны, в сильную оттепель пройдены отважными лыжницами в 53 дня (из них 40 ходовых) со средней ходовой скоростью 52,5 километра в сутки.

Седякин, Халепский), 5 флагманов флота 1 и 2-го рангов, 14 армейских комиссаров 2-го ранга, 63 комкора и 30 корпусных комиссаров, 151 комдив, 13 флагманов 1 и 2-го рангов, 86 дивизионных комиссаров, 20 дивизионных интендантов, 12 диввоенюристов, 243 комбрига, 143 бригадных комиссара, 28 бригадинженеров, 19 бригадинтендантов, 20 бригавоенюристов, 19 капитанов 1-го ранга. Серьезно пострадало и полковое звено: по далеко неполным данным, было арестовано 318 полковников, 163 полковых комиссара, 23 военинженера 1-го ранга, 28 интендантов 1-го ранга...

Среди многих тысяч необоснованно репрессированных военнослужащих РККА оказались командир 65-й стрелковой дивизии комбриг Гаврюшенко, его заместитель полковник Леонид Белозеров-Гладышев, начальник политотдела батальонный комиссар Александр Миловидов и другие вчера еще прославляемые командиры.

В июле 1939 года ослабленную репрессиями 65-ю стрелковую дивизию передислоцировали из Тюмени в Забайкалье, где ее через год возглавил выпускник Военной академии имени Фрунзе майор Петр Кошевой, будущий маршал и дважды Герой Советского Союза¹.

Занимаемое этим соединением здание построенного в 30–40-е годы XIX века гостиного двора пустовало недолго.

Тюменские курсанты

По приказу наркома обороны Ворошилова от 14 ноября 1939 г. здесь, на базе прибывшей в Тюмень с Дальнего Востока после войны с японцами на Халхин-Голе 5-й стрелково-пулеметной бригады, было развернуто Тюменское военно-пехотное училище. Среди первых курсантов — 600 участников боестолкновений на дальневосточных границах, из них свыше 300 награждены орденами и медалями.

Первый выпуск молодых лейтенантов состоялся 15 июня 1941-го — не все успели добраться до своих частей. Второй вы-

¹ За проявленные в годы Великой Отечественной войны героизм и мужество 65-я стрелковая дивизия 30 декабря 1944 года была преобразована в 102-ю гвардейскую, получила почетное наименование Новгородско-Померанская, награждена орденами Красного Знамени, Суворова и Красной Звезды.

пуск 30 июня ушел под Киев и Вязьму, а третий — 17 ноября под Москву.

20 августа 1941 года Тюмень приняла еще одно военно-пехотное училище, сформированное в сентябре—декабре 1940-го в Таллине. По пути в Сибирь оно недолго задержалось в Славгороде Алтайского края и даже называлось Славгородским, а по прибытии в Тюмень стало 2-м Тюменским.

Когда в Тюмени 17 марта 1942 года открыли еще одно, третье по счету, военно-пехотное училище, то им установили такие наименования: 1-е Тюменское (расформировано в мае 1946), 2-е Тюменское (прекратило свое существование 24 октября 1945) и Таллинское, переименованное 14 декабря 1945 года в Западно-Сибирское военно-пехотное училище (сейчас это Тюменское высшее военно-инженерное командное училище).

За всю войну, кроме обязательных офицерских выпусков (около 12 тысяч командиров стрелковых взводов и пулеметных рот), тюменские училища трижды отправили на передовую недоучившихся и не получивших лейтенантских званий курсантов (более 20 тысяч человек).

На самые гибельные участки фронта: зимой 1941-го под Москву (46-я, 47-я, 49-я, 50-я стрелковые бригады, на базе которых в 1942—1943 годах были развернуты 319-я, 70-я, 208-я и 111-я стрелковые дивизии), летом 1942-го под Ржев в 215-ю стрелковую дивизию, ставшую 215-й Смоленской краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизией.

Фашисты взяли Ржев 14 октября 1941 года. Нам отбить этот город удалось только через 14 месяцев ценой огромных потерь. Сталин требовал выбить немцев из Ржева во что бы то ни стало — они находились слишком близко от Москвы, в двух сотнях километров.

Вот характерный документ — приказ № 170007: «Командующему Калининским фронтом. Громить всю город Ржев, не останавливаясь перед серьезными разрушениями города». В наспех подготовленное наступление бросали миллионы солдат войск Западного и Калининского фронтов. Часто без всяких военных хитростей, отвлекающих и обходных маневров — просто в лоб, когда каждая вражеская пуля в цель, любой выстрел — похоронка.

С января по апрель 1942 года советские войска штурмовали позиции гитлеровцев в рамках Ржевско-Вяземской наступательной операции. Сотни тысяч убитых и раненых, но задача не выполнена.

Затем, в июле—августе того же года, новое наступление. Цели не достигнуты. С ноября по декабрь Ржевско-Сычевская наступательная операция под кодовым названием «Марс», но опять неудача.

И только в результате четвертого по счету наступления 9-я армия генерал-фельдмаршала Моделя 3 марта 1943 года скрытно оставила Ржев.

О точных цифрах потерь сторон спорят до сих пор. Говорят о полутора миллионах погибших советских солдат, среди которых и недоучившиеся тюменские курсанты.

Когда весной 1943-го под Харьковом в очередной раз страшно качнулись весы военного противостояния, то спасти положение вновь отправили курсантов военно-пехотных училищ.

Курсант Петр Дорогой вспоминал: «...В ту зиму 43-го морозы в Тюмени стояли за 40 градусов. Трудновато было. Обмундирование — шинель тонкого английского сукна, пара белья и портянок, сапоги и хлопчатобумажные гимнастерки с брюками. Казармы в огромном доме на улице Ленина отапливались раз в сутки дровами, которые мы выдалбливали изо льда на реке Туре. В конце февраля пришел приказ Сталина — училища расформировать, а курсантов отправить для пополнения гвардейских частей Воронежского фронта. Выдали нам сухой паек. И шагом марш в эшелоны. Проехали Москву, и здесь нас, курсантов тюменских и уральских военных училищ, рассортировали: кого в батальоны противотанковых ружей и на танкоопасные направления под Харьков, а кого в 21-ю армию Юго-Западного фронта».

Их легко отличали от других убитых бойцов по нелепым серым английским шинелям и сибирским валенкам, пропитанным мартовской гололедной водой. Но эти мальчишки остановили танки СС — 18 марта 1943 года очередное гитлеровское наступление уткнулось в оборону на Северном Донце. Разбитые танки противника, как вехи, обозначили новую линию фронта.

Секретный Ленин

Сейчас известно, что 19 июля 1941 года в Тюмень под большим секретом доставили забальзамированную мумию вождя мирового пролетариата.

Сын профессора Бориса Ильича Збарского (1885–1954), отвечавшего за сохранность тела Ленина в Тюмени, Илья вспоми-

нал: «...Гроб с телом Ленина, упакованный в специальный ящик, ехал в особом вагоне, где мы круглосуточно дежурили и следили за состоянием объекта, периодически смачивая его. Из-за жаркой погоды окна и двери были завешаны, приняты меры к защите от инфекции. Начальником поезда был полковник НКВД Кузьма Павлович Лукин. С нами ехал штат Мавзолея. Включая коменданта и охрану в составе роты кремлевских солдат и офицеров. На всем пути железнодорожного полотна стояли солдаты внутренних войск, на остановках они резко отталкивали пассажиров, напористо пытавшихся войти в поезд.

На вокзале в Тюмени нас встречало местное начальство: секретарь горкома, председатель горсовета и начальник НКВД, которому были поручены опека и наблюдение за нами (Купцов, Загирняев, Козов. — А.П.). Нас поместили в срочно подготовленное здание сельскохозяйственного техникума, в котором ранее помещалось реальное училище, где учились Леонид Красин и легендарный разведчик Николай Кузнецов. Это было добротное каменное двухэтажное, но несколько запущенное здание, выкрашенное в белый цвет и получившее в городе прозвище «Белого дома».

Так «всегда живой» Ленин оказался недалеко от улицы, названной его именем.

«По военному времени, — продолжал Илья Борисович Збарский, — мы жили вполне удовлетворительно, нас хорошо кормили, дом отапливался и освещался. Нам казалось, что это идеально, угнетало лишь то, что в это военное время мы не могли участвовать в военных действиях. Несколько иначе смотрели на это кремлевские солдаты и офицеры. Они жаловались, что их плохо кормят и не дают достаточно довольствия. Я это понял только тогда, когда в 1942 году съездил в Москву и нас прикрепили к столовой комендатуры Кремля. При общем тяжелом положении и даже голоде в кремлевской столовой кормили так хорошо и обильно, что никогда в жизни я так не питался.

...В конце 1943 года нас посетила правительственная комиссия в составе академиков Н.Н. Бурденко, Л.А. Орбели и А.И. Абrikосова во главе с наркомом здравоохранения СССР Г.А. Митеревым. Комиссия дала очень высокую оценку нашей работе, и к 20-летию со дня смерти В.И. Ленина мы были награждены орденами, а Б.И. Збарский удостоен звания Героя Социалистического Труда.

...Всего в Тюмени тело Ленина пробыло почти четыре года. В марте 1945 года, когда война шла уже на территории врага, было решено возвратить тело в Москву. 23 марта 1945 года специальным поездом мы прибыли в столицу. 16 сентября 1945 года доступ к телу Ленина был открыт.

...Нахождение тела Ленина в Тюмени держалось в секрете, но слухи в этом небольшом городе, естественно, доходили до населения, и об этом перешептывались».

Крымское золото Спасского собора

О другом секретном грузе, доставленном в Тюмень в августе 1941 года, знали немногие.

Советское правительство было озабочено сохранением главных художественных и исторических ценностей страны и принимало самые энергичные меры.

Председатель созданного 25 июня 1941 года Совета по эвакуации при СНК СССР Николай Шверник направил записку первому заместителю председателя Совнаркома и Государственного Комитета Обороны Вячеславу Молотову.

«...Разрешить Комитету по делам искусств эвакуировать из Москвы и других городов уникальные произведения искусства и другие, особо ценные и дорогостоящие экспонаты из Третьяковской галереи, музеев изобразительного искусства имени Пушкина, Нового западного искусства и восточных культур... в пункты согласно приложению».

9 июля последовало еще одно письмо под грифом «секретно».

«Комитет вносит предложение: в целях сохранения выдающихся произведений античного, русского и западно-европейского искусства произвести перевозку наиболее значительных из этих ценностей железнодорожным путем в г. Новосибирск...

Для перевозки наиболее ценных произведений искусства потребуется шесть пульмановских, десять товарных вагонов, одна платформа и один вагон для охраны и сопровождающих груз работников...».

16 июля железнодорожный состав из 24 вагонов тронулся в дальний путь. Учитывая, что Транссиб испытывал невероятное напряжение по более значимым для фронта и тыла перевозкам, часть груза решили оставить в Тюмени.

*Отсюда начиналась
Тюмень*

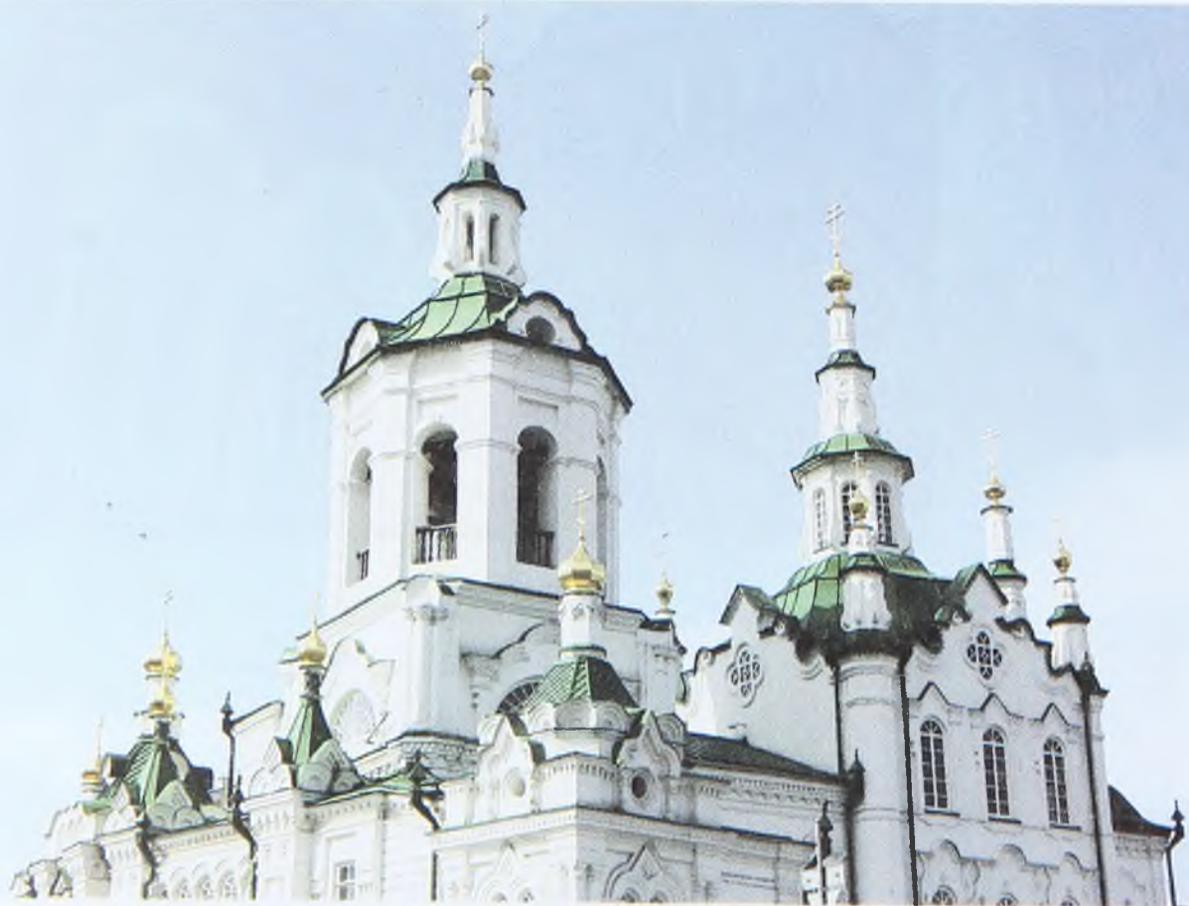

Когда-то в этом месте был деловой центр Тюмени. Сейчас здесь запустение и разруха

Возрожденные
храмы Тюмени

Памятники Тюмени

Просветителю Филофею Лещинскому

Жертвам
колчаковского
террора

Жертвам сталинского
террора

**Кушцу Андрею
Текутьеву**

**Революционеру
Владимиру Ильичу
Ульянову (Ленину)**

Разведчику
Николаю Кузнецову

Партизанке
Марите Мельникайте

**Секретарю обкома
КПСС Борису Щербине**

Геологу Юрию Эрвье

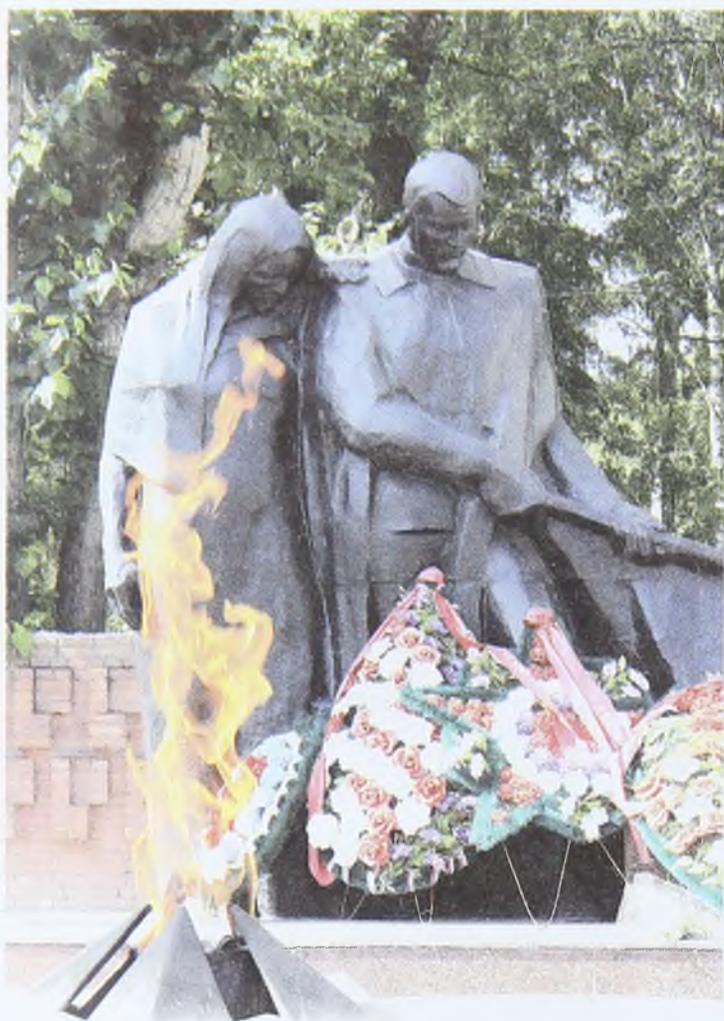
Первой буровой

**Фронтовикам Великой Отечественной войны
и труженикам тыла**

**Школьникам,
не вернувшимся
с войны
(1941–1945)**

Умершим
в тюменских
госпиталях
(1941–1945)

Погибшим в Афганистане (1979–1989)

Погибшим
тюменским милиционерам

Маме

Тюменцам,
погибшим
в Великой
Отечественной
войне

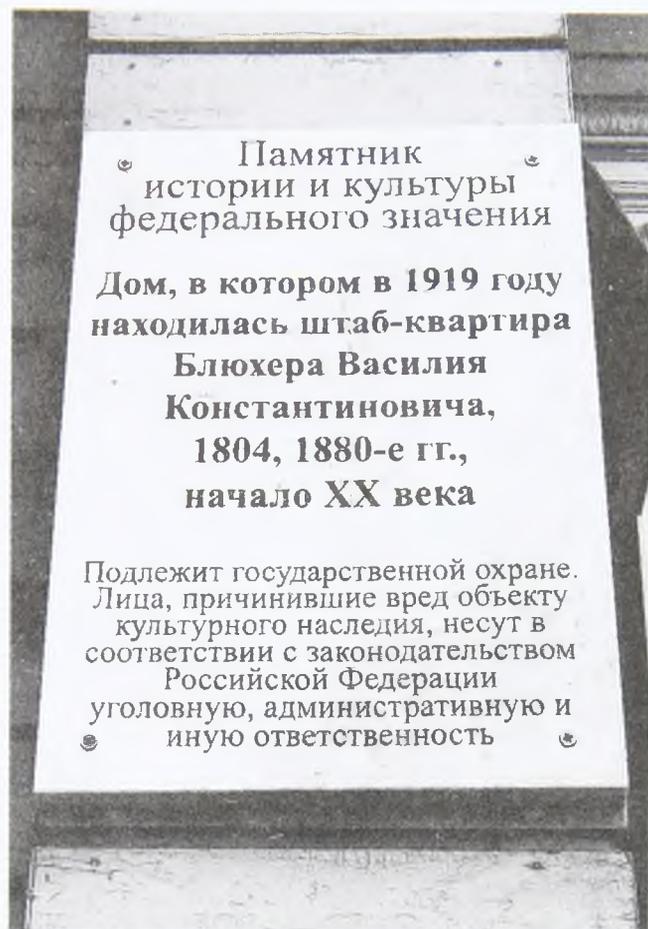

Памятник из песка

Борцам
революции

Мемориальные доски

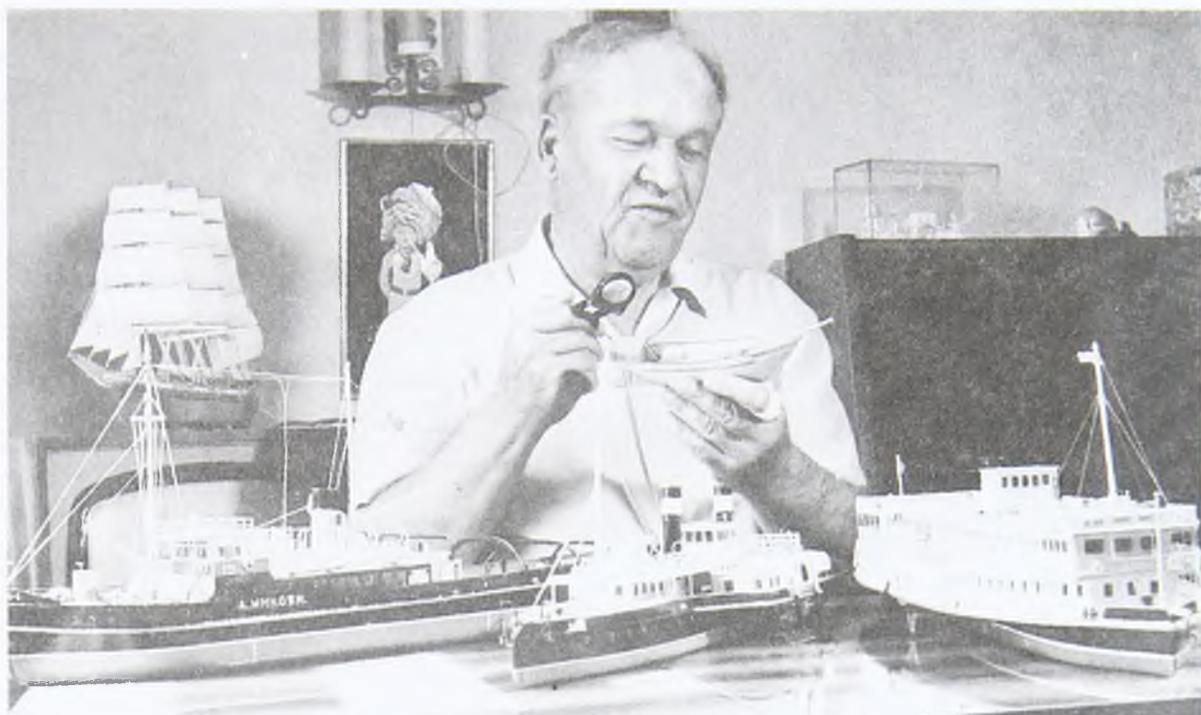

Сто лет назад по Туре ходили такие пароходы...

...сегодня на реке такие суда

Виктор Вронский за моделированием речных пароходов

Ночью несколько грузовиков подъехали к бывшему Спасско-му собору, в котором перед войной разместился местный архив. Молчаливые бойцы в форме войск НКВД быстро перенесли в подвальное помещение храма 96 опечатанных ящиков.

Секретный груз сопровождал 23-летний Константин Иосифович Дубинин. Явившимся утром на работу тюменским архиварисам он представился «директором архива Октябрьской революции Крымской АССР» и заявил, что будет выполнять в Тюмени «особое задание партии и правительства». Его зачислили в местный архив старшим научным сотрудником (в 1939 году он закончил Московский историко-архивный институт) и никаких вопросов не задавали. Все архивы до 1954 года входили в структуру НКВ—МГБ—МВД, а их основной задачей было выявление по дореволюционным регистрационным документам и старым газетам социального происхождения и имущественного положения подозрительных или политически неблагонадежных граждан.

В охраняемых Дубининым секретных ящиках НКВД находились эвакуированные из Симферополя по железной дороге крымское золото и античные музейные ценности. Вторую часть сокровищ Крыма погрузили в ящиках в ноябре 1941-го в Баллаклаве на теплоход «Армения»,

Этот двухпалубный красавец — один из шести первоклассных пассажирских лайнеров, что ходили в 30-е годы между портами Крыма и Кавказа. Два первых корабля для Черного моря строили на германских верфях, остальные — по типовому проекту на Балтийском заводе Ленинграда. Уже к августу 1941 года все шесть теплоходов «крымчаков» стали военным транспортом. Из «Армении» сделали плавучий госпиталь. На бортах и палубах намалевали большие красные кресты — в самом начале войны еще были какие-то иллюзии насчет гуманизма «сознательного германского пролетариата».

7 ноября 1941 года германская авиация атаковала «Армению» в районе Гурзуфа прямо напротив Медведь-горы. Экипаж торпедоносца «Хенкель-111» наверняка видел эмблему Красного Креста на борту советского теплохода. Видел перебинтованных раненых и женщин с детьми, что металась по горячей палубе. Опытные пилоты «Хенкеля» вогнали торпеду прямо в носовую часть корабля. Он так и ушел под воду — разорванным форштевнем вперед. Кормовые винты еще четыре минуты молотили воздух. Из семи тысяч человек, находившихся на санитарном транспорте, спаслись

только семеро. Их подобрал сторожевой катер. На 300-метровой глубине оказались и секретные сундуки с сокровищами (не найдены до настоящего времени), и сопровождавший их отряд НКВД.

Все кончилось в 11 часов утра. Крымчане, наблюдавшие трагедию, запомнили точное время. За полторы тысячи километров отсюда, на Красной площади мимо Мавзолея, из которого вывезли в Тюмень саркофаг с телом Ленина, уже прошел исторический парад. Сталин сказал свою речь. Войска ушли, чтобы спасти Москву. Сообщать стране о крупнейшей военной потере на Черном море в такой день было немыслимо (в последующие годы тему «Армении» засекретили).

Доставленные в августе 1941-го в Тюмень крымские сокровища «архивариус» НКВД Дубин охранял до марта 1942-го. Потом высокое чекистское начальство сообразило, что держать в тайне в небольшом городе (население Тюмени в войну возросло до 100 тысяч человек) большие материальные и идеологические ценности становилось опасным. Кроме тела Ленина в нашем городе в доме № 5 по улице Володарского (бывшая Знаменская) хранились вывезенные из Ленинграда экспонаты музея имени Ленина в Смольном дворце.

Не исключался десант гитлеровского спецназа в окрестности Тюмени с целью захвата партийно-государственных святынь (такая группа из 12 парашютистов, возглавляемая бывшим колчаковским офицером Николаевым, уроженцем Тобольска, была выброшена с двух немецких военно-транспортных самолетов в июне 1943 года на сопредельной с Березовским районом территории Коми АССР).

Поэтому секретные ящики, хранимые в Спасском соборе, вывезли из Тюмени в Новосибирск и сложили в коридорах областного УНКВД. Новосибирские чекисты позднее вспоминали, как запинаясь об эти ящики, не подозревая об их содержимом.

Оставленный в Тюмени военнообязанный Дубинин мог бы возглавить особый отдел НКВД или политотдел сформированной здесь к марту 1942-го 175-й стрелковой дивизии. Но кто-то посчитал, что негоже отправлять на фронт такого засекреченного специалиста: вдруг окажется в плену, где разгласит врагу партийно-государственные тайны улицы Ленина.

Как в воду глядели бдительные начальники Дубинина: направленная на Юго-Западный фронт 175-я стрелковая дивизия попала в мае 1942-го в окружение под Харьковом, и многие ее

бойцы и командиры, включая генерал-майора Александра Демьяновича Кулешова, были взяты в плен (Кулешов погиб в концлагере в 1944 г. — А.П.).

Дубинина использовали в тылу по комсомольской линии — первый секретарь Тюменского горкома ВЛКСМ, второй секретарь Омского обкома комсомола... После образования 14 августа 1944 года Тюменской области его по рекомендации ЦК партии избрали руководителем новой областной комсомольской организации, и в числе немногих местных партийных и советских работников он участвовал в возвращении 23 марта 1945 года в Москву саркофага с телом Ленина. Ответственный за его хранение в Тюмени академик Борис Збарский предложил допустить тюменцев к партийно-государственной святыне: «Они этого достойны». Но его предложение отвергли: по догматам большевизма Ленин, который «живее всех живых», должен всю войну находиться рядом со своим учеником, таким же бессмертным Сталиным (они вместе лежали потом в кремлевском Мавзолее до 31 октября 1961-го).

В 1947 году главного тюменского комсомольца Дубинина отозвали в Москву — его дальнейшая судьба неизвестна. Сын Дубинина Сергей сделал громкую финансовую карьеру, сказано, видимо, причастие отца к ящикам с золотом. В правительстве Сергея Кириенко, прозванного в народе «киндер-сюрпризом», Сергей Константинович Дубинин возглавлял Центральный банк. Отправлен президентом Российской Федерации Борисом Ельциным в отставку вместе с премьером Кириенко после дефолта 1998 года (россиянам банкир запомнился своей окладистой бородой). На письмо ветеранов тюменского комсомола поделиться воспоминаниями о своем отце или выслать его фотографию Дубинин-младший не ответил.

Память и памятники

Почему-то считается, что наша память находится в прямой зависимости от размеров памятников и количества юбилейных медалей. Всезнающая статистика утверждает, что в городах бывшего Советского Союза насчитывалось более 2400 памятников Ленину и сотни тысяч бюстов и барельефов в официальных кабинетах и залах заседаний.

Тюмень не стала исключением из этого правила: чугунный памятник Ильичу установили в сквере у начала улицы его имени в 1956 году (напротив нынешнего Моста влюбленных). Гипсовые изваяния Ленина стояли также в городском саду и в нише стены завода пластмасс на улице Первомайской (бывшая Голицинская). Посчитали — мало!

27 октября 1979 года отлитую из бронзы скульптуру вождя высотой 9 метров поставили на 15-метровом постаменте в центре города. Утверждение некоторых тюменских краеведов и журналистов, что этот памятник самый высокий в России, ошибочно. Ленин-гигант появился 22 апреля 1973 года в Волгограде: скульптура 27 метров, постамент 30, вес 9500 тонн. Пикантность волжского монумента в том, что там Ленин встал на постамент снесенного памятника Сталину.

Кстати, коммунистам, периодически ратующим за возвращение Волгограду имени Сталина, было бы небезынтересно его письмо секретарю Царицынского губернского комитета РКП(б) Шеболдаеву, датированное 1925 годом:

«Я узнал, — писал Сталин, — что Царицын хотят переименовать в Сталинград. Узнал также, что Минин (руководил вместе со Сталиным и Ворошиловым обороной Царицына от белых в 1918 г. — А.И.) добивается переименования его в Мининград. Знаю также, что Вы отложили съезд Советов из-за моего неприятия, причем думаете произвести процедуру переименования в моем присутствии. Все это создает неловкое положение и для Вас, и особенно для меня. Очень прошу иметь в виду, что:

1) я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград.

2) Дело это начато без меня и помимо меня.

3) Если уж так необходимо переименовать Царицын, назовите его Мининградом или как-нибудь иначе.

4) Если уж слишком раззвонили насчет Сталинграда и теперь трудно Вам отказаться от начатого дела, не втягивайте меня в это дело и не требуйте моего присутствия на съезде Советов — иначе может получиться впечатление, что я добиваюсь переименования.

5) Поверьте, товарищ, что я не добиваюсь ни славы, ни почета, и не хотел бы, чтобы создалось обратное впечатление».

Несмотря на это мнение Сталина, Царицын переименовали в Сталинград 10 апреля 1925 года.

Что касается памятников Ленину, то самый оригинальный сооружен в столице Бурятии Улан-Уде: на гигантском кубе огромная голова Ленина с характерной лобной частью. Один из самых, на мой взгляд, интересных памятников вождю мирового пролетариата установлен в Ялуторовске. Неизвестный скульптор обрядил Ильича в пальто с двумя рядами пуговиц, смахивающее на лермонтовский сюртук. При этом нарушены пропорции фигуры, из-за чего голова Ленина медленно клонится книзу. В свое время первый секретарь Ялуторовского горкома КПСС Котов рассказал мне, как раз в месяц по ночам посредством крана приподнимали голову задумчивого скульптурного Ленина. Эта, на первый взгляд, комичная ситуация добавляет неожиданную черту в привычный образ вождя: здесь он не призывает к новым свершениям, а винится за уже содеянное.

Удивительный, но неразгаданный человек

1 декабря 1886 года в Тюмени родился Павел Афанасьевич Россомахин. Его судьба — сюжет для авантюрного романа. Меня он интересовал как хранитель всех таинственных событий ранней советской истории нашего города и края.

После смерти отца, мелкого почтового чиновника, мать бросила детей, и 14-летний Павел остался для четверых братишек и сестренек за старшего. «Жилось, — вспоминал он, — очень трудно. Стипендин, которую я получал в реальном училище, не хватало, и мне пришлось давать частные уроки. День проходил так: вставал в 3–4 часа утра, стряпал хлеб, готовил чай... с 9 до 3 — занятия в училище, потом сразу на уроки до позднего вечера, а завтра — то же самое...».

Одаренный и трудолюбивый юноша окончил в 1905 году Александровское реальное училище в Тюмени первым учеником и поступил безо всякой протекции в Академию художеств. Однако «существовавшие там консервативные порядки, — отмечал Россомахин, — мне не понравились, и я вернулся из Санкт-Петербурга в Тюмень, где устроился учителем — хотелось работать в народе и для народа. Дело наладил, с ребяташками сдружился. Преподавал им математику, родной язык, естествознание, рисование и гимнастику. В свободное время рисовал и изучал свой родной край — эту страсть мне привили живописец Н.В. Кузьмин и директор реального училища И.Я. Словцов, с которым я работал в его музее».

Тогда же Россомахин «сошелся с политическими ссыльными, каковых здесь было предостаточно». Он вел среди крестьян антиправительственную пропаганду, критиковал в журнале «Сибирские вопросы» уездное чиновничество. За учителем следила полиция, его квартиру в Тюмени на улице Садовой (сейчас Дзержинского) обыскивали. От тюрьмы спасла... Первая мировая война.

Посчитав, что «интеллигенту стыдно сидеть в тылу, когда рабочие и крестьяне гибнут в окопах», он добровольно ушел на фронт.

По сведениям хранящегося в Российском государственном военном архиве послужном списке Россомахина, составленном 14 марта 1921 года, он «мобилизован в июле 1914 года», но «считался вольноопределяющимся 43-го Сибирского пехотного полка». В дореволюционной России вольноопределяющимися назывались призванные на военную службу или добровольно на нее поступившие лица с высшим или средним образованием и имевшие право сдать экзамены на первый офицерский чин. Им также позволялось иметь не казенное, а собственное обмундирование и обувь, сшитые на заказ, но обязательно из солдатского сукна. Видимым отличием вольноопределяющихся от простых солдат были погоны, которые с 1874 года обшивались витым бело-черно-оранжевым шнурком. В таких погонах сфотографирован Россомахин перед отправкой на войну.

Его посылали в военное училище, но он всякий раз отговаривался: «Должен нести все тяготы вместе с народом».

Пока хватало офицеров довоенной подготовки, командование считалось с этими принципами. Однако после неудачных сражений 1915 года и огромных потерь среди офицерского состава Россомахина отправили в школу прапорщиков в грузинский город Телав: любые отговорки расценивались уже как неподчинение.

Как свидетельствует его послужной список, «в марте 1916 года произведен в первый офицерский чин и назначен младшим офицером 218-го, затем — 160-го запасных полков». 30 августа того же года прапорщик Россомахин (погоны с одним просветом и одной пятиконечной звездочкой) зачислен в 6-й Сибирский пехотный полк, где командовал пешими разведчиками и штурмовой ротой. За боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени, орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 4-й степени, Станислава — 3-й степени. Солдаты уважали своего командира: он не пил, не курил, не сквернословил... Не прятался в боях за спины подчиненных... После Февральской революции 1917 года штабс-капитана Россомахина (пять звездочек на погонах с одним просветом) избрали командиром полка.

Октябрьский переворот завершил развал русской армии. Одним из первых декретов новой власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) стал подписанный 10 ноября 1917-го Декрет

«Об уничтожении сословий и гражданских чинов, который отменял прежнюю структуру общества и упразднял все дореволюционные военные и гражданские ордена, медали и другие знаки отличия. Старое было разрушено, а новое еще не создано.

Оружие, боеприпасы и военное имущество продавались, а деньги делились, и — по домам. Из сорока с лишним командиров полков Западного фронта только Россомахин поступил иначе и вывез тремя эшелонами личный состав с полным вооружением в Пензу. «Там, — вспоминал он, — на меня смотрели как на больного — сохранить такое богатство. А я иначе не мог, как же — народный учитель».

Не случайно именно его солдаты отправили к В.И. Ленину делегатом от 1-го Сибирского корпуса рассказать о реальном положении на фронте. Воспоминания Россомахина о встрече с «вождем мирового пролетариата» не публиковались по идеологическим соображениям. По утверждению боевого офицера, его собеседник, которого партийно-государственная пропаганда считала выдающимся военным организатором, «оказался плохим знатоком военного дела: не знал, что двух эшелонов Красной гвардии недостаточно, чтобы заполнить бреши на фронте ... Когда услышал “буханка”, то попросил повторить и записал в книжку: “Первый раз слышу!”».

Ленин очень подробно расспрашивал Россомахина о настроениях в армии. Сказал, что партии пришлось воспользоваться частично и элементами, чуждыми пролетариату, проще говоря, уголовниками, иначе «нам не удалось бы восстание, однако мы постепенно очистимся от них». В конце беседы Ленин «обязательно велел побывать у военного комиссара Подвойского, так как тот что-то затевает относительно регулярной армии. «Сходите к нему, он хорошо говорит...».

Но Россомахин 9 мая 1918 года предпочел уехать в Тюмень. Хотел учительствовать, а тут — восстание чехословацкого корпуса военнопленных: так в Сибири началась Гражданская война. Когда 20 июля белые вошли в город, у них был список «сочувствующих советской власти». В их числе оказался и Россомахин. От расстрела его спасло «ходатайство учительского союза и жителей Тюмени». Сослуживец полковник Дмитриев дал письменное поручительство: «Знаю Павла Афанасьевича как честного человека, а честного человека за убеждения расстреливать нельзя».

Выйдя из тюрьмы, Россомахин занялся созданием музея. Бывая в деревнях, выступал против насильственной мобилизации. Перед отступлением из Тюмени колчаковцы вновь хотели с ним расправиться, но ученики спрятали своего учителя в погреб. До прихода красных. Те, в свою очередь, назначили бывшего штабс-капитана, не спрашивая его согласия, командиром батальона 6-го крепостного полка. Такие подразделения формировались из перебежчиков и дезертиров. Обе армии — красная и белая — состояли в основном из мобилизованных крестьян, которые иногда по несколько раз переходили из одного войска в другое. По сведениям академика Полякова, с февраля по декабрь 1919 года из Красной армии дезертировали миллион семьсот тысяч человек. У белых дезертиров было не меньше.

Ленин 9 июня 1919 г. приказал Реввоенсовету Восточного фронта: «Мобилизуйте в прифронтной полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов вроде Мотовилихи, обещая отпустить, когда возьмут их, ставя по два и по три человека на одну винтовку».

Поэтому крепостные полки использовались красными в Сибири в качестве штрафных частей для прорыва белой обороны и расходовались полностью в одном-двух боестолкновениях. После разгрома колчаковщины Россомахина освободили от военной службы по болезни, и он возвратился в Тюмень. Здесь в мае 1920-го его избрали в уездный ревком, где он заведовал одновременно отделами народного образования, здравоохранения, финансов, разрабатывал новые школьные программы и редактировал местную газету «Известия». За публикацию статей о пьянстве и мздоимстве партийных работников и чекистов Россомахина арестовали, предъявив обвинение в «контрреволюции путем печати». «Трое суток, — вспоминал он, — просидел в подвале Тюменской ЧК, пилил дрова и ел селедку».

Стычки с тупым местным начальством наскучили Россомахину: в августе 1920-го он уехал на Всероссийский съезд учителей в Москву и там уже добровольно вступил в Красную армию.

Ему поручили сформировать из воронежских крестьян 1-й образцовый полк, который гонял по Украине разрозненные отряды Махно. Предреввоенсовета Республики Троцкий, инспектируя этот полк, не сдержал восторга: «С начала революции не видел таких дисциплинированных, сознательных и непьющих бойцов».

Главным делом для анархиста-коммуниста Нестора Ивановича Махно (родился в 1889 году в Екатеринославской губернии, в деревне Шагаровой, недалеко от села Гуляйполе) стала Гражданская война. Он воевал против Временного правительства Керенского, немцев, петлюровцев, деникинцев, большевиков. С последними трижды заключал союз и всякий раз его расторгал. Под началом «батьки Махно» собиралось до 50 тысяч повстанцев. Он контролировал значительные территории Украины. Смелый, умелый, хитрый командир получил 14 ранений. Советская власть наградила его орденом Красного Знамени за большой вклад в разгром Деникина.

В ноябре 1919 года махновские отряды заняли Екатеринослав и сделали его столицей «вольной территории». В основе этой идеи имелась некоторая социальная база: украинские крестьяне во время Гражданской войны утратили экономические связи с городом и перешли к натуральному хозяйству. Любую власть они связывали с налогами, мобилизациями в армию и реквизициями скота.

Но создать «безвластное государство» в соответствии с принципом «моя хата с краю» было нереально. Промышленные предприятия не работали. Денежные средства банков разграблены. Вместо «вольных Советов без коммунистов и продразверстки» возникла атаманщина и военная диктатура Махно.

В начале 1920-го Махно отказался выступить против белополяков и доставил немало неприятностей частям Красной армии и советским органам на территории Екатеринославской, Таврической, Донецкой и Харьковской губерний. В октябре с ним удалось договориться о совместной борьбе против Врангеля и освобождении Крыма. «Батьке Махно» предложили слить повстанческие отряды с регулярными красными частями — план создания «безвластного государства» оказался под угрозой. Махно отказался от предложения Реввоенсовета Южного фронта, поэтому 26 ноября 1920 года махновцев в очередной раз объявили врагами Советской Республики.

Погоня за Махно с использованием конницы, автомобилей, самолетов продолжалась более полугода. 28 августа 1921 года атаман с несколькими десятками человек переправился через Днестр и сдался румынским властям. 24 сентября 1934 года в Париже Махно умер от туберкулеза (в отличие от лидеров украинских националистов Петлюры, Бандеры, Шухевича и дру-

гих власти «незалежной» Украины не спешат реабилитировать Нестора Махно — бунтаря и противника любого государства).

Для большевиков, мечтавших о «мировой революции», границы возникших на развалинах Российской империи «суверенных государств», таких как Азербайджан, Армения и Грузия, не являлись неодолимым препятствием.

Направленный полпредом Советской России в Тифлис (Тбилиси), С.М. Киров устроил там «народное восстание», создал «правительство», которое сразу же обратилось за помощью к революционному северному соседу. По перевалам через Кавказский хребет в Грузию был направлен 272-й стрелковый полк 91-й бригады 31-й дивизии. Командовать этим полком назначили Россомахина. За разгром отрядов грузинских националистов и взятие Нового Афона его наградили орденом Красного Знамени (знак ордена 8189).

Сегодня довольно сложно судить о более чем 14900 награжденных этим первым орденом за годы Гражданской войны. Но если взять количество всех мобилизованных и призванных в добровольном порядке в Красную армию с 1918 по 1920 год, — а это 6 707 588 человек, — то 14900 кавалеров ордена Красного Знамени составят всего лишь 0,2 % от этого числа. При этом были и исключения. Только в одном Автобронеполке ВЦИК имени Свердлова — целых 99 награждений за период Гражданской войны. Численность отряда едва превышала 50 человек, а трое бойцов стали кавалерами трех орденов. Но в целом можно говорить о высокой цене ордена революции.

Перечитывая наградной лист Россомахина, лично я убедился в том, что орденом Красного Знамени, как правило, награждали за конкретные боевые подвиги и отличия.

За несомненные военные способности — при штурме хорошо укрепленной Новоафонской крепости полк Россомахина потерял 7 человек убитыми и 19 ранеными — командиру полка выдали путевку для учебы в академии Генштаба. Но скупавший по мирной жизни и сибирским морозам Россомахин упросил Реввоенсовет фронта отправить его в распоряжение помглава по Сибири В.И. Шорина — хотелось быть поближе к дому.

Его очередное возвращение в Тюмень совпало с Западно-Сибирским крестьянским восстанием против продразверстки. Бывший народный учитель возглавил части особого назначения

Тюменской губернии. Протесты Россомахина против массовых бессудных расстрелов повстанцев не понравились губкомовской верхушке, и после подавления восстания командующего ЧОН «вычистили» из коммунистической партии как «выходца из мелкобуржуазной среды» и гоняли с должности на должность — одно время он выполнял до 33 обязанностей! Наконец в 1924 году Павла Афанасьевича назначили директором Тюменского педагогического техникума. Он много читал, вел археологические раскопки в окрестностях Тюмени, собирал архивные документы, составлял музейные коллекции. Тогда же узнал о дневнике штабс-капитана колчаковской армии Киселева, сопровождавшего вывезенные в сентябре 1919-го из Тобольска по Иртышу и Оби на северо-восток ценности сибирского Белого движения, и карте подходов к этому кладу. Но тайник с сокровищами искали и органы ОГПУ—НКВД. Краеведа Россомахина снова арестовали. Повод для ареста — «хранение в музее старинного оружия» быстро перерос в 1937-м в обвинение: «подготовка вооруженного восстания с целью свержения Советской власти».

Росомахина продержали в тюрьме почти 2 года — требовали выдать тайну колчаковского клада. Он не проговорился — понимал: в этой тайне — его жизнь. А следователей НКВД убедил: о дневнике штабс-капитана Киселева слышал и обязался эти записи найти. В 1939 году Россомахина отпустили на свободу, восстановили в партии и назначили директором Тюменского краеведческого музея. Но держали под постоянным наблюдением: как бы не скрылся.

И вновь «выручила» война с Германией: 55-летний майор запаса Россомахин возглавил 1276-й стрелковый полк сформированной в Ишиме 384-й стрелковой дивизии, которая вошла в состав 11-й армии Северо-Западного фронта. Дивизия истекла кровью в тяжелых оборонительных боях под Старой Руссой на реке Ловати. Остатки этого соединения влились в 55-ю стрелковую дивизию, где Россомахин командовал 107-м стрелковым полком. Войну закончил в Берлине полковником в оперативном отделе штаба 1-го Белорусского фронта. К царским наградам и революционному Красному Знамени добавились ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

В марте 1947 года его демобилизовали по возрасту. Он вернулся в Тюмень и прожил еще почти 10 лет. После смерти Россомахина вдова Валентина Петровна продала хранившиеся в их доме на улице Коммуны нарисованные покойным мужем пейзажи и этюды в местную картинную галерею. Но до сих пор неясно, куда исчезли собранные Россомахиным документы «истнарта» и «общества краеведов», некоторые картины и часть личных коллекций. Говорили, что незадолго до своей кончины он сжигал и прятал какие-то бумаги. Может, в этих документах была заключена главная тайна такого удивительного, но неразгаданного человека?

Рукопись, найденная на свалке

В 1987 году к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции был подготовлен к печати документальный сборник о тюменцах, которые «участвовали в революционном движении, боролись за установление Советской власти в нашем крае, сражались на фронтах Гражданской войны, выполняли планы первых пятилеток».

Но времена изменились, и рукопись книги отправили на... городскую свалку.

Герои минувших дней

Как известно, рукописи не горят и не пропадают. Один из постоянных обитателей свалки обнаружил в мусорных отвалах этот неизданный юбилейный сборник, который, по мнению его составителей, «бесспорно должен сыграть важную роль в деле воспитания советских людей на революционных, боевых и трудовых традициях нашей Родины».

В рецензии на рукопись ушедший из жизни профессор Леонид Екимович Киселев отметил, что «каждого из героев 43 очерков можно назвать легендарным»: Арон Сольц, Николай Немцов, Степан Новоселов, Георгий Пермяков, Павел Хохряков, Иван Русаков, Иван Малышев, Алексей Пономарев, Александр Корякин, Григорий Усиевич, Даниил Шаронов, Тихон Сенькин, Федор Доронин, Елена Сурнова, Федор Масленников, Тимофей Карушин, Зинаида Станкевич, Александр Лепехин, Михаил Шишков, Александр Семаков, Александр Оловянный, Платон Лопарев, Павел Лунев, Сергей Аггеев... Их именами названы улицы и скверы в Тюмени, Тобольске, Ишиме, Ханты-Мансийске, Салехарде, Ялуторовске. Но что мы знаем сегодня об этих людях? Почти ничего.

Может, не случайно нашлась на свалке рукопись неопубликованной книги «Знатные люди земли Тюменской». Есть возможность вспомнить о героическом и трагическом прошлом нашего края. Истории, как к ней ни относиться, согласитесь, не место на свалке.

«Товарищ Андрей»

Под этой кличкой в Тюмени выступал Арон Александрович Сольц. Перечень тюменских журналистов на мемориальной доске в здании на улице Осипенко, 81 должен, по правде, начинаться с него — Сольца. Потому что он был организатором и редактором газеты «Тюменский рабочий». Ее первый номер вышел 10 сентября 1908 года.

Как свидетельствуют документы, Сольц родился в 1872 году, в революционное движение вступил в 1895 году. В 1899-м его исключили из Петербургского университета за участие в студенческих беспорядках. Так он стал профессиональным революционером: клички, пароли, явки, слежка, аресты, тюрьмы, ссылки, побег...

В 1907 году Сольца отправили под надзор полиции в Тюмень. К тому времени жандармы разгромили зародившуюся здесь после революции 1905 года организацию Российской социал-демократической рабочей партии.

Пришлось Сольцу все начинать по-новому, как написано в очерке о нем: «Умело сочетая подпольную работу с легальной деятельностью». Открытой трибуной стал «рабочий кооператив» и созданная при нем «касса взаимопомощи».

На тайные вечеринки собирались в доме на улице Большой Разъездной, в котором поднадзорный Сольц снимал квартиру. Здесь же он редактировал нелегальную газету «Тюменский рабочий», а печатали ее в другом тайном месте на улице Пристанской.

Газета выходила ежемесячно и распространялась не только в Тюмени, но и в Тобольске, Екатеринбурге, Перми, Вятке и других городах. Все политические статьи писал сам Сольц. Простым, доходчивым и ярким языком. Не случайно тюменскую газету так ценила уральская большевистская организация.

В 1933 году Свердловский истпарт обратился к Сольцу с предложением вспомнить о подпольной работе в Тюмени. Сольц написал: «Какая к тому времени была организация в Тюмени? Отвечаю: я имел в виду, пользуясь довольно свободным режимом в Тюмени, поставить там типографию и обслуживать весь Урал. В самой Тюмени был только завод Машарова. Было небольшое количество соц.-дем., больше меньшевиков, чем большевиков. Был там тогда тов. Новоселов, за последнее время член

ЦКК, был и Мишин, сейчас, кажется, пребывающий в меньшевиках. Был там Трифонов Валентин, участник восстания под кличкой “Корж” в Ростове, Мельничанский под кличкой “Максим”, пожелавший бежать за границу на том основании, что в России делать нечего в духе Каутского, и задержанный мною, и Стецкий. Была еще группа интеллигентов...».

Проживавший на квартире Сольца административно-ссылный Борис Шалаев вспоминал: «...Квартира Сольца в Тюмени на втором этаже деревянного дома на Большой Разъездной сделалась “штаб-квартирой” тюменской парторганизации. Семьи у Сольца не было. Он всегда жил вместе с сестрой, Эсфирью Александровной, членом партии с 1903 года: она прошла с братом многие годы ссылок, была с ним и в Тюмени... Эсфирь вела наше общее хозяйство, а мы с Ароном помогали ей и выполняли все черные работы по колке дров, тонке печей и т.п. У обоих Сольцев имелся заработок уроками. Арон преподавал даже детям исправника...».

Было бы наивно думать, что о тайной жизни Сольца в Тюмени ничего не знали местные жандармы. Не зря они получали свое жалованье — подпольная типография просуществовала в нашем городе лишь пять месяцев. Сольца отправили в ссылку в Туринск. Когда срок туринской ссылки закончился, Арон Александрович приехал в Тюмень, но вновь обосноваться здесь ему не дали. Через другие аресты, тюрьмы и ссылки он пронес тюменскую кличку «Андрей», которая стала его литературным псевдонимом. В 1912 году Сольц отбывал очередную ссылку в Нарыме (сейчас это Томская область) вместе со Сталиным.

Среди большевиков Сольца больше знали под другим именем — «Совесть партии». До октября 1917-го он был самым честным и надежным хранителем партийного «общака» — кассы, из которой оплачивались все дерзкие акции. После Октябрьской революции Сольца назначили секретарем Центральной контрольной комиссии и вверили ему все партийные тайны. Повлиять на него считалось невозможным. Он никого не боялся, даже Сталина. Из окружения вождя Сольц единственный, кто выступил публично против политического террора 30-х годов. И, как это ни странно, стал одним из немногих уцелевших от расстрела и лагерей соратников Ленина—Сталина.

Сольца просто объявили сумасшедшим. «Горе от ума» — такое бывает. Всеми покинутый, он умер в своей московской квар-

тире 9 мая 1945 года. Если бы не чекистские микрофоны, установленные там по приказу Сталина, никто бы не хватился семидесятитрехлетнего сумасшедшего старика.

Где эта улица

Дом, в котором Сольц жил и редактировал первую в нашем городе общественно-политическую газету, находился на улице Сакко, 32. имелась здесь и мемориальная доска: «Дом, в котором в 1907–1908 годах работал подпольный Тюменский комитет РСДРП. В 1908–1909 годах здесь жил Сольц Арон Александрович, профессиональный революционер, редактор нелегальной газеты «Тюменский рабочий».

Но дом подожгли. Потом снесли. Поджигателей не нашли. Сейчас на этом месте многоэтажное здание. Мемориальной доски о Сольце на нем уже не будет. Останется только улица имени Сакко, который, как и его приятель Ванцетти, чье имя носит соседняя улица (бывшая Малая Разъездная), никогда не были в нашем городе и не имеют к нему, равно как и к России, никакого отношения.

Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти отнюдь не коммунисты, а итальянские анархисты. Они приехали в Америку в 1908 году, а во время мировой войны 1914–1918 годов уклонились от призыва в армию.

15 апреля 1920 года на обувной фабрике в городке Южный Брейнтри, что в штате Массачусетс, были убиты инкассатор и его охранник, похищены 15 тысяч долларов, что по тем временам было суммой порядка миллиона долларов в ценах 2000 года. Свидетели показали, что грабителями были два итальянца, приехавшие на машине. Во время попытки забрать из гаража автомобиль, похожий по описаниям на автомобиль преступников, Сакко и Ванцетти арестовали. При аресте у них обнаружили пистолеты. Арестованные давали ложные и противоречивые показания.

В июне 1921-го они были приговорены судом присяжных к смертной казни. Но казнили их только через шесть лет, 23 августа 1927 года.

Все это время идеологи мировой революции доказывали, что Сакко и Ванцетти не виноваты, а виновата сама американская демократия. В СССР построили карандашную фабрику имени Сакко и Ванцетти, их именами называли улицы, и Тюмень не ста-

ла исключением. Тогда в преддверии коммунистических выступлений в Америке так важно было взорвать изнутри демократическое американское правосудие и оправдать советское внесудебное преследование противников политического режима.

Но сегодня, когда все «полезное» из этого дела уже взято, когда проведенная в 1961 году с помощью современных технических средств баллистическая экспертиза без всяких сомнений даже через 40 лет показала, что инкассатор и его охранник убиты из пистолета Сакко, то улицы в центре Тюмени, названные в 1927 году в честь американских гангстеров, являются историческим нонсенсом.

Жандармы в Тюмени

Жандармы — слово французское: так в Средние века называли дворян, служивших в лейб-гвардии королей Франции. С 1791 года подразделения жандармов использовались для наблюдения за поддержанием порядка в армии и внутри государства. В России первые жандармы появились при дворе наследника Павла Петровича (будущего императора Павла I), а с 1827 года превратились в особый род государственной полиции, имеющей военную организацию и предназначенной прежде всего для борьбы с политическими преступлениями.

Территориальные подразделения отдельного Корпуса жандармов создавались во всех губерниях и областях империи. С 1902 года на местах в системе Департамента полиции существовали отдельно от жандармских управлений охранные отделения, называемые в природе «охранкой».

Революция 1905–1907 годов выявила слабость полицейской службы в России. Новый министр внутренних дел Петр Столыпин издал циркуляр, в котором обращалось внимание на необходимость широкой осведомленности полиции по таким вопросам, как агитация в крестьянской среде, пропаганда в войсках, настроение интеллигенции, программные документы революционных организаций, линия поведения профессиональных союзов, организаций учащихся. Подчеркивалась необходимость строгих мер против не санкционированных властями собраний. Довольно интересна фраза о том, что существенную услугу местным органам могут оказать патриотические и монархические общества. Столыпин не забыл сказать и о междуведомственных разногласиях, затрудняющих борьбу с силами революции. Для того чтобы реализовать эти установки, он сменил руководство в Департаменте полиции и во многих губернских жандармских управлениях (ГЖУ).

Помощником начальника Тобольского ГЖУ в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах был назначен в мае 1907 года 38-летний ротмистр Александр Минаевич Поляков.

«Умели пить в Тюмени...»

«...В первый же день моего приезда в Тюмень, — вспоминал через десять лет жандармский ротмистр, — пошел я пообедать в местный клуб. Выпил, как полагалось, водочки, пообедал уже и сидел за пивом. Вижу, входит компания — настоящие сибиряки — румяные, крепкие, здоровые и вид добродушный. Покосились на меня и сели. Потом вдруг один из них встает, подходит ко мне и говорит: “Извольте быть новый жандармский начальник?”

— Новый, — говорю.

— Очень приятно познакомиться, Машаров.

— И мне, — говорю, — очень приятно, я Поляков.

— Разделите с нами компанию.

— Да я, — говорю, — уже пообедал, вот пиво пью.

— А вы, — отвечает, — снова начните!

Как я ни отговаривался, пришлось уступить, и пошло у нас тут разливное море. Началось, конечно, с водок и закусок, потом пошли разные вина с шампанским включительно, впрочем, не исключалось и пиво, и даже последнее шло предпочтительнее. Дело затянулось, стали являться новые лица и присаживаться к нашей компании, каждый начинал с водочки, и каждый просил меня, чтобы его не обидеть, тоже выпить водки, и как я ни отказывался, должен был пить — это после вин, шампанского, пива и опять водку!

— Я же не могу, — говорил я каждому вновь пришедшему лицу, которых к первоначальной компании в пять человек прибавилось еще человек пятнадцать, так как с каждым приходилось после всего выпитого еще выпивать, по меньшей мере, рюмку водки.

— Нет, вы уж меня не обижайте! У нас так: уважите для первого знакомства!

Приходилось уважить. Мой организм обладал удивительным свойством не поддаваться сильному опьянению: мог я выпить сколько угодно...

Компания была крепкая. Помню, из клуба мы поехали на дрожжевой завод, хозяин которого был с нами. Там мы разошлись окончательно, и почти вся компания полегла костью.

Остались на ногах только двое-трое, в том числе и я, выпивший больше всех. Сразу же я стал со всеми в приятельских отношениях и завоевал такое расположение, что потом даже

был выбран старшиной клуба, где я построил сцену и написал декорации.

Умели пить в Тюмени и пили здорово, даже с некоторыми фокусами. Например, местный торговец Андреев сразу, без закуски, или как их в Тюмени называют «заедки», мог выпивать «аршин» водки, то есть 16 рюмок подряд, поставленных по линии в границах одного аршина; закусывал он уже после последней рюмки.

Губернское начальство не являлось примером трезвости для подчиненных. Губернатор в то время был Н.Л. Гондатти, впоследствии приморский генерал-губернатор, умный человек и отличный администратор, но имевший тот недостаток, что как пойдет, бывало, говорить, так уже остановить его не было никакой возможности. Говорить он мог целый день, не позволяя другим подавать свои реплики. Впрочем, при мне губернатором он был недолго, и после него был назначен некто Гагман. Ах, какие выпивохи были этот Гагман, его «вице» Гаврилов, мой начальник генерал Андрей Карлович Вельке и архиерей, знаменитый Варнава, о котором до сих пор много пишут в газетах*.

Это был великолепный распивочный квартет! Пусть на меня обижается Андрей Карлович (я его от души люблю и уважаю), но из песни слова не выкинешь».

«Такой был режим»

До Тюмени ротмистр Поляков служил в Туле, о которой сохранил не лучшие воспоминания.

«...Город скверный, грязный, лежит он в какой-то яме. Люди там не симпатичные... Эсеры, социал-демократы и другие “преступные” организации в Туле были довольно свирепые. От их руки погибли председатель суда Ремезов, директор гимназии Радецкий, которого убил ученик Коморский, бежавший после преступления в Париж, где сразу попал в ЦК эсеров. Убивали и других, и били больше надрезанными пулями, чтобы вернее было, бросали бомбы — вообще политических убийств было много!..

* Варнава (Василий Накропин), архиепископ Тобольский и Сибирский, один из приближенных Григория Распутина, фаворита царской семьи Романовых. В переписке царицы Александры Федоровны Варнава упоминается под прозвищем Суслик.

В Тюмени все по-другому. Город приятный, и люди добрые... Здесь много политических ссыльных, но с ними я жил довольно в ладах. Почти всех их я знал в лицо и по фамилиям, и многие из них на редкость были хорошие люди: присяжный поверенный Анисимов, студент Скаткин и другие; я даже с некоторыми был в дружеских отношениях (в Тюмени я встретился с Козловой, которая была выслана из Костромы). Кому тогда я сделал неприятности, прошу извинить, такой был режим, а я был представителем его.

Так как служба моя была совершенно самостоятельная, даже с Департаментом полиции я сносился непосредственно, а не через начальника управления, то и дел старался не разводить. Были, конечно, у меня дела, были и последствия, приходилось и в тюрьму сажать, но все это было не то, что в Туле. Была у меня своя агентура, которой меня снабжала Пермская охранка, но больше одного-двух месяцев у меня никто не мог служить, так как к концу этого срока каждый агент обыкновенно «проваливался», и его охранка убирала в другое место...».

Прервем воспоминания ротмистра Полякова и воспользуемся записками его коллеги — помощника начальника Пермского ГЖУ Николая Антоновича Кравца.

«...Ко времени моего приезда в Пермь жандармское губернское управление, называвшееся и районным охранным отделением, кроме чисто местных обязанностей, вело агентурное освещение трех губерний — Вятской, Пермской и Тобольской, то есть у нас концентрировались все сведения о революционной работе этого громадного района, по площади превосходящего всю Западную Европу. наших офицеров на этот район было очень мало, и потому наша борьба с революционерами велась довольно слабо, хотя работа революционных организаций сильно понизилась. Успешно работали под различными флагами лишь бандитские шайки, преимущественно ссыльных кавказцев, но наиболее энергично и неуловимо шайка известного в то время разбойника Лбова...¹.

* Лбов А.М. (клички: Семен, Лещ, Длинный) род. в 1876-м, командир боевой дружины во время восстания в Мотовилихе (Пермь) 12–13 декабря 1905 года. После подавления восстания с группой боевиков ушел в лес. Именовали себя «лесными братьями», «коммунистами-анархистами». Нападали на государственные учреждения и частные предприятия, убивали представителей власти. Среди наи-

Вскоре до сведения управления дошли слухи, что к нам в Пермь назначается из Красноярска начальником ГЖУ полковник Комиссаров, о котором уже и тогда говорили мало лестного: по происхождению казак, он молодым офицером перешел из артиллерии в корпус жандармов, совершенно беспринципный человек, способный на что угодно, вплоть до убийства мешавшего ему по каким-либо причинам человека, пьяница, развратник, наглец и провокатор. Но он умел импонировать начальству, почему и быстро делал карьеру — уже к 30 годам он был произведен в полковники. Наружности отталкивающей: высокий, полный, с красным лицом и серыми глазами, бегающими под синеватыми очками. Женился он также не по-человечески: воспользовавшись отсутствием своего начальника, он увез его жену, предварительно взломав его письменный стол и вытащив 10000 рублей, а также сняв в гостиной тяжелую дорогую люстру, когда-то бывшую во дворце принца Ольденбургского, все это он проделал, будучи помощником начальника Петербургского охранного отделения генерала Герасимова¹.

...Приехав к нам, полковник Комиссаров вскоре увидел, что Пермь для него мала, ему нужна была шумиха, а здесь тихо, революционеры же, как назло, почти совсем замолкли. При таких обстоятельствах карьеры не сделаешь. Нужно было что-нибудь придумать, и он придумал.

Однажды, месяца через два после своего назначения, полковник Комиссаров собрал всех нас, офицеров, вечером в управлении и стал жестоко критиковать нашу работу, говоря, что агентура наша никуда не годится, что мы ее не умеем вести, и он покажет, как это надо делать, и действительно впоследствии показал так, что мы рты разинули от удивления...

Вскоре Комиссаров вызвал меня и сказал, что я должен буду ехать в Тюмень, где социал-демократы стали интенсивно рабо-

более громких преступлений — ограбление парохода «Анна Степановна Любимова» на Каме в ночь на 3 июля 1907 года. Лбов был схвачен 17 февраля 1908 года в г. Полинске и повешен 2 мая во дворе тюрьмы в г. Вятке.

¹ Герасимов А.В. (1861–1933), генерал-лейтенант. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения (1905–1909). Генерал для особых поручений при МВД до 1914 года. Затем в отставке. Автор мемуаров «На лезвии с террористами».

тать, и в доказательство своих слов он показал мне якобы напечатанные там листовки, в которых РСДРП призывает рабочих к забастовкам. На этих листовках был оттиск печати “Тюменский комитет РСДРП”.

— Ну, а теперь вы завтра же, взяв с собой отряд филеров, отправляетесь в Тюмень, где войдете в связь с местным жандармским офицером, а потом по окончании работы наружного наблюдения (филеров) ликвидируйте организацию, — сказал он мне. О том, что в Тюмени был у него районный сотрудник по кличке “Американец”, он мне ничего не говорил.

На другой день, отправив утром филеров вперед, я сам вечером в штатском костюме поехал в Тюмень, обдумывая по дороге, под каким соусом мне явиться в маленький городок, где как новое лицо я, конечно, обращу на себя внимание, и, наконец, решил назваться горным инженером. Это было наиболее удачное разрешение вопроса, так как в Тюмень приезжало много таких лиц, и на них мало обращали внимания, избавляя от расспросов местного общества, состоявшего из купцов, мецан и мелких чиновников. Остановился я в одной из гостиниц под чужой фамилией и немедленно же дал знать о себе шифрованным письмом местному жандармскому офицеру.

Приблизительно месяц работы наружного наблюдения привел все нити к одной квартире, в которой, как выяснилось, проживал молодой человек без определенных занятий, видимо, не особенно стеснявшийся в средствах. Все установки и выяснения лиц я делал через местного жандармского офицера, очень медлительного человека, явно неохотно исполнявшего мои поручения...». Читатели уже догадались, что им был ротмистр Поляков.

«Итак, — продолжал Кравец, — через месяц я решил приступить к ликвидации организации социал-демократов в Тюмени и только тогда попросил местного офицера пригласить представителей полиции, то есть исправника, полицмейстера, всех наличных приставов и городских с таким расчетом, чтобы хватило наряда на 25 обысков...

Около 12 часов ночи наряд полиции отправился на обыски, а я остался у офицера ожидать результата. К утру в полицию доставили около 20 арестованных, то есть таких, у которых по обыскам находили что-либо компрометирующее их в политическом отношении. Казалось, дело прошло блестяще, но при

первых же допросах выяснилось, что дело-то далеко не блестящее, а скорее скандально: один из арестованных, к которому, как я уже говорил, вели все нити, вдруг заявил мне:

— Ну Вы меня, вероятно, сегодня же отпустите, хоть у меня и найдено кое-что; короче говоря, я сотрудник вашего управления “Американец”.

“Вот так штука! — подумал я. — Почему же меня не предупредил Комиссаров?”

Выпускать “Американца” было уже поздно, так как один из ранее допрошенных заявил, что найденный у него типографский станок дан ему этим сотрудником (к сожалению, я не помню теперь фамилию этого молодца, знаю только, что он был привезен Комиссаровым из Сибири), и, освободи я его теперь, он, конечно, был бы окончательно провален и к дальнейшей работе непригоден...

При дальнейших допросах вполне было установлено, что “Дело о Тюменской организации Российской социал-демократической рабочей партии”, как громко оно было озаглавлено, спровоцировано “Американцем” с согласия полковника Комиссарова. Ясно, что на суд это “дело” ставить было невозможно, и тогда оно было направлено в административном порядке: часть арестованных была выслана в отдаленные местности Сибири, а другая после месячного сидения в тюрьме выпущена под надзор полиции. Конечно, после этого Комиссарову надо было избавиться от меня, чего он и добился, написав в Департамент полиции, что я умышленно провалил сотрудника; после этого никакие мои оправдания не помогли, и меня перевели начальником жандармского отделения Сибирской железной дороги. Это было еще хорошо...

Как мне потом объяснили, полковник Комиссаров был уверен, что я сам пойду на обыск к “Американцу” (он отлично понимал, что все нити поведут к нему) и там, по заявлению сотрудника, я устрою ему побег на месте же, но так как его расчет не оправдался и нити провокации скрыть не удалось, то меня надо было убрать, что он и сделал.

Продолжая, правда, недолгую службу в Перми, полковник Комиссаров не раз прибегал к провокации при помощи нового сотрудника по кличке “Племянник”, которого также выписал из Красноярска. Для того чтобы взять в руки тогдашнего пермского губернатора Болотова, милейшего человека, Комиссаров пугал его несуществующими заговорами.

Все сходило с рук Комиссарову. Так, например, он однажды, будучи приглашен Болотовым на какой-то званый не то обед, не то ужин, там так напился, что, не помня, что делает, полез в спальню губернатора, там ему стало дурно, и он запакостил кровать губернаторши. Тут даже добрейший Болотов не выдержал и, кажется, написал в Департамент полиции. Другому, конечно, не сошло бы это с рук, ну а Комиссаров отделался выговором и вскоре переведен был в Петербург, то есть куда он и сам хотел. Там он состоял офицером для поручений при Департаменте полиции, охраняя Распутина и провоцируя его и правительство».

«О Распутине и других»

Не мог обделит вниманием «святого старца» и тюменский жандарм Поляков.

«За месяц до моего приезда в Тюмень, — вспоминал он, — приезжала великая княгиня Милица Николаевна¹, которая прямо с вагона, сев в тройку, укатила в село Покровское, за 75 верст от Тюмени, к Распутину. Также через неделю она уехала обратно в Петербург.

Теперь о Распутине так много написано, так хорошо он всем известен, что мне о нем что-либо написать уже нечего.

Из того же села был у меня унтер-офицер Федор Важенин, который мне несколько раз предлагал съездить в Покровское к Распутину.

— Он, — говорил Важенин, — будет очень рад Вам, примет Вас, напоит, накормит вот как! Если надо, и денег даст! У него там целый дворец.

Любопытно было, но унижать себя я не захотел. Я даже несколько раз проезжал мимо Покровского, которое лежит по пути в Тобольск, куда я ездил к начальнику ГЖУ генералу Вельке. Но у Распутина я так и не был, и ни разу его самого видеть мне не пришлось, о чем теперь сожалею. Ведь какая он был знаменитость! Теперь в синематографах деньги платят за то, чтобы посмотреть на экране актера, который изображает Распутина, а я мог его видеть даром и в натуре, разве не досадно?

¹ Милица Николаевна (1866–1951, Египет) — великая княгиня, дочь черногорского князя Николая Негоша, жена великого князя Петра Николаевича.

...Много крови мне портили охранники и филеры, приезжавшие из Перми. Это были такие, с позволения сказать, прохвосты, что даже мои унтер-офицеры избегали с ними встречаться, а при встречах не подавали им руки...

Насколько их служба была провокаторской, судите по такому случаю. Помню, 7 декабря 1907 года утром являются ко мне три филера, на этот раз не из Перми даже, а из Петербургского охранного отделения, которым тогда заведовал известный генерал Герасимов. Филеры предъявили мне свои удостоверения и требование Герасимова об оказании им содействия по наблюдению за неким, кличка коего “Малый”, которого, как значилось в требовании, надо было установить, обыскать, арестовать и о последующем ему, Герасимову, телеграфировать. При этом никаких примет о “Малом” не указывалось. На мой вопрос, кто же этот “Малый”, филеры ответили: “Не знаем”.

Тогда я послал Герасимову срочную шифрованную телеграмму с просьбой дать более точные приметы и другие указания относительно “Малого”, а сам поехал в командировку в 164 верстах от Тюмени по своему делу и вернулся обратно 9 декабря, и только 10 утром на мою срочную телеграмму я получил срочный же ответ, что “Малый” — это политический ссыльный, известный Бакай-Михайловский, служивший раньше в Варшавской охранке и, кажется, в Киевской. Казалось бы, что для сношения срочно по телеграфу между Тюменью и Петербургом при необходимости и, по-видимому, в важном деле достаточно было одного дня, а тут прошло почти четыре, что показалось мне странным.

Знаете, что за это время случилось? Бакай благополучно бежал 9 декабря вечером и очутился в Париже. После я даже слышал, что в побеге Бакаю способствовал исправник. Вот и поймите, как все это вышло! Накануне приезда филеров, т.е. 6 декабря, я видел Бакаю на балу в Общественном собрании. Между прочим, у него красивая и шикарная жена, а около 20 декабря у меня уже были точные сведения, что он отлично устроился в Париже¹.

¹ Бакай М.Е. (1878 — после 1931). В 1902 г. был арестован по обвинению в принадлежности к социал-демократам и завербован на службу в охранное отделение. В 1905 г. связался с известным разоблачителем политических провокаторов Бурцевым В.Л., дав ему обширную информацию об агентах охранки. В 1907 г. Бакаю арестовали и сослали в Сибирь. Из ссылки бежал, проживал по подложным до-

Так что я охранников не переносил органически. Мало того, что они ходили на обыски со своей литературой, которую подбрасывали и “находили”, они не стеснялись залезать в ящики письменных столов своих коллег, чтобы выкрасть желательные документы. Они “создавали” дела, писали фантастические доносы, представляли фиктивные счета и вообще ни в чем не стеснялись. По своей специальности они постоянно ходили в штатском платье, переодевались в чиновников, купцов, рабочих и прочих. Охранник Кужицкий мне даже похвалился, что его однажды побили как партнера в вагоне-теплушке, когда он проезжал “филером” и со своими объектами играл в карты.

Самым отгалкивающим из всех этих типов, которых я знал, был, несомненно, охранник Огневич, человек с темным прошлым, даже необразованный, но большой ловкач. Офицером он никогда не был, в списках корпуса жандармов он не состоял, но почему-то любил говорить: “У нас, в корпусе жандармов”. Такие-то господа и пакостили корпус. Про него рассказывали, что с целью отличиться он устроил в Одессе провокаторский взрыв, взвалив, конечно, дело на злоумышленников. При этом взрыве ему обожгло руки, отчего он постоянно ходил в перчатках, опалило лицо, глаза, обгорели уши; ходил он всегда в темном пенсне. Впрочем, я никогда не любил людей, носящих темные очки: мне всегда казалось, что за темными стеклами очков непременно должна скрываться и темная душа...

Огневич однажды укорял меня за то, что тюменскую эсдековскую типографию открыл не я, а помощник исправника Вишневецкий, за что получил “Анну” в петлицу и 200 рублей награды, а я не только не был в претензии на Вишневецкого, но всю честь открытия типографии всецело приписал ему, так как, по справедливости, он выслеживал, он старался, он же ее заарестовал и передал как вещественное доказательство вместе с обвиняемым судебному следователю...

Как это ни удивительно, но за всю мою службу в жандармах ни в одной охранке я ни разу не был. Исключение составляют разве те случаи, когда я еще на курсах был однажды в Петербургской охранке, и то потому, что она помещалась на Мойке в доме,

кументам в Тюмени. Оказавшись в Париже, опубликовал записки о «черных кабинетах» в России. В 20-е годы работал инженером во французском Конго.

где жил некогда Пушкин. Бедный Пушкин. И в России допус-
калось такое святотатство!»

«Черные кабинеты», агенты и «столыпинские галстуки»

«...Перлюстрация писем тогда процветала по всей России... Маленький “черный кабинет” был и у меня в Тюмени, что заставили меня сделать из Пермской охраны. По совести скажу, что я пользовался им очень редко: за мою трехлетнюю службу в Тюмени у меня, вероятно, не было более пяти дел по чужим письмам. Помню по этому поводу курьезный случай: одна местная барышня, дочь инженера, которая воспитывалась в Париже и была, несомненно, эсдечкой, известная по всей Тюмени под именем Ниточка, получила однажды из Парижа письмо, в котором оказалась просто газетка, кажется, эсдековская “Искра”, где, вероятно, в ответе на посланную “Ниточкой” какую-либо статью было напечатано: “Тюмень. Ниточке. Ваша статья не пойдет”.

Что сделал я? Велел вахмистру, большому мастеру распечатывать и клеивать чужие письма, опять запечатать письмо и отправить по адресу. После, при встрече на улице, я потихоньку сказал ей: “Ниточка, не пишите статей в “Искру”, а то попадетесь”. Разумеется, я не привлек ее даже в охранном порядке.

Подлый был этот порядок. Дознания, которые шли в порядке 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства, всегда были под наблюдением прокуроров и разбирались Судебной палатой. Дознания же, которые проходили в охранном порядке, всегда основывались на агентурных данных и материалах перлюстрации. Чтобы не “провалить” агентов и “черные кабинеты”, эти охранные дела решались властью министра внутренних дел обычно с высылкой привлеченных в Нарымский и иные края...

К числу таких дел было отнесено и “Дело в ограблении железнодорожного артельщика 17-го сентября 1907 года группой социалистов-революционеров”, во главе которой стояла женщина — “товарищ Паша”. Как велика была группа — неизвестно, но привлечено было семь человек, в том числе и сама Паша. Приговором военного суда трое, и как это ни удивительно, Паша в том числе, были оправданы, а четверо других были приговорены к смертной казни через повешение. И вдруг вечером в тот же

день я узнаю от своего агента, что в числе осужденных на смерть оказался некто Мартемьянов, осужденный невинно. Он не только не участвовал в ограблении, но даже не принадлежал к эсерам, потому что в момент ограбления выехал с казенного винного склада, недалеко от которого произошло ограбление, и куда он заносил эсдековскую литературу.

Немедленно же об этом я срочно телеграфировал в Департамент полиции и просил об отмене казни и о новом пересмотрении дела. Другим составом суда все семеро были оправданы, а главное — я спас ни в чем не повинного Мартемьянова.

Охранка сейчас же воспользовалась этим случаем и предложила мне завлечь Мартемьянова в секретные сотрудники. Пригласив его к себе, я сказал:

— Вот, Мартемьянов, я Вас вытащил из петли, послужите за это правительству, — и предложил быть у меня агентом.

Мартемьянов ответил:

— Вам, разумеется, я бесконечно благодарен. Лично Вас я высоко ценю и уважаю, но мундир Ваш, господин ротмистр, я ненавижу и поэтому на службу к Вам я не пойду.

Молодец, правильно ответил! Мужчина оказался с характером.

Пришлось мне в Тюмени присутствовать и при казнях. Чтение рассказа Леонида Андреева “О семи повешенных” на меня произвело большее впечатление, чем это было на самом деле. Я больше переволновался днем перед казнью, чем во время самой казни, которая была произведена на задворках тюремного двора в 12 часов ночи при факелах.

На этот раз был повешен некто Мехоношин, типичный каторжанин, который на своем коротком веку убил 28 человек. В 20 убийствах он был изобличен. Последнее убийство он совершил, сидя в тюрьме, когда убил шилом своего товарища. В убийствах остальных 8 человек сознался после окончательного приговора перед самой казнью.

Когда пришли за ним в камеру, он со страху бросился под нары, но когда его вывели на двор, он настолько оправился, что даже запел какую-то каторжанскую песню и на эшафот взошел спокойно. Еще спокойнее, даже стоически умерли той же смертью пять местных крестьян, повешенных за убийство и ограбление одного купца-татарина. Один из них, Пустовойтов, даже сказал: “Ну, за правду и умереть можно!”.

Жуткая была картина, когда их вешали: ночь была темная, ветреная. Факелы злоеце освещали тюремный двор, и, когда один из них уже висел в петле, вдруг во всех церквах стали бить 12 часов ночи. Это был какой-то погребальный перезвон...

Возмутительно себя при этом вели исправник Белоносов и его зять пристав Островский. Когда один из приговоренных, обращаясь ко всем присутствующим, сказал: “Прощайте, православные”, на что солдаты и тюремные надзиратели ответили: “Прощай, царство тебе небесное”, — знаете, что сказал Белоносов? — “Такую сволочь в рай не пускают”, а достойный его зятек Островский, когда повешенный корчился в судорогах, заметил: “Ишь, как танцует мазурку!”. Их бы самих повесить за это, хотя я против смертных казней (после Белоносова был назначен исправником Николай Ефимович Скачков — идеально честный и высоко порядочный человек, светлый луч на темном фоне прежней тюменской полиции).

Я всегда любил поиграть в карты и вот, чтобы мне повезло, от первого же повешенного, от Мехоношина, взял я себе кусочек веревки на счастье. Куда! Еще хуже стал проигрывать, а играю я вовсе не сапогом. Примета для меня оказалась неверной...».

«Что вам сказать еще о Тюмени?»

«...Уж под конец моей службы по всей Сибири разъезжал известный композитор Гартевельт¹, который записывал и перекладывал на ноты песни каторжан, попутно читая лекции о своих впечатлениях и давая концерты.

Был он и в тобольских каторжных тюрьмах и своими впечатлениями о них поделился с публикой в печати, что и сыграло роковую роль в судьбе начальника одной из тюрем Могилянского. Ходившие на месте о его жестокостях слухи подтвердились в печати заявлением такого популярного и, видимо, беспристрастного свидетеля, как Гартевельт. На основании этого

* Гартевельт В.Н. (1859–1927), швед. Жил в России в 1882–1918 гг. Автор опер, романсов. В 1908 г. посетил Сибирь — Тобольск, Тюмень. Пропагандировал музыкальный фольклор сибирской каторги (сейчас его называют шансоном). Издал несколько песенных сборников: «Песни каторги», «Песни сибирских бродяг и каторжников». 12 таких песен в его обработке были записаны на грампластинках и пользовались большой популярностью.

заявления, как значилось в выпущенных прокламациях уральской группы партии эсеров, и по постановлению последних Могилянский был убит или, как значилось в прокламациях, он был “казнен”. Очевидно, эти прокламации были отпечатаны заранее, потому что не более как через час после убийства, когда никакого сообщения об этом еще не было, в Тюмени уже были разбросаны по улицам прокламации с точным указанием, что в таком-то часу такого-то числа в Тобольске “казнен” начальник тюрьмы Могилянский по постановлению летучей боевой дружины уральской группы партии эсеров.

Мне так опротивела моя “политическая” служба в Тюмени, трехлетний срок этой службы здесь кончился, а охранники так много делали мне неприятностей, из коих последней, переполнившей чашу моего терпения, та, что они заставили арестовать даже ни в чем не повинного железнодорожного унтер-офицера Печенкина, который показался им подозрительным только потому, что, пользуясь отсутствием своего начальства, он часто переодевался в статское платье и с одним политическим вместе кутили, не зная, что один из них жандарм, другой — политический ссыльный.

От всех этих гадостей я так испортил себе нервы, что решил написать частного характера слезное письмо, что строжайше всё с-прещалось, к начальнику штаба Гершельману с убедительной просьбой — меня из Тюмени перевести куда-либо на железную дорогу.

Гершельман внял моей просьбе, и в марте 1909 года я был назначен в Оренбург начальником Илецкого жандармского отделения Ташкентской железной дороги».

Когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, жандарм Поляков, дослужившийся к тому времени до подполковника, добровольно ушел на фронт.

«Из всего офицерского состава корпуса жандармов в 930 офицеров нас ушло на войну добровольно не более 20 человек. Семеро — в пехоту, человек пять в кавалерию, столько же в казачьи войска, а трое — в артиллерию...».

После Октября 1917-го Полякова уволили из армии. Корпус жандармов упразднили еще раньше — 4 марта, на следующий день после отречения от престола российского императора Николая II.

Свои воспоминания о жандармской службе в Тюмени Поляков отдал в журнал «Утро России», однако их конфисковали большевики.

Его сослуживец из Пермского охранного отделения штаб-ротмистр Кравец также пытался под псевдонимом «Ника» заниматься литературной деятельностью, но потерпел неудачу. Им не нашлось места в образованной 20 декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Туда пришли их политические противники, которые не отказались, однако, от жандармского опыта.

Заместитель директора Румянцевского музея, известный историк Ю.В. Готье записал в своем дневнике, что 12 октября 1918 года его посетил заведующий следственной частью Иногородного отдела ВЧК Романовский и просил помочь «найти инструкции или правила для жандармов», чтобы правила эти, видоизменив, приложить «к теперешнему хаосу, особенно чувствуемому в иногородних чрезвычайных комиссиях».

Как и другие бывшие жандармы, Поляков и Кравец, скорее всего, присоединились к Белому движению, а после его поражения оказались в эмиграции. Там и были опубликованы их воспоминания о службе в корпусе жандармов.

Где искать клад Распутина

Слухи о сокровищах, спрятанных Григорием Распутиным, возникли сразу же после его убийства в Петрограде в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года.

Дорогие поцелуи

Через руки «старца» — так называла Распутина императрица Александра Федоровна — прошли сотни тысяч рублей и другие ценности.

Министр внутренних дел России Алексей Хвостов и начальник Департамента полиции Степан Белецкий, занявшие эти посты в сентябре 1915 года при содействии Распутина, показали на следствии в 1917-м: «...Мы решили тайно от князя Михаила Андроникова (тот уже передал «старцу» 1500 рублей. — *А.П.*), оставшись одни, дали (Распутину. — *А.П.*) лично 3000 в конверте за его к нам расположение... Он скомкал конверт, сунул в карман и ушел, расцеловавшись со всеми...».

Небрежно скомкал три тысячи рублей, когда в его родном селе Покровском корову торговали за пять рублей! Так Распутин показал царским вельможам, что такие подношения для него мелочь, а его внимание, расположение и поцелуи дорогого стоят.

Приставленный к Распутину для его охраны полковник Михаил Комиссаров рассказал: «За пять месяцев я передавал по распоряжению Хвостова и Белецкого 5–6 раз одну или полторы тысячи рублей». Эти большие по тем временам деньги были для Распутина каплей в море, но он их брал, как брал все и ото всех.

«...Однажды, — продолжал Комиссаров, — я купил... ящик с серебряным чайником, золотые часы с цепочкой, 2 браслета...». И снова Распутин, к удивлению полковника, «небрежно забрал эти ценные вещи, даже не рассмотрев, что ему прислали».

Когда 10 января 1916 года Распутину исполнилось 47 лет, агенты охраны составили перечень полученных им подарков: «...масса ценных серебряных и золотых вещей, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги...».

Сокровища Распутина весьма интересовали образованную 4 марта 1917 года Временным правительством «Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского правительства».

Но тот же Комиссаров на следствии не сумел сказать о них ничего внятного. «Распутин никого не посвящал в свои денежные дела. Сам зорко следил за охраной своих интересов и никогда не прощал старавшимся надуть его в деньгах. Разоблачал их в “особых выражениях”» (т.е. материл. — А.П.).

Чрезвычайная комиссия направила запросы во все крупные российские банки и получила одинаковые ответы: «Банк... имеет честь уведомить... что на имя Григория Ефимовича Распутина-Нового, его жены Прасковьи Федоровны Распутиной-Новой, детей его Матрены, Варвары и Дмитрия Распутиных-Новых и племянницы его Анны Николаевны Распутиной... никаких вкладов и ценностей в банке не имеется».

Интерес к распутинским деньгам был вызван отнюдь не праздным любопытством. Следователи Чрезвычайной комиссии понимали, что огромные ценности, которые Распутин получал от богатых просителей, вряд ли могли быть целиком растрачены на ресторанные кутежи, тем более что прижимистый мужик кутил за счет тех же просителей.

После отречения императора Николая II Романова от престола в марте 1917 года революционно настроенные солдаты из охраны Царского Села вскрыли в недостроенной Серафимовской часовне захоронение Распутина, но драгоценностей в нем не нашли.

Февральскую революцию семья Распутина встретила в Петрограде. Прасковья уехала в Покровское, за ней дочери, а сын возвратился в родное село из армии уже после Октябрьского переворота.

Унаследованный им дом с хозяйственными постройками был в 1920 году конфискован волостным исполкомом с формулировкой «означенное имущество нажито на средства бывшей царицы Александры, с которой Распутин кутил во всю ширь» (надо понимать, на ее же деньги. — А.П.).

Несмотря на то, что родные Распутина не участвовали в Гражданской войне и крестьянском восстании 1921 года (покровская волость контролировалась повстанцами) и считались к на-

чалу коллективизации сельских хозяйств неимущими, их выслали на Ямал (кроме Матрены, находящейся в эмиграции во Франции. — А.П.), где они умерли от болезней.

Куда подевались приписываемые Распутину ценности, выяснить так и не удалось.

Тайны монастырских подворий

Питерский историк Василий Горчаков потратил более тридцати лет, чтобы найти тайники предусмотрительного «старца». Исследователь тайной жизни Распутина считает, что он «летом 1915 года спрятал четыре (!) обитых жестью сундука, к которым никого не подпускал, в Верхотурье, на территории монастыря, где покоились мощи почитаемого им святого Симеона».

К такому же выводу, считает Горчаков, пришли чекисты, которые в 20-е годы периодически что-то искали в Верхотурском монастыре и даже вскрыли могилу Симеона, считая, что Распутин мог в ней спрятать свои сокровища.

Результаты чекистских раскопок в Верхотурье историку Горчакову неизвестны, но быстрое восстановление монастыря без особых пожертвований и крупных ассигнований от Патриархии он связал с тем, что кто-то из монахов случайно обнаружил уже в наши дни распутинский тайник и употребил сокрытые в нем ценности на реставрацию святой обители.

Кладоискательство, действительно, считалось одним из основных занятий уральских и сибирских чекистов в 20–30-е годы. Забрав из местных православных храмов все, что блестело, они занялись раскапыванием монастырских подворий и церковных кладбищ.

«...В начале сентября 1922 года губотделом ГПУ в тюменском Троицком монастыре были обнаружены скрытые еще во время колчаковщины церковные ценности в виде серебряных риз до девяти пудов веса...».

Арестованный за сокрытие этих и других ценностей епископ Тюменский Иринарх Синеоков-Андреевский на следствии показал: «...Когда я был епископом Тобольским в 1919 году, в Тобольск приезжал Верховный правитель России адмирал Колчак с генералом Пепеляевым — начальником обороны — и двумя адъютантами. Они присутствовали на молебне, который я совершил с со-

борным духовенством у мощей Иоанна Тобольского... После окончания молебна я пригласил Колчака с его сопровождающими на стакан чая. За чаем Колчак посоветовал мне вывезти святыни и ценности и самому уехать из Тобольска. Первоначально я колебался, как поступить с мощами, но... узнав от двух монахов из Верхотурья, что там мощи Симеона Верхотурского спрятаны на месте, а вывезена только рака, поступил так же. Ночью мы... закопали мощи Иоанна Тобольского под кафедральным собором. Серебряно-вызолоченную раку из-под мощей и другие ценности... по моему предложению вывезли по рекам Иртышу и Оби...».

Золотой след, взятый чекистами в тобольском Ивановском монастыре, привел их в октябре 1933 года в подвал дома бывшего местного рыбопромышленника Корнилова, где в двух стеклянных банках, вставленных в деревянные кадучки, хранились сокровища царской семьи Романовых «на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля».

Бывшая монахиня Марфа Уженцева на следствии показала: «...Весной 1918 года в марте или апреле месяце царя, царицу и одну из дочерей увезли из Тобольска. В мае месяце того же года увезли и остальных членов семьи. Перед увозом последних ко мне на монастырское подворье пришел камердинер царя Чемодуров и передал мне для игуменьи большой сверток. Чемодуров сказал, что в нем находятся ценности царской семьи, о чем я и сама догадывалась. Я немедленно направилась в монастырь к игуменье и передала ей ценности, завернутые в вату и бумагу. Ценности эти хранились у игуменьи до весны 1923 года, когда был закрыт монастырь. При закрытии монастыря игуменья спрятала монастырские ценности, а ценности царской семьи, узнав, что ей грозит арест, передала мне, попросив сохранить их до тех пор, когда установится “настоящая власть”, как она сказала. Я взяла сверток, крепко обмотала его полотенцем и спустила его в колодец на монастырском огороде. Вскоре я была арестована и просидела в тюрьме 18 суток. Сидя в тюрьме, я очень беспокоилась за ценности, боялась, что они испортятся в колодезной воде. Как только меня освободили, я сразу бросилась в монастырь на огород, к колодцу, и вытащила ценности. Вытащив ценности из колодца, я зарыла их в могиле на монастырском кладбище. Успокоиться я, однако, не могла, все время боялась, как бы их не украли. От страха я

потеряла и сон, и аппетит, и память. Измучившись совсем, я решила бросить ценности в реку Иртыш. Перед тем, как исполнить это решение, я обратилась за советом к Василию Михайловичу Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем... Когда я ему сказала о своем решении, он страшно испугался и замахал на меня руками: “Что ты, что ты?! Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят, ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть”. Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия Михайловича взять ценности на хранение себе. Он сначала отказывался, потом дал согласие временно сохранять их у себя. Через несколько дней после разговора с Корниловым я пришла к нему на квартиру, принесла с собой ценности и две стеклянные банки. В эти банки я переложила ценности из свертка, спустилась с Василием Михайловичем в подполье и там вместе положили банки в два туюска (кадки из бересты) и зарыли их.

Это было, кажется, в 1925 году, точно не помню. Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В его квартире поселились новые, незнакомые мне жильцы. Одно время в ней жили милиционеры. Я все время беспокоилась за ценности, боялась, как бы они не испортились или как бы они не были украдены. Я частенько похаживала к квартире Василия Михайловича, посматривала и все думала о ценностях. Особенно боялась я за ценности весной какого года — не помню, когда Иртыш вышел из берегов, и двор дома, где хранились ценности, был сильно затоплен.

В октябре 1933 года я была арестована ОГПУ и доставлена в Свердловск. Здесь я призналась в хранении ценностей царской семьи и вместе с Корниловым указала место, где они были зарыты...¹.

Несмотря на все дальнейшие старания, ОГПУ не удалось разыскать вывезенные из Тобольска и сокрытые в лабиринте речных притоков Оби и на Приполярном Урале царские сокровища, ценности сибирского Белого движения и драгоценную церковную утварь. А сколько «романтики» было в этом процес-

¹ Уженцева Марфа Андреевна, 1875 г. р., ур. д. Блиnnиково, ныне Тобольского района, быв. монахиня Ивановского монастыря (Тобольск) расстреляна в Тобольске 26.11.1937 года. Реабилитирована 30.12.1956 г.

се. То, что нашли в подвале рыбопромышленника Корнилова, было каплей в море. Оказалось, что экс-император Николай II Романов, еще будучи в Тобольске, через преданного ему начальника конвоя полковника Кобылинского переправил на волю несколько десятков упакованных в шкатулки драгоценностей. Полковника Кобылинского в 1927 году выкрали с территории Китая при содействии бывшего боевика и особоуполномоченного ВЦИК Яковлева (Мячин, Стоянович) по кличке «Антон» (того самого, что вывез в апреле 1918-го из Тобольска в Екатеринбург государя, императрицу и великую княжну Марию Николаевну). Позднее стали врать, что Кобылинского выявили в каком-то сибирском леспромхозе, где бывший полковник работал счетоводом. И закрутилось дело! С лихими погонями по таежным урманам и с арестами от Москвы до самых до окраин. С орденами Красного Знамени и пулями в затылок. С чекистскими спецпайками и лагерной баландой. Сотни сюжетов для самых захватывающих романов и кинофильмов¹.

Что касается клада Распутина, то обращает внимание тот факт, что 15 июня 1915 года он отправился из Петрограда в Покровское, минуя Верхотурье — такой маршрут отметили в своих донесениях сопровождавшие «старца» агенты охраны (в агентурных донесениях Распутин проходил под кличкой «Темный». — *А.П.*).

«19 июня в Тюмени “Темный” остановился в мужском монастыре (Свято-Троицкий монастырь. — *А.П.*)... один выпил две четверти монастырского вина... 21 июня он прибыл в Покровское в сопровождении агентов Терехова и Свистунова, которые большей частью находятся в его доме, где читают ему книги и газеты...».

Историк Горчаков ошибся относительно времени и места сокрытия Распутиным ценностей летом 1915 года. Если клад Распутина существует, а для такого предположения есть веские предположения, то тайник с сокровищами был заложен не в Верхотурье, а в Покровском.

¹ Кобылинского замучили на допросах, но в характеристике от 1934 г. его жены Клавдии Михайловны отмечено, что ее муж «в 1927 году расстрелян органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность. Яковлева—Мячина—Стояновича после возвращения в 1927 г. из Китая в СССР заключили в концлагерь на 10 лет, откуда в 1933-м досрочно освободили, а в 1938-м расстреляли.

Сундук мертвеца

В августе 2009 года бывший начальник УВД Центрального района г. Тюмени подполковник милиции Владимир Войнов, возглавлявший после выхода в отставку охранное предприятие «Цербер», рассказал мне историю, ставшую ему известной от милицейского осведомителя из криминальной среды.

«...В 1929 году один крестьянин в Покровском решил сложить в своем доме новую печь и для этого выломал кирпичи из стен подвального помещения местной церкви, к тому времени уже закрытой и бесхозной. Ночью он забрался в северный придел церкви и занялся простукиванием кирпичной кладки — искал места, слабо скрепленные раствором. После выемки этих кирпичей открылась подземная полость, а в ней — сундук, обитый жестью. Когда крестьянин поднял крышку сундука, то увидел в нем золотые часы и браслеты с драгоценными камнями. Эту находку он посчитал кладом своего односельчанина Гришки Распутина. Чтобы обдумать свои дальнейшие действия — выдать сундук властям или присвоить, крестьянин завалил раскоп землей и заложил кирпичами».

Однако воспользоваться кладом Распутина покровский счастливчик не успел: в январе следующего года его «раскулачили» и выслали на Север — в Березовский район. За побег из ссылки он угодил в Ухтинские лагеря ОГПУ, где умер в лагерном лазарете. Перед смертью узник ГУЛАГа выдал свою тайну одному из солагерников, который, в свою очередь, уже в преклонном возрасте сообщил о ней сыщику Войнову.

Заклятое место

Чтобы поправить положение своего предприятия во время затянувшегося кризиса, Владимир Петрович Войнов вспомнил о кладе и предложил мне заняться его поиском.

Прежде чем провести рекогносцировку на местности, я изучил донесения агентов охранного отделения Департамента полиции, сопровождавших Распутина летом 1915 года в поездках из Петрограда в Покровское.

«24 июня “Темный” в своем доме... заводил граммофон, плясал, несвязно подпевал, рассказывал, как освободил от наказания 300 бандитов. Обещали каждый по 1000, но всего дали только 5000...».

Мотив сокрытия Распутиным своих сокровищ зашифрован, по моему мнению, в показаниях интригана международного масштаба Манасевича-Мануйлова: «В июне 1916 года в моем присутствии и в присутствии Вырубовой Распутин уверял своих поклонниц, что ему положено еще пять лет быть в миру.. А потом он скроется от мира (вознесется?!) от всех своих близких в известном только ему глухом месте, где будет спасаться, ведя подвижнический образ жизни».

27 июня агенты зафиксировали получение телеграммы от Анны Вырубовой — фаворитки царицы Александры Федоровны. После этого отметили: «“Темный” отправляет много писем», но им, агентам, «на почту носить не дает». «Много времени, днем и ночью, проводит в покровской церкви... 13 июля после купания... Пошел опять к жене псаломщика Ермолая... Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями...».

Получалось, что в родном селе Распутин буквально дневал и ночевал летом 1915 года в построенном на его деньги северном приделе Покровской церкви. Лучшего места для тайника на время отъездов в Петроград не придумать. В своих самых страшных предсказаниях будущего России Распутин не мог и предположить, что после гибели царского режима и самой венценосной семьи новая власть, которую он накликал, осквернит, ограбит, разрушит и сравняет с землей православные храмы.

Исследователь истории села Покровского Игорь Ястребов знает, что закрытое в 1929 году здание местной церкви приспособили через пять лет под МТС — машинно-тракторную станцию. В 1953 году из кирпичей церковных стен сложили другие колхозные постройки, а подвальное помещение храма завалили землей. Потом это место заросло деревьями, кустарниками и густым травостоем.

На определенной Ястребовым территории покровской церкви нами были обнаружены остатки каменной кладки ее стен, однако проникнуть в глубину подвалов к сундуку с сокровищами нам не удалось.

Но вполне возможно, что клад Распутина до сих пор хранится в этом засыпанном землей подzemелье.

Отыскать тайник не так уж и трудно. Достаточно сдвинуть бульдозером дерн и открыть контуры каменного фундамента церкви. После этого проверить всю площадь засыпанного землей

подвала с помощью георадара «Грот-1», когда электронный импульс отразит замурованное пространство подземной полости иным образом, нежели забитые грунтом. А глубже — уже лопатой... Но при одном обязательном условии — «заклятый» Распутиным клад в случае его обнаружения будет употреблен на восстановление покровской церкви на своем историческом месте.

Использование заговоренных «старцем» ценностей в иных корыстных целях приведет, по народным поверьям, к разным нежелательным последствиям¹.

¹ Андроников, Хвостов и Белецкий были публично расстреляны в сентябре 1918 года в Москве во время «красного террора».

Манасевича-Мануйлова расстреляли в 1918 году при попытке перехода финской границы.

В ноябре 2009 года по странному стечению обстоятельств В.П. Войнов разбился на принадлежавшем ему легкомоторном самолете.

У черта на куличках

Поиск всякого клада начинается, как правило, со случайного разговора.

Прочитав мои книги о сокровищах сибирского Белого движения, охотовед Алексей вспомнил свое детство в селе Кособродске, что в Каргопольском районе Курганской области.

— Летом мы купались в запруде через реку Ик возле заброшенного лесопильного завода, принадлежавшего до 1917 года местному купцу Смолину. Когда-то здесь проходила переправа с противоположного берега — Косой брод. От этого брода и произошло название старинного зауральского села. Заплыв до середины запруды, можно было перевести дух, постояв вместо дна на большом металлическом ящике, который, как рассказывали старики, утопили в реке отступавшие на восток белогвардейцы.

На этом ящике стояло не одно поколение кособродских мальчишек. Пенсионер Иван Григорьевич Вохминцев показал это место. Сейчас здесь никто не купается: бывшая запруда сильно заболочена, подходы к воде затруднены из-за зарослей тростника, у берегов — целые плантации телореза и кувшинок. Там, где находился завод по изготовлению клепок — дощечек для бочкотары, в которой в конце XIX—начале XX века вывозилось за границу знаменитое на весь мир зауральское масло, — растут сосны и березы.

Старожил Кособродска Вохминцев рассказал, что в 1960-е годы пришедшие рабочие леспромхоза пытались вытащить из трясины загадочный ящик:

— Поднырнули, завели под него стальной трос и дернули трактором-трелевочником. Но крюк троса вырвал прикованное к ящику металлическое ушко. И другая попытка оказалась неудачной. Плюнули лесорубы с досады, выпили водки и уехали ни с чем.

Все эти картинки деревенского детства можно было бы отнести на счет «кулика, который свое болото хвалит», если бы не одно интересное обстоятельство. В июле 1919 года Косой брод оказался на пути отступления от Челябинска к Кургану и Пет-

ропавловску 13-й Казанской стрелковой дивизии белых, которой командовал генерал-майор Перхуров.

Полковой денежный ящик

В историю Гражданской войны Александр Петрович Перхуров вошел как руководитель Ярославского мятежа, организованного в июле 1918 года антисоветским Союзом защиты родины и свободы, созданным Борисом Савинковым.

Потомственный дворянин, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн, полковник Перхуров после провалившейся авантюры в Ярославле бежал из города, прихватив с собой из Госбанка крупную сумму денег в золоте и валюте. С небольшим отрядом он высадился на левом берегу Волги, в районе Толгского монастыря, и долго блуждал по лесам и болотам, пока не добрался до Казани, занятой к тому времени чехословаками.

В армии Верховного правителя России адмирала Колчака Перхурова назначили командиром Казанской стрелковой бригады, переформированной позднее в дивизию. Под напором красных потрепанные в боях полки этой дивизии — 49-й Казанский, 50-й Арский и 51-й Уржумский — переправились по Косому броду через Ик, приток Миасса.

Как свидетельствуют архивные материалы дознания, «по утрате полкового имущества при отходе дивизии к Кургану в реке Ик по оплошности ездových обоза... был утоплен денежный ящик полка...». Не исключено, что в этом ящике могли храниться и ценности, похищенные Перхуровым из Ярославского отделения Госбанка.

Тогда удача отвернулась от полковника: остатки дивизии погибли под Красноярском, сам Перхуров со своим штабом и ординарцами (всего около 50 человек) сдались красным партизанам.

10 февраля 1921 года он дал подписку: «Я, нижеподписавшийся офицер колчаковской армии, генерал-майор Александр Петрович Перхуров, даю настоящую подписку особому отделу ВЧК при Совтрударме в том, что, будучи допрошенным в учреждении при названном особом отделе комиссии по фильтрации и направленным в комитет трудовой повинности, обязуюсь

все имеющиеся от них поручения выполнять добросовестно, не проявляя ни в какой мере лени и саботажа. Я даю обещание не заниматься агитацией и пропагандой идей, имеющих целью свержение существующего правительства. За несоблюдение сего я готов отвечать перед рабоче-крестьянской властью по законам военного времени со всей тяжестью предусмотренных наказаний до высшей меры — расстрела — включительно».

Как военного специалиста Перхурова использовали при штабе Приуральского военного округа. Он часто выезжал в части, расквартированные в Миассе и Кургане. Но отыскать утопленный в реке Ик полковой денежный ящик не успел. 20 мая 1921 года бывшего генерала арестовала Екатеринбургская ЧК: частые немотивированные появления в местах, прилегающих к районам, охваченным крестьянским восстанием, показались чекистам подозрительными.

Однако на следствии он дал показания лишь о своем участии в Ярославском мятеже и в очередной раз покался перед новой властью.

Возможно, Перхуров пытался смягчить наказание и после отбытия тюремного срока возобновить розыск утраченных ценностей. Не удалось: 19 июля 1922 года генерала расстреляли. В материалах его дела нет ни слова о ценностях Ярославского отделения Госбанка и утопленном в реке Ик полковом денежном ящике. А дело вел 20-летний чекист Александр Иванович Успенский, будущий нарком внутренних дел Украины и комиссар государственной безопасности 3-го ранга, что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенанта.

Утопленник из НКВД

В истории советских органов госбезопасности Успенский отметился неожиданным исчезновением 15 ноября 1938 года. Накануне вечером он велел своему шоферу не заезжать с утра за ним: сказал, что хочет пройтись. Однако до наркомата не дошел. Когда взломали дверь в кабинет, то на столе обнаружили записку: «Ухожу из жизни. Мой труп ищите в Днепре».

В кустах на берегу нашли одежду наркома. Привезли водолазов. Поиски продолжались несколько дней — безрезультатно. Постепенно о пропавшем наркоме забыли. Не до него стало: в

Москве сняли хозяина Лубянки Николая Ивановича Ежова, а пришедший на его место Лаврентий Павлович Берия арестовал всех прежних руководителей управлений и отделов в НКВД (кое-кто тогда даже позавидовал Успенскому). Но на всякий случай ориентировки о его розыске направили во все территориальные и транспортные органы НКВД. «Сработало» 15 апреля 1939 года на станции Миасс. При проверке камер хранения была обнаружена квитанция Ивана Лаврентьевича Шмашковского: паспорт на это имя оперативно-технический отдел НКВД УССР изготовил для Успенского в качестве документа прикрытия. Воскресшего утопленника притянул к себе... полковой денежный ящик.

Генерал Перхуров хотел откупиться от чекистского следствия своим кладом. Но следователь Успенский, поступивший в ЧК «за неимением теплой обуви и одежды», не внес эти показания в протокол и только ускорил вынесение расстрельного приговора. После своего бегства из Киева в ноябре 1938-го, поистратившись, он вспомнил об утопленных в реке Ик ценностях и объявился у Косога брода, где его уже ждала засада. Успенского обвинили в шпионаже и расстреляли 27 января 1940 года. А полковой денежный ящик стал местом отдыха кособродских мальчишек.

Заклятый клад

То, что не удалось сделать белогвардейскому генералу Перхурову и чекистскому комиссару Успенскому, попытались летом 2005 года осуществить мы — тюменский тележурналист Роман Мамонтов, телеоператор Владимир Тюменцев и бывший боевой пловец спецназа Черноморского флота Владимир Иванович (фамилия не называется по известным соображениям).

Провели рекогносцировку местности. Прорубили через заросли тростника проходы к воде, наметили ориентиры поиска. Такие заболоченные водоемы когда-то называли куличками. По русским поверьям, это были излюбленные обиталища нечистой силы.

Так, на следующий день нашей экспедиции мы увидели, что сплавина неожиданно отделилась от противоположного берега и закрыла указанную старожилом села Вохминцевым точку залегания клада. А уж когда после спуска на воду резиновой лодки и включения металлодетектора безоблачное ранее небо вдруг заволокло тучами, сверкнули молнии, грянул гром и пролился дождь, запол-

нив нашу лодку, стало понятно: без чертовщины здесь не обошлось. При ее помощи застрахована сохранность полкового денежного ящика. Такой заклятый клад может страдать, стонать, плакать, появляться в виде людей и животных, уходить в землю, вылезать из воды на просушку и гореть по ночам костром...

Мы специально задержались в Кособродске, а в полночь подкрались к заброшенной речной переправе...

На другом берегу, откуда 87 лет тому назад спускались обозные телеги 13-й Казанской стрелковой дивизии белых, светилось пятно костра. Но когда на машине мы добрались до этого места, то не обнаружили ни головешек, ни углей — никаких следов костра. Клад почувствовал наше приближение, нырнул в трясины и там затаился...

Садовая улица Железного Феликса

20 декабря 1917 года председателем ВЧК — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией — назначили Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Ему было сорок лет, а за плечами двенадцатилетний стаж политической борьбы, подполья, шесть тюремных и каторжных сроков, одиночки и карцеры, драки с конвоем, побеги, эмиграция и подхваченный в Седлецкой тюрьме (Польша) туберкулез.

«Заставил полюбить»

В ленинском окружении к 1917-му немногие революционеры могли похвастаться таким набором заслуг перед революцией. Не случайно поэт Маяковский советовал «юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать бы жизнь с кого... делать ее с товарища Дзержинского».

Для многих поколений советских людей образ первого чекиста был прост и хрестоматиен: волевое лицо с бородкой клинышком, кристально честный аскет и бессребреник, ходивший в одной шинели и сапогах, принципиально питавшийся в общей столовой ВЧК на Лубянке вместе с подчиненными. Безжалостный к врагам революции чекист, но одновременно добрейший в душе человек, помогавший беспризорникам... Этот образ беспрерывно тиражировался советской литературой и кинематографом, и в итоге сложился в довольно простой типаж — «холодная голова, горячее сердце и чистые руки».

Народный артист Федор Шаляпин так описал свою встречу с Дзержинским: «Дзержинский произвел на меня впечатление человека сановитого, солидного, серьезного и убежденного... В деле борьбы с контрреволюцией для него, очевидно, не существует ни отца, ни матери, ни сына, ни Св. Духа. Но в то же время у меня не получилось от него впечатления простой жестокости. Он, по-видимому, не принадлежал к тем отвратительным партийным индивидуумам, которые раз навсегда заморозили свои губы в линию ненависти и при каждом движении нижней челюсти скрежещут зубами».

Из массы воспоминаний о Дзержинском особенно примечательны слова Максима Горького: «Он заставил меня полюбить его». В режущем слух диссонансе между «заставил» и «любить» — вся судьба Дзержинского, сочетавшего любовь к социалистическому учению о светлом будущем с попыткой заставить общество идти в него самыми жестокими методами.

Лев Толстой, когда начинал писать «Войну и мир», признавался, что совсем не представляет, чем завершится роман и как сложатся судьбы его героев. Под таким признанием в полной мере мог подписаться и Дзержинский, создавая спецслужбу Советского государства.

Параллель с литературным творчеством здесь не случайна — история ВЧК—ОГПУ писалась с чистого листа: весь прежний опыт царского тайного сыска был отвергнут. Революция и Гражданская война диктовали крайности, порождали ошибки, требовали ярких решений — всего за одно десятилетие советская «тайная полиция стала одной из сильнейших в мире».

Уже тогда, в самом начале 20-х годов, закладывалась своеобразная система воспитания чекистских кадров, когда все ключевые вопросы большевистской идеологии доводились до сотрудников в виде простых и ясных понятий, лозунгов, формул, которые легко и хорошо усваивались, откладывались в сознании и становились жизненными правилами. Большое значение имели личный пример и коллективная психология, где главным было чувство сопричастности к общему делу. В этом случае персональная ответственность рядового чекиста во многом снижалась — требовалось лишь держать равнение... Равнение на Дзержинского! Поэтому и у нынешних сотрудников органов безопасности сохранился пиетет перед первым председателем ВЧК, несмотря на целый поток обличительных материалов.

«Мы, коммунисты, — писал он своему заместителю Уншлихту, — должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы не дорвавшаяся к власти ради личных интересов каста, не новая аристократия, а слуги народа».

Сохранилась, к примеру, расходная ведомость, направленная Дзержинским в финчасть ОГПУ, в которой он отчитался за каждый потраченный во время отпуска рубль: «16 августа. В пути к Кисловодску: яблоки 3 шт. — 45 коп., бутылка воды «Ессентуки» — 30 коп., арбуз — 65 коп., газеты — 10 коп.». И так на каждый день отпуска.

Альтернативный образ Дзержинского как мрачного аскета, фанатика и палача — это обычная история похмелья после стольких лет идеологической ретуши. Многим, даже самым нелепым слухам по развенчанию имиджа Железного Феликса мы обязаны услужливой советской пропаганде, навязывавшей обществу «вычищенный» образ чекиста «без страха и упрека». Сегодня некоторых исследователей истории органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ ужасает возведенный в абсолют аскетизм Дзержинского. Даже равнодушные к алкоголю и противоположному полу ставят ему в упрек — мол, совсем не умел он радоваться жизни, лучше бы пил и интересовался, как другие коммунистические вожди, балеринами Большого театра, чем трезво и угрюмо руководил палачами.

То, что у советских историков красило Дзержинского как святого революционера-бессребреника (его аскетизм, презрение к роскоши, старая шинель, обеды в общей столовой, пресловутый морковный чай и ночевки в служебном кабинете), со временем стало для противоположной школы доказательством его почти маниакального безумия, выведившего его за круг нормальных людей. А Феликс Эдмундович менялся за эти годы: от романтического настроения внутри ВЧК, когда он и многие идейные революционеры верили в определенную законность, в кратковременность репрессивного характера своего учреждения, даже в гуманность революции к поверженному врагу (есть примеры), до безумия «красного террора» (примеров не счесть).

В конце своей жизни Дзержинский — смертельно уставший человек, разочаровавшийся в политике партии. Отстраненный от рычагов управления страной.

«Смертельно устал жить»

14 апреля 1921 года Дзержинский, оставаясь председателем ВЧК, был назначен народным комиссаром путей сообщения.

В начале января 1922-го он выехал в Сибирь во главе экспедиции из сорока человек для принятия чрезвычайных мер по вывозу продовольствия в Москву, Петроград и голодающее Поволжье.

Чекисты докладывали Дзержинскому: «...Топлива на ст. Тюмень на 3 часа. В Вагае угля нет, дров на 50 часов, в Ишиме — на 60 часов... Движение на Южно-Сибирской прекратилось за не-

именем угля. Водокачки встали. Рабочие бросают работу. На ст. Кулунда более полумиллиона пудов хлеба лежит на открытом месте, ввиду снежных заносов ему угрожает опасность».

На сибирских железных дорогах ввели военное положение. Но расстрелы не помогали. «Я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, — писал Дзержинский в Москву, — адский, сизифов труд. Не раз я доходил до такого состояния, что почти не мог спать — бессильный гнев наводил меня на мысль о мести по отношению к этим негодьям и дуракам, которые здесь сидят. Они нас обманывали — здесь было совершенно пустое место. А среди масс, даже партийных, было равнодушие и непонимание того, какой грозный период мы переживаем. Необходимо наблюдать за каждым распоряжением, чтобы оно не осталось на бумаге, чтобы приняли участие в выполнении поставленной перед нами боевой задачи...».

7 марта 1922 года, возвращаясь из Омска в Москву, Дзержинский сделал остановку в Тюмени. Председатель Тюменского отдела ГПУ — так с 1 марта стала называться губчека — Студтов позднее вспоминал: «Когда поезд экспедиции прибыл на станцию Тюмень, я вошел в вагон и там впервые увидел Ф.Э. Дзержинского. Я представился, и он по-товарищески поздоровался со мной. Прослушав мой доклад о политическом положении в губернии и о последствиях кулацко-эсеровского восстания в 1921 году, председатель ГПУ просил обратить внимание на те населенные пункты, в которых осели бывшие колчаковцы, следить за тем, чтобы контрреволюционные элементы не проникали в советские учреждения с целью дискредитации политики партии по восстановлению промышленности и сельского хозяйства, рекомендовал своевременно вскрывать и ликвидировать нелегальные кулацко-белогвардейские группы и организации. Советовал также всю работу губчека проводить в тесной связи с партийными и советскими органами, опираясь на рабочих и беднейшее крестьянство». Но тогда же сам Дзержинский написал жене Софье: «Мое здоровье очень подорвано, по утрам на меня из зеркала смотрит больной и худой человек». Врачи ставили ему разные диагнозы: от серьезных проблем с сердцем до «головной боли неясного происхождения», которую рекомендовали лечить ограничением курения и увеличением продолжительности сна.

Дзержинский во многом не соглашался с политикой Сталина. 9 июля 1924 года он писал Сталину и другим членам Политбюро ЦК компартии: «Один я остаюсь голосом вопиющего, мне самому приходится и возбуждать вопрос, и защищать правильность точки зрения, и даже пускаться в несвоейственное мне дело — писать статьи и вести печатную полемику. Но голос мой слаб — никто ему не внимлет...». Обращаясь к главе советского правительства Рыкову 2 июня 1926 года, Дзержинский прямо заявил: «Политики этого правительства я не разделяю. Я ее не понимаю и не вижу в ней никакого смысла».

Понемногу Феликс Эдмундович оказался в натянутых отношениях почти со всеми лидерами партии: со Сталиным, Рыковым, Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Каменевым, Чичериным... В эти годы Железный Феликс очень часто жаловался на излишнюю самостоятельность своих заместителей в ОГПУ Ягоды и Менжинского, на недоверие партии ОГПУ и лично ему. В 1925 году он написал Зиновьеву: «Для ГПУ настала тяжелая полоса, работники смертельно устали, некоторые до истерики, а в верхушке партии Бухарин, Калинин и другие вообще сомневаются в необходимости ОГПУ...». Карлу Радеку, с которым тоже не слишком дружил, рубил правду: «В ГПУ долго служили только святые или негодяи, теперь святые все больше уходят от меня, я остаюсь с негодяями». Так Дзержинский в период своей душевной апатии оценил кадровую обстановку в родной спецслужбе.

За месяц до своей смерти в письме к Куйбышеву Дзержинский, очевидно, предчувствуя скорую кончину, признается в страшной депрессии, называя ее жизненным тупиком, предвещая даже гибель революции от рук скорого ее «могильщика и диктатора с фальшивыми красными перьями». В этом письме Дзержинский успел попросить отставки с поста главы ВСНХ, которой в связи со смертью так и не дождался: «Я устал от всех наших противоречий».

И приписал поразительную для председателя ОГПУ фразу: «Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестоким хозяином».

Если еще добавить, что после смерти в его бумагах нашли никогда не опубликованное и никому не отправленное письмо с заглавием «Смертельно устал жить и работать...», картина глубокой депрессии становится ясна и неоспорима.

Садить или сажать

Объективные исследователи истории органов безопасности получили возможность открыто сказать еще об одной причине депрессии Железного Феликса, кроме утвержденного в советское время мнения о нездоровье и перегрузке тяжелой работой.

В болезненное состояние его якобы ввергли раздумья о количестве пролитой в годы Гражданской войны и «красного террора» крови. Но сохранивший часть романтических взглядов на будущее мира после Октябрьской революции 1917-го в России Дзержинский, судя по его чекистским приказам и распоряжениям, ни разу не усомнился в необходимости проведения ВЧК массовых расстрелов в 1918–1922 годах. Возможно, результаты этого кровопролития он представлял себе другими.

В условиях Гражданской войны политический режим, установленный партией большевиков, не мог бы удержаться и победить без широкого применения репрессий, методов насилия в управлении страной. Дзержинский был беспощаден к политическим противникам, лично занимался арестами и допросами, без суда и следствия решал судьбу людей.

Почему он был жесток к представителям силовых структур царского режима и Временного правительства? Почему при рассмотрении дел жандармов у него, как правило, была только одна резолюция: «Расстрелять»? Присуще ли ему чувство мести? И да, и нет!

При решении судьбы противников советской власти, при разработке документов ВЧК, определявших способы борьбы, Дзержинский невольно вспоминал кандалный звон, зловоние и ужас тюремных казематов...

Не случайно на X съезде РКП(б) в 1921 году Дзержинский попросил освободить его от обязанностей председателя ВЧК, сообщив, что «рука его никогда не дрожала, направляя карающий меч на головы наших врагов, но сейчас революция вошла в критический период, когда пришлось карать матросов в Кронштадте и мужиков в Сибири и в Тамбовской губернии». Вряд ли он испугался излишней крови или пожалел повстанцев. Здесь, по мнению историка Игоря Симбирцева, Дзержинский почувствовал: что-то сбилось в механизме революции, и мы расстреливаем нашу прежнюю опору — матросов и крестьян, а кого будем стрелять потом?

Концом этой затяжной депрессии стала смерть Железного Феликса, наступившая от инфаркта в результате стремительно развившейся стенокардии.

20 июля 1926 года он, по обыкновению, с раннего утра уехал в свой кабинет в ОГПУ, а затем отбыл в ЦК партии на заседание, собираясь опять вернуться вечером на Лубянку, где у него была назначена встреча с художником и эзотериком Николаем Рерихом, только что прибывшим из Тибета. До сих пор неизвестно, о чем они могли говорить, и какие интересы связывали этих столь непохожих людей. Есть версия, что странник-философ Рерих искал по заданию ОГПУ загадочную страну Шамбалу и пытался проникнуть в тайны древнейших цивилизаций.

Но Рерих не дождался Дзержинского: тому стало плохо прямо на заседании ЦК. После очередного бурного спора с Троцким и его последователями он полежал на диване в соседней комнате и попросил отвезти его домой — квартира была здесь же, на территории Кремля. Там на глазах жены Софьи Феликс Эдмундович потерял сознание и рухнул на пол.

Смерть 48-летнего Дзержинского вызвала многочисленные толки. Добираясь до провинции, они принимали самые невообразимые формы. Не случайно ОГПУ направило шифротелеграмму: «Всем начальникам окротделов... В связи с последовавшей 20 мая скоропостижной кончиной Ф.Э. Дзержинского предлагается дать задание информационной сети, агентуре и спецосведомлению на предмет выяснения настроений всех слоев города и деревни, главным образом, рабочих и отдельных групп крестьянства, а также служащих, спецов, обывателей и прочих».

О степени политического невежества и равнодушия провинции к деятельности советских вождей свидетельствует донесение осведомителя Тюменского окротдела ОГПУ: «21 июля приехавшие на праздник в город крестьяне один другого спрашивают, что значат черные флаги на домах? По этому поводу можно было слышать, что умер какой-то большой коммунист, по фамилии нерусский, который за мужиков стоял и берег ихнюю копейку, поэтому жалко такого человека.

Среди крестьян завязался спор, кто старше: Ленин или Дзержинский? Пришли, в конце концов, к заключению, что самым главным был Ленин. Как высказался один гражданин из села Кулаково (фамилии выяснить не удалось): «Ленин был больше

Бога”. Некоторые крестьяне не верят, что Дзержинский помер через три часа после своего доклада на каком-то собрании, и говорят: “Видно, другое случилось, что от нас скрывают”».

Собственно, уже тогда появился миф об отравлении председателя ОГПУ и главы ВСНХ.

В последнее время снято сразу несколько документальных фильмов, обсуждающих обстоятельства смерти Дзержинского и косвенно намекающих на возможность его отравления. Однако, кроме каких-то странностей с актом вскрытия тела, никаких доводов в пользу тайной ликвидации основателя ВЧК по приказу Кремля или мстителями из белого лагеря не приведено (для советских людей в газетах написали тогда, что «сердце Феликса сгорело в борьбе за революцию»).

После успокоения у Кремлевской стены Дзержинский превратился в застывший образ всегда правого и справедливого чекиста № 1, в грозу контрреволюционеров и спекулянтов и друга советских людей.

Особенно постарались в этом его последователи из органов госбезопасности, доведшие легенду о Железном Феликсе до абсурдного культа личности. Его имя поместили в чекистский бренд, в марку фотоаппарата «ФЭД», в серию грузовых паровозов «ФД», в названия городов в Горьковской области (бывший Растяпино), на Украине (Щербиновска и Романов) и в Белоруссии (Кайданово), предприятий, учебных заведений, войсковых частей (знаменитая дивизия войск НКВД), колхозов, совхозов, улиц и площадей (Лубянская в Москве).

Недавно 75-летний юбилей отметил сторожевик «Дзержинский» — достижение, достойное Книги рекордов Гиннесса.

Вообще-то столько боевые корабли физически не служат: корпус не выдерживает. Секрет в том, что морские пограничники продолжают корабельную династию. Летом 1935 года на службу у берегов Камчатки заступил сторожевик итальянской постройки «Дзержинский». Он спасал экипаж Валерия Чкалова. Награжден орденом Красного Знамени — обеспечивал высадку курильского десанта в 1945-м.

Когда вышел его срок, передал эстафету новому судну — 25 лет назад вступил в строй нынешний «Дзержинский» — сегодня единственный Краснознаменный пограничный сторожевой корабль, на котором служило немало тюменцев. Когда придет срок

и ему уходить на покой, имя и награды передадут новому сторожевику. Непотопляемый «Феликс» на границе — это навсегда.

Что касается улиц имени Железного Феликса, то преимущество для такого переименования имели улицы, где размещались наркоматы, управления и отделы органов безопасности и внутренних дел.

В Остяко-Вогульске (ныне Ханты-Мансийск), построенном в начале 30-х годов прошлого столетия крестьянами-спецпереселенцами, это требование было учтено еще при проектировании поселка: здание окружного УВД стоит на улице Дзержинского.

В Тюмени, входившей с 1923 по 1933 год в состав Уральской области на правах окружного центра, отдел ОГПУ находился в доме купца Брюханова на углу уже переименованных улиц Республики (бывшая Царская до августа 1917-го) и Семакова (Подаруевская до октября 1922-го). Менять еще раз революционное и героическое названия этих улиц Тюменский горсовет не решился и присвоил имя Дзержинского Садовой, начинавшейся от реки Туры и пересекавшей главные улицы города — Республики и Ленина (бывшую Спасскую). Рассматривалась также возможность перемещения на Садовую, ставшую Дзержинской, отдела ОГПУ.

Однако переезд не состоялся: ни в одном из купеческих особняков на бывшей Садовой не оказалось просторного подвала — обязательного атрибута и рабочего помещения любого чекистского учреждения.

Местные острословы шепотком обсуждали переименование Садовой, намекая на однокоренные слова «садить» и «сажать». Но скоро к новому названию привыкли, тем более что прежнее название улицы не исчезло из топонимики Тюмени: в Садовую переименовали Татарскую, берущую свое начало от закрытого в 1923 году Свято-Троицкого монастыря (улица Садовая есть и в поселке Антипино, входящем сейчас в черту города, так что в Тюмени две улицы Садовые).

Для повышения официального статуса улицы Дзержинского здесь снесли после 1930 года здание Свято-Троицкой единоверческой церкви. В эпоху большого террора преемственность делу Железного Феликса символично выразили в переименовании примыкавшей к Дзержинского Томской в улицу Ежова. Вся страна распевала тогда предназначенную для чекистов песню:

Мы Дзержинского заветы
Ярче пламени храним,
Мы свою Страну Советов
По-дзержински сторожим.
Эй, враги, в личинах новых
Вам не спрятать злобных лиц,
Не уйти вам от суровых,
От ежовых рукавиц.
Не пролезть ползучим гадам
В сердце Родины тайком.
Всех заметит зорким взглядом
Наш недремлющий нарком.

После того, как в ноябре 1938-го «недремлющего наркома» убрали из НКВД, эту песню петь прекратили. Улицу Ежова переименовали в память знаменитой летчицы Полины Осипенко. Масштаб чекистского культа резко сократился, хотя в той или иной степени пропаганда деятельности органов госбезопасности в массах продолжалась вплоть до последних дней существования советской власти.

В наши первые годы XXI века периодически отмечаются отдельные всплески интереса к личности Дзержинского. То в Государственной думе дебатировали за и против восстановления его монумента посреди Лубянской площади, то депутаты награждают друг друга медалями, учрежденными неизвестно кем к очередному юбилею Железного Феликса.

Любителям стилизованных ведомственных знаков отличия неведомо, что в начале 30-х годов председатель ОГПУ Менжинский обратился с письмом к Сталину, в котором предложил учредить особую награду для чекистов — орден Феликса Дзержинского. Знак ордена внешне должен был напоминать знак ордена Красного Знамени, перевитого лентой с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и изображением профиля Железного Феликса с его характерной бородкой.

Менжинский так аргументировал свое предложение:

«В Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Постановлением ЦИК СССР введены ордена, выдаваемые воинским частям, коллективам, учреждениям и отдельным лицам за совершение боевых подвигов и за особые заслуги перед революцией.

Специфические условия работы органов ОГПУ требуют от оперативного состава личной выдержки, инициативы, беззаветной преданности партии и революции, личной храбрости, зачастую сопряженной с риском для жизни. В большинстве случаев эти исключительные заслуги перед революцией совершаются отдельными работниками в обстановке, которую нельзя отнести к боевой в общепринятом смысле, вследствие чего ряд работников ОГПУ, несмотря на заслуги, остаются не отмеченными высшей наградой — орденом Красного Знамени.

Исходя из этого, коллегия ОГПУ просит учредить орден Феликса Дзержинского, приурочив его к XV годовщине органов ВЧК—ОГПУ... Представляя при этом проект Постановления, образец и описание ордена, просим Вашего утверждения...».

На этом документе есть резолюция Сталина: «Против!» — предложение Менжинского не было принято. Чекистов награждали общим орденом Красного Знамени и другими орденами, а также юбилейным с профилем Дзержинского ведомственным знаком, учрежденным в 1927 году. Через пять лет его сменил подобный же знак, но уже без изображения первого председателя ВЧК—ОГПУ.

За нынешним спором сторон: с одной — «рыцарь революции», «холодная голова, горячее сердце и чистые руки», «благотворитель беспризорных», а с другой — «маньяк», «садист», «отец ГУЛАГа» — скрывается такой непростой, неоднозначный, далекий и малопонятный романтик и практик.

Как главный герой фильма «Мой друг Иван Лапшин» (режиссер Алексей Герман), Дзержинский «мечтал извести на земле всю нечисть, заложить прекрасный сад и самому успеть еще в нем пожить». Можно не сомневаться, что реальный прототип чекиста Лапшина говорил такое вполне искренне.

Значит, не случайно Садовая стала улицей Дзержинского.

На углу Ишимской и Томской

Здесь в сентябре 1919 года разместилась Тюменская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности — таково название этого учреждения, более известного в отечественной истории и народной памяти как ЧК.

С чекистским мандатом

Об учреждении в Тюмени красного карательного ведомства пережившие колчаковщину обыватели узнали 15 сентября 1919-го из опубликованного в местной газете «Известия» постановления Тюменского (Тобольского) военно-революционного комитета.

Председателем губчека был назначен Степан Александрович Комольцев. Он родился 22 августа 1888 года в деревне Хрипуны Красногорской волости Ялуторовского уезда в семье крестьянина-середняка. Вскоре после рождения сына его родители переехали в волостное село Красногорское. В то время в нем было «дворов — 145, жителей — 613, в том числе ссыльных — 105, переселенцев — 5, сторонних лиц — 18, нищих — около трех десятков, безлошадных — 25 дворов, бескоровных — 38».

Осевшие в Красногорском каторжане кротким нравом не отличались. Под их влияние попал и молодой Комольцев: «О царе-батюшке частушки срамные забазлал под гармошку...». Мировой судья по требованию старожилов посадил 20-летнего парня на месяц в каталажную тюрьму на хлеб и воду. После отсидки начались его скитания по волостям Ялуторовского уезда: Лыбаево, Авазбакеевские юрты, Слобода-Бешкильская...

Узнав о Февральской революции 1917-го, он уехал в Омск, где сошелся с большевиками. В декабре того же года с мандатом III Западно-Сибирского съезда Советов возвратился в Ялуторовск, где создал уездную большевистскую организацию. Про существовала она недолго — 10 июля 1918 года белые захватили Ялуторовск, а еще через десять дней Тюмень. С красногвардейским отрядом Комольцев отступал до Перми.

Расследованием причин поражения красных войск на Урале занималась специальная комиссия ЦК РКП(б) во главе со Сталиным и Дзержинским, которые назначили Комольцева председателем военно-революционного трибунала при 3-й армии Восточного фронта. В подсудность такого трибунала входили должностные преступления военнослужащих: самовольное оставление боевых позиций, нежелание выполнять приказы командиров и дезертирство.

Очень красочно отразил процесс раннесоветского судопроизводства поэт Михаил Голодный в своей балладе «Судья ревтрибунала»:

...Стол накрыт сукном судейский
Под углом.
Сам Горба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры провокатора
Ведут.
«Сорок бочек арестантов!
Виноват!..
Если я не ошибаюсь,
Вы — мой брат.
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб..
Вместе спали, вместе ели,
Вышли — врозь.
Перед смертью, значит,
Свидеться пришлось.
Воля партии — закон.
А я солдат.
В штаб к Духонину¹
Прямой держитесь, брат».
Суд идет революционный,
Правый суд.

¹ Значит, расстрелять.

Конвоиры песню «Яблочко»

Поют.

Вместе с Комольцевым в Тюмень из Перми отправили группу латышей, на которых возлагалось приведение в исполнение смертных приговоров. Первоначально чекисты разместились в доме тюменского купца Россошных на улице Знаменской, 20 (сейчас улица Володарского), уже занятом сотрудниками Особого отдела 3-й армии. Очень скоро это месторасположение чекистского органа было признано неудобным из-за трудностей с захоронениями тел расстрелянных. В Сибири чекисты не утруждали себя копкой могил: кладбище здесь заменяла река. Поэтому после отъезда армейских «особистов» в Ялutorовск оставшиеся в Тюмени «территориалы» переместились в дом крупного тюменского судовладельца и фабриканта Василия Лавровича Жернакова, построенный в 1909 году на углу улиц Ишимской и Томской, рядом с Масловским взвозом, ведущим к реке Туре.

Приговоренных к «высшей мере социальной защиты» расстреливали из револьверов в каменной конюшне усадьбы, а потом тела вывозили на берег... Зимой их сбрасывали в проруби под лед.

Расположенный недалеко купеческий дом Набоких (сейчас улица 25-го Октября, 31) превратился в чекистское общежитие. Владельцы этих зданий бежали из Тюмени вместе с колчаковскими войсками.

Архивные документы свидетельствуют, что вся деятельность первых тюменских чекистов заключалась в проведении арестов недовольных советской властью и конфискации принадлежавшего им имущества. В сводке работы секретно-оперативного отдела губчека с 15 по 30 сентября 1919 года отмечено:

«...выдано ордеров — 42. По сем (так в тексте. — А.П.) ордерам обнаружены деньги и ценности, закопанные в земле. По 12 ордерам — спрятанное имущество бежавших из Тюмени хозяев, по трем ордерам — скрытое оружие, по двум ордерам — очень большие запасы скобяного товара.. Арестовано 57 человек, из них шестеро расстреляны, у 26 конфискованы вещи и одна лошадь... По одиннадцати ордерам ничего стоящего не обнаружено...».

Основаниями для повальных обысков и арестов служили массовые доносы: за две недели их зарегистрировано в губчека более четырехсот (!). Мотивом доноительства — позорного, но

весьма распространенного в России явления — чаще всего была зависть к более удачливому конкуренту, сопернику, соседу.

Золотое искушение

В результате бесконтрольных арестов состоятельных тюменцев и конфискации принадлежавшего им имущества в губчека поступали значительные денежные и материальные ценности, часть которых местные чекисты присваивали.

В октябре 1919 года Тюменский военно-революционный комитет информировал Сибревком о необходимости очищения губчека от «политически сомнительных элементов» и направления ее работы «по прямому назначению — борьбе с доподлинной белогвардейщиной и контрреволюцией».

По заключению особой следственной комиссии ВЧК, «председатель губчека Комольцев, заведующий секретно-оперативным отделом Зернин, председатель Тобольской уездной ЧК Падерно, комиссары губчека Сирмайс, Добилас, Ратнек, Синцев, Залевин, комендант Иноземцев, кладовщик Ваксберг расхищали разные вещи, изъятые при обысках...».

Чекисты присваивали преимущественно золото и драгоценные камни. Тогда Тюмень, Тобольск и Ялуторовск были наводнены богатыми беженцами с Урала и Поволжья. Многие припрятали здесь свои немалые ценности. Не случайно при сносе или ремонте старинных особняков все еще находят клады, владельцы которых сгнули во время Гражданской войны.

«...Комольцеву досталось двое золотых часов, золотые опять же браслет, цепочка, кольца... Падерне — золотые кольца с камнями и без оных, шейная цепь с жемчугами, часы, брошка с эмалью...». От начальства не отставали и подчиненные: «Ратнек проявил себя настоящим хищником, присваивая драгоценности, причем его нахальство дошло до того, что он сделал себе красноармейский знак из награбленного серебра и золота».

19 февраля 1920 года президиум ВЧК признал факты растаскивания изъятых при обысках ценностей по чекистским карманам доказанными. Приятеля Комольцева по юношеским забавам Степана Анфилофьева, которого он назначил председателем Ялуторовской уездной ЧК, обвинили также в соучастии с белогвардейской контрразведкой.

Чтобы доказать свою преданность советской власти, арестованные чекисты Падерно и Добилас рассказали на допросах о своем участии в убийстве Андроника (Никольского), архиепископа Пермского и Кунгурского.

Как убивали архиепископа

Расправа с пермским архипастырем, как и утопление епископа Тобольского Гермогена, расстрел экс-императора Николая II Романова и его семьи, убийство великих князей и княжон на Урале всегда были опутаны множеством таинственных легенд, домыслов и слухов. Отсутствие доступа к достоверным документальным источникам долгие годы не давало возможности раскрыть обстоятельства этих преступлений.

Существовало лишь предположение, что владыка Андроник был казнен красными при подходе к Перми войск Временного Сибирского правительства. Газета «Освобождение России» 2 января 1919 года сообщила: «По имеющимся сведениям, местный пастырь, архиепископ Андроник был закопан живым в землю. Как подробность передают, что когда владыка был завален землей по грудь и начал мучиться, один из присутствующих красноармейцев убил его двумя выстрелами в голову».

Но другая белая газета — «Вестник Приуралья», основываясь на слухах, утверждала, что «архиепископ выслан красными из Перми в одно из сел Архангельской губернии».

Кстати, в официальном журнале Наркомюста «Революция и церковь» за 1919 год епископ Гермоген тоже объявлен живым и пребывающим «в темном царстве контрреволюции на Дону». Бывший председатель Екатеринбургского Совдепа Белобородов вынужден был официально опровергнуть подобные заявления. По его заявлению, Гермоген был расстрелян Уральской ЧК (в действительности утоплен заместителем председателя этой ЧК, председателем исполкома Тобольского совета и командиром Тюменской речной флотилии Хохряковым в ночь с 29 на 30 июня 1918 года в реке Туре. — А.П.).

Тюменские чекисты-латыши Падерно (по другим данным Падернис) и Добилас утверждали, что, когда служили в конной милиции при Пермской ЧК, принимали участие в ликвидации архиепископа Андроника. В ночь с 6 на 7 июня 1918 года в пяти

верстах от Перми по Сибирскому тракту на опушке леса Андроник был закопан живым в землю и расстрелян председателем Пермской ЧК Воробцовым, начальником конной милиции Пластуновым, его заместителем Жужговым и милиционерами Падернисом и Добиласом.

«...Отвязали от пролетки лопату, дали ему лопату, приказали копать могилу. Андроник безоговорочно взялся и начал копать под высокими елями. Грунт земли попался крепкий: красная глина. Копка могилы шла медленно, у Андроника руки непривычные к физическому труду, да при этом дряхлость и бессилие... Для ускорения дела пришлось копать латышам. Они выкопали сколько полагается. Затем сказали: “Давай, ложись”. Он лег, а могила оказалась коротка. Подрыли в ногах. Лег во второй раз — еще коротка. Еще рыли — могила готова. Андроник помолился на все стороны минут десять, мы ему не мешали. Затем он сказал: “Я готов”. Лег в могилу, сложил руки на грудь. Затем мы его забросали землей и произвели несколько выстрелов в голову. Процесс похорон закончился. Наследства осталось от Андроника чугунные часы и серебряный крест с изображением Богородицы под синей эмалью, цепь и крест под золотом...».

Только через восемьдесят лет, в 1999 году, обстоятельства страданий и мученической смерти Пермского архипастыря перестали быть тайной. Тогда же архиепископ Андроник был причислен к лику месточтимых святых Пермской епархии. Общецерковное почитание в лике святых новомучеников совершено на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 года.

Преступление без наказания

То ли зачлись вороватым тюменским чекистам их прежние пермские «заслуги», то ли по каким-то другим причинам, но за присвоение чужих ценностей их лишь исключили из партии и уволили из ЧК. Похожими, достаточно мягкими наказаниями отделались в том же 1919 году руководители других губернских ЧК, также нечистые на руку. Например, высокопоставленные казанские чекисты латыши Лапинлауск и Кангер — были обвинены в присвоении вещей арестованных, вымогательстве взяток и систематическом пьянстве в ущерб работе. Хотя вина

этих деятелей ЧК была полностью установлена трибуналом, только Лапинлауск, начальник секретно-оперативного отдела ЧК Казани, получил пять лет тюрьмы.

Впрочем, сразу же после приговора его отправили на психиатрическое лечение, а через год освободили от тюрьмы под личное поручительство земляка зампреда ВЧК Петерса.

Девятнадцатилетняя чекистка Кангер была вообще амнистирована, так как являлась любовницей председателя Казанской ЧК Карлсона. Самому Карлсону, чьи подчиненные и интимные подруги в ЧК выпускали за взятки арестованных, вся эта история стоила только снятия его с должности и назначения в центральном аппарате ВЧК преподавателем курсов оперативной подготовки. Вскоре Карлсон опять на большом посту в Украинской ЧК. Его расстреляют только в 1937 году совсем по другому поводу. А тогда, в 1919-м, на его место главы Казанской ЧК из Москвы был прислан очередной латышский чекист — Девинталь.

Такое засилье латышей в руководстве чекистских органов Поволжья, Урала и Сибири как-то не вяжется с утверждениями современных латышских политиков о зверствах НКВД в предвоенной и послевоенной Латвии. Впору их спросить: кто же являлся родоначальником всей этой карательной системы?

Что касается Комольцева и его подчиненных по Тюменской ЧК, то уже через год они обратились в ЦК РКП(б) с просьбой о восстановлении в партии большевиков, в чем им было отказано. После этого следы Падерно—Падерниса и Добиласа затерялись, а Комольцев стал заведовать в Ялуторовске отделом народного образования и комиссией по оказанию помощи голодающим.

В 1922 году его восстановили в партии и поставили руководителем учено-распределительного отдела Тюменского губкома РКП(б). Когда такой партийно-кадровый кульбит вызвал недоумение у тюменцев, то Комольцева по решению ЦК РКП(б) перебросили в Ставрополь на должность завпредотделом, одновременно избрав членом губкома партии.

В 1924 году он заболел и возвратился на родину в село Красногорское уже Исетского района Тюменского округа Уральской области. Здесь организовал, как в столыпинские времена, выселок-хутор «Искра», куда вошли 32 крестьянских хозяйства.

После их обобществления в колхоз «Свободный Урал» семья Комольцевых часто меняла место жительства: 1930 год — села Исет-

ское и Заводоуковское, 1931-й — Ташкент, 1932-й — Сызрань, 1933-й — Ульяновск. Там Степан Александрович умер в 1936 году.

Улица «железного наркома»

В августе 1936 года в Советском Союзе прошел первый из больших московских процессов 1936–1938 годов, в результате которого были приговорены к смерти и расстреляны лидеры оппозиции. Борьба со Сталиным объявлялась заговором с целью захвата власти. При этом у арестованных оппозиционеров выбивали признание, будто бы они действовали по заданию разведок Англии, Германии, Польши, Японии...

22 августа 1936 года, предчувствуя неизбежный арест после того, как его имя было упомянуто на процессе по делу Каменева и Зиновьева, застрелился Михаил Томский, бывший глава советских профсоюзов, директор Объединенного государственного издательства.

На следующий день газета «Известия» сообщила, что «...кандидат в члены ЦК ВКП(б) Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами... покончил жизнь самоубийством».

Это был очень трезвомыслящий и предельно циничный человек. В 1922 году на XI съезде партии под аплодисменты делегатов он заявил: «Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии. Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме!». И он не шутил. В дни пресловутого Шахтинского дела, до такой степени шитого белыми нитками, что даже ближайшие сталинские соратники сомневались в целесообразности открытого судебного процесса, Ворошилов в записке Томскому от 2 февраля 1928 года спросил: «Миша, скажи откровенно: не вляпаемся ли мы при открытии суда в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?». Томский ответил: «По Шахтинскому делу и вообще по уголовному делу такой опасности нет. Это картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое отношение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить». Через несколько лет, увидев свою собственную фамилию среди той самой полдюжины коммунистов, которых «не мешало бы посадить», он безо всяких иллюзий и проволочек сунул в свой рот дуло нагана.

В Тюмени почему-то посчитали, что примыкавшая к Ишимской улице Томская названа именем застрелившегося профсоюзного лидера, и решили переименовать ее в улицу Генриха Ягоды, наркома внутренних дел, генерального комиссара государственной безопасности СССР, что соответствовало маршальскому званию.

Когда он в июле 1934 года возглавил НКВД, «в газетах появились хвалебные статьи об организаторских способностях Ягоды и фотографии Сталина и Ягоды, где они изображены чуть ли не в обнимку». В стране пели песню:

Сам Ягода ведет нас и учит.
Зорек глаз его,
Крепка рука.

Его имя носили заводы и фабрики, на его родине в городе Рыбинске существовала площадь Ягоды (ныне Соборная), обсуждался проект переименовать город Рыбинск в Ягуду¹.

Тогда никто еще не предполагал, что самоубийство Томского положит начало интриге, окончившейся смещением Ягоды и назначением Николая Ежова на пост наркома внутренних дел.

В своем предсмертном письме Томский обвинил Ягуду в принадлежности к «правой» (бухаринско-рыковской) оппозиции. Вдова, видимо, выполняя волю мужа, передала это письмо в ЦК ВКП(б) Ежову, который, прочитав его, радостно воскликнул: «Ай-да Мишка, молодец! Этот документ огромной важности и будет жить в веках».

Михаил Петрович рассчитывал, что, закладывая Ягуду и других, спасет от репрессии свою семью. Сталин и Ежов с избытком отблагодарили за его откровенность вдову и детей. Старшие сыновья Томского Михаил и Виктор были расстреляны, младший Юрий и вдова Мария Ивановна получили по 10 лет лагерей.

26 сентября 1936 года Ягуду перевели наркомом связи, а НКВД возглавил Ежов. Через три дня Генриха Григорьевича

* В 1984 году Рыбинск все-таки переименовали в Андропов. В память об ушедшем из жизни бывшем председателе КГБ СССР Юрии Владимировиче Андропове, ставшем в 1982 году Генеральным секретарем ЦК КПСС (после смерти Л.И. Брежнева). В начале 30-х годов Андропов учился в Рыбинском речном техникуме. В этом городе началось его восхождение на комсомольский, партийный и чекистский олимп. После распада СССР Рыбинску было возвращено его историческое название.

отправили в двухмесячный отпуск «по состоянию здоровья». На февральско-мартовском 1937 года пленуме ЦК его деятельность в НКВД подвергли критике, а 28 марта арестовали прямо на квартире в Кремле.

По ходу следствия и на судебном процессе по делу «право-троцкистского блока Бухарина, Рыкова и других» Ягода довольно быстро признал «участие в заговоре с целью государственного переворота и убийства товарища Сталина».

12 марта 1938 года Ягodu и еще 17 «оппозиционеров» осудили к смертной казни и отправили во внутреннюю тюрьму НКВД ждать исполнения приговора. Получив там клочок бумаги, Ягода написал: «Прошение о помиловании. Вина моя перед родиной велика. Не искупив ее в какой-то мере, тяжело умирать. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь. Г. Ягода. 13.03.1938 г.». Ему дали в последний раз почитать газеты, где печатались горячие приветствия смертному приговору, брань и проклятия в адрес осужденных. Даже «Пионерская правда» опубликовала подборку детских писем, славящих Ежова и бранящих Ягodu. Пятиклассницы московской 272-й школы написали: «Дорогой Николай Иванович! Вчера мы прочитали в газетах приговор над сворой право-троцкистских шпионов и убийц. Нам хочется сказать большое пионерское спасибо Вам и всем зорким наркомвнудельцам.

Спасибо, товарищ Ежов, за то, что Вы поймали банду притавившихся фашистов, которые хотели отнять у нас счастливое детство. Спасибо за то, что вы разгромили и уничтожили эти змеиные гнезда.

Мы Вас очень просим беречь себя. Ваша жизнь и здоровье нужны нашей стране и нам, советским ребятам.

Мы стремимся быть такими же смелыми, зоркими, неприимыми ко всем врагам трудящихся, как Вы, дорогой товарищ Ежов!».

Рядом с этим и другими подобными детскими письмами была опубликована фотография с подписью «На пионерском сборе 232-й школы вожатая отряда Соня Кукушкина читает ребятам приговор Верховного суда».

Ягodu и его «подельников» расстреляли на даче Ягоды по Калужскому шоссе в здании бани, в предбаннике которой он когда-то устроил тир. Теперь ему предстояло стоять в этом тире

мишенью. Мрачной церемонией расстрела командовали Ежов и его приближенные в НКВД Фриновский, Дагин и Литвин.

Тела расстрелянных крючьями выволокли из бани, швырнули в выкопанную неподалеку яму. 17 июля 1937 года Ежов получил орден Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий».

Печатные издания были наводнены публикациями о славном НКВД и его «железном наркоме». Главная газета страны «Правда» в передовице восхваляла Ежова: «Под руководством сталинского питомца, секретаря ЦК ВКП(б) товарища Н.И. Ежова, посланного партией для укрепления НКВД, советская разведка стала наносить беспощадные и меткие удары троцкистско-рыковско-бухаринским бандитам. Одно за другим были вскрыты шпионские гнезда, враг почувствовал на своей шкуре “ежовы рукавицы”».

Развернулась целая волна присвоения имени Ежова пароходу Дальстроя, заводу на Украине, стадиону общества «Динамо» в Киеве, Краснодарской высшей сельхозшколе, району в городе Свердловске, учреждениям, колхозам, пионерским отрядам... Город Сулимов, столица Черкесской автономной области, был наречен по-новому — Ежово-Черкесск. Во многих населенных пунктах появились улицы Ежова. Тюмень не стала исключением.

Для увековечивания «железного наркома» здесь выбрали не получившую имя Ягоды улицу Томскую. Соседняя — Ишимская — уже получила имя еще одного железного наркома промышленности — Орджоникидзе. По официальному сообщению, опубликованному в центральной печати, член Политбюро ЦК ВКП(б), народный комиссар тяжелой промышленности, революционный соратник и друг Сталина Григорий Константинович (Серго) Орджоникидзе 18 февраля 1937 года «внезапно во время дневного отдыха почувствовал себя плохо, и через несколько минут наступила смерть от паралича сердца».

Только через двадцать лет стало известно, что он застрелился (по другой версии — его убили по приказу Сталина: якобы Орджоникидзе собирался выступить на очередном партийном пленуме против репрессий). Тюменское начальство посчитало символичным, что улица Ежова примыкает к улицам Орджоникидзе и Дзержинского (бывшая Садовая). На уроках в расположенных здесь школах проникновенно звучали песни казахского поэта (акына) Джамбула Джабаева о наркоме Ежове:

В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов — зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово.
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов.

Культ Ежова и работников НКВД достиг небывалого размаха. Вся страна распевала песню войск НКВД:

Фуражек синих стройный ряд
И четкий шаг подкованный —
Идет по улице отряд
Железными колоннами.
Мы те, кого боится враг
На суше и в воде.
Не одолеть ему никак
Войска НКВД.

Как подлинный триумф органов НКВД и всенародной поддержки политики «ежовых рукавиц» изображала партийная печать итоги выборов депутатов Верховного Совета СССР первого созыва 12 декабря 1937 года. Депутатами в Совет Союза было избрано 65 функционеров НКВД во главе с наркомом Ежовым и его первым заместителем Фриновским. От Тюменского избирательного округа в союзный парламент «прошел» начальник УНКВД Омской области капитан госбезопасности Константин Валухин. 10 декабря 1937 года он доложил Ежову: «Операция по Вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11050 (расстрел. — А.П.) и по второй категории 5004 (лагеря. — А.П.) человека. Приведение приговора в отношении 50 человек, рассмотренных сверх утвержденного лимита по первой категории, задержано. Прошу утвердить».

Историки продолжают спор о причинах массового террора против собственного народа в 1937–1938 годах (через 20 лет после Октябрьской революции), когда за два года было расстреляно по политическим обвинениям 681692 человека. По моему мнению, целью уничтожения остатков дореволюционных классов, сословий и социальных групп, которые не хотели или не могли в силу разных причин адаптироваться в новом социалистическом социуме, а также части партийной, советской, военной элиты, оппозиционно или критически настроенной к Сталину и его близ-

кому окружению, являлось выведение новой генерации людей. Их модель поведения воспел поэт Эдуард Багрицкий:

Но если он скажет: «Солги» — солги,

Но если он скажет: «Убей» — убей.

У основной же массы населения превалировал страх жертвы, реальной или потенциальной. С присущей великим поэтам ланидарностью Марина Цветаева в своей дневниковой тетради записала: «Страх. Всего» — и подчеркнула оба этих слова. Сохранилось также свидетельство Хрущева, которому сам Сталин как-то горько посетовал: «Вот вы живете как нормальные люди, а я всего на свете боюсь, и от этого вечного страха нет мне никакого покоя».

Теоретическое обоснование состояния советского общества в начале 30-х годов дано в пьесе Афиногенова «Страх». Монолог главного героя пьесы профессора Бородина редактировал Сталин: «Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отречься от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недоброжелательным, неряшливым и беспринципным... Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать...».

В постоянном страхе находилось и ближайшее окружение диктатора, включая Ежова.

Академик Илья Борисович Збарский вспоминал, как в 1937 году был приглашен к «железному наркому», курировавшему сохранность забальзамированного тела Ленина: «Пройдя несколько кордонов с проверкой пропусков, мы попали в кабинет Ежова. В огромной комнате за большим столом сидел маленький тщедушный человек с пытливыми глазами. За его спиной на стене висел внушительных размеров портрет Сталина, на столе стояли бюст Сталина и еще один портрет Сталина в рамке»¹.

Такая показушная преданность главному организатору массового террора не спасла от расстрела главного исполнителя преступных приказов: 22 августа 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел стал первый секретарь ЦК КП(б) Грузинской ССР Лаврентий Берия. По утверждениям сотрудников НКВД, Ежов

¹ Никого не удивило, когда в начале 1936 года Ежов предложил переименовать Москву в Сталинодар, правда, Сталин не поддержал эту идею.

был совершенно деморализован назначением Берии. На следующий день он занемог, то есть «пьянствовал у себя на даче» и «болел» больше недели. Затем он появился в НКВД «по-прежнему в мрачном настроении, никакими делами не стал заниматься, почти никого у себя не принимал». Один из его подчиненных, вызванный как-то поздним вечером в кабинет наркома на Лубянке, увидел Ежова «сидящим в одной гимнастерке на диване за столиком, уставленным бутылками с водкой». Волосы у него на голове были включены, глаза распухли и покраснели: он был явно пьян, но вместе с тем возбужден и подавлен».

17 ноября 1938 года Политбюро приняло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В постановлении давалась в целом положительная оценка результатов «массовых операций», проведенных НКВД в 1937–1938 годах. Однако отмечалось, что «упрощенное ведение следствия и суда» привело к «крупнейшим недостаткам и извращениям» в работе НКВД и прокуратуры. Враги народа и шпионы иностранных разведок, внедрившиеся в органы государственной безопасности, «старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, производили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников». Они «совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и без всяких оснований. Создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей». Постановлением запрещалось проведение «массовых операций», ликвидировались «тройки» и устанавливался прокурорский надзор за всеми процедурами по задержанию.

Так Сталин свалил вину за «перегибы в ходе массовых операций» на НКВД и Ежова, причем именно за перегибы, а не за массовые репрессии. Их значение и необходимость даже не ставились под сомнение ни в этом постановлении, ни в каком-либо из последующих решений Сталина. Диктатор считал, что НКВД не была достигнута основная цель, поскольку не удалось «полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи». Поэтому в постановлении было особо отмечено, что «дело очистки» СССР от «шпионов, террористов и диверсантов» не окончено. По мнению Сталина, ви-

нить в этом следовало работников НКВД во главе с Ежовым, которые проводили массовые репрессии нерадиво.

19 ноября 1938-го Политбюро обсудило донос на Ежова начальника Управления НКВД Ивановской области Журавлева, обвинившего «железного наркома» в «смазывании дел по шпионажу среди сотрудников НКВД». 24 ноября Ежова уволили из НКВД с щадящей формулировкой — «по состоянию здоровья». Сообщения о его смещении с чекистского олимпа появились в печати только 8 декабря. Он еще оставался наркомом водного транспорта. 14 января 1939 года в ведомственной газете «Водный транспорт» сообщалось о его выступлении на заключительном заседании Всесоюзного совещания актива работников речного флота.

Ежов, конечно, осознавал, что ему уготовлено — 31 марта было принято постановление СНК СССР № 411 «О неудовлетворительной готовности Наркомвода к навигации 1939 года». 10 апреля его арестовали, а 4 февраля 1940-го расстреляли. В своем падении он потянул на тот свет многих своих приближенных, включая начальника Омского УНКВД Валухина, ставшего к тому времени первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б).

Страна ничего не знала о судьбе всемогущего «батыра Ежова». В печати и по радио об его аресте и казни ничего не сообщалось. Однако внимательный читатель мог отметить, что стадион «Динамо» имени Ежова в Киеве теперь упоминался просто как стадион «Динамо». Город Ежово-Черкесск стал только Черкесском. Пароход «Николай Ежов» в одночасье превратился в «Феликса Дзержинского». Свердловский обком партии «обратился с просьбой» о переименовании Ежовского района города Свердловска в Молотовский, и Политбюро утвердило эту просьбу. Постепенно, без огласки имя Ежова исчезло из названий учреждений, колхозов, улиц... В Тюмени такую улицу хотели назвать в честь нового наркома внутренних дел Берии, но 11 мая 1939 года произошла авиакатастрофа, в которой погибли комбриг Анатолий Серов и майор Полина Осипенко.

Прерванный полет

В тот же день, когда случилась эта трагедия, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «захоронить гг. Серова и Осипенко на Красной площади у Кремлевской стены», похороны «принять за счет

государства». В недавно рассекреченном «политдонесении военкома центральных сборов истребителей авиации при Рязанских авиационных курсах усовершенствования», направленном начальнику Политуправления РККА армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису, датированному 13 мая, наиболее вероятной причиной катастрофы названа «пилотажная ошибка на малой высоте», допущенная Серовым и Осипенко, в результате которой «самолет, потеряв скорость» свалился в штопор и врезался в землю».

В последовавшем приказе наркома обороны СССР Ворошилова использованы жесткие, нелицеприятные оценки состояния, дисциплины, порядка и организации летной подготовки, за которыми скрывались и человеческое сочувствие, и раздражение.

«У нас в авиации, — отмечалось в приказе, — притупилось чувство жалости за потерянного человека. Не так давно от группы летчиков, Героев Советского Союза, выступал на Красной площади т. Шевченко, держал специальную правительственную речь над гробом его товарищей и больших друзей — Героев Советского Союза Серова и Осипенко — и не чувствовалось в ней человеческой боли по поводу потери наших больших советских людей».

Серов в 1937–1938 годах воевал в Испании, командовал там эскадрильей, участвовал в 40 воздушных боях, лично сбил 8 самолетов противника. Стал Героем Советского Союза и комбригом в 28 лет, награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. С 1938 года — начальник Главной летной инспекции ВВС РККА.

Осипенко в 25 лет окончила Качинскую авиационную школу, служила в истребительной авиации летчиком и командиром звена. Установила пять международных женских рекордов. В 1938 году совершила беспосадочный перелет по маршруту Севастополь—Архангельск. В составе экипажа вместе с Валентиной Гризодубовой и Мариной Расковой долетела на самолете «Родина» из Москвы до Комсомольска-на-Амуре, за что все летчицы были удостоены звания Героя Советского Союза.

4 июня 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об увековечении памяти Серова и Осипенко».

«...Переименовать Надеждинский район Свердловской области в Серовский, г. Надеждинск — в г. Серов и воздвигнуть памятник Серову в нем...». В начале 30-х годов этот североуральский город носил имя первого секретаря ВКП(б) Урала Кабакова. Но в 1937-м

его расстреляли как очередного «врага народа», а городу Кабаковску вернули дореволюционное название — Надеждинск. Через два года он стал Серовым. В честь героического земляка назвали местный металлургический комбинат. Не забыли и Москву — Лубянский проезд превратили в Серовский. Пособие по 5 тысяч рублей (при средней заработной плате рабочего 250 рублей) выдали родителям Серова и его жене — известной киноактрисе Валентине Серовой, ставшей потом подругой жизни писателя Константина Симонова.

Город Бердянск Запорожской области переименовали в Осипенко, такое же название получило село Новопасовка Бердянского района, где родилась Полина Денисовна. Здесь же ей воздвигли памятник. Пять тысяч рублей получила ее мать и три тысячи сестра, которая воспитывала будущую летчицу. Сверх того, им назначили пожизненную пенсию: 300 и 200 рублей в месяц соответственно. Имя Осипенко было присвоено Бердянскому учительскому институту, после чего все студентки потребовали организовать авиационный клуб имени героини. Моссовет переименовал Садовническую улицу в Москве в улицу Осипенко.

По примеру столицы другие города также внесли соответствующие изменения в свою топонимику. Так, в Тюмени улицу бывшего «батыра Ежова» назвали улицей Осипенко.

Позднее в нашем городе появилась улица Марины Расковой, участвовавшей в качестве штурмана в перелете Москва—Дальний Восток на самолете «Родина» вместе с Осипенко и Гризодубовой. В советской исторической литературе не афишировалась служба Расковой в НКВД. Когда началась Великая Отечественная война, старший лейтенант госбезопасности (соответствовало армейскому воинскому званию майора) Раскова была назначена командиром 588-го ночного бомбардировочного авиационного женского полка. Марина Михайловна погибла 4 января 1943 года в авиакатастрофе, попав в сложные метеоусловия при перелете к фронту, похоронена в Кремлевской стене на Красной площади в Москве. Ее именем названо Тамбовское высшее военно-авиационное училище летчиков, гвардейский авиаполк и грузопассажирский пароход, торпедированный немецкой подводной лодкой 12 августа 1944 года в Карском море.

Из героического экипажа самолета «Родина» в живых оставалась Валентина Степановна Гризодубова. Ее гимнастерку украшали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, ордена Ленина, Тру-

дового Красного Знамени и Красной Звезды, но все эти награды она получила до войны. Совершившая за два военных года 132 ночных полета в тыл врага на бомбардировку вражеских объектов и для поддержки связи с партизанскими отрядами прославленная летчица предвоенных лет, харизматическая личность и медийная фигура сталинской эпохи хотела, чтобы авиаполк, которым она командовала, получил почетное звание гвардейского, а она сама звание генерала. Используя свое личное знакомство с товарищем Сталиным, полковник Гризодубова, нарушая все правила воинской субординации и служебной этики, действуя через голову командира дивизии и командира корпуса, обратилась к Верховному главнокомандующему Сталину с жалобой на командующего авиацией дальнего действия Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Он обвинялся в предвзятом отношении к пользующейся всесоюзной известностью даме: якобы и по службе затирает, и наградами обходит. Известный резон в ее словах был: в 1944 году грудь любого командира авиаполка можно было сравнить с иконостасом — так часто и щедро их награждали. А у Гризодубовой ни одного ордена военной поры! Отмахнуться от жалобы обладающей яркой красотой и хорошо известной всей стране летчицы Сталин не мог.

Заранее торжествующая Валентина Степановна прибыла в Москву. «Она уже видела себя первой в СССР женщиной в мундире генерала...». Голованов был вызван для личных объяснений к Сталину, в кабинете которого уже сидели почти все члены Политбюро. Маршал понял, что Верховный, исходя из высших политических соображений, фактически уже принял решение и о присвоении Гризодубовой генеральского звания, и о преобразовании ее авиаполка в гвардейский. Но ни то, ни другое было невозможно без официального представления, подписанного командующим авиацией дальнего действия.

Голованов отказался это сделать, полагая, что Гризодубова не заслуживает такой чести: она дважды самовольно покидала полк и уезжала в Москву, в ее подразделении была высокая аварийность и низкая дисциплина — какая там гвардия! Действительно, ни один командир полка никогда бы не осмелился покинуть свою часть без разрешения непосредственного начальства. Однако Гризодубова всегда находилась на особом положении: все знали, что своим назначением она обязана Сталину, «о чем говорила она недвусмысленно». Поэтому ее непосредственные начальники — командиры

дивизии и корпуса — предпочитали с ней не связываться. Не рискуя отстранить ее от должности, они сознательно обходили командира полка Гризодубову наградами, на которые она имела несомненное право по результатам своей боевой деятельности.

Самый молодой маршал в истории Красной армии и любимец Сталина Голованов не поддавался ни настойчивым уговорам, ни неприкрытому давлению. Подписать представление означало признать особый статус Гризодубовой. На это маршал, тоже гордившийся тем, что подчиняется лично товарищу Сталину, пойти не мог. Опираясь на факты, он сумел обосновать вздорность претензий испорченной вниманием высших кругов летчицы, доказав клеветнический характер ее жалобы, и этим лишь укрепил доверие Сталина к себе. В итоге было принято иное решение: полковника Гризодубову отстранили от командования полком «за клевету в корыстных целях на своих непосредственных командиров». Ее участие в войне отмечено лишь орденом Отечественной войны 1-й степени. В Тюмени нет улицы Гризодубовой. Но не забылась здесь фамилия Серова — улица с таким названием, бывшая 5-я Таборная, находится в квадрате улиц Максима Горького, 50 лет Октября, Харьковской и Холодильной. Только это переименование произошло еще до авиакатастрофы 1939 года, и этот Серов совсем не погибший вместе с Осипенко комбриг ВВС РККА, а петербургский рабочий, большевик, назначенный весной 1918-го председателем Тюменского губернского продовольственного комитета и расстрелянный белогвардейцами летом того же года.

А на улице Осипенко в 1924–1926 годах, когда она еще называлась Томской, в двухэтажном деревянном доме (сейчас его номер 18) жил инструктор городского отдела потребительской кооперации Алексей Николаевич Косыгин. Будущий председатель Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда. Его считали реформатором советской плановой экономики и инициатором применения рыночных механизмов управления народным хозяйством. При его поддержке началось освоение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, после чего наш город Тюмень стал известен во всем мире.

Возвращение Павлика*

Который раз мы хотим забыть наше «некрасивое» прошлое. Нам кажется, что достаточно отказаться от прежних героев, свергнуть их памятники и переименовать улицы, как наша жизнь станет счастливой и правдивой.

Призрак лагеря «Алые паруса»

Впервые о таинственной скульптуре пионера-героя Павлика Морозова я услышала пять лет назад, когда работала вожатой в лагере «Алые паруса». Поговаривали, что гипсовое изваяние убрали с постамента в те времена, когда все следы советской идеологии и культуры спешно стирались. Потом будто бы Павлик обиделся и начал по лагерю ночами пугать детей. Ребятишки рассказывали друг другу жуткие истории про то, что кто-то видел белую фигуру между деревьев. Поэтому логичным казалось, что каменного Павлика утопили в маленькой речушке, протекающей около лагеря. Дальше о нестибаемом пионере рассказывали и вовсе сказки — якобы он никак не хотел тонуть и всплывал назло врагам снова и снова. В ответ скептикам, твердящим, что гипсовые мальчишки плавать не умеют, находчивые дети заявляли, что состав, из которого был изготовлен Павлик-памятник, был то ли с пустотами, то ли смешанный по особой технологии, что позволяло скульптуре всплывать. Правда это или нет — судить не берусь. История многострадального памятника, по легендам лагеря, закончилась тем, что его выловили и торжественно похоронили на берегу той самой речки. А отдыхающим детишкам строго-настрого запретили подходить к этому месту и уж тем более залезать в воду.

Однако это все домыслы и слухи, детские страшилки и сплошная мистика. Что же случилось на самом деле с памятником пионеру Морозову, много лет простоявшим в лагере его же имени?

Пионерский лагерь имени Павлика Морозова был основан под Тюменью в 1957 году. В 1993-м, когда знаменитый пионер

* В соавторстве с Агришиной Паламарчук.

был свергнут с пьедестала кумира поколения, лагерь стал называться детским оздоровительным центром «Алые паруса». Именно тогда заместителем администратора по хозяйственной части здесь начала работать Ирина Кокурина. Скульптуру Павлика Ирина Николаевна сразу вспомнила — она никому особенно не мешала, невзирая на то, что лагерь сменил имя, а страна героев. Но весной 1995 года в «Алые паруса» приехали гости. «Помню, готовились мы тщательно — ждали губернатора Рокецкого¹ с замами, накрыли столы». По словам Ирины Кокуриной, когда высокие гости «хорошо отметились» и вышли на плац, на глаза им попался злополучный Павлик-памятник.

«Они остались недовольны, сказали: раз история меняется, чего же он тут стоит? Убрать предателя!» — рассказала бывший завхоз.

И на следующий же день, по ее словам, тогдашний директор лагеря вызвал трактор, памятник сдернули с постамента и выкинули в Пышму. Тут бы, казалось, Павке и сгинуть навеки, ан нет. Ирина Николаевна продолжает: «Через год рыбачили на реке мужики из ближней деревни, посветили на воду и увидели на дне белый силуэт. Перепугались все страшно, думали утопленник. Сразу вызвали милицию, те начали нырять и обнаружили «нашего Павлика Морозова». Подняли его из Пышмы. Я просила отдать мне скульптуру пионера-героя, говорила, что отреставрирую, будет, как новый, пусть вернется на свое место. Директор в лагере был в то время уже другой и вроде бы соглашался со мной, да так и не собрался... Когда я из лагеря уходила, скульптура так и валялась на хоздворе. Что с ней стало дальше — не знаю», — закончила Ирина Кокурина. Прощаясь, она обронила: «Не понимаю, зачем тревожить историю, переписывать ее заново? Ведь мы на этом выросли, это были героини нашего времени...».

¹ В 1946 году военный трибунал войск НКВД Тернопольской области приговорил к 25 годам лишения свободы «Рокецкого Юлиана Львовича, 1913 года рождения, уроженца и жителя с. Носов Подгаецкого района Тернопольской области, крестьянина, беспартийного, с 4-классным образованием, семейного». Отца будущего губернатора Тюменской области обвинили в том, что «его хозяйство посетили бандиты ОУН (организация украинских националистов), с которыми он разговаривал (попробовал бы не поговорить. — А.П.) и отдал им военный ремень». Из лагеря Рокецкого-старшего освободили после смерти Сталина в марте 1953-го, когда сыну исполнилось 11 лет.

В поисках следов истории о гипсовом мальчике, ставшем призраком «Алых парусов», я обратилась к одному из старожилов лагеря. Звукорежиссер Евгений Шабалов приезжал на летние лагерные смены еще в 1996 году, а постоянно работать в «Алых парусах» стал с 1998-го. «Памятник помню плохо. Ребенком я отдыхал в соседнем “Спутнике”, и в лагерь “Павлика Морозова” мы приезжали играть в футбол. Кажется, был какой-то памятник, но значения этому тогда никто не придавал, — рассказал Евгений Васильевич. — В середине 90-х памятника на постаменте уже не было. “Павлика”, выловленного из реки, определили на хоздвор, где хранился разный хлам. Куда он потом делся — не знаю. Времена были такие, что на памятники советской эпохи никто особенно не обращал внимания...».

О том, что произошло со скульптурой дальше, рассказал Константин Померанец. Он работал в «Алых парусах» в 2001 году. «Помню, что неприкаянный “Павлик” лежал на хоздворе. Место это еще называли “кладбищем пионеров-героев”, потому что, кроме памятника Павлику Морозову, там валялось множество старых пионерских символов. Скульптура была уже изрядно повреждена, из гипса торчала металлическая арматура. Тем же летом, не скажу точно дату, мы закопали “Павлика” на берегу реки. “Похороны” были соответствующим образом обыграны с вожатыми. По Аркадию Гайдару: “Плывут пароходы — салют Мальчишу!..”».

Мальчик из Герасимовки

Захватив власть, большевики отказались от такого важного общественного института, как религия. Веру в Бога, в святых, в загробную жизнь заменили идеей коммунизма и мировой революции.

Священников расстреляли, храмы разграбили, церковные праздники запретили. 15 мая 1932 года Союз воинствующих безбожников, насчитывающий почти сто тысяч первичных ячеек, объявил, что через пять лет религия в СССР будет окончательно уничтожена.

Одновременно с ликвидацией традиционных религиозных конфессий революционные фанатики занимались разработкой новых способов управления коллективной психикой. Когда в сентябре 1932 года секретарь Уральского обкома ВКП(б) Иван

Кабаков рассказал Сталину об убийстве в Тавдинском районе 14-летнего Павлика Морозова, вождь решил, что этот мальчик со звонким именем и запоминающейся фамилией станет первым святым мучеником новой религии.

Трагедия в верховьях реки Тавды совпала с празднованием 40-летия литературного труда Алексея Максимовича Горького, чье раннее богоискательство и богостроительство использовались для утверждения классового идолопоклонничества.

В статье «Вперед и выше, комсомолия!» Горький писал: «Память о нем (Павлике Морозове. — А.П.) не должна исчезнуть. Этот маленький герой заслужил монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен».

28 июня 1936 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О памятнике Павлику Морозову», в котором говорилось: «Установить памятник Павлику Морозову около Александровского сада при съезде на Красную площадь по Забелинскому проезду». Клоны этого памятника появились и в других местах. Тогда же в Тюмени улицу Водопроводную переименовали в улицу Павлика Морозова¹.

Создание величайшего мифа советской эпохи приписывают Виталию Губареву. Будучи собкором газеты «Колхозные ребята», он дал телеграмму в «Пионерскую правду» об убийстве кулаками Павлика Морозова и его 9-летнего братишки Феди. Затем появилась статья «Один из одиннадцати» (то есть из одиннадцати пионеров деревни Герасимовки Тавдинского района Уральской области), дальше — повесть «Сын. О славном пионере Павлике Морозове», потом — пьеса...

Евангелистов Павлика Морозова было четверо, как и положено: Губарев, Соломеин, Смирнов, Яковлев. Откуда они черпали вдохновение, сомневаться не приходится. Поэтому «Сын»

¹ Под № 1 его имя занесли в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации. О нем слагали стихи и песни, сочинили оперу. Кинорежиссер Сергей Эйзенштейн начал работать над сценарием фильма: «Павлик не шадит никого... Попался отец — Павлик выдал его. Попался дед — Павлик выдал его. Укрыл кулак Шатраков оружие — Павлик разоблачил его. Снекулировал Силин — Павлик вывел его на чистую воду. Павлика вырастила и воспитала пионерская организация. Как высказался товарищ Сталин: “Из него рос недюжинный большевик”».

ясно, что не Трофима Морозова, кулацкого прихвостня, а богатоца товарища Сталина, и «Один из одиннадцати» — намек на число апостолов.

Идеология большевизма по-новому культивировала такое существовавшее с незапамятных времен явление, как доносительство. Сталинский режим превратил доносительство в социальный институт, опутывающий весь народ снизу доверху паутиной страха и взаимного недоверия, растлевающий мораль легкостью расправы руками карательных органов практически с любым человеком, который мешает, или кому завидуешь, или просто хочешь завладеть чем-то, другому принадлежащим. По свидетельству Троцкого, к 1926 году «...система доноса уже отравляла не только политическую жизнь, но и личные отношения». Действовавшим все 30-е годы Уголовным кодексом РСФСР недоносительство квалифицировалось как один из четырнадцати составов преступлений против государства. В списке десяти смертных грехов есть, как известно, лжесвидетельство. Из трагедии семьи Морозовых, переселившейся в Зауралье с Витебщины в 1910 году, сделали пародию на христианство, когда ради единого отца народа люди оставляли и родителей, и детей, и супругов. Не просто оставляли — отрекались, предавали смерти. Все перевернулось с ног на голову. Доносчик стал считаться национальным героем, а за недоносительство расстреливали. В передовой статье «Правды» говорилось: «Коммунист-молчальник, знающий о происках врага и не ставящий об этом в известность свою организацию, уже не коммунист, а пособник врага». Посыпалось бесчисленное количество анонимных доносов. Получившая в результате доносительства 25 лет лагерей поэтесса Анна Баркова вспоминала:

...Страха ради, ради награды
Зашушукала скользкая гнусь,
Круг десятый Дантова ада
Заселила советская Русь.

В начале 90-х годов прошлого столетия новые революционеры, по примеру своих предшественников, осквернивших мощи православных угодников, свергли с пьедесталов памятник советскому великомученику Павлику Морозову.

Место его гибели — село Герасимовку Тавдинского района Свердловской области, что недалеко от Тюмени, — исключили из перечня памятников истории и культуры федерального значения.

Ниспровергатели памятников Павлику Морозову бездоказательно обвинили его в доноситељстве на своего отца. Действовали, как дед Каширин из повести Максима Горького «Детство»: раскладывая внука-доносчика на лавке, приговаривал: «Доносчику первый кнут!». Эта сентенция дошла из XVI—XVII столетий и довольно прочно закрепилаcь в миросозерцании русского народа.

Обвинители Павлика в доноситељстве не знали о хранившемся в Тюменском управлении КГБ архивном секретном деле «Махновцы». Так в переписке местного оперативного сектора ОГПУ называли участников банды братьев Пуртовых, которая оперировала в бассейне реки Тавды с 1921 года. Отец Павлика Трофим Морозов, избранный в 1930 году председателем Герасимовского сельского совета, продавал за деньги продукты и «справки о бедняцком положении» не только раскулаченным односельчанам, но и скрывающимся в окрестных лесах и болотах бандитам. Эти «справки» чекисты находили в местах базирования банды Пуртовых.

При таких вещественных доказательствах не было необходимости в доносе Павлика на отца. Как не было и самого суда, на котором сын якобы «открыто заявил, что отец, сам бедняк, бедняков не поддерживал, а, будучи председателем сельсовета, стоял горой за кулака». Судьбу Трофима Морозова решило заседание «тройки» при Полномочном представительстве ОГПУ по Уралу от 20 февраля 1932 года. Указано: «Занимался фабрикацией подложных документов, которыми снабжал членов к/р повстанческой группы и лиц, скрывающихся от репрессирования Советской власти». Постановление «тройки»: «Заключить в исправительный трудлагерь сроком на десять лет». Морозова-старшего отравили на подневольное строительство Беломорско-Балтийского канала, где он и сгинул.

Какова же роль Павлика в этой истории? Председатель сельсовета Морозов был неграмотным, и «справки о бедняцком положении» на вырванных из школьных тетрадок листках заполнял его сын. Он лишь подтвердил райуполномоченному ОГПУ признание своего отца. Но лишившиеся побочных доходов 76-летний дед Сергей и 19-летний дядя Данила не понимали юридической разницы между доносом и свидетельскими показаниями. 3 сентября 1932 года они подкараулили в лесу Павлика и его 9-летнего брата Федю, ударили ножом одного, потом другого...

Бабка Акси́нья застирала в щелоке кровавые пятна на одежде детоубийц. Их судили — уголовное дело в двух томах сохранилось.

Тем, кто сомневается в том, что Павлик Морозов — это реальный персонаж (есть такие скептики), а не чекистско-партийная мистификация, предлагаю ознакомиться с «протоколом подъема трупов пропавших двух мальчиков Морозовых, Павла 14 лет и Федора 9 лет, обнаруженных от деревни Герасимовка на расстоянии один километр. Павел лежал в восточную сторону, на голову был надет мешок, в левой руке между указательного и среднего пальца разрезана мякоть и нанесен смертельный удар ножом в брюхо, в правую паховицу, куда вышли кишки. Второй удар нанесен ножом в грудь, около сердца, под которым находились рассыпанные ягоды клюквы... Второй труп, Федора — на расстоянии от Павла 15 метров. Нанесен удар в висок палкой, а правая щека в запекшейся крови...».

По решению суда были расстреляны 70-летний Арсений Кулуканов, женатый на тетке Павла и Феде по отцу Трофиму, и Данила Морозов, дед и бабка убитых внуков умерли в тюрьме.

Судебный процесс в Тавде в октябре 1932 года подвел черту под деятельностью банды братьев Пуртовых. Полпред ОГПУ по Уралу Решетов получил приказ, во что бы то ни стало ликвидировать «махновцев». Бандиты, чувствуя опасность, стремительно уходили в непролазные Лайминские топи.

Чекистская опергруппа дважды вставала на их пути. В перестрелках погибли Осип и Михаил Пуртовы. Последний удар по банде чекисты нанесли в сентябре 1933 года. В ОГПУ ушло экстренное донесение: «В полутора километрах от хутора Сухарево, что северо-восточнее райцентра Нижняя Тавда, опергруппа Крылова захватила в лесу пособника банды Сухарева, который вывел чекистов к месту базировки банды в болото среди густого камыша. Из-за невозможности скрытного подхода было принято решение дать Сухареву наган для того, чтобы он ранил Пуртова Григория при возникновении перестрелки. Сухарев согласился, и оперработники поползли за ним через болото. Предположения Крылова оправдались: при приближении Сухарева Григорий Пуртов, его брат Павел и другие бандиты, вскочив на лошадей, приготовились к бегству, но, увидев пособника, успокоились. Сухарев, приблизившись к ним, выстрелил в Григория и ранил его. При этом опергруппа бросилась вперед, сосредоточив основное внимание на главаре,

который попытался вместе со своей сожительницей Анной бежать на одной лошади. Ружейно-пулеметным огнем оба были убиты. Павел и другие бандиты скрылись в лесу. Рядовые участники банды сдались. При операции захвачено оружие, боеприпасы, продовольствие, документы, в том числе бланки с печатями сельских советов в количестве 27 штук...».

Ликвидацию банды братьев Пуртовых местное население восприняло с одобрением, о чем свидетельствует постановление собрания колхозников в селе Васюково, больше других пострадавших от бандитизма. «В момент выполнения плана 2-й пятилетки классовый враг, кулак, вор организовались в банду под руководством Пуртовых, стали свирепствовать над колхозниками, заводить свое хозяйство в лесу грабежом хлеба, хищением скота в колхозах. Разгромив банду, работники опергруппы ОГПУ дали возможность колхозникам села Васюкова и других сел и деревень Нижнетавдинского и Тавдинского районов свободно проводить в жизнь мероприятия Советской власти».

В октябре 1933 года председатель ОГПУ Ягода подписал приказ о награждении Решетова, Крылова и других участников чекистско-боевой операции часами с надписью «За беспощадную борьбу с бандитизмом». Ни один из них не пережил 1937 года. Поэтому дела о событиях в бассейне реки Тавды надежно спрятали в спецархивах.

История или мифотворчество

Братьев Морозовых похоронили на краю Герасимовки, потом могилу перенесли в центр села к школе и правлению колхоза имени Павлика Морозова. Там же установили бронзовый памятник, который, по заключению односельчан от 30 декабря 1940 года, «имеет полное сходство с Пашей Морозовым».

Замечено, что навязываемые сверху пропагандистские проекты почему-то не воспринимаются широкой общественностью и не вызывают особого рвения даже у местных чиновников. Официальное восхваление «недюжинного большевика» из Герасимовки сопровождалось казенным равнодушием к судьбе подростка, провозглашенного символом доноительства.

В послевоенном постановлении Свердловского обкома ВЛКСМ (11 сентября 1945 года) отмечалось, что «домик-музей

Павлика Морозова, организованный в 1939 году, находится в запущенном состоянии... Стены растаскиваются на дрова, рам нет, памятники на могиле и на месте гибели П. Морозова нуждаются в немедленном ремонте... В Герасимовской начальной школе, носящей имя Павлика Морозова, пионерская организация до сих пор не создана. Проезжая дорога от Тавды до Герасимовки не благоустроена...». Обком комсомола указал Тавдинскому райкому на его «безответственное отношение к работе домика-музея Павлика Морозова» и разъяснил, какое «большое политическое значение имеет этот объект в воспитании пионеров и школьников...». Для созданной в Герасимовской начальной школе пионерской организации выделили «20 галстуков, горн и барабан», активизировали «через печать, радио пропаганду о жизни и деятельности П. Морозова, разработали до 1 ноября 1945 года тематику бесед для пионерских отрядов и дружин о Павлике Морозове...». Восстановили дорогу до Герасимовки, провели электрификацию и радиофикацию деревни и поставили на постоянное финансирование мемориальный домик-музей...

Это формальное и бездушное отношение к трагической истории отечества и нашего края выразил в наше время в ироничных стихах один из экскурсантов на родину пионера-героя:

На самые майские праздники
Мы едем в деревню Герасимовка.
Как гордые правофланговые,
Гремим барабанами, горнами.
Тепло, мы практически голые:
Рубашки, испанки и гольфики.
По ценам экскурсия бросовым —
На родину Павки Морозова.
Он был пионером и этим... комбедом
Властям сдал отца, а зарезан был дедом.

* * *

В избе толкотня и давка,
Хотя народ пробегает резво.
И нам жалко не Морозова Павку,
А брата его меньшего, тоже зарезанного.
Возможно, могло тогда сложиться иначе,
Но маленький Федя оказался свидетелем.

Вот так всегда: революция, раскулачивание,
А страдают дети...

* * *

Экскурсовод, бывший инструктор райкома,
Унылый, тупой и грозный,
Ведет по тропинке, хорошо ему знакомой,
Как будто сам здесь резал Морозова...
День уже клонится к обеду,
Шмели летают, жужжат мухи,
И что нам эти кулаки-миroeды
И подробности давней той заварухи?

* * *

Голодные, от солнца совсем осовелые,
Едва мы понимаем, в чем там дело,
И можем ли что-то вообще понимать,
Учителькой глупой задержаны:
Мол, подвиг — стучать на отца и мать
В партийные, советские и прочие органы.
Хотя стукнуть на батю — идея не плохая!
А то ведь он третью неделю не просыхает...

В Тюмени другое название старейшей городской улицы не прижилось. К 1939 году, когда пошли на спад массовые политические репрессии, как-то само собой улица Павлика Морозова стала называться как прежде — Водопроводной. Через десять лет здесь заложили здание областного УМГБ—УМВД (сейчас ГУВД по Тюменской области). Сколько пищи местным остро- словам, если бы в адресе этого учреждения значилось имя Пав- лика Морозова!

Все канонизированные советской властью герои прошли за последние два десятилетия жесткую проверку на устойчивость — выдержали немногие. Но Павлик Морозов в компании, пожа- луй, разве только Ленина и Сталина сохранил место в отече- ственной истории.

В Герасимовке дети не дали свергнуть памятник своему свер- стнику, которого не считают ни доносчиком, ни предателем, ни изгоем. Для них Павлик — святой.

Они верят, что если записку с желанием спрятать в один из пустотелых металлических столбов решетки у могилы братьев Морозовых, то это желание обязательно исполнится. И еще ге-

расимовские школьники рассказали, что ежегодно 3 сентября ночью бронзовый Павлик сходит с пьедестала и проходит через все село и дальше по узенькой лесной тропинке, по которой когда-то с тяжелыми мешками клюквы возвращался с маленьким Федей, не ведая об опасности.

Сегодня опять зазвучал призыв написать такую историю, которой народ мог гордиться. Пока трудно представить, чтобы сын нынешнего главы муниципального образования сообщил в «электронное правительство», что его отец за взятки ведет земледелие представителям малого и среднего бизнеса. И если это правда, то считается ли такой донос грехом? «Этот вопрос, по словам священнослужителей Русской православной церкви, взвешивается на очень тонких весах христианской нравственности. В одном случае молчание — грех, в другом свидетельство становится преступлением и грехом... Иногда зло оборачивается добром, иногда добро превращается в зло».

Время рождает новых героев и новых святых. Но и прежних мучеников эпохи не надо гнать из нашей истории и разрушать их памятники. Пусть при слове «Павлик» нам просто будет больно.

Время партизан

В перечень памятных дат России введен День партизана и подпольщика. Он отмечается 29 июня. Именно в этот день в 1941 году вышла директива ЦК ВКП(б), призывающая создавать партизанские отряды для борьбы с врагом.

Дипломат или партизан

Партизанское движение ведет свою историю с 1812 года. Тогда в тылу наполеоновских войск и на их коммуникациях действовали крестьянские отряды старостихи Василины Кожинной (Сычевский уезд Смоленской губернии) и Герасима Корина (район Богородска Московской губернии), а также кавалерийские подразделения русской армии под командованием Дениса Давыдова и Александра Сеславина.

Сочетание народного протеста и офицерской чести, скомошество и гусарская удаль, любовь и ненависть — все это достаточно правдоподобно, интересно и зрелищно показано в двухсерийном художественном фильме-вестерне «Эскадрон гусар летучих», где фехтовальщика, повесу, поэта Дениса Давыдова замечательно сыграл трагически погибший на съемках очередного героического фильма Андрей Ростоцкий.

Что касается более ранней «Гусарской баллады» режиссера Эльдара Рязанова о кавалерист-девице Шурочке Дуровой, то поручик Ржевский в исполнении Юрия Яковлева стал наряду с Чапаевым и Штирлицем любимым персонажем анекдотов.

Лидер большевиков Ульянов-Ленин не спешил записываться в партизаны. В своей статье «Партизанская война» (1906) он рассуждал: «Говорят, что партизанская война неизбежно приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам и бродягам». И вынужденно признавал: «Это верно!».

Но как и на что содержать никогда и нигде не работавших профессиональных революционеров? Сам Ленин только недолгое время занимал должность помощника присяжного поверенного, то есть числился в адвокатуре. Однако неизвестно ни об

одном из выигранных в суде юристом Ульяновым деле. Более господин Ульянов не работал и жил на средства партии. А жить любил за границей, прилично одеваться, читать, питаться три раза в день, посещать кинематограф, кафе, пивные. Партия и ее вожди отчаянно нуждались в деньгах.

Поэтому, по мнению Ленина, партизанская война — конфискация (экспроприация) денежных средств у правительства и частных лиц, и даже бандитизм и разбои должны принимать сознательные и организованные формы.

Таким криминальным бизнес-предприятием большевиков стала созданная в 1905 году «боевая техническая организация», которой руководил Леонид Борисович Красин.

Его имя и судьба крепко связаны с нашим городом. Прадед был городничим в Тюмени, дед судьей, отец окружным исправником. Сибирская пресса так отзывалась о тюменском исправнике Красине: «Человек, завоевавший себе в людях, очевидно, знавших его, такую прочную и живую уверенность в его честности, приобретший с их стороны такие прочные симпатии». Непонятно, правда, на чем возникли и окрепли эти «симпатии», и если на основе честности, то уже неплохо. Ялуторовские политические ссыльные, к примеру, отмечали, что исправник Красин хотя и не давал им льгот и отказывал в просьбах, но «не позволял себе ни оскорблений, ни излишней жестокости».

Детство и юность Красина-младшего прошли в Тюмени, в доме № 7 по улице Семакова (тогда она называлась Подаруевской). На этом двухэтажном деревянном доме была когда-то мемориальная доска с надписью: «Дом, в котором провел юношеские годы Красин Леонид Борисович (1870—1926) — выдающийся дипломат советского государства». И хотя этот дом подлежал охране как «всемирное достояние», но зимой 1993 года таинственно сгорел. Теперь там современная высотка, на которую уже не сподобились перенести памятную табличку.

В 1967 году на здании сельхозинститута укрепили еще одну мемориальную доску с барельефом Красина и надписью: «Здание бывшего реального училища (построено в 1878 году). В 80-х гг. XIX века здесь учился Красин Леонид Борисович, известный советский дипломат».

Сам Красин вспоминал: «...Один из наиболее выдающихся учителей нашего училища, химик Ф.Г. Багаев, сам был старым

технологом (выпускник Петербургского технологического института), знавал лично Перовскую и Желябова и, будучи в хороших отношениях с учениками старших классов, делился с ними кое-какими воспоминаниями... Реальное училище в Тюмени (школа по тому времени очень хорошо организованная) дало мне порядочные знания в области математики и естественных наук, в частности химии».

Можно предположить, что в нашем городе будущий бизнесмен, боевик и дипломат не только узнал о террористах-народовольцах, но и научился изготовлению в домашних условиях взрывчатых веществ.

Окончив в 1887 году Тюменское реальное училище, Красин продолжил образование в технологическом институте в Петербурге. Считался неплохим инженером-технологом, четыре года работал на нефтяных промыслах в Баку и шесть лет представлял в России германскую электротехническую фирму «Сименс и Шуккар». Зная о положении на мировом нефтяном рынке и о долгосрочных стратегических интересах крупнейших иностранных компаний, Красин преуспел в отмывании крупных денежных средств, добытых лихими партизанскими провинциальными отрядами.

В феврале 1906 года латышские боевики под руководством известного специалиста по экспроприациям Яниса Лутера (Бибиса) совершили нападение на русское отделение Гельсингфорсского государственного банка, где похитили около 50 тысяч рублей.

Отличился позднее воспетый писателем Аркадием Гайдаром уральский налетчик Лбов, от фамилии которого даже появился термин «лбовщина». Этот боевик со своей партизанской дружиной ограбил на Каме самый большой и быстроходный пароход, названный «Анной Степановной» в честь жены основателя Камской паровой компании И.И. Любимова (второй такой же пароход назывался соответственно «Иван Иванович»). Захваченные партизанами средства (более 30 тысяч рублей) предназначались для финансирования важных боевых акций.

Другим известным боевиком был легендарный Камо (Тер-Петросян). Одна из его крупных экспроприаций в центре Тифлиса (Тбилиси) состояла в захвате денег при их перевозке с почты в казначейство. При нападении на инкассаторский конвой трое было убито и несколько десятков ранено. Похищено более полумиллиона казенных денег (по тем временам огромные день-

ги). В этой акции принимал участие молодой Иосиф Сталин. По некоторым данным, его схватила тогда полиция, а адвокатом стал господин Вышинский — так состоялось знакомство будущего вождя народов и будущего Генерального прокурора СССР, главного государственного обвинителя на всех политических процессах 30-х годов.

Добытыми преступным путем деньгами (революционеры не считали такой разбой преступлением) Сталин не воспользовался, о чем свидетельствует отправленное им из туруханской ссылки письмо депутату Государственной думы Роману Малиновскому, тому самому, разоблаченному позднее в сотрудничестве с царской охранкой и расстрелянному по решению ВЧК.

Письмо провокатору Малиновскому сопровождается следующей справкой начальника Енисейского жандармского управления полковника Байкова: «4 января 1914 г., г. Красноярск. Совершенно секретно.

Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести вашему превосходительству, что автором таковых является гласнонадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили. Адресат таковых член думской фракции с.-д. Роман Вацлавович Малиновский. Меры к недопущению побега Джугашвили мною приняты».

Далее такая бумага:

«От Иосифа Джугашвили.

Конец ноября. Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель, в связи с усилившимися морозами (37 градусов) общее состояние болезненно, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но деньги... нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву (депутаты Госдумы от социал-демократов. — А.П.).

Моя просьба состоит в том, что если у соц.-дем. фракции до сих пор остается фонд репрессивных (своего рода «общак» на

поддержку — «грев» заключенных и ссыльных единомышленников — «братвы» — А.И.), пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне помощь хотя бы в руб. 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но, главным образом, как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то, м.б., вы все сообща выдумаете что-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно — никогда нет времени, но, черт меня дери, не к кому больше обратиться, а околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губ., деревня Костино, Иосифу Джугашвили... Ну-с, жду от тебя просимого (в этом злосчастном крае, где нет ничего, кроме рыбы, деньги нужны, как воздух). Крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании, ребятам... Неужели мне суждено здесь прозябать 4 года... За все свое пребывание в туруханской ссылке получил всего 44 руб. из-за границы и 25 руб. от Петровского. Больше я ничего не получал. Твой Иосиф».

В отличие от Сталина и других боевиков Красин в ограблениях банков, налетах на почтовые поезда и пароходы не участвовал, бомбы в жандармов не бросал, маузером не размахивал. Поэтому в тюрьмах не сидел и в ссылках от безденежья и тоски не страдал. Ленин называл Красина «ответственным техником, финансистом и транспортером партии». Сегодня по-новому звучат слова писателя Горького: «Обаяние Красина было неотразимо, его личная значительность сразу постигалась самыми разнообразными людьми». Попробовали бы они «не постигнуть»! Странная связь с Красиным погубила легендарного московского предпринимателя Савву Морозова: в мае 1905 года на берегу Средиземного моря, в номере «Ройяль-отеля» 44-летний ситцевый магнат застрелился. Говорили, что накануне ничто не предвещало трагической развязки — Савва Тимофеевич собирался в казино и был в нормальном расположении духа. О точных размерах морозовского капитала сегодня можно только догадываться. «Т-во Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К^о» входило в тройку самых прибыльных производств России. Морозовские изделия вытесняли английские ткани даже

в Персии и Китае. Но недаром побаивалась матушка Мария Федоровна: «Горяч Саввушка!.. Увлечется каким-либо новшеством, с ненадежными людьми свяжется, не дай бог».

Увы, Бог не уберег его от актрисы Художественного театра Марии Федоровны Андреевой, по иронии судьбы тезки его матери. «Товарищ феномен», как называл ее Ленин, сумела заставить влюбленного Савву Тимофеевича раскошелиться на нужды революции.

Решение уйти из жизни вряд ли было внезапным для крупнейшего российского капиталиста. Под давлением Красина Морозов застраховал свою жизнь на 100 тысяч рублей. Страховой полис «на предъявителя» он передал Андреевой. Значительная часть этих средств поступила в фонд социал-демократической рабочей партии, на помощь которого так рассчитывал в турханской ссылке Джугашвили—Сталин.

Дела и поступки Красина разными людьми в разное время оценивали по-разному. В книге Игоря Бунича «Золото партии» дана такая характеристика: «...Знаменитый Красин, которого, казалось бы, не надо представлять, если бы о нем за последние 75 лет написано хоть одно слово правды. Одаренный инженер, он имел душу и навыки профессионального преступника, а потому чутьем и интуицией тянулся к большевикам... Диапазон его увлечений мог бы составить несколько томов уголовного дела: от организации налетов на банковские фургоны и подготовки к выводу из строя столичной кабельной электрической сети до изготовления фальшивых денег и травильного убийства... Дерзкий и решительный авантюрист, любивший рискованные действия, Красин разочаровался в Ленине, открыто издевался над приходящими из Цюриха его статейками, призывающими к революции в Швейцарии. Когда в Петроград прибыл известный партийный курьер Георгий Соломон с целью собрать средства для бедствующего в эмиграции вождя мирового пролетариата, Красин вынул бумажник и протянул две пятирублевые купюры. Соломон с возмущением отказался, заявив, что обойдутся и без Красина. «Как хотите, — пожал тот плечами, пряча банкноты обратно в бумажник. — Не сердись, Георгий, Ленин не заслуживает помощи. Он охвачен манией разрушения и непредсказуем. Никто не знает, какая мысль родится завтра в его татарской башке. Шел бы он к черту. Давайте лучше пообедаем...».

После Октября 1917 года Красин не снискал особой славы в переговорах в Бресте с немцами о заключении мирного договора: от России отторгались Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Украина, Крым, Закавказье; оккупированные области Белоруссии и России оставались у немцев до выполнения Советами всех кабальных условий договора: на Россию налагалась контрибуция в 6 млрд. марок золотом, плюс уплата немцам убытков, понесенных в ходе революции, — 500 млн. золотых рублей... Фактически Россия попала в полную экономическую зависимость от Германии.

Как нарком торговли и промышленности (с марта 1920-го нарком внешней торговли) Красину не удалось реализовать идею сдачи нефтяных промыслов Баку и Грозного в концессии капиталистам нейтральных стран и использования нефтепродуктов как одной из статей советского экспорта. Инженер и экономист Красин, в отличие от других профессиональных, но малограмотных революционеров, сразу осознал, что нефть может не только давать доход в валюте, но и служить мощным оружием во внешней политике. Оставаясь в душе партизаном, хранитель подпольного партийного «общака» слишком много знал о том, как добывались деньги «для диктатуры пролетариата» и на что действительно расходовались. Поэтому жил недолго: обстоятельства странной смерти 24 ноября 1926 года в Лондоне полпреда Красина все еще неизвестны.

20 июля того же года неожиданно умер в Москве еще один хранитель партийных тайн — основатель и руководитель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

Двумя годами раньше, катаясь на велосипеде, угодил под автомобиль главный добытчик партийных денег боевик Камо.

Сталин, возглавив партию и государство, отмежевался от участия в бандитских нападениях и предстал только теоретиком и несгибаемым борцом-революционером. Никакого криминала!

31 января 1928 года президиум Тюменского горсовета постановил: «...по ходатайству учащихся Тюменского мелиоративного техникума имени Л.Б. Красина переименовать Телеграфную улицу в улицу Л.Б. Красина».

Имя революционера-партизана, инженера-нефтяника и советского дипломата в названии техникума-сельхозинститута-академии забылось (и зря!). Но улица, берущая начало у реки Туры и, пересекая улицы Республики и Ленина, сбегаящая к оврагу у общежития университета, осталась.

Верховная законодательная и исполнительная власть извлекла свои уроки из недавнего революционного прошлого и поставила на государственное финансирование политические партии, представленные в Государственной думе («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ). Так что все налогоплательщики, вне зависимости от своих политических пристрастий, в равной степени поддерживают основные политические силы.

Такая «толерантность» исключает партизанщину.

Партизаны «затерянного мира»

Гражданская война на окраинах России (Сибирь не исключение) была по своему содержанию партизанским движением. Особенно в 1918 году. Горькая песня гайдаровского Бумбараша ярко характеризует партизанское состояние той жизни:

Красные, зеленые,
золотопогонные...
А голова у всех одна,
как и у меня...

Бывшие красные партизаны представляли значительный слой советского общества 20–30-х годов. В период Гражданской войны их участие в борьбе против белогвардейцев, особенно на таких широких пространствах, как Сибирь, имело для большевиков решающее значение. Организовав по собственной инициативе крупные военные отряды и даже целые армии в тылу войск адмирала Колчака, партизаны обеспечили быстрый успех частям Красной армии.

Очевидец, приехавший путем пастернаковского доктора Живого из Петрограда в Сибирь, рисует следы буйства партизан, которые «приутожили падение Колчака и легкое торжество Ленина и Троцкого...».

«Что подняло их с пиками в руках против режима, утвердившего их собственнические права, — спрашивает мечтатель-интеллигент. — Отчасти бесчинства атаманов, поборы, побон и хищничество, чинимые самовольно местной воинской властью... Но лишь отчасти... Мятежная вольница тайги восстала против порядка как такового... Когда саранча эта спускалась с гор на города с обозами из тысячи порожних подвод, с бабами — за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью, граж-

дане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома...».

И Ленина пугала партизанщина. В марте 1919-го на VIII съезде РКП(б) он заявил: «...Пора уже изжить эти остатки партизанщины, которые были необходимы в определенный период... те традиции героизма будут памятны, но теперь период другой — на первом плане должна быть регулярная армия... Как огня надо бояться партизанщины, своеволия отдельных отрядов, непослушания центральной власти».

Можно понять чувства Ильича, если бравый сибирский партизан Тряпицын, именуя себя то большевиком, то эсером, то анархистом, носился по Амуру, сея кругом смерть и разруху. Из-за резни тряпицынским отрядом японских граждан в Николаевске-на-Амуре и убийства 80 иностранных солдат у Советской России едва не начался очень несвоевременный тогда вооруженный конфликт с Японией. Но когда Ленин телеграфировал обезумевшему от крови партизанскому командиру немедленно прекратить резню, от Тряпицына в Москву ушла недвусмысленная ответная депеша: «Тебя самого, Ленин, поймаю — повешу!».

Пришлось отправить в Приамурье «укротителя сибирских партизан», уроженца Тобольска, командира «Отряда северной экспедиции» Александра Лепехина, награжденного за чекистско-войсковую операцию по освобождению от белогвардейцев Тобольского, Сургутского и Березовского уездов почетным революционным оружием — шашкой с вызолоченным эфесом и наложенным на него орденом Красного Знамени (этим особым видом награды были отмечены за Гражданскую войну всего двадцать военачальников, почти всех их расстреляли в 30-е годы по вымышленным обвинениям как «врагов народа»).

Чекистский спецназ Лепехина тайно захватил штаб партизана Тряпицына и ликвидировал его вместе с любовницей Лебедевой-Кияшко, зверствовавшей не меньше своего друга.

Тем не менее услуги партизан после окончания Гражданской войны и разгрома вооруженных белогвардейских отрядов, рассеявшихся по всей Сибири, были достойно оценены новым режимом. Лидеры и активные участники партизанского движения получили боевые награды, различные привилегии и официаль-

но признавались социальной опорой Советской власти. На местах создавались комиссии и секции бывших красногвардейцев и партизан — такие объединения имелись в Тюмени и Тобольске (в Государственном архиве социальной и политической истории Тюменской области сохранился устав этой секции).

По ходатайству бывших партизан улицу в заречной части Тюмени назвали именем Лазо. Сергей Георгиевич Лазо в истории революции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке стал известен не столько своими героическими действиями и организаторскими способностями, сколько своей мученической смертью.

Его, не называя по имени, прославил в 1924 году в поэме «Владимир Ильич Ленин» поэт Владимир Маяковский:

Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас банды
Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали
свинцом и оловом...

Считалось, что захватившие в 1920 году власть во Владивостоке японские интервенты арестовали Лазо и после пыток сожгли его в топке паровоза.

С обстоятельствами гибели переданных японцами белым казакам атамана Семенова партизанских вожаков Лазо и Сибирцева, а также бывшего офицера военной разведки царского Генштаба в Японии Алексея Луцкого, служившего после 1917 года в Иркутской ЧК, до сих пор нет полной ясности.

Но все советские люди на протяжении многих лет знали, что кровожадные японцы повинны в смерти юного комсомольца Виталия Бонивура и большевика Лазо, сожженного в топке паровоза. Потому что читали в школе стихи поэта Иосифа Уткина: «Мальчишку шлепнули в Иркутске, ему семнадцать лет всего...», и смотрели кинофильмы «Сердце Бонивура» и «Сергей Лазо».

Мало кто при этом задумывался о причинах и условиях пребывания на восточных окраинах России японского экспедици-

онного корпуса и особенностях господствовавших в тех местах партизанщины и атаманщины. Самозванные атаманы Забайкальского и Уссурийского казачьих войск Семенов и Калмыков, как и наследовавший затем их дело барон-атаман Унгерн фон Штернберг, то признавали верховную для всех белых власть Колчака в Омске, то вновь отвергали, становясь то белыми, то зелеными полубандитами-полупартизанами.

Но и захвативший в Монголии Унгерна народно-партизанский вожак в Сибири Петр Щетинкин, вступивший позднее в РКП(б) и в ГПУ, в бурные годы Гражданской войны своим бойцам и крестьянам в селах вдоль Енисея так излагал поначалу свою политическую платформу: «Я монархист, я за государя императора, я против свержшей его февральской революции и стоящих за нее разрушителей России — белых Колчака и Деникина».

И тут же рассказывал ошарашенным сибирякам: «А вы знаете, что в Москве монархисты во главе с великим князем Николаем Николаевичем Романовым в союзе уже с Лениным и Троцким, и все они с нами за сильную неделимую Россию, а Колчак с Деникиным против нее — они дружки Керенского. Призываю всех православных встать с князем Николаем и Лениным против белых на защиту святой веры и России от поругания кадетами!».

И как только люди того смутного времени в этом потоке идейного бреда со всех сторон вообще умудрялись ориентироваться в жизни! Впрочем, послушать иных нынешних больших политиков, почитать их научные труды — недалеко их «национальные идеи» от воззрений сибирского партизана Щетинкина.

Свои или чужие

Наш край не относился к ярко выраженной партизанской территории. Видимо, местное население было более законопослушно и терпимо к смене политических режимов. Своих, доморощенных партизан, для того чтобы их именами назвать тюменские улицы, не нашлось. Кандидатуру бывшего начальника штаба Красной гвардии в Тюмени и партизана Василия Злобина, возглавлявшего в 30-е годы в нашем городе правление артели инвалидов «Свой труд», на заседании секции красногвардейцев и партизан отклонили. Злобин провел до этого решение беспокойную жизнь. Еще в 1916 году в Омске, где учился в коммерческом училище,

вступил в подпольную большевистскую организацию другого уроженца Тобольска Залмана Лобкова (расстрелян белыми в 1919 году в Челябинске, а его именем названа улица в тюменском микрорайоне Парфеново). Злобин участвовал в Октябрьском перевороте в Петрограде, в марте 1918-го вместе с карателями из «первого Северного морского отряда» Михаила Запкуса расстрелял в Тюмени «близ каталажной тюрьмы без соблюдения формальностей 14 горожан, среди которых были помощник начальника уголовной милиции Кальченко и прапорщик Сарычев, которых подозревали в организации антисоветского восстания».

После оставления 20 июня 1918 года красными Тюмени Злобин воевал с белыми в составе 29-й стрелковой дивизии.

В 1921-м с должности военкома 256-го полка переведен в Тюмень ЧУСНАБАРМом (чрезвычайным уполномоченным по снабжению армии), недолго служил в Тюменском отделе ГПУ, дважды исключался из партии за моральное разложение (точнее, за пьянство), трижды судим за растрату казенных денег, страдал алкоголизмом и эпилепсией...

Из-за отсутствия своих достойных партизанских кадров еще одну улицу в Парфеново называли именем Артема Избышева, руководителя отряда дезертиров, скрывавшегося от колчаковской мобилизации в Тарском уезде. Под новый, 1919 год, 29 декабря, когда в школе села Седельниково шел новогодний спектакль, на который, понятное дело, собрались и стар и млад, включая местную милицию, «...в село въехали неизвестные лица, приблизительно 7 чел., и открыли из винтовок стрельбу вдоль улицы. Во время столкновения с милицией один из милиционеров был убит, остальные разбежались... Благодаря урманной местности и глубоким снегам преследование преступников даже высланным воинским отрядом не привело к благоприятным результатам...».

Партизанская война в Прииртышье была полна экзотики. «...Для устрашения врагов мешочки с порохом подвешивались к высоким деревьям и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на колчаковские власти. Партизаны смело вступали в деревни, ежели там не было белогвардейских отрядов, ходили по улицам с песнями (неприменно с революционными), агитировали о свободе, хвалились своей силой. Вволю попев, партизаны уходили за околицу, давали залп из всех ружей, затем с шумом, с песнями, временами стреляя,

медленно двигались к селу Новомихайловскому (считалось базой местного партизанского движения. — А.П.)».

Колчаковцы всполошились после того, как в июне 1919-го партизаны Избышева обстреляли пароходы, курсировавшие по Иртышу. Управляющий Тарским уездом доложил в Омск: «Положение в с. Седельниковском все более и более ухудшается. Первоначально маленькая шайка Избышева превратилась в довольно внушительную... Распускаются слухи, что в Седельниковской волости оперирует банда в 3000 чел., которая скоро займет Тару и двинется на Омск».

Колчак направил в мятежную волость карательный отряд полковника Франка, усиленный поляками полковника Кадлеца и флотилией под командованием капитана Фомина.

Решающий бой произошел 27 июля 1919 года у Унарского моста через реку Уя. Избышев еще 26 июля отправился в Седельниково, чтобы организовать оттуда помощь унарцам, но задержался в пути и прибыл в село, когда его уже заняли белые. Попавшего в засаду предводителя тарских партизан расстреляли, по другим сведениям он застрелился.

Полковник Франк донес Колчаку: «Ни в одном из порученных мне районов нет больше вооруженных шайк, все они разбиты и разоружены. Главный руководитель восстания Тарского уезда Артемий Избушев (Избышев), а также его главные помощники: два брата Дубко, Коклемин и приехавший из Советской России агитатор Маргевич — частью казнены, частью убиты в сражениях». Далее в донесении Франк отметил: «...польский отряд полковника Кадлеца ограбил несколько селений начисто, включительно до белья и одежды».

Заигрывание советских властей с бывшими союзниками — партизанами, численность которых в Сибири составляла десятки тысяч человек, прекратилась в 1929 году с началом коллективизации. Большевикам никак не удавалось расколоть партизан, обособив их «кулацкую верхушку». Этому сильно препятствовали традиционная сибирская внеклассовая спайка и бывшая боевая солидарность партизан. В некоторых округах Западной и Восточной Сибири они возглавили крестьянские восстания против насильственной коллективизации.

В партийной печати, включая тюменскую газету «Красное знамя», заговорили о «плохих партизанах», потом был введен

запрет на проведение съездов, конференций и собраний «из одних партизан».

ОГПУ насадило в основных партизанских районах сеть тайных осведомителей и агентов — таким образом контролировалось поведение бывших партизан. Местная агентура обязана была «освещать... политико-моральное состояние партизанских авторитетов, отношение партизан к коллективизации, а также выявлять наличие организованных видов контрреволюционной деятельности и повстанческих тенденций среди бывших партизан».

Подводя итоги общесибирской оперативной разработки «Свои люди», ОГПУ указывало: «Часть лиц этих категорий, принимавшая участие в партизанском движении и впоследствии занимая те или иные ответственные посты, — позднее вследствие неумения работать на советских должностях, — оставшись без службы, принуждены были возвращаться или к сельскому хозяйству, или в производство. Это обстоятельство послужило причиной обиженности...».

Очередной этап уничтожения партизан начался в 1936 году после ареста и расстрела организатора партизанских отрядов на Урале, комбрига сформированной в Тюмени 51-й стрелковой дивизии, командующего войсками Приуральского военного округа (Екатеринбург) и первого начальника строительства БАМа Сергея Мрачковского.

НКВД громило бывших героев-партизан во всех районах их проживания: на Алтае, в Кузбассе, Восточной Сибири, на юге Красноярского края, в Иркутске, в Тобольске. «Весь 1938 год вскрывались «районные» и «поселковые партизанские ячейки», производились аресты членов семей партизан. В списке арестованных и расстрелянных оказались многие известные в то время партизанские командиры: Василий Яковенко, Ефрем Рудаков, Николай Малышев, Григорий Шаклеин, Иван Третьяк, Родион Захаров, Михаил Перевалов... После XX съезда КПСС их имена были возвращены улицам сибирских городов. Тогда же именем расстрелянного в 1938 году в Омске югорского партизана Платона Лопарева назвали улицы в Ханты-Мансийске, Тобольске и Тюмени.

Выполняя партийно-чекистские приказы по уничтожению бывших партизан, начальник Тюменского отдела НКВД Николай Петров и сменивший его Павел Прищепа хотели «развернуть» из спившихся и нездоровых местных «красногвардейцев и партизан» свою «троцкистскую организацию».

В феврале 1938 года бывшего начальника штаба Красной гвардии в Тюмени Злобина арестовали «за связь с руководителями право-троцкистского блока». Через десять лет ему припомнили, как в 1928-м через Тюмень в Тобольск в ссылку под конвоем чекистов везли бывшего члена ЦК ВКП(б) Карла Радека, чье имя гремело в партии и в мировом коммунистическом движении. Тогда работавший киоскером «Союзпечати» на железнодорожном вокзале Злобин крикнул проходившему мимо его киоска партийному оппозиционеру: «Привет, Радек!».

Легко добившись от Злобина признательных показаний, чекисты провели в мае 1939 года в Тюмени судебный процесс. Но к тому времени репрессивно-политическая конъюнктура изменилась: Ежова на Лубянке сменил Берия, и в чекистских рядах началась очередная чистка.

На суде Злобин отказался от своих «признаний» и заявил, что «подписанные мной показания являются легендой, составленной самим следователем Акимовым, применявшим ко мне меры психического воздействия, а именно: держал меня на конвейерных допросах, где неустанно твердил, что я враг Советской власти и должен расколоться и подписать все материалы следствия...».

Следователь Акимов написал, что «...Злобин специально встретил Радека на станции Тюмень, где получил от него задание по вербовке троцкистских кадров. Будучи по состоянию своего здоровья психически больным человеком, близким к сумасшествию, я решил подписать все, что мне подсунул следователь, так как мое сопротивление было бесполезным».

Перед лицом прибывшего в Тюмень высокого судебного начальства Злобин воскликнул:

— Как известно, все политические преступники, а в особенности такой, как Радек, не мог следовать без конвоя — это первое. Второе — никогда бы Радеку не разрешили вести беседу с посторонними лицами, а выходит, что я в присутствии московской охраны и начальника Тюменского отдела ОГПУ разговаривал с Радеком и получил от него шпионское задание. Отсюда вытекает: или все это сплошная нелепость и фантазии следователя, или сопровождавшие Радека чекисты тоже были троцкистами, которые дали мне, продавцу киоска «Союзпечати» Злобину, возможность свидания с Радеком для получения от него шпионских инструкций...

В такой ситуации суд направил дело Злобина на доследование, и оно было прекращено УНКВД по Омской области в сентябре 1939 года при новом начальнике — Захарове — прежние Валухин и Волохов сами ждали в тюрьме расстрела, а следователь Акимов был уволен из органов НКВД и исключен из ВКП(б).

Общая численность исчезнувших в 30-е годы партизан Гражданской войны не поддается учету. Однако можно определенно утверждать, что в годы «большого сталинского террора» основная часть этой социальной группы была уничтожена. Причина террора состояла не в том, что бывшие партизаны или хотя бы верхний их слой из наиболее сплоченных и мужественных людей могли представить потенциальную опасность для режима Сталина. Просто этот режим не признавал никакой общественной консолидации вообще, кроме той «управляемой», которая непосредственно отражала бы интересы тирана.

К началу 1937 года в Советском Союзе была создана обстановка для того, чтобы физически устранить не только всех бывших противников Сталина, но и ликвидировать прочие общественные силы, сохранившие относительную самостоятельность. Предоставленную возможность расправиться с партизанской вольностью как угрозой «единству партии и народа» сталинские опричники использовали до конца.

Ахтунг! Партизанен!

Великую Отечественную войну нельзя представить без партизанского движения. Однако в сталинской военной доктрине «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» не было места партизанам.

Опытный диверсант-подрывник Илья Григорьевич Старinov, руководивший в НКВД особой группой минеров, свидетельствовал: «...Большинство подготовленных и переученных нами в конце 20-х и начале 30-х годов партизан... были репрессированы. Никто разработкой планов партизанского движения в тылу врага не занимался. Постановки вопроса о создании специальных диверсионных средств не стояло.

Если бы перед войной уделяли внимание партизанам, то наши партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны...».

Сталину и его стратегам требовались для наступления только диверсанты, причем действовать они должны были в Польше, Германии, Чехословакии и Румынии. К тому же диверсионные группы следовало набирать не из белорусов или украинцев, а из поляков, немцев, чехов, словаков, румын. И, как утверждал тогдашний командир находившегося в СССР чехословацкого легиона Людвиг Свобода, с ним и представителями чешского правительства в изгнании в Лондоне советский Генштаб в апреле—мае 1941 года «достиг договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении саботажа и обмене информацией».

Внезапное германское нападение помешало реализации этого замысла.

Вермахт отбросил Красную армию к Москве. К декабрю первого года войны во вражеском плену оказалось более 3,5 миллиона советских военнослужащих. Оставшиеся в тылу наступающих немецких войск красноармейцы, которым посчастливилось избежать плена, стихийно сбивались в партизанские отряды. Разочаровавшиеся в оккупантах как освободителях от большевиков местные жители стали помогать партизанам, пополняя их ряды и снабжая продовольствием и одеждой. Оружие и боеприпасы черпались партизанами из брошенного частями Красной армии при отступлении.

Поражение немцев под Москвой способствовало развитию партизанского движения. Многим стало казаться, что немцы скоро покатятся назад к границе под мощными ударами советских войск.

Появились первые героини, именами которых называли улицы в Тюмени. Прилегающая к нынешнему Комсомольскому скверу (заложен в апреле 1961 года) улица получила имя Зои Космодемьянской.

Впервые о судьбе десятиклассницы 201-й московской школы написал военных корреспондент «Правды» Петр Лидов. К нему из документов разгромленной в январе 1942 года под Москвой немецкой дивизии попала фотография, обошедшая позднее весь мир: девушка с петлей на шее и табличкой «Поджигатель».

Тогда Лидов не знал ее настоящего имени. Свой очерк, опубликованный 27 января 1942-го в «Правде», он назвал «Таня». Потом труп партизанки, повешенной в деревне Петрищево, эксгумировали — так опознали Зою Космодемьянскую.

Страна остро нуждалась в героях: немцы все еще стояли под Москвой. Уже 16 февраля Зое посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. 18-летняя комсомолка-партизанка стала первой из героинь-женщин (это звание за всю войну получили 86 женщин, в том числе 29 летчиц, 17 санинструкторов и 26 партизанок...).

«...Зоя подкралась к конюшне на краю села, там стояло больше двухсот лошадей. Достала из сумки бутылку с бензином, плеснула из нее и уже нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой, и тут ее сзади схватил часовой».

Так описывался в советской литературе подвиг Зои Космодемьянской. В действительности она не была партизанкой. Мобилизованную комсомолом девушку в ноябре 1941-го направили в войсковую часть 9903, которой командовал майор Артур Спрогис. В пригороде Москвы Кунцево, в здании детского сада вчерашних школьников обучили навыкам диверсионной работы: закладывать взрывчатку, бросать бутылки с бензином, поджигать...

Через четыре дня после такого обучения — 23 ноября — группу из десяти человек, в которую включили Зою, перебросили на занятую немцами территорию Наро-Фоминского района.

17 ноября 1941 года вышел приказ Сталина разрушать и сжигать все населенные пункты в немецком тылу. Такая политика Сталина вполне согласовывалась с его отношением к населению СССР, с одной стороны, и собственному партийному курсу — с другой.

По словам историка Дмитрия Волконогова, люди для Сталина «никогда не имели значения. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы мертвых сограждан давно стали для него привычными». Приказав уничтожать продовольствие, предприятия, жилые дома, «отец народов» совершенно не считался с оставленным на оккупированных территориях населением.

18 ноября журналист Илья Эренбург описал политику «выжженной земли»: «Немцы нашли у нас пустые амбары, взорванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы».

Отправляя в тыл противника неопытных диверсантов, Спрогис знал, что они попадут в руки немцев — из пяти тысяч добровольцев в/ч 9903 уцелело лишь около тысячи.

Прощаясь, Спрогис вручил Зое револьвер: «Если попадешься, то лучше застрелись. Ты слишком хороша, чтобы они просто так тебя повесили».

Пять дней диверсанты блуждали в подмосковных лесах. Четверо отстали по дороге. Трое смалодушничали. Других поджигателей задержал 55-летний лесоруб Верейского лесхоза Семен Свиридов и передал немцам. Зоя не успела застрелиться. На допросах упорно молчала, даже свое настоящее имя не выдала. Пытки не помогли. Утром 29 ноября ее повесили.

13 сентября 2008 года Зое Космодемьянской исполнилось бы 85 лет. Ее земляки-тамбовчане (она родилась в селе Осиновые Гаи Тамбовской области) обратились в местную епархию с просьбой канонизировать героиню. Специальная комиссия по канонизации при Московской патриархии отнеслась к этой идее настороженно. Историки доказали, что в домах, которые пыталась поджечь девушка, не было гитлеровцев (лесоруба Свиридова «за пособничество врагу» приговорили 4 июля 1942 года к расстрелу).

Но во время войны мученическая смерть Зои Космодемьянской, воспетая Маргаритой Алигер в поэме «Зоя» и показанная в одноименном кинофильме (режиссер Лазарь Арнштам), а также названные в ее честь улицы в советских городах призывали сверстниц к такому же самопожертвованию.

Среди тех, кто, повинувшись душевному порыву, оказался в тылу врага, была эвакуированная в Тюмень 19-летняя Марите Юозовна Мельникайте.

В мае 1943 года после окончания курсов подрывников ее в составе диверсионной группы забросили на территорию оккупированной гитлеровцами Литвы.

К тому времени Москва уже поставила партизанское движение под свой контроль. Сначала им руководили военные советы соответствующих фронтов и находившиеся при них представители НКВД, а также компартии союзных республик и подпольные обкомы оккупированных областей РСФСР. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко.

Но в Прибалтике и Бессарабии массового партизанского движения так и не возникло. Население прибалтийских государств в подавляющем большинстве не питало никакой симпатии к советскому строю и смотрело на германскую оккупацию как на меньшее зло. А в Молдавии из 2892 партизан этнических мол-

даван было лишь семеро, а основную массу составляли русские, украинцы и белорусы. Так что песня про «смуглянку-молдаванку», собирающую партизанский молдаванский отряд, не более чем поэтическая фантазия.

Партизанский отряд, в котором находилась Марите, просуществовал недолго. В ночь с 6 на 7 июля 1943 года местные жители навели на остановившихся на одном из лесных хуторов партизан литовских полицейских и немецких карателей. Девушку схватили. Подорвать себя самодельной гранатой она не смогла. По примеру Зои Марите снесла все пытки. Мольбы о пощаде враги от нее не слышали. 13 июля ее расстреляли.

Перед освобождением Прибалтики от немецких оккупантов и для активизации внутреннего сопротивления антигерманских сил Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 марта 1944 года литовской партизанке (единственной в Литовской Республике) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Позднее, 29 декабря 1958 года, проектируемая новая улица в Тюмени была названа ее именем (первые дома построены здесь в 1963 году).

Появление в нашем городе «партизанских» улиц предопределил приказ наркома обороны Сталина от 1 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Там говорилось: «Партизанское движение должно стать всенародным. Это значит, что существующие сейчас партизанские отряды должны не замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения... Основные задачи партизанского движения: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей».

Сталин был недоволен тем, что «действиями партизан еще не охвачены города». Поэтому требовал: «Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу...».

В качестве пропагандистского примера был выбран город Краснодон в Ворошиловградской области, в котором после его оккупации 20 июля 1942 года стихийно возникли несколько молодежных подпольных групп, объединившихся 30 сентября

(то есть после вышеупомянутого приказа Сталина) в организацию «Молодая гвардия». Тайком слушали по четырем спрятанным радиоприемникам сводки «Совинформбюро» о положении на фронте, выпускали и распространяли листовки, вывесили в канун 25-й годовщины Октября восемь красных флагов...

После хищения из немецкого обоза рождественских посылок для солдат и офицеров вермахта созданная оккупантами из местных жителей уголовная полиция легко вычислила «молодогвардейцев». Замученных до смерти, а некоторых и живых юношей и девушек (71 человек) в январе 1943-го сбросили в шурф шахты № 5. Руководителей молодежной подпольной организации Олега Кошевого и Любовь Шевцову (на нее возлагалась связь с НКВД) расстреляли 9 февраля.

15 сентября того же 1943-го в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любви Шевцовой и о награждении орденами и медалями других молодогвардейцев (посмертно). В той же газете поместили очерк Александра Фадеева «Бессмертие», развернутый им в 1945-м в роман «Молодая гвардия» и экранизированный через год режиссером Сергеем Герасимовым (первая редакция фильма была забракована Сталиным и послужила началом пересмотра концепции не только киноленты, но и книги Фадеева).

О юных краснодонцах узнала вся страна. В Тюмени на окраине тогдашнего поселка Железнодорожников появилась улица и переулок Молодогвардейцев. Позднее к ним добавилась улица Олега Кошевого. Другие улицы, названные в честь Громовой, Земнухова, Тюленина и Шевцовой, располагавшиеся у Вторых путей между нынешними улицами Белинского, Таврической и Клары Цеткин, исчезли в 70-е годы.

Сегодня «Молодой гвардией» именуется юная часть политической партии «Единая Россия», хотя под классическое «партизанское» определение сил, «борющихся против реакционного государственного режима», не подходит.

Преемственность поколений исчезла: фадеевский роман в школе на уроках литературы не изучают (и зря!), герасимовский фильм даже на 60-летие выпуска на экраны первой серии (11 октября 1948 года) не показали. А ведь из этого фильма, как из гоголевской

«Шинели» вышли актеры и режиссеры, занявшие ведущее место в отечественном кино: С. Бондарчук, И. Макарова, Н. Мордюкова, В. Тихонов, Л. Шагалова, К. Лучко, Г. Юматов, В. Авдюшко, С. Гурзо, М. Крепкогорская, Т. Носова, Е. Моргунов, О. Иванов, Ю. Егоров, Т. Лиознова, Ю. Победоносцев, С. Самсонов.

Но осталась в Тюмени улица Краснодонская (бывшая Шестая Большегородищенская, а с ноября 1922 года Шаурова, командира красного кавалерийского эскадрона, убитого повстанцами в 1921-м под Ялуторовском). Улицей молодогвардейского города она стала в 1954 году. Этот небольшой шахтерский город остается не только родиной «Молодой гвардии», но и местом энергетической концентрации духовного нетерпения и сопротивления насилию и оккупации. Не случайно Краснодон дал Отчизне вместе с молодогвардейцами 19 Героев Советского Союза.

«Партизанская» литература и кино

В изданной в 1985 году энциклопедии «Великая Отечественная война» численность советских партизан определена как «более миллиона». Однако знакомство с документами военного времени заставляет уменьшить ее, как минимум, вдвое.

Командиры партизанских отрядов и соединений порой сознательно завышали численность партизан, надеясь получить от штабов партизанского движения больше оружия и боеприпасов. И наград за установленные приказом Пономаренко от 3 августа 1942 года своеобразные «нормы» подвигов для награждения партизан «Золотой Звездой» Героя. Она полагалась за «крушение военного поезда не менее 20 вагонов, цистерн или платформ с живой силой, техникой, горючим или боеприпасами с уничтожением состава с паровозом... за уничтожение складов... за нападение на аэродром... штаб противника, а также радиостанции и за другие выдающиеся заслуги».

Сталин поддержал идею начальника ЦШПД Пономаренко о чисто партизанском ордене имени партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Но потом функции партизанского ордена «присвоили» ордену Богдана Хмельницкого (учрежден 10 октября 1943 года). В феврале того же года учредили медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней. Сталин разрешил использовать для этой медали изображение

двух вождей — своего и Ленина. Медалью первой степени награждены 56 тысяч человек и второй — около 71 тысячи.

Звания Героя Советского Союза удостоены 249 партизан (командиры партизанских соединений Сидор Ковпак (1887–1967) и Алексей Федоров (1901–1988) — дважды).

Почему из такой героической партизанской когорты Тюмень выбрала для названия своих улиц только двоих — Лизу Чайкину и Константина Заслонова? Эти решения были приняты под воздействием художественной литературы и кинематографа (как и в случае с Зоей Космодемьянской и молодогвардейцами).

О расстрелянной фашистами по доносу предателя 22 ноября 1941 г. в селе Пено Калининской области Лизе Чайкиной страна узнала благодаря очерку Бориса Полевого «Жанна Д'Арк верхневолжских лесов», поэме Николая Тихонова «Лиза Чайкина» и повести Николая Бирюкова «Чайка», удостоенной в 1951 году Сталинской премии.

Вышедший в 1949 году фильм режиссера Файнциммера «Константин Заслонов» стал, как сейчас выражаются, «культовым» для тюменских железнодорожников.

Устроившийся в ноябре 1941-го в оккупированной немцами Орше Витебской области начальником русских паровозных бригад инженер московского депо имени Ильича Заслонов организовал подпольную диверсионную группу. Мины, замаскированные под куски угля, стали попадать в тендеры паровозов, уничтожая железнодорожные составы с подмогой для гитлеровцев под Москву. После разоблачения диверсантов Заслонов увел их в леса Оршанского района — группа стала отрядом, бригадой, потом соединением.

Гитлер лично отдал приказ об их уничтожении, для чего с фронта сняли несколько дивизий. Командующий всеми партизанскими силами Оршанской зоны Заслонов погиб 14 ноября 1942 года в бою с немецкими карателями у деревни Куповать Сенненского района Витебской области. Тогда партизаны понесли большие потери. Общие же безвозвратные потери советских партизан за всю войну оцениваются, как минимум, в 100 тысяч человек.

Одним из первых о легендарном командире партизанского соединения Белоруссии Герое Советского Союза Заслонове написал военный корреспондент газеты «Известия» Эзра Виленский, ранее отличившийся в информационном освещении арктической экспедиции героев-папанинцев.

В январе 1948 года ознакомиться с представленным на соискание Сталинской премии спектаклем «Константин Заслонов» в Минск приехал Соломон Михоэлс — руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР. В свое время Гитлер заочно приговорил его к смертной казни. Но получилось, что приговор в исполнение привели по приказу Сталина, который считал Михоэлса руководителем «антисоветской еврейской националистической организации». В Минске работники МГБ расправились с ним, инсценировав автомобильный наезд на глухой улице.

В пропагандистский стандарт популяризации героев-партизан входили прозаическое, драматургическое, стихотворное, музыкальное произведения (роман, повесть, пьеса, поэма, опера или песня), скульптурные памятники, наименования предприятий: заводов, фабрик, колхозов, совхозов, пионерских организаций, школ, лагерей и названия улиц (реже населенных пунктов).

В послевоенной Тюмени улица Лизы Чайкиной была «знаменита» тем, что примыкала к городской «толкучке», так тогда назывался вещевого рынок (молодым тюменцам, привыкшим к супермаркетам и торговым центрам, этого не понять).

Улица Константина Заслонова была по ведомственному принципу «привязана» к железнодорожной ветке в прибрежной части Тюмени. Имена партизан носили также пионерские лагеря в окрестностях Тюмени: авиаторов — Лизы Чайкиной (потом «Лайнер»), путейцев — Константина Заслонова (сейчас «Красная гвоздика»).

И о литовской партизанке Мельникайте режиссером Строевым в 1945 году снят фильм «Марите», а поэт Кирсанов сочинил поэму и назвал «Мария Мельникайте». Но улица ее имени не могла тогда появиться в Тюмени, потому что наш край стал для литовцев местом массовой ссылки.

Под влиянием выпущенных в 1942—1943 годах на экраны кинофильмов «Александр Пархоменко» (реж. Луков) и «Котовский» (реж. Файнциммер) имена этих партизанских вожаков времен Гражданской войны, павших от рук «врагов народа», получили выходящая на Московский тракт и примыкающая к областной больнице улицы. Фильм о Щорсе, который в известной песне «шел под красным знаменем... голова обвязана, кровь на рукаве», был снят до войны, а его улица в Тюмени между Индустриальной и Елизарова застраивается в настоящее время элитными домами.

Однако в Тюмени нет улицы знаменитого героя Гражданской войны и столь же популярного персонажа анекдотов Василия Ивановича Чапаева. Почему-то тюменцев не привели в восторг ни книга Дмитрия Фурманова «Чапаев» (улица самого писателя выходит к улице Осипенко), ни одноименный кинофильм братьев Васильевых. А ведь когда-то именем лихого партизана, ставшего начальником 25-й стрелковой дивизии, называли не только улицы, но и города, ударные бригады, передовые колхозы, пионерские отряды.

О Чапаеве и чапаевцах

Образ легендарного начдива Чапаева и обстоятельства его гибели в действительности были не совсем такие, как показаны в фильме.

Удачливому в боях с белыми Василию Ивановичу не везло на «любовных фронтах». В 20 лет он женился на 16-летней работнице кондитерской фабрики Пелагее Метлиной. Девушка была на редкость красива. И все же, несмотря на массу поклонников, остановила свой выбор на сыне плотника. Незадолго до венчания во время строительства сельской церкви он сорвался с 20-метровой высоты, но, ко всеобщему удивлению, отделался легким испугом. Невеста слышала рассказы очевидцев: «Будто ангелы небесные подхватили его и мягко опустили на землю».

Через год у молодоженов появился старший сын Александр, затем еще двое детей — Клавдия и Аркадий. Вскоре грянула Первая мировая война, и Чапаева мобилизовали в армию.

В стране царил тогда необычайный патриотический подъем: многие шли в армию добровольцами. План мобилизации был блестяще выполнен (в 1914—1918 гг. в российскую армию мобилизовано 15,5 млн. человек). В начале 1915 года Николаем II учреждена медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» с портретом государя императора, ставшей последней медалью Российской империи.

Сражался Чапаев храбро, отличался редкой выносливостью. А ведь родился семимесячным и настолько крохотным, что помещался в теплой отцовской рукавице. Первые недели родители-бедняки частенько засовывали его в эту варежку и укладывали греться в остывшую после топки деревенскую печь.

На фронте Чапаев получил Георгиевские кресты всех четырех степеней — «полный бант». Из каждого разведывательного поиска по неприятельским тылам он возвращался с пленными «языками». Во время боев под Перемышлем Василий Иванович выручил свой Белгорайский полк, сумев вывести его из окружения.

Одним из друзей Чапаева в то время был Петр Кашемирцев. В одном из боев он, смертельно раненый, просил, умирая, позаботиться о своей семье. В 1917 году вдова Петра Пелагея Кашемирцева стала гражданской женой Чапаева, но произошло это после того, как Василий Иванович узнал об измене своей законной супруги.

Столь бурные потрясения в личной жизни совпали с крушением государства. После очередного ранения Чапаев получил назначение ротным фельдфебелем в размещенный в Николаевске 138-й запасной пехотный полк. Здесь его и застала Февральская революция.

Несмотря на свой статус Георгиевского кавалера, Василий Иванович не относился ни к монархистам, ни к демократам — сторонникам войны до победного конца, ни к большевикам.

После Октябрьского переворота беспартийного Чапаева выбрали командиром полка. Скоро он распустил личный состав по домам и сформировал из добровольцев партизанский отряд. Когда Урал и Поволжье запылали в огне Гражданской войны, оперировавшие здесь партизанские отряды были сведены в 25-ю стрелковую дивизию. По мощи она напоминала армию, включая в себя 11 пехотных и 2 кавалерийских полка, 2 разведывательных кавдивизиона, 24 орудия, 4 броневика, 4 аэроплана и курсантскую школу. Костяк этого соединения составил полк иваново-вознесенских рабочих. Командир этого полка Дмитрий Фурманов получил при начдиве Чапаеве должность комиссара, а дивизионный политотдел возглавил Николай Долгирев, будущий начальник Тюменского губотдела ГПУ. Первое время их отношения складывались довольно сложно, однако потом переросли в тесную боевую дружбу.

Чапаевцы удачно действовали под Бугульмой и Белебеем, но на рубеже реки Белой красное наступление застопорилось. Пытаясь сбросить противника в реку, белые бросились в штыковую атаку. Этот эпизод был показан в фильме братьев Васильевых. Только в кино она изображена неверно. У командира 1-го Поволжского армейского корпуса генерала Владимира Оскаровича Каппеля не было офицерских полков, черно-белой марков-

ской формы, корниловских черепов вместо кокард и черных махновских знамен. А ижевцы и у Колчака продолжали воевать под красным знаменем, а в атаки ходили с «Варшавянкой».

Белых встретил шквальный огонь чапаевских орудий и пулеметов. Неся огромные потери, каппелевцы все же сошлись врукопашную. При налетах неприятельских аэропланов были ранены Чапаев и Фрунзе, командовавший 4-й армией Восточного фронта.

Вечером 9 июня 1919 года чапаевцы ворвались в Уфу и перерезали железную дорогу на Челябинск. Корпус Каппеля начал отход к Уральским горам. После поражения между Волгой и Уралом Белое движение на востоке медленно, но неуклонно покатилося к своей гибели.

В Уфе Долгирев перехватил письмо Фурманова к Чапаеву, в котором комиссар следующим образом оценивал приставание начдива к своей жене: «...Я Вас считал за грязного и развратного человека... и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадливости. Впечатление получилось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно».

К тому времени гражданская жена Пелагея Кашемирцева изменила Чапаеву с одним из снабженцев дивизии, и взбешенный Василий Иванович прогнал ее.

Долгирев, зная о любовных поражениях начдива, считал, что именно Пелагея навела белых казаков на чапаевский штаб в Лбищенске.

Однако, судя по архивным чекистским документам, о местонахождении Чапаева и силах его охраны противник узнал из перехваченных донесений в штаб Восточного фронта. Оценив ситуацию, уральские казаки разработали план операции по ликвидации ненавистного большевика. В ночь на 5 сентября 1919 года казачий отряд в 300 сабель при одном орудии и пулемете под командой генерал-майора Бородина наскочил на Лбищенск. Красных там было больше — 300 курсантов дивизионной школы, штаб и политотдел дивизии. Но налет белых был стремительным и неожиданным. Казакам помогало местное население, указывая дома, где стояли красные. Поначалу заспанные красноармейцы сдавались почти без сопротивления, затем выстрелы стали раздаваться то в одном, то в другом конце станицы.

Наиболее жестокий бой разгорелся у здания штаба Чапаева. Раненный в руку начдив сплотил вокруг себя бойцов, даже устремился в контратаку. Именно здесь, как установил позднее Долгирев, был сражен пулей в голову командовавший белогвардейцами генерал Бородин.

Красные пытались прикрыть отход любимого начальника, но исход боя оказался предрешен. Остатки чапаевцев бросались в воду и плыли через Урал. Казаки с высокого обрыва стреляли по ним из винтовок и из захваченных у красных пулеметов. Доплыть до противоположного берега удалось немногим. Всех уцелевших в том бою бойцов опросил Долгирев. По их показаниям, жители Лбищенска принимали непосредственное участие в истреблении колчаковцев. Принявший дивизию Кутяков сжег дотла Лбищенск и изрубил всех пленных и «подозрительных», включая изменницу Пелагею (по другой версии — она сошла с ума).

Считается, что в числе утонувших в реке Урал был и Василий Иванович. Однако двое венгров-интернационалистов свидетельствовали, что они переправили раненого Чапаева на противоположный берег на деревянной створке ворот, что он скончался у них на руках. Однако показать место захоронения начдива не смогли. И сети не подняли мертвеца.

Отраженная в кинофильме история гибели Чапаева основана на показаниях одного из связистов штаба. Но уцелевшие после кутяковской расправы жители Лбищенска держались на допросах одинаково: «Небесные силы его забрали, потому что из народного заступника стал он разбойником. Не ищите его, не найдете. Придет час, сам объявится...». Видимо, этот час еще не наступил...

Слава киношного Чапаева скрыла реальную судьбу начдива 25-й. Игра в чапаевцев на многие годы стала любимой игрой советской детворы. Мальчишки приходили в кинотеатр и спрашивали: «У вас Чапаев?» — «Чапаев». — «Тонет?» — «Тонет». — «Значит, это не здесь. Пошли, ребята. Есть где-то такое кино, где он не тонет...».

И наступило время, когда Чапаеву пришлось выплыть. В первые дни Великой Отечественной войны выпускались боевые киносборники. В агитационном фильме «Чапаев с нами» раненый Василий Иванович плывет по реке Урал, а на другом берегу его ждут бойцы 1941 года: пехотинец, танкист и летчик. От них слышит Чапаев о нападении фашистов на Советский Союз. Вскочил начдив на коня и помчался впереди красных войск навстречу врагам...

Походить на Анку-пулеметчицу старалась и Антонина Макарова, прославившаяся особой жестокостью к советским партизанам. Будучи призванной на фронт в качестве санинструктора, 18-летняя девушка осенью 1941 года оказалась в окружении под Вязьмой. Три месяца она скиталась по лесам, пытаясь пробиться к частям Красной армии или найти партизан. В январе 1942 года вышла к деревне Красный Колодезь Локотского автономного округа. Это административное образование было создано на оккупированной немцами территории Орловской и Курской областей для борьбы с партизанами.

Одним из организаторов Локотского самоуправления стал Бронислав Каминский, исключенный из ВКП(б) и отправленный в ссылку за критику коллективизации в село Суерское Упоровского района и в Шадринск, где работал технологом на местном спиртзаводе. Перед войной его перевели на Орловщину в поселок Локоть. Вполне вероятно, не случайно: «28 марта 1940 года Шадринским отделом НКВД Каминский был завербован под кличкой “Ультмарин” для разработки ссыльных троцкистов».

Однако, поселившись в Локте, где значительную часть интеллигенции составляли, по мнению органов НКВД, «политически неблагонадежные лица», «агент “Ультмарин” к работе относился недобросовестно, задания точно не выполнял».

Приказом командующего 2-й немецкой танковой армии генерал-полковника Рудольфа Шмидта Каминскому поручили организацию самоуправления в Локотском административном округе, население которого составляло 581000 человек, и формирование антипартизанских вооруженных сил.

Интересно, что за два дня до выхода этого приказа начальник Орловского областного управления НКВД Фирсанов в докладной записке на имя начальника 2-го управления НКВД Федосова предложил расправиться с Каминским руками оккупантов: «Не считаете ли вы целесообразным выдать Каминского немцам как секретного сотрудника НКВД? Подписка его, выданная Шадринскому райотделу НКВД, имеется». Почему это не было сделано — сказать трудно. Впрочем, даже если бы документы, изобличающие Каминского в тайном сотрудничестве с НКВД, и попали бы в руки немцев, вряд ли это повлияло на их отношение к новоявленному обер-бургомистру Локотского округа и одновременно командиру сформированной им «Русской освободительной народной армии» (РОНА).

Немцы характеризовали Каминского следующим образом: «Бывший инженер. Отсидел срок в Сибири. После освобождения осел в Локоти с “минусом”. Минус — это ограничение жить в определенных местах. Они были разные. Каминский имел минус сто, то есть живи в районном центре и больше никуда. Приход немцев он воспринял с радостью, что вполне естественно. Инженер-химик по профессии, зэк по воспитанию и отношению к советской власти. Человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым приемам и средствам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоит на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело... В Локотском округе Каминский завел строгий порядок и руководил очень жестко. С немцами заключил соглашение об их невмешательстве... Порядок, заведенный Каминским, в принципе, был советский».

Не случайно одним из первых приказов Каминского закреплялось переименование улиц, площадей, населенных пунктов: «В целях полного искоренения из памяти населения нашего округа бывшего жидо-большевистского владычества приказываю: Все бывшие советские названия населенных пунктов в сельских местностях, а также установленные при советской власти названия улиц в городах, поселках городского типа и крупных селах аннулировать, восстановив по таким населенным пунктам и улицам их прежние названия дореволюционного времени или присвоив им новые наименования в русском национальном духе, а еще лучше установив эти названия по фамилиям местных жителей, павших смертью храбрых за укрепление новой власти».

Вооруженные силы Локотского мини-государства, получившие название «Русская освободительная народная армия», насчитывали в своем составе по состоянию на 16 января 1943 года 9828 человек. На вооружении частей РОНА, кроме винтовок, пулеметов, минометов и артиллерийских орудий, имелось 8 танков (один КВ, два Т-34, пять БТ), бронемашины, танкетки, автомашины. Запасы вооружения и боеприпасов пополнялись за счет сбора военного имущества, оставленного красноармейцами-окруженцами в лесах.

Помимо РОНА в Локотском округе существовала так называемая «самоохрана», представлявшая собой ополчение из мес-

тного населения. В функции «самоохраны» входила охрана дорог, урожая, имущества крестьян, волостных и районных управ, объектов социального назначения (школ, клубов, больниц, детдомов), а также охрана правопорядка и предотвращение мелких правонарушений. Зачастую «самоохрана» привлекалась к участию в антипартизанских операциях.

Задержанная бойцами «самоохраны» Макарова высказала им свою давнюю мечту: «Меня в медсестры призвали, а у меня другая мечта была — я хотела на пулемете строчить, как Анка-пулеметчица из «Чапаева». Правда, я на нее похожа? К вам выбралась, на пулемет прошусь...».

Доставленной в Локоть «Тоньке-пулеметчице» Каминский предложил стать... палачом Локотской окружной тюрьмы, расположенной в конюшнях местного конезавода, и расстреливать партизан и их пособников из пулемета.

В 1978 году на допросе в Управлении КГБ по Брянской области Макарова пояснила, что никто из бойцов РОНА до нее не соглашался расстреливать партизан и членов их семей, поэтому для Каминского она стала незаменимым исполнителем.

Ей выделили комнату в одном из помещений бывшего конезавода и выдали пулемет, который она хранила дома.

«Все приговоренные к смерти были для меня одинаковые. Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 человек — столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. По команде начальства я становилась на колени и стреляла из своего пулемета по людям до тех пор, пока замертво не падали все... Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью «партизан». Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе. Патронов было в достатке... Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни по-

мню — перед расстрелом парень, приговоренный к смерти, крикнул мне: «Больше не увидимся, прощай, сестра!..».

Летом 1943 года при подходе советских войск к Локтю Макарову, заразившуюся к тому времени венерической болезнью, отправили в немецкий тыл на лечение. Ее след потерялся и обнаружился лишь в 70-е годы.

Как оказалось, Макарова в конце войны, оказавшись на территории, освобожденной от немцев, устроилась медсестрой в госпиталь, где познакомилась с раненым офицером Гинзбургом и вышла за него замуж, взяв фамилию мужа. После войны супруги Гинзбург поселились в г. Лепель Витебской области, где Антонина Макаровна считалась весьма уважаемой участницей Великой Отечественной войны, ветераном труда. Ее постоянно приглашали в школы, где она рассказывала о своих вымышленных фронтовых подвигах.

Напасть на след Макаровой—Гинзбург органам КГБ удалось лишь благодаря тому, что один из ее братьев, заполняя в 1976 году в Тюмени анкету перед выездом за границу, перечислил в ней всех родственников, в том числе Антонину, которая от рождения числилась не Макаровой, а Парфеновой, и указал ее адрес в Лепеле.

Об обстоятельствах изменения фамилии рассказала позднее сама «Тонька-пулеметчица»: «В нашей семье много детей. И все мы Парфеновы. Я — старшая, как у Горького, рано вышла в люди. Такой буквой росла, неразговорчивой. Пришла как-то в школу деревенскую, в первый класс, и фамилию свою позабыла. Учительница спрашивает: “Как тебя зовут, девочка?”. А я знаю, что Парфенова, только сказать боюсь. Ребятишки с задней парты кричат: “Да Макарова она, у нее отец Макар”. Так меня одну из нашей семьи Парфеновых во всех документах и записали».

Боясь подставить под удар репутацию столь уважаемой в Лепеле «фронтовички», сотрудники КГБ целый год вели за ней скрытое наблюдение и возили в этот город выживших свидетелей для ее опознания. Когда все сомнения отпали, Парфенову—Макарову—Гинзбург арестовали и этапировали в Локоть на следственный эксперимент (в районе конезавода обнаружили захоронение около полутора тысяч расстрелянных ею партизан и членов их семей, около двухсот из них удалось установить). Суд приговорил «Тоньку-пулеметчицу» к смертной казни. Приговор привели в исполнение ранним утром 11 августа 1978 года. Это был последний в СССР смертный приговор в отношении женщины.

Лжепартизаны

Уже с 1942 года партизаны стали представлять для вермахта и оккупационной администрации на востоке серьезную проблему.

Признание того, что партизаны сильно осложняли жизнь германским войскам, содержится в отправленном 17 сентября 1943 года из Могилева письме капитана Вольфганга Фидлера. «...Борьба с партизанами, — сообщал Фидлер, — не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде, и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железной дороге, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т.д. не сходят с повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все больше наглеют, так как у нас, к сожалению, нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно...».

Для борьбы с партизанами немцы нередко использовали «добровольческие» подразделения, сформированные из советских военнопленных. Один из таких отрядов возглавил подполковник Владимир Владимирович Гиль, которого называли «самым блестящим командиром Красной армии». Неудивительно: Гиль единственный из всего выпуска 1940 года окончил на «отлично» Академию Генерального штаба.

Во многом благодаря его военным знаниям и личной смелости возглавляемая им 229-я стрелковая дивизия успешно сдерживала наступление противника в Белоруссии. В этой дивизии часто бывал писатель Константин Симонов: Гиль стал прообразом комбрига Серпилина — одного из главных героев опубликованной во время хрущевской «оттепели» книги «Живые и мертвые».

В июле 1941 года раненый в бою возле г. Толочин Гиль оказался во вражеском плену и согласился на сотрудничество с гитлеровцами. Под фамилией «Родионов», чтобы его не принимали за немца, он сформировал лжепартизанский отряд, выросший вскоре в 1-ю русскую национальную бригаду «За Русь» численностью до трех тысяч человек. Начальником разведки бригады Гиль—Родионов назначил бывшего командира 48-й стрелковой дивизии генерал-майора Павла Васильевича Богданова, сдавшегося в плен 17 июля 1941 года. Он выдал немцам

политработников своей дивизии — полкового комиссара Фомина и старшего политрука Колобанова (их расстреляли) — и написал два воззвания, переданных по радио: «К русскому народу» и «К генералам Красной армии» (в последнем он отказался от звания генерала и советского гражданства).

Начальником штаба бригады стал бывший капитан Красной армии Эдуард Семенович Блажевич, также добровольно перешедший на сторону врага и сформировавший по заданию немецкого командования «русскую дружину СС» — в ней насчитывалось до 200 человек, и она влилась в марте 1943 г. в бригаду Гиля—Родионова.

Каковы были мотивы сотрудничества с гитлеровцами этого действительно незаурядного советского офицера? Обратимся к воспоминаниям о встречах с Гилем—Родионовым шефа политической разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга.

«...После нескольких бесед с русским подполковником у меня, — отметил бригаденферер СС, — начало складываться впечатление, что если первоначально он и был противником сталинской системы, то потом его позиция претерпела изменения. Он считал, что обращение немцев с русским гражданским населением и военнопленными должно привести к катастрофическим последствиям. Но я просил Гиля не забывать, что обе стороны прибегали ко все более жестоким и беспощадным методам ведения войны. Если посмотреть на партизанскую войну непредвзято, то вряд ли можно утверждать, что русские неповинны в таких же зверствах, что и немцы; возможно, они даже превзошли немцев в жестокости. Родионов напомнил мне, в свою очередь, об утверждениях нашей пропаганды, что русские люди “недочеловеки”. Я отметил, что он не зря употребил слово “пропаганда” — ведь на войне так трудно провести четкую грань между моральным и аморальным. Я был убежден, что белорусы, украинцы, грузины, азербайджанцы, туркмены и представители других национальных меньшинств воспримут эти лозунги должным образом, именно как пропаганду военного времени...».

В конце марта 1942 года в расположение бригады Гиля—Родионова был доставлен пленный генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев. Офицер старой русской армии, кавалер восьми боевых орденов: Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Красного Знамени и Красной Звезды, известный фортификатор, профессор Академии Гене-

рального штаба Карбышев наотрез отказался от предложения своего лучшего ученика возглавить антисоветскую организацию «Боевой союз русских националистов».

Несмотря на заступничество Гиля—Родионова немцы бросили Карбышева в концлагерь — сперва в Дахау, потом в Заксенхаузен и Маутхаузен. Он погиб за восемьдесят дней до Победы, не сломленный духом, предпочтя мученическую смерть бесчестью¹.

14 августа 1943 года бригада Гиля—Родионова почти в полном составе перешла на сторону партизанского отряда имени Железняка (командир капитан Титков). Накануне перехода Гиль—Родионов арестовал Богданова (позднее он был передан в Главное управление военной контрразведки «СМЕРШ», а 24 апреля 1950 года приговорен к высшей мере наказания — расстрелу).

В своих мемуарах Шелленберг отметил: «Случилось то, чего я боялся. “Бригаду” в очередной раз привлекли для участия в операции “по прочесыванию” в Белоруссии деревень, в которых укрывались партизаны. Когда “бригада” конвоировала длинную колонну пленных партизан, Родионов приказал своим людям атаковать отряд СС, сопровождавший конвой. Все немцы — около 200 человек — были застигнуты врасплох, и русские перебили их всех, до единого, самым зверским образом. Так люди, которые сначала искренне сотрудничали с нами, превратились в наших закоренелых врагов» (тогда же Гиль—Родионов застрелил оказавшего сопротивление Блажевича. — А.П.).

Для Сталина переход на сторону партизан сформированного гитлеровцами из военнопленных достаточно крупного и боеспособного соединения не остался незамеченным. По его приказу 20 августа 1943 года в тыл противника была заброшена оперативная группа НКГБ СССР «Август» с заданием проверить «политические настроения» в бригаде Гиля—Родионова, переименованной в «1-ю антифашистскую бригаду». Чекисты разоблачили 23 агента противника, внедренных в «бригаду», и подтвердили надежность ее командира. После этой проверки, утверждал Шелленберг, «Родионов вылетел с секретного партизанского аэродрома в Москву. Там он был принят лично Сталиным и награжден “Орденом Сталина”».

¹ Одна из улиц в Тюмени, в районе Парфеново, названа именем Д.М. Карбышева.

К тому времени в немецком плену находилось около 4 миллионов бойцов и командиров Красной армии (всего в войну сдались и было захвачено 5 миллионов 734 тысячи 528 военнослужащих). Принято считать, что в плен сдавались в основном попавшие в окружение раненые и деморализованные красноармейцы. Частично это верно. Но нельзя не учитывать и тот факт, что целые подразделения уходили к врагу организованно с оружием в руках, иногда под музыку и со знаменами (особенно в первый период войны, когда они еще не представляли, какой «порядок» установят немцы на оккупированных территориях). Сейчас известно, что в сформированных немцами из советских военнопленных частях служили один генерал-лейтенант, бывший командующий 2-й Ударной армией А.А. Власов, шесть генерал-майоров, один бригадный комиссар, один комбриг, 42 полковника, один капитан первого ранга, 23 подполковника, два батальонных комиссара, 49 майоров... Сталин, конечно, понимал, что переход на сторону Германии множества способных и хорошо подготовленных командиров Красной армии вызван серьезными просчетами в его политике, прежде всего уничтожением военных кадров в 30-е годы.

Заманчиво было использовать в своих целях оказавшуюся в тылу неприятеля огромную силу военнопленных. Но прежде их надо было публично простить, покаявшись в своих собственных ошибках и представив пленение (во всех формах — добровольное и вынужденное) досадным недоразумением. Награждение командира первого формирования военнопленных, выступивших против немцев, «Орденом Сталина» Шелленберг принял за начало такого процесса. И в очередной раз ошибся. Сталин считал предателями независимо от обстоятельств пленения всех военнопленных со всеми вытекающими для них и семей трагическими последствиями (практика таких репрессий была отменена только в июне 1956 года правительственным постановлением «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных»). «Ордена Сталина» в советской наградной системе не было, хотя окружение вождя неоднократно предлагали учредить такую награду по аналогии с орденом Ленина. Сталин, несмотря на внешне выраженную марксистско-ленинскую убежденность, был суеверен и мистически опасался своего увековечивания в орденах. Другое дело — совмещение его имени и изобра-

жения с символами победы. Поэтому описание «Ордена Сталина» изменили: вместо профиля вождя в центре звезды из платины поместили изображение Кремля и учредили 8 ноября 1943 года этот наградной знак как орден Победы.

Гиль—Родионов получил из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР Калинина орден Красной Звезды, а Сталин подарил новый автомат ППП, с которым командир партизанской бригады возвратился в тыл противника. Это соединение активно участвовало в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками вплоть до освобождения Белоруссии в июле 1944 года. Полковник Гиль погиб 14 мая 1944 года около села Ушачи Витебской области при прорыве вражеской блокады «партизанского края». Судьбу командира 229-й стрелковой дивизии первого формирования Гиля странным образом повторил начальник штаба 229-й стрелковой дивизии второго ишимского формирования подполковник Матвей Мелешкевич¹.

Наши в оккупированной Европе

Кроме нашей страны партизанское движение во Второй мировой войне получило развитие и на территории оккупированной нацистами Европы. В этом Сопротивлении участвовали бежавшие из вражеского плена бойцы и командиры Красной армии. К примеру, в мае 1944 года во Франции участники «армянского национального легиона», сформированного немцами в 1941–1942 годах из военнопленных армян, отказались служить гитлеровскому режиму и создали «1-й советский партизанский полк во Франции».

Однако Сталин продолжал и после войны считать предателями всех военнопленных, независимо от обстоятельств пленения и заслуг перед антигитлеровской коалицией в партизанской борьбе против общего врага.

Поэтому после прохождения фильтрации в немецком городе Цербет «1-й советский партизанский полк во Франции» реформировали в «рабочий батальон» и отправили в декабре 1945 года в Тюмень на завод № 639 (судостроительный). Их бараки стали называть Лагерной улицей.

¹ О судьбе М.К. Мелешкевича в книге Р.С. Гольдберга и А.А. Петрушина «Запрещенные солдаты». Кн. 1 (Л–Я). С. 292.

После XX съезда по инициативе министра обороны СССР маршала Жукова ЦК СССР и Совет Министров СССР «осудили политику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства...» и обязали Министерство обороны «представить к награждению бывших военнопленных... совершивших побег из плена», а Министерство культуры — «включить в тематические планы издательств, киностудий, театров и культурно-просветительных учреждений подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах».

Звание Героя Советского Союза было присвоено бежавшему в 1945 году на захваченном фашистском самолете Михаилу Девятаеву (1957) и участнику движения Сопротивления в Италии Федору Полетаеву (1962). Полетаев воевал в пехоте и летом 1942 года, как и сотни тысяч красноармейцев из-за просчетов высшего советского командования попал в плен под Харьковом. Когда в Италии после падения режима диктатора Бенито Муссолини (25.07.1943) и оккупации страны немецко-фашистскими войсками началась национально-освободительная война против оккупантов и их пособников, Полетаев бежал из лагеря близ Генуи и присоединился к партизанам. Спасая жизнь своих товарищей, погиб в бою. Удостоен высшей военной награды Италии — золотой медали «За военную доблесть» (посмертно).

Обо всем этом Хрущеву рассказал секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти, входивший после 1944 года в состав правительства Италии.

После публикации в «Правде» Указа о присвоении звания Героя Полетаеву его именем назвали в Тюмени улицу в районе Гилевской роши.

Настоящим откровением о трагедии плена стала первая режиссерская работа Сергея Бондарчука «Судьба человека», поставленная по рассказу Михаила Шолохова. Рассказ этот был опубликован в двух номерах газеты «Правда»: в последний день 1956 года и в первый день 1957-го. После «Науки ненависти» писатель вновь обратился к теме плена. Кульминация фильма — сцена в комендантской: здесь жизнь и смерть оказались в одном кадре.

Лагерное начальство празднует выход своих войск к Волге. Пьют шнапс, веселятся. Комендант Мюллер приказывает доставить к нему строптивого военнопленного Соколова, приговоренного к расстрелу. Но прежде он хочет уничтожить его морально, заставив выпить «за победу немецкого оружия».

В этом психологическом поединке Соколов одерживает верх. Он выпивает в два глотка стакан водки за свою гибель, но от закуски отказывается: «Я после первого стакана не закусываю».

Лишь после третьего стакана Соколов откусил маленький кусочек хлеба, положив остаток на стол. «Захотелось мне им, проклятым, — говорит рассказчик у Шолохова, — показать, что хоть я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость, и что в скотину они меня не превратили, как ни старались». Выдержав самые страшные пытки голодом и близкой смертью, Соколов сумел остаться человеком и сохранить силу духа и желание свободы.

Картина была высоко оценена в нашей стране. В год выхода (1959) ее просмотрело более тридцати миллионов человек. Ее создателей удостоили Ленинской премии.

Однако политическая «оттепель» и терпимость к соотечественникам, не по своей воле попавшим в плен, продолжалась недолго. Отставка Жукова, а затем Хрущева привела к возобладанию в партийном, советском и военном руководстве прежних оценок истории Великой Отечественной войны. Из военных энциклопедий и справочных изданий вымарали упоминание о Девятаеве, Полетаеве и других генералах, офицерах и солдатах, не сломленных во вражеском плену.

Возвращение партизан

На самом деле особенно эффективными были операции не многочисленных, но плохо обученных и оснащенных партизанских отрядов, а действия небольших, специально подготовленных и владевших самыми современными средствами борьбы диверсионно-террористических групп, которые взрывали важные военные объекты и уничтожали высокопоставленных чиновников оккупационной администрации.

Так, группа подрывников во главе со специалистом минного дела Ильей Стариновым осуществила в ноябре 1941-го в Харь-

кове радиоуправляемый взрыв зданий, где разместились немецкие учреждения. Погибли начальник гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун и десятки немецких офицеров.

14 сентября 1943 года в крупном железнодорожном узле Овруче бойцы из спецотряда НКВД «Олимп» (командир Герой Советского Союза В.М. Карасев) взорвали гебитскомиссариат, погибли более 40 немцев, в том числе гебитскомиссар Венцель, комендант города Залзберг и другие высокопоставленные лица.

Провести эту операцию, приуроченную к 10-летию прихода Гитлера к власти, было чрезвычайно сложно. Разведчик спецгруппы Батян связался со слесарем городской водопроводной сети Федосенко, имевшим пропуск в здание гебитскомиссариата, а через него — с истопником котельной здания Каплюком. Из Москвы отправили в отряд два самолета со взрывчаткой. Каплюк многократно проделывал нелегкий путь в 40 километров из Овруча в расположение «Олимпа» и оттуда уносил толк себе домой. Его жена и маленькие дети вместе с обедом передавали взрывчатку по частям в котельную. Таким образом удалось накопить 150 килограммов тола. Затем в котельную, также по частям, перенесли взрыватель.

В составе чекистской опергруппы «Победители» полковника госбезопасности Д.И. Медведева действовал легендарный разведчик-боевик Николай Иванович Кузнецов, учившийся в 1926 году в Тюменском сельскохозяйственном техникуме. В 1943–1944 годах он застрелил в оккупированных немцами Ровно и Львове рейхскомиссара Украины по судебным делам Альфреда Функа, вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и похитил командующего особыми войсками на Украине генерала фон Ильгена.

Наиболее громкий теракт — убийство генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе 22 сентября 1943 года — было организовано группой, таившей суть своего задания и от минского подполья, и от руководства партизанских отрядов Белоруссии. Возглавлял группу капитан госбезопасности Сергей Казанцев. Завербованные им агенты сумели убедить горничную генерального комиссара Елену Мазаник подложить в кровать хозяина мину с часовым механизмом. Ранее пытались уничтожить Кубе с помощью взрывчатки, заложенной в минском драмтеатре, где 22 июня 1943 года должно было состояться торжественное собрание в связи с годовщиной начала войны против СССР. Но Кубе

покинул театр раньше, чем мина взорвалась. Погибли десятки мирных горожан, не имевших никакого отношения к оккупационной администрации. Казанцев же считал, что взрыв все равно принес пользу — теперь жители Минска будут остерегаться ходить на мероприятия, организуемые германскими властями.

За убийство Кубе Мазаник и ее родственница Мария Осипова получили золотые героические звезды, а Казанцева произвели в майоры госбезопасности (освобождение Минска 3 июля 1944-го он встретил командиром партизанского соединения из трех бригад).

Деятельность Кузнецова стала основой для фильма «Подвиг разведчика» (1947), а события в оккупированной столице Беларуси отражены в киноленте «Часы остановились в полночь» (1958).

Памятник Николаю Кузнецову был установлен в Тюмени в декабре 1967 года у входа в здание бывшего сельхозтехникума, здесь же на стене укреплена мемориальная доска в честь разведчика (ул. Республики, 7).

Считается, что боевые друзья Кузнецова весной 1958 года нашли его могилу на окраине села Боратина Львовской области. 17 сентября 1959 года найденное захоронение было вскрыто и «труп предполагаемого Кузнецова Н.И. эксгумирован, однако установить его личность данными следствия не представилось возможным...». Тем не менее знаменитый в то время Михаил Герасимов, прославившийся тем, что по черепам восстанавливал портреты давно умерших людей, подписал акт с выводом: «Полное совмещение морфологических данных черепа с прижизненной фотографией дает право считать, что череп, присланный на исследование, действительно принадлежит Николаю Ивановичу Кузнецову».

27 июля 1960 года эти останки торжественно захоронили в Львове на Холме Славы. Позже в городе установили памятник Герою Советского Союза Кузнецову, его именем назвали бывшую улицу Клеперовскую.

Казалось, все вопросы об обстоятельствах гибели знаменитого разведчика-боевика и исчезнувших вместе с ним партизан Каминского и Белова сняты.

Первые публикации о противоречиях в официальной биографии Кузнецова появились в украинской печати накануне 80-летнего юбилея героя (27 июля 1991 года). Тогда авторы ста-

тей еще предлагали КГБ СССР опровергнуть (или подтвердить) архивными документальными материалами новые версии и предположения о судьбе нашего земляка. С такой же просьбой обращались в солидное ведомство музеи из Ровно, Луцка, Талицы. Никакой реакции.

Многих историков молчание КГБ удивляло и настораживало. Ведь догадаться о существовании в спецхранах документов о деятельности оперативной группы НКГБ СССР «Победители» под командованием Медведева было несложно.

Руководству Комитета госбезопасности направлялась специальная записка с предложением рассекретить хотя бы часть этих архивных фондов. Тогда можно было бы опровергнуть домысли и слухи вокруг Кузнецова, дать новую историческую трактовку его жизни и смерти, не принижая высокого значения самопожертвования этого человека. Человека, превращенного в идеологический символ.

Однако председатель КГБ СССР В.А. Крючков дал указание придерживаться образа героя, «укоренившегося в художественной литературе, кинематографе и массовом общественном сознании». На робкие возражения о том, что «разговоры» о Кузнецове будут продолжаться, член Политбюро ЦК КПСС генерал армии Крючков отрезал: «Поговорят и перестанут!». До августовского путча ГКЧП, в котором Крючков играл не последнюю роль, оставалось меньше месяца. Сейчас известно, как предполагалось восстановить утраченные идеологические позиции. Но танки оказались плохими аргументами в исторических спорах, а «разговоры» о Кузнецове окончились сносом его памятников в городах Западной Украины, разграблением мемориальных музеев и переименованием улиц, носящих его имя.

Демонтированный во Львове и обреченный на переплавку бронзовый монумент Кузнецова (вес с постаментом составлял 70 тонн), благодаря хлопотам администрации Талицкого района и принципам «народной дипломатии», привезли на родину Николая Ивановича и установили на центральной площади города Талицы.

Современная детвора не играет ни в чапаевцев, ни в разведчиков. Время изменилось: другие люди, новые увлечения, виртуальные герои — вампиры, человек-паук, черепашки-ниндзя...

Но в стране, где растет пропасть между богатыми и бедными и число униженных и оскорбленных людей, не забылась партизанская терминология.

Кажется, современная российская молодежь очень хочет почувствовать себя наследницей славных партизанских времен.

В июне 2010 года в Приморье ликвидировали банду, в состав которой входили шестеро (двое из них покончили с собой при задержании, четверо находятся под стражей). Им инкриминируется нападение на милиционеров — два стража порядка были убиты, четверо получили ранения.

В ходе преследования банды в лесах Приморья обнаружено много схронов. Кроме одежды и продуктов в них хранились оружие, боеприпасы, взрывные устройства, а также литература радикального толка.

Анонимные пропагандисты Интернета, ангажированные правозащитники и журналисты постыдились объявить обычную преступную группировку когда-то «хороших мальчиков» приморскими «партизанами». На волне ненависти к милиции (точнее, ее конкретным перерожденцам-беспредельщикам и коррупционерам в погонах) чистая уголовщина вдруг стала неким явлением общественно-политической жизни. Или какая жизнь — такие у нее и герои?

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предостерег общественность от употребления в отношении преступников терминов, которые носят другую нагрузку. Называть террористов и убийц «партизанами» значит пытаться неким образом их оправдывать. И заодно кощунствовать над исторической памятью. Ведь партизан для любого нормального россиянина — это, в первую очередь, участник вооруженного сопротивления нацистской агрессии, это герой Великой Отечественной войны.

Реабилитированные улицы

После состоявшегося в феврале 1956 года XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, в Тюмени переименовали несколько улиц.

Милитаризованное сознание

Первоначально эта улица называлась Солдатской. Здесь у выхода на Сибирский тракт находилось деревянное двухэтажное здание военного присутствия, ставшее после сентября 1919 года военным комиссариатом. С этого места уходили тюменцы на многочисленные войны — сколько их было в истории нашего многострадального Отечества: Отечественная война 1812-го с Наполеоном, Крымская, Русско-турецкая, Русско-японская 1904—1905 годов, Первая мировая 1914-го, Гражданская, советско-финляндская 1939—1940 годов...

Отсюда в Великую Отечественную ушли на фронт свыше 15 тысяч жителей Тюмени, из которых около семи тысяч не возвратились...

О феномене милитаризованного сознания нации написано немного, но именно он являлся той психологической доминантой, по которой сверяло свою жизнь несколько поколений населения Российской империи и Советского Союза. Милитаризованное сознание определяется формулой: «армия есть мобилизованный народ, а народ — отдыхающая армия». Образ врага, каждый раз нового (французы, турки, англичане, японцы, белогвардейцы, поляки, финны, снова немцы...) и каждый раз более опасного, чем предыдущий, подобно маслу, смазывает шестеренки военного механизма, заставляя население страны постоянно жить ощущением войны, явной или скрытой.

Слово «солдат» (от итальянского *soldo* — монета, жалованье) означает первичное, младшее воинское звание в армиях многих государств. Впервые название «солдат» появилось в XV веке в Италии, где так называли воинов-наемников, получавших жалованье за военную службу. В России оно получило распрост-

ранение в полках «нового строя» армии императора Петра I и существовало до 1917 года. С созданием Красной армии ее рядовые бойцы стали называться красноармейцами. В Советской армии категория солдат введена в июле 1946 года.

В русском языке слово «солдат» используется в более широком смысле: как воин, военный человек в любом звании, возрасте (ветеран — старший солдат).

Такое характерное название улицы в нашем городе надо было сохранить. Тем более что в начале XX века военное присутствие в Тюмени возглавлял подполковник Владимир Яковлевич Куйбышев — отец будущего члена Политбюро ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, первого заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР (тогдашнего советского правительства) Валериана Владимировича Куйбышева. Он родился в 1888 году в Омске, окончил там кадетский корпус и поступил в 1905-м в Петербургскую военно-медицинскую академию. Тогда же увлекся революционной борьбой с царизмом: восемь раз арестовывался, семь лет провел в тюрьмах и ссылках, дважды бежал. После революции 1917-го возглавил в Самаре Совет рабочих депутатов и комитет большевиков. В годы Гражданской войны — политкомиссар и член Реввоенсоветов красных армий Восточного фронта, выбивших белых из Симбирска (сейчас Ульяновск) и Самары. Внес значительный вклад в осуществление индустриализации страны.

Как вспоминал Анастас Микоян: «...Куйбышев отдавал делу рабочего класса всего себя без остатка в роли солдата революции, как сам себя называл».

Кадровым военным стал его младший брат Николай Владимирович (р. 1893). Капитан старой армии, он добровольно перешел на сторону советской власти. Отличился во время Гражданской войны, командуя бригадой и дивизией, награжден тремя орденами Красного Знамени.

Их отец умер в Тюмени и похоронен на Текутьевском кладбище. Братья приезжали в наш город в 1928 году, когда Куйбышев-младший командовал войсками Сибирского военного округа. Бывали они и в здании городского военкомата на улице Солдатской.

Через год Николая Владимировича перевели в резерв РККА — в комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) он возглавил группу по военно-морским делам.

Тогда же тюменское городское начальство «прогнулось» перед областным (Тюмень входила в состав Уральской области с центром в Свердловске) и переименовало Солдатскую в улицу Шверника, секретаря Уральского обкома ВКП(б).

Только зря старались, потому что к 1930 году Николая Михайловича Шверника перевели с партийной работы на профсоюзную. Хотя профсоюзы называли в СССР «приводными ремнями» партии и «школой коммунизма», но на политической сцене страны они играли декоративную роль. Как «организатор борьбы трудящихся за свои права» Шверник был в советской политической и государственной иерархии фигурой второстепенной, не выходил ни разу на первые места и не пользовался в народе особой популярностью.

Поэтому послушный наместник Сталина в профсоюзной вотчине благополучно пережил репрессии 30–40-х годов. В отличие от Куйбышева-младшего, которого в июне 1937-го срочно отозвали из КПК, присвоили звание комкора (соответствовало генерал-лейтенанту) и назначили командующим войсками Закавказского военного округа. На заседании Военного совета при Народном комиссариате обороны СССР с участием Сталина в конце ноября 1937-го комкор Куйбышев дал убийственную характеристику положению дел во вверенном ему военном округе после необоснованного массового истребления командного состава Красной армии (стенограмма этого заседания рассекречена).

Куйбышев (Зак. ВО): «...У нас округ был обескровлен очень сильно».

Ворошилов (нарком обороны): «Не больше, чем у других».

Куйбышев: «А вот я Вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей».

Ворошилов: «Зачем же Вы его поставили на дивизию?»

Куйбышев: «Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого не командовал ни полком, ни батальоном и в течение последних шести лет являлся преподавателем училища» (Смех).

Голос с места: «Куда же девались командиры?»

Куйбышев: «Все остальные переведены в ведомство Наркомвнудела без занятия определенных должностей».

Продолжая свое выступление, Куйбышев заявил: «Откуда может быть хороший командир Грузинской дивизии Джабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет».

Буденный (замнаркома): «За год можно подучить».

Ворошилов: «Слышите! Семен Михайлович считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией может...».

Неудивительно, что после такого критического выступления Куйбышев был арестован 2 февраля 1938 года, а через пять месяцев признан виновным в руководстве диверсионно-вредительской работой и в том, что являлся агентом германской, польской, литовской и японской разведок. Как показала дополнительная проверка в 1956 году, «архивы КГБ при Совете Министров СССР никакими сведениями о принадлежности комкора Куйбышева к разведорганам иностранных государств не располагали». Да они и не могли ими располагать, так как их в природе не было. Но тогда, летом 1938 года, у НКВД СССР тоже не было никаких объективных доказательств, зато имелись «признательные показания самого Куйбышева». А что прикажете делать с признавшимся шпионом разведок четырех государств? Только расстрелять. Что и было проделано в день вынесения приговора Военной коллегией Верховного суда СССР. Возникает вопрос: до какой же степени уничтожения личности надо было довести человека, чтобы родной брат видного и прославленного на всю страну деятеля ВКП(б) и Советского государства — Валериана Куйбышева, крупный военачальник, трижды орденосец — мог так клеветать на самого себя?

Рекордом шпиономании в Красной армии можно считать дело одного из самых известных авиационных деятелей середины 30-х годов, командующего воздушной армией комкора Василия Хрипина. Его на Лубянке забили до того, что сам себя признал (а затем и судебное заседание Военной коллегии Верховного суда подтвердило и закрепило в приговоре «Именем Союза ССР» агентом целой кучи иностранных разведок: с 1920 г. — французской, с 1922-го — германской, с 1932-го — итальянской, а также английской, чехословацкой, польской и румынской». Проверка его «признаний» в 1956 году показала, что все это бо-

лезненные измышления чекистов и судей. А тогда комкор Хрипин был немедленно расстрелян.

Скорее всего, такая же трагическая участь постигла бы и Куйбышева-старшего. Но он в 1935 году умер при невыясненных обстоятельствах (потом в смерти Валериана Куйбышева, Максима Горького и Вячеслава Менжинского обвинили «врагов народа» — троцкистов). Самару переименовали в Куйбышев (сейчас этот город, как прежде, называется Самара). Имя Куйбышева носят города в Татарстане, Новосибирской области, мыс в Карском и залив в Охотском морях, площади и улицы во многих городах, включая Тюмень (здесь есть также улицы Горького и Менжинского).

Назначение Шверника в 1946 году Председателем Президиума Верховного Совета СССР (по общемировым стандартам — президентом страны) не прибавило ему авторитета.

Юрий Андреевич Королев, проработавший более сорока лет в аппарате высшего органа государства (если судить по Конституции), в своих мемуарах «Кремлевский советник» утверждал: «...В народе Шверника никто толком не знал. Может, потому что никогда он не выделялся из среды незаметных, а может, потому что сменил на посту непритязательного, но известного всем Михаила Ивановича Калинина, в которого народ еще верил, к кому обращались за помощью, к кому шли ходоки со всей страны».

В марте 1919 года после смерти Председателя ВЦИК Свердлова Калинин по предложению Ленина был избран на пост официального главы государства. Вскоре он отправился в поездку по России, выступал порой по четыре-пять раз в день, встречаясь с самыми разными людьми, вникая во множество дел на местах. Бывал он и в Тюмени, о чем свидетельствовала мемориальная доска на стене железнодорожного вокзала.

Сегодня после того, что мы узнали о прошлом, трудно не признать за «всесоюзным старостой» Калининым значительной доли вины в укреплении сталинизма. Подпись Калинина стоит под самыми жестокими нормативными актами. Это так называемый «закон о колосках», когда за кражу горсти зерна людей отправляли в лагеря на долгие годы. Это постановление о паспортной системе, превратившей жителей села в крепостных. Это указ от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел в подготовке и совершении террористических актов», ставший основой внесудебных расправ. Введение уголовной ответственности для детей с 12 лет, наказа-

нения за прогул, опоздание, самовольный уход с работы... От репрессий пострадала и семья самого Калинина. Просидела 15 лет в лагерях его жена, арестовали зятя, при запутанных обстоятельствах застрелился сын. Безвольный и деморализованный «президент» Калинин был просто видимостью власти в государстве беззакония. Неудивительно, что во время встречи с жителями Мурманска он сказал: «Ничего у меня не просите, я человек безвластный. Обращайтесь к Молотову».

Между тем тюменцы по-прежнему называют жилой массив за железнодорожными путями поселком Калинина (чаще просто «Калинкой»), где расположена и улица его имени. В Тюмени есть Калининский административный округ, но это название сегодня имеет больше территориальный, чем персональный характер.

По постановлению ЦК

Основанием для второго, после 1922 года, массового переименования тюменских улиц послужило постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О работе партии по преодолению культа личности и его последствий».

Партийным и советским органам на местах было рекомендовано отказаться от улиц, носящих имена живых и здравствующих героев войны и труда, государственных, партийных и общественных деятелей.

Образовавшиеся в городской топонимике вакансии предстояло заполнить именами местных советских, партийных, комсомольских, хозяйственных органов и военачальников, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

Поэтому улицу Шверника называли именем Николая Михайловича Немцова — первого председателя исполнительного комитета Тюменского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (находился в доме купца Колмакова на углу улиц Республики, бывшая Царская, и Голицинской, сейчас Первомайская). После оставления красными Тюмени 20 июля 1918 года Немцов возглавлял горсовет в Туле и партийную организацию в Тамбове, участвовал в подавлении крестьянского восстания, известного в истории как «антоновщина». Немцова расстреляли в 1938 году в Москве, когда он занимал должность заведующего секретариатом ВЦИК СССР.

Улице Бусыгина, стахановца 30-х годов, кузнеца Горьковского автозавода, отковавшего за смену 966 коленчатых валов при норме 675, дали имя Агеева — секретаря Тюменской губернской партийной организации большевиков, одного из руководителей подавления другого крестьянского восстания 1921 года — Западно-Сибирского. Судьба Сергея Петровича Агеева — яркий пример «пожирания революцией своих героев».

В 1937 году в Иваново, где он возглавлял облисполком, прибыл новый начальник управления НКВД — старший майор госбезопасности (соответствовало армейскому званию генерал-майора) Радзивилловский, которому, как он сам говорил во время публичных выступлений, «лично наркомом внутренних дел Ежовым поручено в кратчайший срок вскрыть и ликвидировать все вражеские норы в Ивановской области».

15 июля Агеева арестовали прямо на заседании президиума облсовета несмотря на то, что, как член ВЦИК и Центральной партийной комиссии, он пользовался депутатской неприкосновенностью.

Через три дня в «Правде» с пометкой «Передано по телефону» было дано сообщение: «...лишь в последнее время в Ивановской области вскрыта часть виновников вредительства в сельском хозяйстве, в торговле, в здравоохранении. Установлено, что контрреволюционная банда вредителей... возглавлялась разоблаченным сейчас предателем, врагом народа Агеевым, бывшим председателем облисполкома».

Первым следственным документом в деле Агеева являются его собственноручные показания, написанные 4 августа. Они начинаются многозначительной фразой (результат 10-дневного пребывания под стражей): «Я решил рассказать следствию о своей контрреволюционной деятельности...». Дальше следовали 24 страницы отпечатанного на машинке протокола допроса, содержание, стиль и лексика свидетельствуют о специальной предварительной заготовке.

Один экземпляр этого документа лег в качестве главного обличающего материала в дело первого секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Носова. Характерно, что Носов, член партии с 1905 года, делегат пяти партийных съездов, член ЦК ВКП(б) с 1931 года, лично знал Радзивилловского еще по совместной работе в Крыму и сам рекомендовал его для работы в ЧК.

22 ноября дела Агеева, Носова и других партийных, советских, хозяйственных руководителей Ивановской области рассмотрела выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР. Агеев не признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, отказался от своих показаний, данных во время предварительного следствия, назвав их ложными. Видимо, теплилась еще в нем наивная надежда на объективное разбирательство. Сбыться ей было не суждено: в 33 строчках, написанных крупным почерком на типографском бланке приговора, определено: «Расстрелять». В ту же ночь его расстреляли. Вместе с Носовым и другими безвинными людьми, проходившими по 18 делам.

Установленные для Ивановского УНКВД расстрельные лимиты на 1937 года были перекрыты почти в четыре раза и составили с августа по декабрь 1937-го 2911 человек.

«Стахановец» НКВД Радзивиловский вторым по порядку после наркома Ежова получил из рук председателя ВЦИК Калинина сразу два ордена Красного Знамени (через год с небольшим расстреляли и самих орденосцев).

Улица в Тюмени, получившая в 1957 году имя реабилитированного партийного секретаря Агеева, долго привлекала внимание правоохранительных органов, потому что здесь находился молельный дом запрещенной в то время секты евангельских христиан-баптистов.

Улицу Кирпичную, где обжигали местную глину, называли улицей Чаплина. Не знаменитого американского комика с усиками щеточкой, с тросточкой, в котелке, в больших ботинках Чарли Чаплина, а его «однофамильца» Николая Павловича Чаплина, секретаря Тюменского губкома комсомола в 1920 году. После Тюмени и Смоленска он стал Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Потом с комсомольской работы его отправили на хозяйственную — управлять железной дорогой в Белоруссии. В 1936 году Чаплина наградили орденом Ленина, через два года расстреляли за «вредительство», а спустя двадцать лет реабилитировали.

Ни за красных, ни за белых

В феврале 1958 года заведующий партийным архивом Артем Гамбаров по заданию Тюменского обкома КПСС издал в серии «Борцы за победу Великого Октября» брошюру «Лопарев». В ней

уроженец села Самарово (ныне Ханты-Мансийск) был представлен как «замечательный военачальник, видный организатор и руководитель партизанского движения на Обско-Иртышском Севере». В Тюмени его именем назвали улицу Эрнста Кренкеля, широко известного в 30-е годы участника экспедиции ледокольного парохода «Челюскин» и совместного советско-германского арктического полета дирижабля «Граф Цеппелин», забытого сразу же с началом Великой Отечественной войны.

По правде, Платон Ильич Лопарев не был ни военным стратегом, ни партизанским вожаком в классическом определении. Он вообще не хотел воевать: ни за царя, ни за белых, ни за красных.

После окончания в 1910 году Омского механико-технического училища Лопарев преподавал в Абатской ремесленной школе. Чтобы избежать призыва на военную службу, он переехал через год в родное Самарово — северян тогда в царскую армию не брали. Но эту привилегию (или ограничение в правах?) отменили в 1915 году после больших потерь русских войск на фронтах Первой мировой войны. Лопарева мобилизовали во вспомогательные строительные части. По дороге на Кавказский фронт (Россия воевала с союзницей Германии Турцией) он дезертировал и возвратился в Тобольск, где занялся кооперацией, а это мясо, рыба, икра, пушнина...

Если бы его не пытались мобилизовать сначала в колчаковскую армию, а затем в красный Северный экспедиционный отряд, Лопарев не сбежал бы в лес возле родного села и не возглавил бы команду таких же, как сам, дезертиров. Назвать такую позицию «протестом против колчаковского режима» язык не поворачивается.

Лопарев отличился в 1921 году при подавлении стихийного повстанческого движения в Среднем Приобье и считался «главным освободителем края от мятежников». Но в июле 1921 года, когда крестьянское восстание было уже подавлено регулярными войсками Красной армии, грозить северянам «расстрелами на месте и выжиганием целых сел» не требовало большой смелости.

В 1938 году Лопарева расстреляли как «ненадежного партизана», но есть версия: от него НКВД пыталась добиться показаний о местонахождении спрятанных колчаковцами при отступлении на север ценностей сибирского Белого движения.

Такова трагическая и таинственная история, связанная с названием улицы Лопарева, протянувшейся за железной дорогой от улицы Конституции до Молодежной.

Без лагерных названий

Эту историю рассказал ветеран тюменского судостроения Федор Сидорович Полевщиков. Избранный в 1967 году от Тюмени депутатом Верховного Совета РСФСР, он приехал в Москву на свою первую парламентскую сессию. При регистрации у него спросили адрес для депутатской переписки.

— Город Тюмень, улица Лагерная, — ответил тюменский депутат.

— Это название от пионерского лагеря?

— Нет, там был другой лагерь...

В декабре 1945 года в Тюмень на судостроительный завод, зашифрованный от вражеских разведок номером 639, прибыл «рабочий батальон» — 982 участника «Армянского национального легиона», сформированного немцами из военнопленных в 1941—1942 годах. Легион принимал участие в боях против Красной армии под Туапсе и в Крыму, но в связи с ненадежностью переведен во Францию для обороны прибрежных укреплений «Атлантического вала». В мае 1944-го большинство армянских легионеров отказались служить немцам и создали «1-й советский партизанский полк во Франции».

После окончания Второй мировой войны и прохождения фильтрации в немецком городе Цербет полк оказался в «рабочем лагере» на окраине Тюмени.

Депутату Полевщикову предложили в аппарате Верховного Совета РСФСР сменить свой тюменский адрес или... переименовать улицу. С этой проблемой Федор Сидорович обратился к директору судостроительного завода Петру Петровичу Потапову (1918—2002), избранному впоследствии почетным гражданином города Тюмени.

Потапов предложил назвать Лагерную улицей Елизарова. Кузнецца, который переехал в 1928 году из Ленинграда в Тюмень для обучения рабочих местной судовой мастерству кораблестроения. По свидетельству очевидцев, Елизаров, подобно сказочному лесковскому Левше, мог «блоху подковать». Тюменский горсовет утвердил новое название «реабилитированной» улицы. Заодно переименовали и другие улицы, в названиях которых звучали ГУЛАГовские мотивы. Колымскую (по берегам этой реки в Магаданской области располагались лагеря заклю-

ченных-золотоискателей) назвали именем Мориса Тореза. Это не мать Тереза, являющаяся символом добра и справедливости, а бывший генеральный секретарь французской коммунистической партии (с 1930-го по 1964 г.). К Тюмени Торез не имел никакого отношения и, скорее всего, не знал о ее существовании.

Из всех лидеров мирового коммунистического движения наш тюменский край хорошо представлял себе генеральный секретарь компартии Греции Никос Захариадис.

Секретный узник ЦК КПСС

Он родился 27 апреля 1903 года в г. Бурсе (Турция) в бедной семье грека-табачника. С ранних лет работал в порту, потом стал моряком. В 1923 году вступил в коммунистическую партию Греции, руководил партийными организациями в крупных городах: Пирсе, Волосе, Салониках... За революционную деятельность подвергался преследованиям. В 1935-м был избран генеральным секретарем КПГ.

Чтобы понять его жизнь, нужно знать некоторые события новейшей истории Греции. В ноябре 1935 года в этой стране была реставрирована монархия. В ответ компартия призвала трудящихся к всеобщей забастовке протеста, которую власти подавили с помощью войск и танков. Несмотря на террор, народный фронт Греции получил на выборах в парламент 15 мест. Захариадис стал депутатом. Революционное движение ширилось. Казалось, достаточно еще одного натиска...

Но за день до намеченного народного выступления генерал Метаксас установил фашистскую диктатуру. Получив от короля Георга II неограниченные полномочия, он ввел в столице осадное положение, распустил парламент и начал массовые аресты коммунистов. Суд приговорил Захариадиса к четырем годам тюрьмы. Выйти на свободу в 1940 году ему не удалось: в Грецию вторглись итальянские и германские войска Муссолини и Гитлера. 27 апреля 1941 года они заняли Афины. Греческая полиция выдала Захариадиса гестапо — так он оказался в концлагере Дахау.

В борьбе с фашизмом греки объединились в 12-тысячную народно-освободительную армию (ЭЛАС). К лету 1943 года она освободила от оккупантов треть материковой территории Гре-

ции. На полуостров высадились экспедиционные английские войска. При их поддержке правительство «национального единства» попыталось разоружить ЭЛАС, началась гражданская война. Огонь удалось прекратить только в феврале 1945 года. ЭЛАС была распущена. Однако после очередной реставрации монархии братоубийственная война вспыхнула с новой силой.

Возвратившийся после капитуляции гитлеровской Германии на родину Захариадис возглавил вооруженную борьбу против англичан и монархистов. Организованная им Демократическая армия Греции (ДАГ) контролировала северные районы страны. Казалось, достаточно еще одного удара, и в Греции будет установлен новый строй. Такой, как в СССР.. Как в соседних Албании, Болгарии, Югославии... Но Сталин поссорился с Иосипом Броз Тито. Находившийся под сильным влиянием Сталина, Захариадис заявил, что «...предательство Тито создает для народно-демократического движения в Греции серьезные затруднения».

В октябре 1949 года ДАГ прекратила военные действия. Коммунистический режим в Греции не состоялся. Греческий народ устал от длительных и кровавых междоусобиц. Расстрелы не остановили разложение армии. Ее остатки были выведены в Албанию и Болгарию, а Захариадис вылетел в Москву. В октябре 1952 года он с трибуны XIX съезда ВКП(б) заклеил позором «предательскую клику Тито», за что Сталин выразил генсеку компартии Греции «особую благодарность». Но вскоре Сталин умер, и новое руководство КПСС стало искать пути примирения с Тито.

В 1955 году Хрущев, Булганин и Микоян посетили Югославию и приняли так называемую Белградскую декларацию по сближению двух стран. В этом документе Тито подчеркнул необходимость «...устранить в ежедневной практике все те элементы, которые могли бы воспрепятствовать укреплению нашего взаимного доверия». Захариадиса он не назвал, но его намек, похожий на ультиматум, был понят.

В апреле 1956 года генеральный секретарь компартии Греции Никос Захариадис исчез... Появился Николай Николаевич Николаев... Лицо без гражданства... Директор лесхоза в небольшом городке Боровичи, что в Новгородской области. Кто и как убедил его сменить имя и скрыться в новгородских лесах? Ско-

рее всего, использовали безотказный, проверенный временем и судебными процессами 30-х годов довод: «Это нужно партии». На деле все оказалось ловушкой. Сменив документы на «вид на жительство», он утратил свое настоящее имя.

В Боровичах Захариадис—Николаев прожил шесть лет. Вел себя тихо, незаметно. Ждал, когда изменится обстановка и его вновь призовут возглавить партию. А время шло, и нетерпение возрастало.

В мае 1962 года он заявил о своем намерении выехать за границу — в партийных и чекистских органах («Николаева» держали под административным надзором) возник переполох. Было решено поменять ему место жительства на более отдаленное — в Сургут. Там, протестуя против вечной ссылки, «сибирский узник ЦК КССС» (по донесениям Тюменского КГБ он проходил под кличкой «Бывший») покончил жизнь самоубийством 1 августа 1973 года. Сплетенная им самим удавка — такой во время гражданской войны в Греции приводили смертные приговоры — мгновенно перехватила горло.

В Тюменском ЗАГСе зарегистрировали его смерть «от сердечной недостаточности» и тайно похоронили на Червишевском кладбище под чужим именем Николая Николаевича Николаева. Только в начале 90-х, когда тайна Захариадиса перестала быть таковой, останки этого бескомпромиссного коммуниста, бесстрашного борца с немецким нацизмом и итальянским фашизмом его сыновья перевезли из Тюмени в Афины.

Реабилитации подлежат

Вакцинизация массовых переименований тюменских улиц в 1922 и 1957 годах выработала у Тюмени иммунитет против рецидива этой болезни в 90-е годы. Последней в череде смены названий стала в нашем городе примыкающая к «тюремному замку» (сейчас здесь следственный изолятор) улица Исправительная. Символично, что она получила имя Владимира Галактионовича Короленко, общественного деятеля и журналиста, выступавшего против мерзостей самодержавного судопроизводства. На своем пути гонений, арестов и ссылок он прошел через Тюмень до тобольской каторжной тюрьмы. После революции «совесть русской литературы» Короленко, потрясенный

ужасом «красного террора» Гражданской войны на Украине, умер в декабре 1921 года.

В отличие от Москвы и других областных центров Тюмень оставила «советские» названия улиц, хотя призывы к их переименованию звучали и все еще периодически раздаются.

Очередное празднование годовщины Великой Победы, почти единственного события прошлого века, которым страна и народ могут безоговорочно гордиться, вновь обострило проблему советского и коммунистического наследия в топонимике наших городов. Одних Советских улиц по стране восемь с половиной тысяч. Советской власти нет, а Советские улицы повсюду. Улиц Ленина — пять тысяч шестьсот. И потом, есть просто чуждое — улицы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Сакко и Ванцетти... Что сделали они для России? Возвращенный Тобольско-Тюменской епархии Свято-Троицкий монастырь стоит на улице Коммунистической (до 1922 года она называлась Большой Монастырской). Какое отношение имеют к Тюмени Моисей Маркович Володарский (настоящая фамилия Годьштейн), главный цензор Советской России? Или Моисей Соломонович Урицкий, председатель Петроградской ЧК? А утопивший в Туре епископа Тобольского Гермогена Хохряков все еще герой революции и Гражданской войны.

Топонимика является важной частью идеологии государства — большевики это прекрасно понимали, поэтому переименовали более 90% исторических мест. Метили по-своему пространство, показывая, кто в стране хозяин. Ну куда мы уйдем с Лениным, Свердловым, Розой Люксембург?..

Возвращение к прежним названиям — это не обращение к монархии, а к своим истокам, ведь улицы и переулки Тюмени были связаны с особенностью и местности, и промыслов, и вероисповедания.

Реабилитацию улиц в Тюмени можно продолжить в трех направлениях. Во-первых, помещать, как уже делается, ниже официального названия улицы ее прежнее наименование: Красина — Телеграфная, Кирова — Войновская, Орджоникидзе — Ишимская, Комсомольская — Тобольская, Осипенко — Томская, Дзержинского — Садовая, Советская — Серебряковская... Во-вторых, вернуть названия улицам, где стоят (или стояли) православные храмы: Ленина — Спасская, 25-го Октября — Иль-

инская, Володарского — Знаменская, Урицкого — Архангельская, Луначарского — Никольская, Хохрякова — Успенская, Коммунистическая — Большая Монастырская, Димитрова — 1-я Монастырская... В-третьих, убрать самые одиозные имена — типа анархистов-уголовников Сакко и Ванцетти, возвратив их прежние названия — Большая Разъездная и Малая Разъездная. И еще: присвоить новой, пока еще безымянной улице нашего города, название Солдатская. А на месте бывшего военного присутствия — военного комиссариата Тюмени установить памятный знак. Потому что бывших солдат не бывает.

Непокорная улица

Как Ямская не стала Печенгской

На доме № 2 одной из главных улиц Тюмени есть табличка: «Улица Ямская названа в память первой в Сибири Ямской слободы, основанной в 1606 году ямщиками...».

В 1970 году здесь была другая надпись: «Улица 368-й Краснознаменной Печенгской стрелковой дивизии». Говорили, что решение о переименовании Ямской исполком Тюменского горсовета принял по просьбе ветеранов Великой Отечественной войны.

Но какое отношение эта дивизия имела к Тюмени? Самое прямое: она была сформирована в нашем городе в июле—сентябре 1941-го из мобилизованных тюменцев, «родившихся с 1905 по 1918 год включительно» (те, кто родился в 1919—1922 годы, уже служили по призыву в армии, на флоте и в войсках НКВД).

На Оштинском рубеже

В состав 368-й стрелковой дивизии входили 1224-й, 1226-й и 1228-й стрелковые, 939-й артиллерийский полки и отдельные батальоны — саперный, связи, медико-санитарный. Штаб соединения находился на улице Володарского, в доме № 20.

Дивизию возглавил полковник Федор Остапенко, ставший впоследствии Героем Советского Союза (за форсирование реки Тиса в Словакии в 1945 году) и генерал-лейтенантом.

Войну он встретил на западной границе: с остатками 6-й стрелковой дивизии 28-го стрелкового корпуса 4-й армии отступал от Бреста до города с малозвучным названием Пропойск, что на реках Сож и Проня (сейчас переименован в Славгород).

В ноябре 1941-го сформированная им в Тюмени новая дивизия отправилась на фронт, но не на Западный, а на Карельский. Задача: остановить наступление финских войск, захвативших южную Карелию и город Петрозаводск, форсировавших реку Свирь и рвавшихся на соединение с немцами. Финнам оставалось пройти всего

125 километров, и замкнулось бы второе кольцо вокруг Ленинграда, и всякая связь с ним, кроме воздушной, была бы потеряна.

Поэтому тюменцы спешили: разгрузившись на станции Нямдома Северной железной дороги, они совершили 340-километровый пеший марш с полной выкладкой через снежные заносы, в мороз и вьюгу до города Вытегра на юго-восточном побережье Онежского озера.

Здесь, на Оштинском рубеже, по левому берегу реки Ошта, между озерами Онежским и Ладожским было остановлено финское наступление.

В 1952 году главнокомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм, служивший до 1917-го в русской императорской армии и имевший там чин генерал-лейтенанта, утверждал, что он сам якобы не хотел идти на соединение с немецкими войсками, наступавшими на тихвинском направлении. Цель вступления Финляндии в войну с Советским Союзом была, мол, достигнута — Карелия стала финской. Петрозаводск переименовали в Яанислилина — «Онежская крепость» (правда, вскоре по приказу того же Маннергейма вернули прежнее название).

Зачем же тогда финнам нужно было форсировать Свирь, захватывать на южном берегу старинный русский город Вознесенье и нести при этом большие потери?

За всю Великую Отечественную войну у финской армии была единственная возможность серьезно повлиять на ход боевых действий — это замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда и тем самым добиться падения города, гибели Ленинградского фронта и Балтийского флота. Но финны потерпели на Свири стратегическое поражение. Этого в Финляндии не поняли ни политики, ни военные. Там упивались захватом Карелии, учредили орден, названный «крестом Маннергейма» (за всю войну его первую степень получили всего два человека — сам маршал и начальник его штаба генерал Хейнрихс, а крестом второй степени награждено 190 человек, в том числе четверо дважды, и среди них лучший ас финской авиации Ютислайнен, сбивший 94 советских самолета).

После прибытия на Карельский фронт сибирских дивизий (кроме 368-й туда из резерва Ставки перебросили 21-ю краснознаменную стрелковую дивизию, кадровую, хорошо вооруженную, насчитывающую в своем составе свыше 15 тысяч бойцов и командиров) часы истории начали отсчет времени до поражения Финляндии.

На Оштинском рубеже 368-я стрелковая дивизия держала оборону до июня 1944 года. События на этом участке фронта неизменно характеризовались в сводках Совинформбюро как «бои местного значения». Но и в обороне сибиряки несли большие потери. В основном от болезней и недоедания. Приходилось делиться своими скудными припасами с умиравшими от голода ленинградцами. «Чтобы хоть как-то унять голодные спазмы, — рассказывали тюменцы, воевавшие в 368-й стрелковой дивизии, — сунешь за щеку камешек и так терпишь. А что еще оставалось делать: камней сколько хочешь, а хлеба, бывало, днями ни крошки».

Что же помогало нашим землякам, ставшим солдатами, выжить в тех, казалось, невыносимых условиях? Если верить изданной в 1989 году книге о боевом пути 368-й стрелковой дивизии «От Тюмени до Киркенеса», то решающую роль в обороне играли политотдел соединения, партийная и комсомольская организации.

Авторов этой книги, бывших политработников, понять можно. Громкие читки газет, боевые листки, беседы агитаторов, безусловно, имели значение. Но не главное.

В затяжной войне в Заполярье выручали природная живучесть, редкая неприхотливость и фантастическое терпение сибиряков. Да еще водка.

Вытьем за Сталина

22 августа 1941 года, чтобы хоть как-то поднять настроение отступавшим войскам Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии».

«Установить, — отмечалось в этом документе, — начиная с 1 сентября 1941 года выдачу 40-градусной водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии». Так укоренилось до наших дней понятие «наркомовские сто грамм».

Потом в Кремле решили, что надо наливать только тем, кто реально находится на фронте и участвует в боевых действиях.

«Прекратить массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии. Сохранить ежедневную выдачу водки в размере 100 граммов военнослужащим только тех частей передовой армии, которые ведут наступательные операции.

Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 граммов на человека производить в следующие революционные и общественные праздники:

— в дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — 7 и 8 ноября, в День конституции — 5 декабря, в день Нового года — 1 января, в День Красной армии — 23 февраля, в дни Международного праздника трудящихся — 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника — 19 июля, во Всесоюзный день авиации — 16 августа, а также в день полкового праздника (формирования части)».

Водка была наградой: «...частям и подразделениям, имеющим успехи в боевых действиях, увеличить норму выдачу водки до 200 г в день». И наказанием: бойцов штрафных батальонов и рот лишали алкогольного допинга.

Про это от лица штрафников с горечью пел Владимир Высоцкий:

Перед атакой водка — вот мура!

Свое отпили мы еще в гражданку.

Поэтому мы не кричим «Ура!»

Со смертью мы играемся в молчанку.

В архивах сохранились ежемесячные «лимиты» расхода водки для войсковых частей действующей армии. Например, в апреле 1943 года, когда по всей линии военного противостояния установилось относительное затишье, было выпито 4450000 литров водки. Характерно, что в списке фронтов 7-я отдельная армия, в состав которой входила 368-я стрелковая дивизия, водочная статистика выделена отдельной строкой — 80000 литров. Для сравнения: войскам Ленинградского фронта отпущено 380000, а Западного — 550000 литров. Однако и численность этих миллионных фронтовых группировок с 7-й армией, в которую тогда, кроме тюменской 368-й, входили сформированная на Урале 313-я стрелковая дивизия и несколько отдельных подразделений, явно не сопоставимы.

В войну было мало трезвенников — водки не хватало. С января 1942-го к выпуску этого стратегического сырья подключился тюменский водочный завод, размещенный в здании Пророко-Ильинской церкви.

Холода на берегах Ладоги и Онеги стояли страшные, и водка тюменского розлива помогала согреться и снять напряжение.

Ветераны 368-й стрелковой дивизии вспоминали: на их боевые позиции водку доставляли в стеклянных бутылках. В сорокаградусные морозы водка превращалась в кашеобразную ледяную массу. Горы пустой посуды сохранились в карельских лесах и болотах до настоящего времени.

Выьем и закусим

Когда солдаты голодали и мерзли в окопах, некоторые маршалы и генералы вели более чем комфортную жизнь, о чем тоже не стоит забывать, вспоминая войну.

Среди «лимитов» расхода водки для фронтов и отдельных армий есть ведомости на выдачу продовольственных наборов одному из самых молодых сталинских наркомов — 34-летнему Дмитрию Устинову, будущему маршалу и министру обороны СССР.

«...Доставлено 6 июня 1942 года на дачу наркома: водки — 3 бутылки, отборного вина и шампанского — 8 бутылок, пива — ящик, а также икра, копченые колбасы, ветчина, белуга отварная, шоколадные конфеты... Отправлено 7 июля 1942 года на квартиру ему же: водки — 3 бутылки, вина и шампанского — 8 бутылок, пива — ящик, икра зернистая, колбасы, севрюга, сухая дыня, лимоны, шоколад в наборах...».

Сдавший немцам из-за своей бездарности Крым уполномоченный Ставки Верховного главнокомандования маршал Григорий Кулик отправил в ноябре 1941-го из Ростова свой самолет (американский транспортный «Дуглас») в Свердловск к новой жене с запасом продуктов, полученных через начальника Краснодарского военторга. Остальные продукты он послал в личном вагоне в Москву. В самолет грузили ящиками яблоки, колбасу, рыбу, муку, масло, сахар. В вагон влезло побольше: несколько мешков муки, риса, гречки, сахара, сорок с лишним ящичков мандаринов, тысяча лимонов, двести бутылок коньяку, десятки килограммов икры, конфет, чая, варенья...

Напрасным будет предположение, что так вел себя один лишь Кулик.

В мае 1943 года Андрей Еременко, тогда командующий Калининским фронтом, на котором воевали наши земляки — сформированная в июле 1942 года из спецпереселенцев Югры 75-я стрелковая бригада — записал в дневник впечатления от посещения ко-

мандующего 43-й армией генерал-лейтенанта Константина Голубева: «Вместо заботы о войсках он занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (молоко и масло), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал... Командный пункт Голубева — новенький, рубленый, с русской резьбой теремок. Кроме того, построен домик для связных, ординарцев, кухни и охраны. Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький коптильный завод. Голубев очень любит копчености: колбасы, окорока, а в особенности рыбу — держит для этого человека из северян, откуда-то с Оби, хорошо знающего ремесло копчения. Член Военного совета армии не отставал от командующего...».

И это происходило на фронте, где немалую часть личного состава пришлось отправить в медсанбаты с диагнозом «истощение».

Но Голубев, в отличие от других порядочных генералов, не сомневался в полководческой гениальности Сталина, поэтому тот смотрел сквозь пальцы на барство командарма. В конце концов толстяка Голубева (его вес превышал 120 килограммов) забрали с фронта и назначили уполномоченным Совнаркома по делам репарации советских граждан.

Под красным знаменем

Главные наступательные операции 1944 года было принято называть «десятью сталинскими ударами». В этой исторической терминологии разгром группировки финских войск между Онежским и Ладожскими озерами значился под четвертым номером.

Финское командование стремилось во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции.

Первая полоса прочной, хорошо оборудованной в инженерном отношении обороны, проходила по рубежу Ошта, Свирьстрой и далее по реке Свирь до Ладожского озера — дерево — земляные укрепления в виде стен и заборов высотой до двух метров, участки сплошных траншей из двух-трех линий, противотанковые препятствия, проволочные заграждения, минные поля.

Эти укрепления занимала «Олонецкая оперативная группа» — 76 тысяч солдат и 580 орудий.

Сталин и назначенный им в феврале 1944 года командующим Карельским фронтом генерал армии Кирилл Мерецков помнили, с каким трудом советские войска прогрызали «линию Маннергейма» во время «незнаменитой» зимней войны 1939—1940 годов.

Когда в ноябре 1939-го Сталин приказал войскам Ленинградского военного округа перейти границу с Финляндией, никто и представить не мог, что эта военная операция потребует огромного напряжения сил и первоначальной цели — дойти до Хельсинки за десять—пятнадцать дней — не достигнет, а растянется на три с половиной месяца.

Думали, что Финская кампания будет такой же легкой прогулкой, как вторжение в Польшу в сентябре того же года. А пришлось вести тяжелые кровопролитные бои.

Войну начали, сосредоточив на финском фронте двадцать одну дивизию (против трех пехотных дивизий и одной бронекавалерийской бригады — 60 танков), а потом довели число соединений до пятидесяти восьми. Однако завоевать маленькую Финляндию не удалось (в финскую армию вступило почти 14 процентов населения страны).

Глубина и надежность финской обороны оказались неожиданностью. Советские танки подрывались на минах и не могли прорвать укрепления противника. Артиллерия не пробивала бетонные стены финских дотов. Советские части по вине неумелых командиров (опытных военачальников расстреляли в 1937—1938 годы) попадали в окружение и несли большие потери.

22 декабря 1939 года финны остановили, а затем блокировали 163-ю стрелковую дивизию РККА под командованием комбрига Зеленцова. На подмогу ей была брошена только что прибывшая из Тернополя на железнодорожную станцию Кемь 44-я стрелковая дивизия. Красноармейцев отправили в лютые морозы в осеннем обмундировании — шинелях и брезентовых (!) сапогах. Еще на марше передовые колонны были атакованы подвижными группами финских лыжников, расчленены, деморализованы и 6 января обращены в паническое бегство. Командир финской группировки генерал Сииласвуо писал: «...Паника окруженных все росла, у противника больше не было совместных и организованных действий, каждый пытался действовать самостоятельно, чтобы спасти свою жизнь. Лес был полон бегущими людьми. В полдень 7-го января

противник начал сдаваться. Голодные и замерзшие люди выходили из землянок... Мы захватили немислимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестящие...». Трофеи составили 97 орудий, 37 танков, 130 станковых и 150 ручных пулеметов, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 600 лошадей... Большинство вышедших из окружения бойцов были даже без винтовок. А между тем 44-я стрелковая дивизия, сформированная в 1919 году на Украине и получившая имя одного из первых своих командиров — Николая Щорса, числилась среди лучших в РККА: в 1935 году «за успехи в боевой и политической подготовке» была награждена орденом Красного Знамени.

В разгроме этого соединения обвинили его командование: комдива Виноградова, начальника политотдела полкового комиссара Пахоменко и начштаба полковника Волкова, которых 12 января показательно расстреляли перед строем остатков дивизии.

Еще более трагична и мучительна судьба 18-й Ярославской краснознаменной стрелковой дивизии и приданной ей для усиления 34-й легкотанковой бригады — они наступали в направлении нынешней Сортавалы.

Уже 28 декабря в районе Леметти эти части оказались в окружении. Об отчаянном положении блокированных в 13 гарнизонах бойцов свидетельствуют адресованные в штаб 15-й армии радиотелеграммы. От гарнизона «Развилка Дорог» 5 февраля: «Положение тяжелое, лошадей съели, сброса продовольствия не было. Больных 600 человек. Голод. Цинга. Смерть». От гарнизона Уома 14 февраля: «Умираем с голода. Выручайте, не дайте умереть позорной смертью». От гарнизона Леметти-Южное 26 февраля: «Помогите, штурмуйте противника, сбросьте продуктов и покурить. Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все».

И только в последний день февраля, когда на главном направлении были прорвана линия Маннергейма и бои шли за Выборг, а финское правительство зондировало в Москве почву на предмет перемирия, из Ставки советского командования отдали приказ командиру 18-й дивизии комбригу Кондрашеву и командиру 34-й бригады комбригу Кондратьеву начать выход из окружения.

Комиссия штаба 15-й армии позднее констатировала: «... Несмотря на приказание Военного совета армии обязательно взять

с собой всех больных и раненых они были оставлены, причем выход гарнизона был преднамеренно скрыт от них...».

Среди оставленных в районе Леметти тяжелораненых, которых потом добились финны, находился и призванный на военную службу в 1939 году из Тутаевского района Ярославской области колхозник Владимир Терешков. Он погиб и не узнал, что его младшая полугодовалая дочь вырастет и первой из женщин поднимется в космос.

Из 15 тысяч окруженцев к своим вышли 1237 человек. Оставшегося в живых комбрига Кондрашева обвинили в гибели дивизии и расстреляли. Знамя дивизии досталось финнам. После окончания войны соединение, как утратившее боевое знамя, расформировали.

Комбриг Кондратьев, комиссар 34-й бригады Гапанюк и начальник штаба Смирнов при прорыве из окружения застрелились. Но танковый экипаж братьев Грязновых спас знамя бригады. Четверо братьев (трое из них посмертно) были представлены к званию Героя Советского Союза. Только Сталин отклонил это представление. Он был вне себя: весь мир видел, что огромный Советский Союз не может совладать с маленькой Финляндией.

Недостатки и просчеты в боевой подготовке, в их тыловом обеспечении учли в 1944 году: для штурма финских укреплений на реках Ошта и Свирь, кроме 368-й, были сосредоточены еще пять стрелковых дивизий, три бригады морской пехоты и два укрепрайона. Ставка перебросила сюда три стрелковых корпуса, артиллерийскую дивизию прорыва, две танковые бригады, три отдельных танковых и три тяжелых самоходно-артиллерийских полка.

Из собственных резервов Карельского фронта на Свирь был направлен 127-й легкий стрелковый корпус, который предназначался для наступления на труднодоступной местности и, в отличие от обычных соединений, не имел никакого транспорта: все вооружение, артиллерия, минометы и боеприпасы перевозились вьюками.

Для успешного форсирования реки, ширина которой достигала 300–400 метров, а глубина 5–7 метров, Сталин разрешил Мерецкову разрушить мощный гидроузел Свирь-3, расположенный выше места планируемой операции и находившийся в руках противника. Плотина удерживала 125 миллионов кубометров воды. Расчеты инженерной службы Карельского фронта показа-

ли, что если финны внезапно откроют затворы или взорвут плотину, то по реке прокатится четырехметровый вал воды, способный смыть любую переправу. Поэтому решили не рисковать и пожертвовали таким ценным народнохозяйственным объектом.

С 18 июня 55 бомбардировщиков Балтийского флота начали прицельное бомбометание. Тяжелая артиллерия и самоходные орудия били прямой наводкой по затворам плотины. В верховьях спускали по реке плавающие мины. Лишь к вечеру 20-го числа нужный эффект был достигнут: «плотина повреждена в трех местах, уровень реки поднялся на два метра».

Тогда же, прорвав на Оште оборону противника, 368-я стрелковая дивизия достигла Свири и с боем заняла Вознесенье — южный берег был очищен от финских захватчиков.

Еще через два дня Свирь форсировали на всем ее протяжении от Онежского до Ладожского озера. 28 июня авангард тюменской дивизии — 1226-й полк — вступил в Петрозаводск.

2 июля 368-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени и стала называться краснознаменной: за всю войну этим орденом отмечены 3270 соединений и частей действующей армии и флота.

Автор книги «Новые прогулки по Тюмени» Александр Иваненко напрасно «наградил» 368-ю стрелковую дивизию орденами Суворова и Кутузова и назвал ее гвардейской. Таких наград и званий она не имела. В действительности войска Мерецкова не достигли государственной границы СССР ни на одном участке. Финнам удалось остановить советское наступление: потери Карельского фронта за полтора месяца боев составили 63603 человека убитыми и ранеными (для сравнений: в войне с Финляндией в 1939—1940 гг. Красная армия потеряла 126 тысяч 875 человек убитыми; потери финнов были существенно ниже — 48 тысяч 243 убитых. — А.П.).

Однако выход к границе Финляндии создал предпосылки для ускорения ее вывода из войны — соглашение о перемирии было подписано 19 сентября 1944 года. Но 200-тысячная группировка немцев в Лапландии не собиралась оставлять своих позиций в Заполярье, особенно терять богатый никелем район Петсамо (Печенгу).

Этот исконно русский город и незамерзающий порт на Баренцевом море был освобожден 15 октября — 368-й стрелковой дивизии присвоили наименование «Печенгской»,

Свой восторг по такому поводу выразил дивизионный поэт Анатолий Абрамов:

Мы с этим именем дойдем
До дня Победы, до Берлина.
Мы с ним вернемся в отчий дом,
И встретит мать с любовью сына.
И если дома у огня
Бои и грозы вспоминая,
«Откуда?» — спросит мать меня,
Скажу: «Из Печенгской, родная!».

25 октября советские войска овладели норвежским городом Киркенес. И... остановились как вкопанные. Объяснений этой остановки наступления советская историческая наука не дает. А стоило бы, потому что все боеспособные германские войска, ушедшие из Заполярья, благополучно были переправлены на Восточный фронт.

Непонятна и предвзятость Ставки к 368-й стрелковой дивизии по сравнению с другими соединениями, участвовавшими в двух наступательных операциях: Свирско-Петрозаводской и Петсамо-Киркенесской. Так, находившаяся всю войну на Карельском фронте и попадавшая там несколько раз в окружение 313-я стрелковая дивизия стала краснознаменной осенью 1941-го, а потом получила еще три (!) ордена и почетное наименование «Петрозаводской».

Среди «печенгских» дивизий, указанных в энциклопедии «Великая Отечественная война», также нет дивизии, сформированной в Тюмени. Может, потому что никто из ее воинов не удостоен звания Героя Советского Союза (комдив Остащенко не в счет — с мая 1942-го он командовал другими соединениями).

По просьбе ветеранов

Говорят, что идея создания медали для участников обороны Заполярья возникла в 368-й стрелковой дивизии (эту инициативу приписывают уже упомянутому самодеятельному поэту Абрамову). Ее поддержали в штабе Карельского фронта, сделали несколько рисунков и коллективно отобрали лучший — подполковника Владимира Алова. Сталин утвердил этот проект, и 5 декабря 1944 года медаль «За оборону Советского Заполярья» была учреждена (ее получили более 350 тысяч человек).

Право быть увековеченной в городе своего рождения 368-я Печенгская краснознаменная стрелковая дивизия, безусловно, заслужила. Но почему для этой церемонии выбрали улицу Ямскую? Только потому, что во дворе школы № 10 на углу улиц Луначарского и Казанской уже был к тому времени установлен невысокий гранитный обелиск славы этой дивизии.

Принимавшие решение по просьбе ветеранов Великой Отечественной войны работники исполкома Тюменского горсовета не знали основного закона топонимики, который гласит, что «укоренившиеся в массовом общественном сознании понятия и символы городской инфраструктуры не поддаются изменениям и переименованиям». Пример непокорной топонимики официальной Тюмени показала улица Ямская — горожане не отказались от ее первоначального исторического названия. Тем более что школа № 10 на Ямской закрылась (этот номер передали в другой район Тюмени), а памятник 368-й стрелковой дивизии перенесли во двор школы № 14.

Но название сформированного в нашем городе соединения не должно забыться. Одна из новых или пока еще безымянных улиц областного центра еще будет названа в память о 368-й Печенгской краснознаменной дивизии.

Надеюсь, что древняя заполярная Печенга, где такая улица есть, станет сестрой Тюмени. А дальше, глядишь, и норвежский Киркенес побратается с Тюменью: ведь от Печенги до Киркенеса рукой подать¹.

* Городами-побратимами Тюмени являются: Киев, столица Украины, с 17 августа 1991 года, Дацин, город в китайской провинции Хэйлуцзян, — с 3 февраля 1993 года; Целле, городок в Нижней Саксонии (Германия), — с 19 ноября 1994 года; Хьюстон, город в США, штат Техас, — с 16 марта 1995 года; Мюнхен, третий по населению город в Германии (1367000 человек), — с 8 июня 2002 года.

Одна на всех

В Тюмени есть улицы, в названиях которых сохраняются только фамилии. Без относимости ко времени, к событиям, должностному или общественному положению этих людей.

Кузнецовы

Это самая распространенная в России фамилия. После нее следуют Ивановы, Петровы, Сидоровы...

В Тюмени улица Кузнецова зажата между зданием «Тюмень-стройпути» и забором на месте старого драмтеатра. Когда-то эта улица называлась 1-й Казачьей и отличалась от других причудливыми дымниками на печных трубах, сбегавших к Зеленому логу речки Тюменки. Здесь жил известный тюменский жестянщик Галкин. Изготовленные им металлические печки, названные в первые годы Советской власти «буржуйками», согревали многих тюменцев.

В революционной междоусобице Сибирское, Уральское и Оренбургское казачество в своем большинстве выступило на стороне контрреволюции. Поэтому при первом массовом переименовании в ноябре 1922 года сорока тюменских улиц 1-ю Казачью назвали в память Афанасия Кузнецова, рабочего чугунолитейного завода Машарова, делегированного в местный Совет рабочих депутатов. После оставления красными Тюмени в июле 1918-го Кузнецов был арестован белыми, а через год при отступлении их на восток расстрелян в тюрьме города Ирбита.

Разгромленное в Гражданской войне российское казачество частично восстановили в правах в 1935 году¹. Тогда же в Красной армии ввели персональные воинские звания. В пятерку первых маршалов Советского Союза включили родившегося на Дону командующего Первой конной армией Семена Буденного

¹ К началу XX века в Российской империи существовало 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское.

и члена военного совета этой армии Клим Ворошилов. Вся страна распевала сочиненный братьями Покрасами марш:

Буденный — наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ — голов не вешать,
А глядеть вперед.
Ведь с нами Ворошилов —
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить
За СССР.

Крови действительно пролили немало — чужой и своей. Когда началась чистка в армии, выходцы из Первой конной вышли на первые роли. Через месяц после расстрела маршала Тухачевского Буденного назначили командующим войсками Московского военного округа. Когда Сталин сочтет недостойным звания маршала Блюхера и Егорова (одного замучают до смерти на Лубянке, другого тайно расстреляют), Буденного сделают первым заместителем наркома Ворошилова.

Семен Михайлович не знал тогда, что и на него в НКВД готовилось дело на тот случай, если Сталин потеряет к нему интерес. Чекисты отводили Буденному роль руководителя антисоветского подполья среди казачества. Внезапно утративший расположение вождя и арестованный в 1938 году маршал Егоров дал показания о том, что Буденный — активный участник военного заговора: «...По расчетам нашей организации антисоветское вооруженное восстание должна будет поддерживать большая часть конницы РККА во главе с самим Буденным... Намечалось поставить его во главе всех казачьих войск с присвоением ему титула атамана...».

Историк Леонид Млечин считает, что в 1939 году жизнь Семена Михайловича висела на волоске. Он вполне мог последовать за маршалами Тухачевским, Блюхером и Егоровым. Но Сталин не тронул Буденного: он нужен был ему как символ.

В 1940 году во время второго переименования тюменских улиц вместо малоизвестного Кузнецова бывшая 1-я Казачья стала улицей Буденного, а Громовская — Ворошилова (примыкала к Профсоюзной, бывшей Новой). 2-я Казачья осталась улицей Грибоедова.

В начавшейся через год Великой Отечественной войне маршалы Ворошилов и Буденный оказались абсолютно не способ-

ны организовать оборону страны от немцев и использовались на тыловой военной работе. Но если бывший нарком Ворошилов томился без дела и выпрашивал себе какое-нибудь задание (координировал партизанское движение, возглавлял трофейный комитет при Государственном комитете обороны, руководил композиторами и поэтами, писавшими Гимн Советского Союза), то его первый заместитель Буденный никогда ни в чем не сомневался и своей вины в разгроме советских войск на Западном фронте, на Украине и Кавказе не признавал.

Как национальный символ маршал Буденный уже после войны, в мирное время, стал трижды Героем Советского Союза (1958, 1963, 1868). Судьба хранила его и от чужих пуль, и от своих. Чувства сожаления по поводу того, что он приложил руку к гибели многих ярких и умных людей, что он тоже виновен в трагедии сорок первого года, маршал никогда не испытывал.

После состоявшегося в феврале 1956-го XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и его последствия, ЦК КПСС рекомендовал партийным и советским органам отказаться от сохранения в топонимике имен живых и здравствующих партийных и государственных деятелей. Поэтому в Тюмени улицу Ворошилова переименовали в Циолковского, астронома-мечтателя из Калуги, а улице Буденного вернули имя тюменского рабочего-революционера Кузнецова.

Однако раньше, в 1948 году, вышла в свет книга Дмитрия Медведева «Это было под Ровно», и страна узнала другого Кузнецова — Николая Ивановича, разведчика в тылу немцев и отважного мстителя фашистским оккупантам, Героя Советского Союза. В 1926 году он учился в тюменском сельхозтехникуме. Многие тюменцы ошибочно посчитали, что в названии переименованной в очередной раз 1-й Казачьей улицы увековечена память об этом Кузнецове, погибшем 2 марта 1944 года в бою с гитлеровскими пособниками — украинскими националистами (бандеровцами), а не о Кузнецове, расстрелянном колчаковцами рабочем-депутате.

Позднее, в 1967 году, на здании бывшего сельхозтехникума (ул. Республики, 7) укрепили мемориальную доску, а во дворе установили бюст знаменитого земляка.

Имя маршала Буденного после его смерти в 1973 году в возрасте 90 лет вновь появилось в топонимике Тюмени — такая улица находится в поселке Антипино.

Федоровы

Улица Федорова в Тюмени названа в память Героя Советского Союза. Но среди героев земли тюменской Федоровых двое.

Николай Григорьевич Федоров родился в 1918 году в деревне Сорочкиной Ишимского района в большой и дружной крестьянской семье. В 1930-м во время коллективизации сельского хозяйства Федоровых выгнали из родного дедова дома. Объявили: «Идите на все четыре стороны». Пришлось скитаться по окрестным селам, Николаю и сестрам приходилось просить милостыню. По их словам, «было обидно и стыдно». Односельчане упростили местную власть вернуть их назад, правда, принадлежавший им дом не отдали. Глава семьи умер в 37 лет — годы скитаний не прошли бесследно. Николай окончил школу-семилетку и работал трактористом в колхозе «Красноармеец». В 1939 году его призвали в армию и отправили на советско-финляндскую войну. Потом — Великая Отечественная... В июле 1941-го тяжело ранен под Смоленском. После госпиталя окончил в Томске артиллерийское училище — стал лейтенантом, командиром огневого противотанкового взвода 76-миллиметровых пушек. Отличился в боях за освобождение Белоруссии. Золотую звезду Героя Советского Союза получил за прорыв через реку Шпрее у немецкого города Биген в апреле 1945-го.

После войны служил в Германии и в Сибири. Когда в 1959-м его стрелковую дивизию — 95-ю Верхнеднепровскую Краснознаменную ордена Суворова — расформировали, перешел в органы местного военного управления — военкомом в г. Заозерном Красноярского края. В октябре 1966 года возвратился в Тюмень, где возглавил городской военкомат, который размещался в двухэтажном деревянном здании с печным отоплением на углу улиц Республики и Орджоникидзе. Во дворе — сборный пункт для призывников, здесь же деревянные дома для семей офицерского состава. В 1967-м это место расчистили под телефонную станцию.

В 1969 году полковник Федоров по состоянию здоровья уволился в запас и работал начальником отдела кадров на моторном заводе до своей смерти в 1976 году.

На доме № 1 по улице Геологоразведчиков укреплена мемориальная доска: «Здесь жил...».

Петр Еремеевич Федоров старше своего однофамильца на четыре года. Он уроженец села Колесниково Заводоуковского

района. Трудился трактористом. В 1936 году направлен на службу в танковые войска. У него была своя «малая война» — с японцами у озера Хасан. Дальше как у всех — Великая Отечественная...

В наградном листе командира 1-го танкового батальона 55-й Гвардейской краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого танковой бригады гвардии майора Федорова есть отметка: «представлялся к званию Героя Советского Союза ранее: в 1943-м под Киевом и в 1944-м за реку Висла».

Золотую звезду героя он получил в апреле 1945-го.

Танковой бригадой командовал гвардии полковник Давид Драгунский, вступивший в 1941-м в первый бой старшим лейтенантом и ставший дважды Героем Советского Союза. Бригада входила в состав 7-го гвардейского Киевско-Берлинского орденов Ленина и Суворова танкового корпуса, в котором 64 танкиста удостоены звания Героя (дважды, кроме Драгунского, еще четверо: Александр Головачев, Николай Горюшкин, Захар Слюсаренко, Семен Хохряков).

К маю 1945 года Вооруженные силы Советского Союза насчитывали 11 миллионов 365 тысяч человек. XII сессия Верховного Совета СССР приняла 23 июня 1945 года (за день до парада Победы) закон о демобилизации в первую очередь 13 старших возрастов. Демобилизация началась 5 июля 1945-го и в основном закончилась к началу 1948-го. Из Вооруженных сил было уволено 33 призывных возраста рядового и сержантского состава — всего (с офицерами) демобилизовано 8,5 млн., армия уменьшилась до 2874000 человек.

С 1957-го танкист Федоров жил в Тюмени, работал в облисполкоме инспектором отдела по труду и социальным вопросам. На доме № 43 по улице Володарского есть мемориальная доска: «...жил... умер в 1993 году». Назвать его именем еще одну тюменскую улицу? По примеру ставшей нарицательной «2-й улицы строителей» была бы «2-я улица Федорова».

Сыновья артиллериста Федорова стали геологами. Младший сын Юрий Николаевич, первый заместитель генерального директора размещенного в Тюмени научного центра нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», рассказал, что герои-однофамильцы поддерживали приятельские отношения. Всегда встречались 9 Мая и поднимали рюмку за Победу.

Делить им было нечего: оба прошли по две войны, гибли на артиллерийских позициях и горели в танках. Отстояли Отечество и остались живы «всем смертям назло».

А улица, как написала в своем сочинении правнучка Николая Григорьевича третьеклассница школы № 5 Тюмени Соня, она в память обо всех Федоровых. Их из 11633 Героев Советского Союза восемнадцать. Девяти Федоровым это звание присвоено посмертно.

Яковлевы

Примыкающие к аэропорту Рошино улицы носят «авиационные» названия: Самолетная, Планерная... И только одна — фамильная.

В годы Великой Отечественной войны две трети советской истребительной авиации составляли самолеты авиаконструктора Александра Яковлева. На истребителях Як-3 воевали и французские летчики 1-го краснознаменного ордена Александра Невского истребительного авиаполка «Нормандия—Неман».

С мая 1944-го в составе этого полка сражался с немцами лейтенант Леон Углофф, уроженец села Троицкого Тюменского уезда (сейчас Нижнетавдинский район). Пока загадка: как он после 1919 года оказался во Франции, получил там французское гражданство и окончил авиашколу ВВС? На самолете Яковлева наш земляк Леонтий Углов, так называли его при рождении 4 октября 1919-го, одержал пять побед (из них четыре в группе). Последний «фоккер-190» он сбил 27 марта 1945-го под Пиллау (сейчас Балтийск). Всего летчики «Нормандии—Неман» уничтожили 273 самолета противника. Леонтия—Леона наградили орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». 20 июня 1945-го французские летчики на 41 подаренном советским правительством Як-3 вернулись на родину. Через два года лейтенант Углофф погиб в небе над столицей Марокко Рабатом. Самолет упал в Средиземное море.

Заслуги создавшего серии военных гражданских винтокрылых и реактивных самолетов генерал-полковника авиации Яковлева были достойно отмечены государством: две звезды Героя Социалистического Труда (1940, 1957), 10 орденов Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени,

Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Ленинская, Сталинская и Государственная премии (всего девять). Бюст в Москве на Ленинградском проспекте и улица в Тюмени, где знаменитый авиаконструктор никогда не был.

Но в нашем городе окончил железнодорожное училище и работал помощником машиниста тепловоза еще один Яковлев — Анатолий.

В 1968-м его призвали на военную службу в пограничные войска на границу с Китаем.

Тогда перед пограничниками 57-го пограничного отряда, находившегося в стадии формирования, стояла практически невыполнимая задача — малыми силами, не применяя оружия, раз за разом вытеснять с советской территории претендовавших на нее китайцев. Эти столкновения быстро перерастали в драки, в ход шли палки, колья и дубины. Запрещено было только одно — стрельба.

Утром 2 марта 1969 года пограничники во главе с начальником заставы в рыбацком селении Нижнемихайловка старшим лейтенантом Иваном Стрельниковым привычно потребовали от китайцев оставить необитаемый остров Даманский — весной его практически полностью заливала река Уссури. Вместо ответа китайцы открыли огонь...

Когда подоспел с подмогой начальник соседней заставы старший лейтенант Виталий Бубенин, двадцать два советских пограничника уже были расстреляны в упор.

К исходу первого часа боя Бубенин был ранен и контужен при разрыве мины, но из боя не вышел. При абсолютном численном превосходстве китайцы ничего не смогли сделать с небольшой группой советских пограничников. Ни один из них не сплеховал, ни один не поддавался панике, ни один не отступил, хотя шанс выжить был минимальным.

Когда бронетранспортер Бубенина подбили китайские артиллеристы, раненый и контуженный офицер пересел в бронетранспортер погибшего Стрельникова и ворвался с фланга в расположение китайцев — прямо на их командный пункт. Безостановочно строчивший крупнокалиберный пулемет рассекал вражьи цепи, китайцы дрогнули и побежали.

Через день в Имане (нынешнем Дальнереченске), где квартировало командование погранотряда, прошли первые похороны. Почему-то в Москве решили, что китайцы больше не поле-

зут. И допустили непростительную ошибку, за которую опять пришлось заплатить кровью наших пограничников.

С самого утра 15 марта 1969 года при поддержке артиллерийского и минометного огня китайцы пошли в наступление. Под напором превосходящих сил противника пограничники, не имевшие тяжелого оружия, отошли. Китайцы заняли остров Даманский. Войскам Дальневосточного военного округа было запрещено вмешиваться в инциденты на границе: использование армии — это уже война...

Не располагавшие силами и средствами для общевойскового боя пограничники пошли в контратаку. Китайцы подбили бронетранспортер, в котором находился Толя Яковлев. Он выбрался из горящей машины и огнем из автомата прикрыл отход раненых товарищей. Пуля китайского снайпера попала ему в голову.

Только поздно вечером, после целого дня боев, Москва разрешила военным использовать ракетные установки залпового огня «Град». После десятиминутной обработки острова ракетами китайцы отошли.

Наши потери составили 58 человек убитыми и 94 тяжелоранеными... В бою погиб командир отряда полковник Демократ Леонов. В Тюмень и Тобольск ушли «похоронки» на Анатолия Яковлева, Юрия Ахметшина, Александра Шестакова, Владимира Кобзева.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 июля 1969 года рядовой Яковлев был награжден посмертно медалью «За отвагу». Его именем назвали тепловоз и внесли в книги почета Государственного комитета РСФСР по профессионально-техническому образованию и Тюменской городской комсомольской организации. В сквере у административного здания депо станции Тюмень (ул. Привокзальная, 3) в память о нем установлен мемориальный знак.

Через полгода после боестолкновения Даманский отдала Китаю. Китайцы назвали его Чжэньбаодао, засыпали протоку между берегом и островом, и теперь о событиях сорокалетней давности напоминают лишь могилы советских пограничников в центре Дальнереченска.

Историк Леонид Млечин считает, что тогда китайское руководство не хотело большой войны с Советским Союзом. Но если бы старшие лейтенанты Стрельников и Бубенин, другие погра-

ничники, сражавшиеся в марте 1969 года на острове Даманском и 13 августа того же года на высоте Каменной заставы Жанашколь в Казахстане (там было разбито китайское диверсионно-разведывательное подразделение численностью 80 человек), не проявили поразительные мужество, стойкость и готовность, если надо, умереть в бою, то у китайцев вполне могло возникнуть желание вновь и вновь проверить штыком прочность советских границ.

Поэтому улица Яковлева в пригороде Тюмени стала не только воплощением памяти об одном из создателей оружия победы в Великой Отечественной войне, но и гордости за 19-летнего парня, доказавшего ценой жизни способность другого поколения советских людей защитить этим оружием честь и достоинство своего Отечества.

Малыгины

Когда-то улица Малыгина называлась 5-й Кузнечной. Новое название она получила в 30-е годы XX века, когда советская республика продолжила осуществление традиционной русской идеи освоения восточных и северных районов страны. Зародилась она еще в XVI веке при Ермаке Тимофеевиче. Научно ее сформулировал Михайло Ломоносов: «Могущество российское Сибирью прирастать будет». К реализации этой идеи приложили свои усилия участники великих северных экспедиций, проводившие в XVIII веке исследования Северного морского пути, побережья Сибири, Дальнего Востока и северо-западной Америки.

Экспедиционные морские и сухопутные отряды возглавляли офицеры русского флота С.И. Челюскин, Х.П. Лаптев, Д.Я. Лаптев, А.И. Чирков, С.Г. Малыгин...

Исследователь Арктики капитан-командор Степан Малыгин не только составил карту северного побережья от реки Печоры до реки Оби, но и отличился, командуя боевым кораблем в Русско-шведской войне (1742—1743). Он же разработал в 1733 году первое руководство по навигации на русском языке и был капитаном порта в Риге.

В советское время именами полярных исследователей Малыгина, Челюскина, Сибирякова, Седова называли ледокольные пароходы.

В 1934 году «Малыгин» участвовал в спасении экипажа и пассажиров «Челюскина», раздавленного 13 февраля льдами в Чукотском море. Кроме ледоколов в спасательной операции использовались дирижабли, аэросани, ездовые собаки и даже шары-прыгуны. Но основная ставка была сделана на авиацию. И она оправдала надежды: через два месяца, 13 апреля, всех челюскинцев вывезли самолетами с льдины на материк.

Потом было триумфальное возвращение полярников в Москву. Поезд, разукрашенный яркими полотнищами и портретами Сталина, шел через всю страну, и на каждой остановке собирались тысячи людей, чтобы поприветствовать участников героической эпопеи. В Тюмень челюскинцы прибыли 17 июня, в воскресенье. На устроенном по этому случаю митинге объявили о переименовании фабрики валяной обуви «Угольник» и улиц — так в нашем городе появились улицы Челюскинцев (бывшая Иркутская), начальника экспедиции Отто Шмидта и летчиков-спасателей, ставших первыми Героями Советского Союза, — Каманина, Доронина, Леваневского, Слепнева. Тогда же названия северных морей и ледокольных пароходов «Малыгин», «Седов», «Сибиряков» изменили тюменскую «кузнечную» топонимику. После 1957 года некоторые улицы с «челюскинскими» названиями исчезли, но остались Северная, Сибирская, Карская, Таймырская... «Ледокольные» названия сохранили лишь улицы Малыгина и Седова.

В очередной раз фамилия Малыгина прославилась в ночь на 8 августа 1941 года. При катастрофическом положении на фронтах, когда немцы, захватив Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, Западную Украину, рвались к Киеву и Смоленску, откуда шла прямая дорога на Москву, Сталин приказал нанести бомбовый удар по Берлину. Но даже самая дальняя бомбардировочная авиация уже не могла с оставшихся у нас аэродромов долететь до столицы Германии. Горючего не хватило бы даже в один конец.

Возможный выход отыскивали в заходе на цель со стороны Балтийского моря — бомбардировщикам ДБ-3 предстояло провезти в воздухе не менее восьми часов. Среди летчиков полка бомбардировочной авиации Балтийского флота под командованием полковника Преображенского, стартовавших с островного аэродрома на Сааремаа, был капитан Василий Малыгин. До 4 сентября 1941 года наши самолеты произвели четыре налета

на Берлин. Потом это стало невозможным — гитлеровцы захватили остров Сааремаа. Тем, кто первым долетел до столицы фашистской Германии, накрыл ее бомбами и благополучно вернулся на базу, присвоили 16 сентября 1941-го звания Героя Советского Союза. Летчик Малыгин служил в авиации до 1954 года. Умер в 1976-м в Москве. Долгое время имена участников этой операции были неизвестны и являлись одной из тайн Великой Отечественной войны.

Еще один Малыгин родился в 1925 году в селе Верхнебешкиль Исетского района. С войны вернулся с тремя (!) медалями «За отвагу». Работал до 1981-го бурильщиком и буровым мастером в тюменской геологоразведке. Принимал участие в открытии многих нефтяных месторождений, в том числе знаменитого Самотлора. Семен Лукич был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

На стене дома № 161 по Московскому тракту есть мемориальная доска, извещающая, что здесь жил Малыгин Григорий Алексеевич, Герой Советского Союза. Только не имеет он прямого отношения к Тюмени: родился в 1922 году в д. Суслово Липецкой области. В сентябре 1941-го его мобилизовали в армию. В апреле 1945-го при штурме Кенигсберга (сейчас Калининград) сапер из 126-й стрелковой дивизии 43-й армии 3-го Белорусского фронта взорвал капонир форта № 5, обеспечив путь наступающим советским войскам. Через десять дней ему присвоили звание героя. После войны демобилизовался и жил в г. Ельце Липецкой области. В Тюмень приехал в 80-е годы к родственникам, получил здесь квартиру и возвратился на родину.

Так улица Малыгина соединила в своем названии память об участниках разных событий нашего прошлого — далекого и недавнего.

Что видит краевед в зеркале истории?

Вместо заключения

Александр Антонович Петрушин — один из тех сравнительно немногих исследователей, кто с 90-х годов открывает читающей публике страницы подлинной новейшей истории края.

Тексты Петрушина многих шокировали непривычными трактовками событий и оценками. Еще бы, со школьных лет нас приучили смотреть на Гражданскую войну как на яркую героическую картину, снабдив набором стереотипов: Чапаев, матрос Железняк, Каховка... Петрушин в своей книге «На задворках Гражданской войны», написанной на основе архивных документов, дегероизировал Гражданскую войну, представив реальных действовавших в ту пору людей, факты и пружины событий. Народу много лет внушали, что это была борьба за осуществление коммунистической идеи, книга же склоняет к мысли, что, скорее, за вполне осязаемые материальные ценности: хлеб, деньги, имущество, золото... Анализируя документы, автор снимает хрестоматийный глянец с некоторых лиц, однажды назначенных «беззаветными борцами за народное счастье», и показывает их по-другому. «И сейчас... есть люди, — пишет он, — которые считают, что в условиях гражданской войны (оказания интернациональной помощи, восстановления конституционного порядка, антитеррористической операции, принуждения к миру) можно и нужно действовать так, как действовали Запкус, Хохряков, Пейсель, Сенькин, Мандельбаум... Не считаясь ни с законом, ни с моралью».

Чтение статей и книг Александра Петрушина помогает нам осознать трагизм российской истории XX века. Гражданская война в Западной Сибири, как во всей России, отозвалась долгим эхом, перейдя в продолжительную «холодную» фазу. В ее отголосках — повсеместном ограничении прав состоятельных граждан, раскулачивании и ссылках, физическом уничтожении «бывших» и прочих способах притеснения и преследования — та же логика враждебности. Многочисленные факты этой граж-

данской междоусобицы засвидетельствованы как в упомянутой книге, так и в изданной ранее его работе «Мы не знаем пощады...», в публикациях в журналах «Родина», «Мир Севера», «Югра», «Полярная сова», местных газетах, выступлениях на научных конференциях и телевидении.

Работы Александра Петрушина как бы приглашают нас к самопознанию, которого мы, пребывая во власти стереотипов, долгое время избегали, к переоценке ценностей. И до сих пор мы не хотим взглянуть на себя взыскательным взглядом, ищем виноватых в застарелой неустроенности нашей жизни где-то на стороне.

Наши ошибочные самооценки не в последнюю очередь идут от неверного понимания, да и от нежелания знать наш исторический путь — откуда что происходит. И спасибо исследователям, открывающим нам глаза на прошлое российского народа, предлагающим осмыслить его.

А Александр Антонович Петрушин продолжает работать. В соавторстве с Рафаэлем Гольдбергом на основе рассекреченных архивных документов изданы четыре тома книги «Запрещенные солдаты» — о наших земляках, оказавшихся во время Великой Отечественной войны по разным причинам во вражеском плену. К 425-летию города Тюмени завершена работа над книгой «Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова». Ждет своего часа четвертая, заключительная, часть чекистской саги «На задворках Гражданской войны», из которой мы узнаем наконец места сокрытия ценностей сибирского Белого движения.

Доброго здоровья Вам, дорогой Александр Антонович, и новой плодотворной работы.

*Валерий Белобородов,
читатель и краевед*

Содержание

Об авторе	3
Что в имени твоём, Россия?	4
К святым почтения нету	4
О «стольпинском галстуке» и «сталинском порядке»	7
Кто народу любезен	12
Кто из тюменцев тюменцам ближе	15
Парни из нашего города	15
Тюмень толерантная	17
Как Сибирь Польшей прирастала	18
«Бывшие польские граждане»	18
Другая война	20
«За вашу и нашу свободу!»	24
Незавидная область	26
Гадание на секретной гуще	30
Новое яичко: не золотое, а... нефтяное	32
Привет от старого моряка	34
Цифровой код Тюмени	36
25	36
26	43
28	50
«На той далекой, на Гражданской...»	55
Где кончались рельсы	55
Красные и белые	57
«В два счета»	58
Вода холоднее штыка	61
Война с мертвыми	63
Маршал и его улицы	65
«Реввоенсовет нас в бой ведёт...»	66
Волочаевские дни	68
Как вас теперь называть?	69
На сопках Маньчжурни	71
«Не судите, да не судимы будете»	72
Победители или побежденные	76

С «Интернационалом»	78
«...На горе всем буржуям мировой пожар раздуем»	78
Добровольцы или наемники?	79
За деньги или за идею?	81
Островок России — Харбин	82
Интернационалисты в ЧК	84
«Даешь Варшаву! Даешь Берлин!»	86
Право на интервенцию	91
Афганские грабли	95
Министерство мировой революции	98
Долги наши... Интернациональные	101
Именем «Госпара»	111
Как корабль назовешь...	111
Великая речная война	112
Адмиральский час	114
Секретный фарватер	115
Тайна парохода «Иртыш»	117
Герой-одиночка	119
Под чужим именем	121
Ваше благородие господин... чекист	124
По гудку	128
Тайны улицы Ленина	131
«Живее всех живых...»	131
Несовместимость	136
Дивизия энская, дивизия тюменская	137
Тюменские курсанты	140
Секретный Ленин	142
Крымское золото Спасского собора	144
Память и памятники	147
Удивительный, но неразгаданный человек	150
Рукопись, найденная на свалке	158
Герои минувших дней	158
«Товарищ Андрей»	159
Где эта улица	161
Жандармы в Тюмени	163
«Умели пить в Тюмени...»	164
«Такой был режим»	165
О Распутине и других	170

«Черные кабинеты», агенты и «столыпинские галстуки»	173
«Что вам сказать еще о Тюмени?»	175
Где искать клад Распутина	178
Дорогие поцелуи	178
Тайны монастырских подворий	180
Сундук мертвеца	184
Заклятое место	184
У черта на куличках	187
Полковой денежный ящик	188
Утопленник из НКВД	189
Заклятый клад	190
Садовая улица Железного Феликса	192
«Заставил полюбить»	192
«Смертельно устал жить»	194
Садить или сажать	197
На углу Ишимской и Томской	203
С чекистским мандатом	203
Золотое искушение	206
Как убивали архиепископа	207
Преступление без наказания	208
Улица «железного наркома»	210
Прерванный полет	217
Возвращение Павлика	222
Призрак лагеря «Алые паруса»	222
Мальчик из Герасимовки	224
История или мифотворчество	229
Время партизан	233
Дипломат или партизан	233
Партизаны «затерянного мира»	240
Свои или чужие	243
Ахтунг! Партизанен!	248
«Партизанская» литература и кино	254
О Чапаеве и чапаевцах	257
Лжепартизаны	265
Наши в оккупированной Европе	269
Возвращение партизан	271

Реабилитированные улицы	276
Милитаризованное сознание	276
По постановлению ЦК	281
Ни за красных, ни за белых	283
Без лагерных названий	285
Секретный узник ЦК КПСС	286
Реабилитации подлежат	288
Непокорная улица	291
Как Ямская не стала Печенгской	291
На Оштинском рубеже	291
Выпьем за Сталина	293
Выпьем и закусим	295
Под красным знаменем	296
По просьбе ветеранов	301
Одна на всех	303
Кузнецовы	303
Федоровы	306
Яковлевы	308
Малыгины	311
<i>В. Белобородов. Что видит краевед в зеркале истории?</i>	
Вместо заключения	314

Петрушин Александр Антонович

**Тюмень без секретов,
или Как пройти на улицу Павлика Морозова**

Фото Виктории Самусь

Книга издана при поддержке хороших людей:

Владимира Юрьевича Пискайкина,
депутата Тюменской городской думы,
председателя Тюменского регионального отделения
политической партии «Справедливая Россия»;

Виктора Ивановича Рябкова,
генерального директора ОАО «Газснаб»;

Петра Валентиновича Журавкова,
генерального директора ЗАО «Синтра»

Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 06.09.2010.
Формат 84x108/32. Гарнитура «PeterburgC».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 13,654 + 0,3. Усл.-печ. л. 16,6 + 0,42. Тираж 1000.
Заказ №1594.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 10/2.
Тел. 8 (922) 48-369-48.
e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Отпечатано в ООО «ПК «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106. E-mail: zpress@zaural.ru

70p

НОВАЯ ЦЕНА
70 руб — коп

Александр Антонович Петрушин хорошо знаком постоянным читателям журнала «Родина» прежде всего по статьям об истории сокрытия на Обском Севере ценностей сибирского Белого движения. Большой патриот малой родины, в своих публикациях он дает новую историческую оценку известных, малоизвестных и неизвестных событий из истории Тюменского края по материалам ВЧК—ГПУ—НКВД—КТБ.

Автор документальных фильмов о ссылке в Обдорск актеров МХАТа, о правде и домыслах жизни Павлика Морозова, о главной тайне разведчика Николая Кузнецова

А.А. Петрушин отметил свой юбилей новой книгой «Тюмень без секретов».

Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество и желаем юбиляру здоровья, счастья и удачи.

Редакция журнала «Родина»